

Л. И. ГОЛЬМАН

ЭНГЕЛЬС • ИСТОРИК

Л. И. ГОЛЬМАН

ЭНГЕЛЬС
• ИСТОРИК

Л. И. ГОЛЬМАН

ЭНГЕЛЬС • ИСТОРИК

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1984

ББК 63+13.27
Г63

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Г63 Гольман Л. И.
Энгельс-историк. — М.: Мысль, 1984. — 416 с.,
1 л. портр.
В пер.: 1 р. 90 к.

В монографии рассматриваются основные этапы творчества Энгельса как историка, его вклад в развитие исторического материализма, а также анализируются метод и сущность исследования Энгельсом узловых проблем всемирной истории, разработка Энгельсом научной периодизации всемирной истории, его материалистические взгляды на историю первобытного и античного общества, освещение им общих проблем феодализма, генезиса и развития капитализма, проблем освободительного движения народных масс, в первую очередь пролетариата.

Подобное исследование делается впервые.

Г $\frac{0103010000-017}{004(01)-84}$ 46-84

ББК 63+13.27
9

ВВЕДЕНИЕ

В творчестве Ф. Энгельса — великого пролетарского ученого — чрезвычайно важное место занимает научная деятельность в области изучения истории. Результаты этой деятельности были весьма плодотворны. Она значительно продвинула вперед исследование исторических явлений с диалектико-материалистических позиций, принесла неоспоримые доказательства правильности открытого К. Марксом при участии Ф. Энгельса материалистического понимания истории, способствовала конкретизации и обогащению этого понимания, развитию исторического материализма как теории исторического процесса и метода его анализа. Друг и соратник Маркса, рука об руку с ним разрабатывавший диалектико-материалистическую философию и теорию научного коммунизма, участвовавший в создании политической экономии рабочего класса, с полным правом считается одним из основоположников марксистской исторической науки.

Освещение творчества Энгельса-историка имеет большое значение для дальнейшей разработки его научной биографии и истории марксистской мысли в целом. Систематическое изучение его наследия, оставленного им в этой отрасли знания, важно для изучения формирования и развития марксистского направления в историографии, для выяснения той революционизирующей роли, которую оно сыграло в прогрессе исторической науки. При этом к историческому творчеству Энгельса, как и Маркса, нельзя подходить с узкой меркой, ограничиваясь анализом только тех его произведений, которые были написаны непосредственно на исторические темы. Историзм был органически присущ мировоззрению и методу Маркса и Энгельса. Любое явление природы и общественной жизни они стремились рассмотреть в процессе исторического возникновения и развития. Именно это они имели в виду, когда писали в «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории»¹. Занимался ли Маркс политической экономией, а Энгельс философией, естествознанием, военным делом или каким-либо другим предметом, изуче-

ние его генезиса и эволюции постоянно составляло существенную часть исследования. В результате этого раз- работка Марксом и Энгельсом многих областей знаний приводила и к обогащению исторической науки. Их эконо- мические, философские, военные и другие труды, не говоря уже о работах, посвященных текущей политике, являлись часто одновременно и трудами по истории.

Освещение роли Энгельса как историка в ее полном объеме важно и актуально еще и потому, что эта роль по сей день либо замалчивается, либо крайне принижается представителями буржуазной, а также реформист- ской историографии. Такое отношение к Энгельсу анти- марксистских историков стало до некоторой степени традиционным, являясь одной из форм борьбы идеоло- гов буржуазии против марксизма-ленинизма. Так, автор широко распространенного пособия по историографии нового времени Эдуард Фютер, уделив в разделе о геге- левской школе несколько строк Марксу с оговоркой, что выдвинутое им материалистическое понимание исто- рии не нашло якобы обоснования ни в одном сколько- нибудь значительном историческом труде, имя Энгельса вообще не удостоил упоминания².

Полностью игнорировал исторические труды Маркса и Энгельса в своей изданной в 1913 г. работе об исто- рической науке XIX в. известный английский буржуаз- ный историк Джордж Гуч. Лишь в написанном 40 лет спустя предисловии к изданию 1952 г. своей книги он упомянул марксизм, однако только в резко отрицатель- ном смысле, заявив, что в России после 1917 г. в обла- сти исторической науки «марксистская болезнь парали- зовала объективные исследования»³. Американский ав- тор работ по историографии, Гарри Барнс, один из тех буржуазных историков, которые стремятся свести исторический материализм к экономическому детерми- низму и ограничить заслуги Маркса выявлением поро- ков лишь раннего капитализма (до середины XIX в.)⁴, Энгельса также вычеркнул из списка сколько-нибудь видных историков и социологов.

В работе по немецкой историографии известного не- мецкого историка Георга фон Белова упоминания имен Маркса и Энгельса всякий раз сопровождаются выска- зываниями, умаляющими значение их метода и вклада в науку. Белов утверждает, что они якобы не были ори- гинальными мыслителями, что будто бы многие их предшественники и современники не хуже их понимали

и с более плодотворными результатами изучали действие экономического и социального факторов в истории. Неприязнь к марксизму доводит этого маститого буржуазного историка и историографа до нелепых попыток противопоставить в этом плане Марксу и Энгельсу ряд историков-идеалистов вроде реакционного романтика А. Мюллера, идеолога феодального социализма Т. Карлейля, пруссофила и апологета Бисмарка Г. Зибеля и др. Энгельса Белов вообще пытался изобразить крайне поверхностным ученым, подходившим к истории якобы чисто утилитарно, пропагандистски⁵.

В современной буржуазной и реформистской литературе также нет недостатка в попытках бросить тень на научную деятельность Энгельса и в целом, и в области изучения истории, представить его простым популяризатором работ Маркса, Моргана и других исследователей, не внесшим ничего оригинального в историческую науку и проявившим нежелание и неумение пользоваться историческими источниками. Такую тенденциозную версию вслед за ревизионистом Г. Кунновым, высказавшим ее в 1920 г. в своей книге о марксистской теории истории, общества и государства, распространяет в еще более утрированном виде автор статьи об интерпретации учения Моргана Марксом и Энгельсом фрейбургский историк Э. Лукас. Известную дань этой концепции отдал и один из комментаторов книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», У. О. Хендерсон, в том числе и в своей двухтомной биографии Энгельса, освещающей другие стороны деятельности Энгельса довольно объективно⁶.

Характерным для современных буржуазных авторов стало стремление приписать Марксу и Энгельсу расхождение во взглядах, противоречия в толковании не только природных, но и общественных явлений, в частности истории первобытного общества, в методологии их исследования. Примером подобной фальшивой интерпретации воззрений основоположников марксизма являются работы американских социолога и политолога Нормана Левина «Трагический обман. Маркс против Энгельса» и этнографа Лоуренса Крейдера «Сравнительная характеристика работ Маркса и Энгельса по этнологии»⁷.

Социал-демократический историк Ганс Йозеф Штейнберг в очерке об Энгельсе, напечатанном в изданной в ФРГ многотомной серии «Немецкие историки», поставив

его в один ряд с крупными представителями немецкой исторической науки — в этом уже был значительный шаг вперед, в то же время проявил характерную озабоченность, чтобы его роль как историка не была преувеличена. Стремление в полной мере отобразить заслуги Энгельса в этой области равносильно в глазах Штейнберга попыткам возвести его в ранг христианского святого, агиографически представить автором, написавшим всю историю человечества с марксистских позиций. Чистоту этих позиций Штейнберг также ставит под сомнение. Воспроизводя избитые обвинения в адрес Энгельса в упрощении марксистского учения, в том числе исторического материализма, он утверждает, будто Энгельс своим «*Анти-Дюрингом*» положил начало «*вульгаризации марксизма в эпоху II Интернационала*»⁸.

Указанные тенденции по существу нацелены на то, чтобы подорвать ленинское толкование марксизма как единого и цельного учения, доказать, в частности, будто марксистское направление в историографии не отличается единством по своим теоретическим основам и общей концепции исторического процесса.

Рост влияния марксизма, повышение интереса к нему различных общественных слоев, успехи марксистско-ленинской исторической науки, разумеется, побуждают некоторых западных историков более трезво и объективно отнестись к историческим произведениям Энгельса, к отдельным разделам его творчества. Так, среди буржуазных этнографов находятся ученые, например американский историк, этнограф и антрополог М. Харрис, которые вопреки общераспространенной в этих кругах отрицательной оценке взглядов Маркса и Энгельса на первобытную историю отмечают в этих взглядах много правильного и рационального⁹. Автор предисловия к недавно выпущенному американскому изданию работ Энгельса «*Крестьянская война в Германии*» и «*Революция и контрреволюция в Германии*» Леонард Кригер, хотя и не разделяющий материалистическое понимание истории и пытающийся пайти какие-то различия в подходе к истории у Маркса и Энгельса, в целом весьма высоко отзывается о публикуемых произведениях. По его словам, это образцы классической исторической литературы, оригинальные труды, сохраняющие до сегодняшнего дня свое научное значение¹⁰. У некоторых буржуазных историков получили признание и военно-исторические произведения Энгельса. Английские издатели ряда его

военных работ У. Челонер и упоминавшийся выше У. О. Хендерсон отзывались о нем как о писателе, обладавшем «внушительным знанием истории войн»¹¹. Майкл Ховард, один из современных историков франко-прусской войны 1870—1871 гг., опирался в ряде своих суждений на «Заметки о войне» Энгельса¹². Высокую оценку военно-историческому творчеству Энгельса дал западногерманский историк В. Хальвег¹³.

Однако общей линией буржуазной и социал-реформистской историографии все же продолжает оставаться умаление роли Энгельса как теоретика и историка. Даже частичное признание его заслуг в той или другой области истории, как правило, сопровождается открыто или косвенно выраженным несогласием с главным в его научной деятельности — развитием марксистской концепции всего исторического процесса, отстаиванием диалектико-материалистической интерпретации истории в качестве составного элемента всего марксистского мировоззрения.

Марксистско-ленинская историография сделала многое для того, чтобы этому нигилистическому толкованию роли Энгельса в развитии исторической науки противопоставить выяснение его подлинного места в ней. Она при этом опиралась на труды В. И. Ленина, прежде всего на те его работы, в которых показано значение революционного переворота, произведенного Марксом и Энгельсом в понимании истории, и раскрыта органическая связь между всеми главными составными частями марксизма, включая распространение философского материализма на познание человеческого общества и его исторического развития¹⁴. Эти ключевые указания, являющиеся основной предпосылкой для разработки темы «Энгельс-историк», дополняются теми характеристиками, которые В. И. Ленин дал деятельности Энгельса, ее отдельным этапам, его трудам, в том числе историческим, в своей статье-некрологе «Фридрих Энгельс», в своих произведениях, посвященных марксизму, его историческим судьбам¹⁵. Советские и зарубежные марксисты осветили многие стороны творчества Энгельса как историка и в биографических трудах о нем, и в специальных работах о его взглядах на те или другие исторические проблемы, публиковавшихся в сборниках статей, научных журналах, историографических очерках и т. д.¹⁶

Тем не менее следует констатировать, что существующая литература не раскрывает в полном объеме твор-

чества великого соратника Маркса в области исторической науки. В биографических трудах эта тема поневоле затрагивалась бегло, другие работы вообще носят фрагментарный характер, касаясь лишь тех или иных сторон или эпизодов занятий Энгельса историей. Из опубликованных исследований обобщающим, охватывающим эти занятия в целом можно считать лишь очерк Н. Е. Застенкера о развитии исторических взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, вошедший в фундаментальное учебное пособие по историографии нового времени¹⁷. Однако в рамках этой книги автор, естественно, не мог разобрать всех аспектов темы, да и историческое наследие Энгельса не выделено здесь как особый объект исследования, а рассмотрено вместе с наследием Маркса. Перед марксистско-ленинской наукой стоит еще задача дать полную картину исторического творчества Энгельса в систематизированном, комплексном виде, отразив все многообразие этого творчества. Разумеется, это можно сделать лишь в форме монографического исследования или даже нескольких специальных монографий.

В задачу данной книги входит раскрытие главных этапов творчества Энгельса как историка, участия его в революционном перевороте, совершенном марксистской мыслью в понимании общественного развития, его роли в обосновании методологических основ марксистской исторической науки, новой теории исторического познания и в применении новой методологии к разработке узловых проблем всемирной истории. Автор стремился показать характерные черты Энгельса-исследователя, методы его работы с историческими источниками, его вклад в научное источниковедение и в критику буржуазной историографии. Достижений Энгельса в разработке истории отдельных стран и специальных отраслей исторической науки — военной истории, истории науки и общественной мысли и т. д. — автор коснулся лишь бегло, в общем обзоре творчества Энгельса как историка. Более подробному рассмотрению этих проблем он предполагает посвятить специальную монографию.

Часть I

ЭТАПЫ ТВОРЧЕСТВА ЭНГЕЛЬСА КАК ИСТОРИКА

Глава I

Путь к материалистическому пониманию истории

Занятия историей сопровождали всю жизнь Фридриха Энгельса. Они тесно переплетались у него с теоретической работой во всех других сферах знания, с выработкой стратегий и тактики пролетарского движения, с публицистическими выступлениями, с полемикой против идейных противников. Результаты этих занятий находили свое отражение не только в специальных исторических трудах, составляющих весьма обширный раздел литературного наследия Энгельса, но и в работах, посвященных другим наукам — марксистской философии, политической экономии, теории научного коммунизма, а также естествознанию, военному делу, литературоведению и т. д. Почти все эти работы связаны с изучением Энгельсом тех или иных общественных явлений в историческом аспекте, а исторический анализ служит в них одним из средств научного обоснования революционного пролетарского мировоззрения. Поэтому творческий путь Энгельса как историка может быть воссоздан только на основе учета всей его научной и политической деятельности.

Каждый новый период этой деятельности ознаменовывался творческим вкладом в разработку материалистического понимания истории, плодотворным изучением тех или иных конкретных сторон всемирно-исторического процесса с позиций исторического материализма. Каждый этап являлся новой ступенью в развитии взглядов Энгельса на историю, обогащением его опыта историка-исследователя и социолога, совершенствованием самого

исследовательского метода. Вместе с тем расширялась и укреплялась база того наиболее прогрессивного направления в историографии, начало которому было положено основоположниками марксизма.

С тех пор как Энгельс стал идеологом рабочего класса, выбор им объектов исторического исследования определяли отнюдь не чисто академические интересы, а прежде всего потребности партийной борьбы, теоретические и политические задачи развития рабочего движения. Но эти потребности объективно были столь широки и многообразны, что Энгельсу на протяжении его деятельности приходилось изучать многие узловые проблемы всемирной истории, углубляясь порой в далекое прошлое, не говоря уже о постоянном анализе текущих исторических событий. Поэтому творчество Энгельса как историка в целом было чрезвычайно многогранным. При этом Энгельс, как и Маркс, постоянно прокладывал собственные пути в исторической науке, пересматривая и отбрасывая многие традиционные представления, сложившиеся в дворянской и особенно буржуазной историографии, выдвигая принципиально новые исторические концепции. Этот новаторский подход к исторической науке отнюдь не исключал использования ее достижений в трудах предшественников Маркса и Энгельса и современных им прогрессивных ученых разных направлений. Критическое усвоение и творческая переработка исторического наследия составляли характерную черту деятельности Энгельса-историка. К этой деятельности в данной области, как и в других областях общественных наук, вполне применима та общая характеристика, которую дал великому теоретику пролетариата Марксу В. И. Ленин: «Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли»¹.

Исходным пунктом творчества Энгельса-историка явились произведения периода формирования его революционного мировоззрения, перехода от революционного демократизма и идеализма к материализму и коммунизму. Этот период чрезвычайно важен для выяснения генезиса и его исторических взглядов, той духовной эволюции, которая подготовила его в дальнейшем к роли одного из основателей марксистского направления

в исторической науке. Анализ формирования Энгельса как мыслителя и борца под углом зрения становления его взглядов на историю дает возможность проследить, как происходило критическое усвоение Энгельсом идейного наследия прошлого и какие элементы диалектико-материалистической концепции вызревали у него уже на этой стадии².

Однако раннее творчество Энгельса представляет научный интерес и само по себе. Его мысли об исторических явлениях, оценки и характеристики событий и деятелей отражают наиболее прогрессивные взгляды на историю до появления исторического материализма, революционно-демократическую ее интерпретацию, а позднее и подход к ней с позиции складывающегося материалистического и коммунистического мировоззрения. Если о достижениях передовой исторической мысли домарксистского периода можно сказать, что они не утратили своего значения и после того, как марксизм поднял историческую науку на качественно новую ступень, и, наоборот, в свете марксизма стало особенно ясно их прогрессивное содержание, то к историческому наследию молодого Энгельса это относится в первую очередь. Многие его наблюдения и выводы, сделанные в молодости, не только не противоречат последующим, более зрелым и научно обоснованным представлениям, но как бы вписываются в них в качестве некой отправной точки зрения.

* * *

Интерес к истории проявился у Энгельса еще в детские годы. Как и у многих любознательных юношей, одним из главных источников знакомства с ней была художественная литература. Энгельса рано стали волновать яркие эпизоды прошлого, запечатленные в народном творчестве, в творениях великих писателей и поэтов. Дед по матери Бернхард ван Хаар, преподаватель, а потом и ректор гимназии в Хааме, привил ему любовь к античной мифологии. В стихотворении «Моему дедушке», написанном в 1833 г., тринадцатилетний Фридрих упоминал Тесея, Ясона, Геракла, Арнадну, Данаю и других героев греческих мифов, содержание которых охотно рассказывал своим внукам старый эрудит. Приобретенные в детстве знания мифологии Энгельс значительно углубил в Эльберфельдской гимназии, в которой

учился в 1834—1837 гг. Об этом особенно ярко свидетельствует сочиненное им на древнегреческом языке и прочитанное на публичных гимназических торжествах 15 сентября 1837 г. большое стихотворение «Поединок Этеокла и Полиника», сюжет которого был почерпнут им из мифов фиванского цикла. К периоду пребывания в гимназии относится и стихотворение «Сто образов прекрасных зовут издалека», в котором среди героев, пленивших его воображение, юноша называет уже не только литературные и мифологические персонажи — Ахилла, Зигфрида, Фауста, Дон-Кихота, но и исторические фигуры, хотя и овеянные легендами. Он упоминает здесь одного из предводителей крестоносцев, Готфрида Бульонского, мятежного швейцарского крестьянина Вильгельма Телля³.

Увлечение мифологией, литературой, историей расширяло кругозор юноши и способствовало пробуждению вольнолюбивых настроений, критического отношения к той ханжеско-пиетистской среде, которая окружала сына консервативного и религиозного барменского текстильного фабриканта. Недаром особенно близкими ему становились герои — как литературные, так и исторические, — образы которых символизировали не только воинскую доблесть, но и дух бунтарства, стремление идти в бой во имя справедливости, вступаться за угнетенных. Сочувствие греческим повстанцам вдохновило Энгельса в 1837 г. на попытку создать романтическую повесть «Рассказ о морских разбойниках», воспевавшую подвиги греческих корсаров в борьбе с султанской Турцией⁴. В самом выборе материалов для чтения молодой Энгельс очень скоро стал пренебрегать официальными предписаниями и запретами. В письме жене 27 августа 1835 г. Фридрих Энгельс-старший с огорчением сообщал, что он нашел в секретере сына «мерзкую книгу из библиотеки, рыцарский роман из жизни тринадцатого столетия»⁵.

Отношение к истории как к научной дисциплине стало складываться у Энгельса во время обучения в Эльберфельдской гимназии. Обстановка в ней была более прогрессивной, чем в других учебных заведениях тогдашней Германии. Правда, и здесь сказывалось отрицательное влияние религиозной ограниченности и обскурантизма тех чиновничьих и бюргерских кругов, под опекой которых находилось школьное дело. Позднее в «Письмах из Вупперталя» (1839 г.) Энгельс отмечал,

что попечительский совет Эльберфельдской гимназии, состоявший из представителей реформатской (кальвинистской) церкви, при назначении учителей предпочитал «выбрать бездарного реформата, чем *дельного* лютеранина или, что еще хуже, католика»⁶. Однако в гимназии все же имелись знающие и опытные преподаватели. Среди них, по свидетельству самого Энгельса, особенно выделялся учитель истории и литературы Иоганн Кристоф Клаузен. Ему-то юный Энгельс и был во многом обязан своим первоначальным историческим образованием.

Сохранилась составленная Энгельсом, по-видимому в 1835 г., «Тетрадь по древней истории от сотворения мира до Пелопоннесской войны». Она имеет и другое заглавие — «Древняя история по лекциям г-на доктора Клаузена в обработке Фр. Энгельса»⁷. Записи в тетради носят конспективный, но связный характер и охватывают сведения по истории древнейших народов и государств: Индии, Китая, Ассирии, Вавилонии, Мидии, Финикии, Израиля, Сирии, Египта, Аравии, Фригии, Лидии, Персии, Карфагена, Скифии. История Греции излагается подробнее — от древнейших времен до периода Перикла. На полях и на отдельных страницах сделаны разнообразные рисунки, изображающие древние храмы, обелиски, египетские пирамиды, ордера восточных и греческих колонн, «Львиные ворота» в Микенах, персидских воинов времен греко-персидских войн. Составитель конспекта снабдил его также планами и картами древних городов и местностей (Трои, Иерусалима, Карфагена, Аттики, Спарты, Малой Азии времен походов Александра Македонского), схемами сражений (при Фермопилах и при Саламине), вспомогательными синхронистическими и генеалогическими таблицами. Приведенные на полях ссылки на источники, в том числе на Ветхий и Новый завет, сочинения Геродота, Фукидида, Полибия, «Киропедию» Ксенофонта, говорят о пытливости юноши, о стремлении выйти за рамки обычных гимназических учебников.

По содержанию лекции Клаузена и соответственно записи его ученика, разумеется, отображали тогдашнее состояние изучения Древнего Востока и архаического периода Греции в исторической науке, делавшей в этой области первые шаги. Но для этих лекций в целом характерна попытка охватить и систематизировать широкий круг разнообразных исторических явлений, а в от-

ношении истории Греции — удивительное для гимназического курса богатство фактов. Что касается понимания предмета истории, то учитель Энгельса, несомненно, придерживался, насколько об этом можно судить по тетради, передовых для своего времени взглядов. Историю Клаузен отнюдь не сводил к перечню внешних событий, смен династий, завоеваний. В лекциях он старался дать представление о культуре, обычаях, нравах, религии древних народов, об общественной структуре и политическом устройстве различных государств древности, о памятниках искусства и литературы. Ясно прослеживается идущая от французского Просвещения идея культурного и нравственного прогресса как основного содержания исторического развития. Серьезное внимание по тем временам в курсе Клаузена было уделено социальным вопросам (описание каст Древней Индии, социального строя Спарты). В рассуждениях о влиянии природных условий Греции на развитие ее цивилизации ощущается воздействие взглядов Монтескье на роль географического фактора в истории.

Эти идеи усваивал восприимчивый ученик Эльберфельдской гимназии. Его записи отличаются поразительной для юноши такого возраста осмысленностью. С большой четкостью и точностью он воспроизвел факты, излагавшиеся в лекциях, мысли, относившиеся к истолкованию исторических событий.

К сожалению, до нас не дошли другие гимназические работы Энгельса. Мы располагаем лишь сделанными им выписками греческих слов из «Илиады» Гомера с подбором немецких синонимов и пометками на греческой грамматике и на хрестоматии немецкой литературы, включающей и художественные описания исторических событий (например, битвы при Лейпциге 1813 г.)⁸. Однако есть все основания предполагать, что не только древнюю историю, но и другие исторические эпохи Энгельс под руководством такого знающего педагога, как Клаузен, изучал с не меньшей тщательностью.

Осенью 1837 г. Энгельсу по настоянию отца пришлось покинуть старший класс гимназии, а с июля 1838 г. начать самостоятельную жизнь в качестве ученика конторщика экспортной фирмы бременского коммерсанта Генриха Лейпольда. В выданном ему выпускном свидетельстве говорилось, что «по истории и географии у него имеются достаточные, отчетливые познания». Отмечались также его значительные успехи в изучении

латинского, греческого и французского языков, что в не малой степени способствовало и овладению историческими знаниями. Недаром среди латинских авторов, сочинения которых им усваивались «без труда», в свидетельстве был указан римский историк Тит Ливий⁹. Коротче говоря, к моменту переезда в Бремен 17-летний Энгельс уже приобрел довольно солидное историческое образование и навыки работы над исторической литературой и источниками.

* * *

Время, проведенное Энгельсом в Бремене (июль 1838 — март 1841 г.), а затем — после полугодового пребывания в родном Бармене — в столице Пруссии Берлине (сентябрь 1841 — август 1842 г.), где молодой Энгельс служил вольноопределяющимся в артиллерийской бригаде и одновременно в качестве вольнослушателя посещал лекции и семинарские занятия в Берлинском университете, было периодом его бурного духовного созревания — преодолевались религиозные убеждения, внушенные в детстве, вырабатывалось радикально-атеистическое мировоззрение, происходило становление и развитие революционно-демократических взглядов.

Разносторонне одаренный юноша в свободные от работы в конторе часы сумел путем самообразования приобрести самые широкие знания в области литературы, философии, истории. Ярко проявились его феноменальные филологические способности. С легкостью сочинял он многоязычные письма сестре Марии и своим школьным товарищам Вильгельму и Фридриху Греберам. Из этих писем видно, что он владел к этому времени французским, английским, итальянским, испанским, португальским и голландским языками, а кроме древнегреческого и латыни был знаком и с древнееврейским¹⁰.

От несовершенных литературных опытов гимназических лет Энгельс теперь перешел к широкому литературному творчеству. Он сделался постоянным сотрудником органа «Молодой Германии» «Telegraph für Deutschland» (выходил в Гамбурге), опубликовал большую статью в брауншвейгской газете «Mitternachtszeitung für gebildete Leser», писал корреспонденции в штутгартскую «Morgenblatt für gebildete Leser», в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung»¹¹ и в другие издания. Позднее Эн-

гельс сотрудничал в печатных органах младогегельянцев — их берлинском еженедельнике «Atheneum» и лейпцигском журнале «Deutsche Jahrbücher», а с весны 1842 г. стал корреспондентом издававшейся в Кёльне радикальной газете «Rheinische Zeitung», редактором которой с осени этого года стал Карл Маркс. Писал Энгельс очерки, статьи, рецензии, корреспонденции, памфлеты (некоторые из них были изданы отдельными брошюрами) на литературные, философские и политические темы, лирические и сатирические стихотворения, путевые заметки. Такая бурная публицистическая деятельность требовала немалых знаний, особенно в области истории литературы.

В идейном отношении для молодого публициста было характерно тяготение ко всему наиболее прогрессивному, решительный протест против косности и реакции, неприязнь к филистерскому приспособленчеству и половинчатости, что со временем привело его к разрыву с либеральной писательской группой «Молодая Германия», а в рядах младогегельянцев побудило занять место на крайнем левом фланге. Энгельс смело ввязывался в кипевшие тогда в Германии литературные и философские споры, отражавшие острую политическую борьбу. Сложившийся к 1841 г. революционный демократизм Энгельса был весьма радикального, якобинского толка. В сатирической поэме «Библии чудесное избавление...» он сам называл себя «монтаньяром»¹². Ненависть к деспотизму, к монархической форме правления, к сословным привилегиям, республиканские убеждения, отстаивание демократических свобод — таковы были черты сформировавшихся у него политических взглядов. При этом он был сторонником революционного способа устранения социальных и политических преград к объединению раздробленной Германии и освобождения немцев от тяготившего над ними абсолютистско-феодального гнета. «Мы остаемся при нашем требовании: никаких сословий, а лишь великая, единая, равноправная нация граждан!»¹³ — так в статье «Эрнст Мориц Арндт» молодой Энгельс в конце 1840 г. формулировал свое тогдашнее кредо.

Весьма рано пробудилось у Энгельса сочувствие к угнетенным и обездоленным слоям общества. Уже в одном из своих литературных дебютов, в очерках «Письма из Вупперталя» (1839 г.), он ярко описал нищенские условия жизни рабочих и ремесленников Бармена и

Эльберфельда, заклеив корысть и лицемерие фабрикантов, сочетавших суровую эксплуатацию своих наемных рабов с ханжеской проповедью воздержания и религиозной морали. В корреспонденции «Поездка в Бремерхафен» (июль 1840 г.) Энгельс с горечью писал о немецких бедняках, преимущественно из крестьян, решившихся эмигрировать в Америку. Он отмечал, что не только голод и нищенское существование, но и бесправное положение, вымогательства помещиков, самоуправство патримониальных судов и другое наследие крепостной зависимости вынуждают немецкого крестьянина покидать родину.

Не прошел молодой Энгельс и мимо первых симптомов классового протеста формирующегося немецкого пролетариата, нашедших свое выражение в создании и деятельности тайных союзов ремесленных подмастерьев. Одна из статей Энгельса в «Allgemeine Zeitung» (от 7 ноября 1840 г.) была специально посвящена этой теме. В ней Энгельс отмечал тягу к объединению среди немецких ремесленников и особенно странствующих подмастерьев, распространение среди них духа товарищества (*esprit de corps*), вызванного, в частности, сознанием необходимости коллективного отпора произволу мастеров и цеховых заправил. С другой стороны, указывал Энгельс, нельзя отождествлять их с тайными рабочими обществами Парижа ввиду совершенно разного уровня развития немецких подмастерьев и «парижских *ouvriers*»¹⁴.

Таким образом у Энгельса рано стало складываться представление о том, что существующий мир страдает не только от политического, но и от социального неравенства. Это представление, по всей вероятности, пробудило у Энгельса в 1842 г., еще до отъезда в Англию, интерес к социалистическим, тогда еще утопическим, учениям¹⁵.

Мировоззрение Энгельса в рассматриваемые годы в целом формировалось под влиянием передовых политических и философских течений: радикализма Л. Бёрне, философии Г. В. Гегеля и младогегельянцев, атеизма Б. Бауэра, позднее философских идей Л. Фейербаха. Он вбирал все лучшее, что было в учениях предшественников и современников, не путем простого усвоения этих взглядов, а посредством творческого синтеза и в во многих случаях собственной весьма радикальной их интерпретации. Значительную роль в этом

процессе играло изучение Энгельсом истории и складывавшееся у него понимание ее сущности.

В бременский период Энгельс познакомился с трудами многих известных историков. Из письма Ф. Греберу от 9 декабря 1839 — 5 февраля 1840 г. видно, что он хорошо знал 4-томную «Всеобщую историю» Карла Роттека — работу, проникнутую либеральными тенденциями и отразившую влияние французского Просвещения. Был он знаком и с сочинениями другого авторитетного автора — Леопольда фон Ранке, однако, как явствует из упомянутого письма, отнюдь не относил этого весьма консервативного историка к числу *superos* (великих). Осенью 1840 г. он читал «Историю Гогенштауфенов и их времени» Ф. Раумера, автора, умевшего живо передавать бытовые черты эпохи, хотя ему и было присуще романтическое приукрашивание средневековья¹⁶. Интересовался Энгельс работами, посвященными событиям недавнего времени, в частности литературой о польском восстании 1830—1831 гг. (он называл его «славным восстанием»). В письме В. Греберу 8 октября 1839 г. он называет прочитанную им книгу участника восстания, польского патриота Романа Солтыка, ставя ее значительно выше сочинения на данную тему Ф. И. Смита, выразителя официальной точки зрения правящих кругов царской России и Пруссии¹⁷.

Постоянное обращение Энгельса к истории было связано также с его литературоведческими занятиями. На исторические сюжеты были написаны многие произведения писателей «Молодой Германии», которые Энгельс разбирал в своих критических статьях. Интересовавшие его немецкие народные книги восходили к средневековому фольклору. Отзывы о событиях нового времени он черпал в произведениях таких писателей и поэтов, как Г. Гейне, Л. Бёрне, Э. М. Арндт, К. Иммерман, А. Платен и др. Неудивительно, что в кругу своих сверстников в бременском клубе молодых служащих Энгельс резко выделялся эрудированностью в области истории. «Я сражаюсь в качестве знатока древности, средних веков и современной жизни, в качестве грубияна и т. д.»¹⁸, — писал он В. Греберу 30 июля 1839 г. о своем участии в спорах, которые велись в этом клубе.

Особенно большое влияние на формирование не только философских, но и исторических взглядов Энгельса оказали в то время младогегельянец Д. Штраус и сам Г. В. Гегель. Изучение книги Штрауса «Жизнь Иисуса»,

с которой Энгельс познакомился еще весной 1839 г., явилось для него важной вехой на пути к атеизму. Эта работа, доказывавшая, что евангельские чудеса были продуктом мифотворчества первых христианских общин, способствовала углублению интереса Энгельса к истории христианства, вводила его в круг сложных проблем истории античности, учила искать в историческом прошлом аргументы для идеологических дискуссий, которые в те годы в Германии часто облекались в форму теологической полемики. Наконец, она вызвала у Энгельса желание ближе познакомиться с философией Гегеля. «Благодаря Штраусу я нахожусь теперь на прямом пути к гегельянству»¹⁹, — писал он Ф. Греберу 21 января 1840 г.

Из работ Гегеля Энгельс особенно выделил «Философию истории». Историко-философская концепция мыслителя «как бы вычитана из моей души», писал он осенью 1839 г. своему школьному другу. В другом письме он называл «Философию истории» «грандиозным произведением». «...Каждый вечер я обязательно читаю ее, и ее титанические идеи страшно захватывают меня»²⁰.

У Гегеля Энгельса привлекало понимание истории как всемирно-исторического процесса постоянного развития, совершающегося диалектическим путем — путем противоборства противоречивых начал. Глубоко импонировала ему четко выраженная у Гегеля идея закономерности всего происходящего, идея прогресса, могущества принципов разума и свободы. Будучи в то время идеалистом, Энгельс вслед за Гегелем видел в истории проявление саморазвития абсолютного разума, или абсолютной идеи, стремления духа к свободе. Он считал, что история движется передовыми идеями, шаг за шагом познающим объективную истину и воплощающимся в действия человеческим сознанием. Всемирная история, передавал он одно из основных положений философа, направлена на то, чтобы «осуществить понятие свободы»²¹.

Однако если молодой Энгельс глубоко усвоил рациональные элементы гегелевской исторической концепции, выраженной пока еще в адекватной философии Гегеля идеалистической форме, то консервативные стороны этой философии, противоречащие диалектическому методу, были им уже тогда отброшены. Нигде в работах и письмах Энгельса нет и тени присущей Гегелю идеализации прусской действительности или

конституционной монархии как якобы предела саморазвития абсолютной идеи, националистического деления народов на исторические и неисторические, апологии войн. Более того, Энгельс вскоре стал подмечать слабости своего учителя и особенно его интерпретаторов из лагеря правых гегельянцев. «Гегелю никто не повредил больше, чем его собственные ученики»²², — отзывался он в начале 1840 г. о правом крыле гегелевской школы. Стремясь с революционно-демократических позиций переосмыслить гегелевскую философию, преодолеть ее непоследовательность, Энгельс вносит в нее коррективы, в частности в понимание исторического прогресса. История, пишет он в статье «Ретроградные знамена времени» (конец 1839 — начало 1840 г), развивается не по строго концентрической спирали, как склонен был считать Гегель, допуская излишнюю, граничащую с фатализмом детерминированность; зигзаги, скачки, перерывы постепенности в истории имеют большее, чем он полагал, своеобразие. Энгельс писал, что предпочел бы сравнение «со свободно, от руки начерченной спиралью, изгибы которой отнюдь не отличаются слишком большой точностью». Энгельс убежден в неодинаковости темпов исторического развития, в их ускорении, что недостаточно учитывалось Гегелем, в беспредельности человеческого прогресса — идея, которая шла явно вразрез гегелевскому стремлению ограничить его конституционной монархией: «Медленно начинает история свой бег от невидимой точки, вяло совершая вокруг нее свои обороты; но круги ее все растут, все быстрее и живее становится полет, наконец, она мчится, подобно пылающей комете, от звезды к звезде, часто касаясь старых своих путей, часто пересекая их, и с каждым оборотом все больше приближается к бесконечности»²³.

Более последовательно, чем многие ученики Гегеля, воспринял Энгельс из его философии принцип историзма, отношение к историческим явлениям как к чему-то находящемуся в процессе непрерывного изменения, становления, развития и упадка. Мысли о неизбежной гибели отживших форм сознания (в то время Энгельс считал это основным) и соответствующих им политических учреждений и порядков, о неизбежной замене их новыми, отвечающими духу времени, пронизывают его публицистические произведения. С этих позиций он клеймит ретроградные явления в философии, политике, литературе, ведет борьбу с «героями китайского застоя»

и «мандаринами регресса», критикует либеральную ограниченность идеологов «Молодой Германии», полемизируя, в частности, с К. Гүцковым, который в книге «К философии истории» отрицательно отнесся к гегелевской идее общественного развития. В глазах Энгельса противиться назревшим переменам или, еще хуже, добиваться возрождения давно отошедших в прошлое институтов было равносильно попыткам остановить неукротимую поступь истории. Эти попытки, считал он, причиняют немалый вред, но в конце концов «будут стерты твердой, как алмаз, стопой идущего вперед времени»²⁴.

В сознании молодого Энгельса высказанная Гегелем идея о действии в истории противоречивых начал все больше преломлялась в виде восприятия истории как результата борьбы противоположностей, столкновения старых, косных сил с новыми, нарождающимися. Это складывающееся, хотя еще и в идеалистической и нечеткой форме, понимание первостепенной роли противоречий в общественном развитии, несомненно, облегчило в дальнейшем выработку материалистического учения о борьбе классов как универсальном законе истории антагонистических обществ.

В противоположность тогдашним своим единомышленникам — младогегельянкам, абсолютизовавшим роль самосознания и толковавшим ее в духе субъективного идеализма, Энгельс вслед за Гегелем исходил из объективного характера исторических законов. В то же время он не рассматривал их как некую фатальную силу, действующую с непреложным автоматизмом. В памфлете «Шеллинг и откровение» (написан в берлинский период, в конце 1841 — начале 1842 г.) он прямо высказывался в том смысле, что всемирно-историческая необходимость образует как бы рамки, в пределах которых происходит свободное саморазвитие сознания²⁵. В этих пределах форма и способ осуществления исторических законов зависят от результатов столкновения передовых и ретроградных идей, перевеса тех или других. Мысль молодого Энгельса работала, таким образом, в направлении уяснения диалектической связи между возможностью и действительностью, необходимостью и случайностью в истории, между детерминизмом и свободой воли, хотя реальная подоплека этой связи ему тогда еще не была ясна. В то же время такое восприятие истории исключало пассивно-созерцательное отношение к общественным явлениям. Коль скоро признавалась

возможность затормозить или ускорить исторический прогресс, перед представителями передовой общественной мысли вставала задача прямого воздействия на исторические события, активного участия в идеологической и политической борьбе. В публицистике молодого Энгельса эта идея прозвучала в виде страстного призыва к преодолению умозрительности тогдашних философских учений, к соединению радикализма Бёрне как практической программы действий тогдашнего прогрессивного движения с философией Гегеля как его теоретическим выражением²⁶.

Из применения диалектического метода Гегеля к истории вытекал также еще один кардинальный вывод, который не сделал ни сам философ, ни многие его ученики, — вывод об исключительной роли революций в историческом процессе. Энгельс был одним из тех последователей Гегеля, которые усмотрели в революции скачок, поднимающий исторический прогресс на качественно новую ступень. Его произведения и письма содержат подлинный панегирик революциям, революционным деятелям, борцам против отжившего мира, мужественным реформаторам вроде Яна Гуса. В письме к В. Греберу от 30 июля 1839 г. Энгельс воздавал должное исторической проницательности Шиллера, увидевшего во французской революции конца XVIII в. начало новой исторической эры²⁷. Он жаждал повторения у себя на родине французских событий 1789—1794 гг., обращал внимание в статье «Фридрих Вильгельм IV, король прусский» (написана осенью 1842 г. и опубликована в сборнике, изданном в Швейцарии) на сходство ситуации в Пруссии того времени с ситуацией, в которой находилась Франция накануне революции²⁸. Восторженное отношение Энгельса к французской революции выразилось в ненависти к ее контрреволюционным противникам, к организаторам коалиций против республиканской Франции, к реакционным заправилам Священного союза, пытавшимся вытравить ее традиции из сознания народов. «Нет времени, более изобилующего преступлениями королей, чем время с 1816 по 1830 год; почти каждый государь, царствовавший тогда, заслужил смертную казнь»²⁹, — писал он в феврале 1840 г. Ф. Греберу.

В двойственном виде представал в сознании молодого Энгельса облик Наполеона. Он видел в нем завоевателя, несшего народам национальное угнетение, деспота, воспользовавшегося плодами французской револю-

ции, и в то же время до некоторой степени ее наследника, противостоявшего феодальной Европе. «Гейневский культ Наполеона чужд народному сознанию», — писал он в статье ««Воспоминания» Иммермана», осуждая, однако, ту узконационалистическую мерку, с которой подошел к французскому императору этот писатель, говоривший о нем «как оскорбленный пруссак»³⁰.

Из стихотворения молодого Энгельса «Июльские дни в Германии» (приведено в письме Ф. Греберу летом 1839 г.) видно, что революцию он воспринимал не только как великую разрушительную силу, сметающую все отжившее, но и как подлинный праздник народов, пробуждающий их энергию и творческие потенции. Так, он в следующих словах рисует Июльскую революцию 1830 г. во Франции и ее воздействие на Германию:

«Но повеяла буря из Франции к нам, всколыхнулись народные массы,

И колеблется трон, как средь бури ладья, и дрожит в вашей длани держава»³¹.

О понимании молодым Энгельсом истории дает представление также недавно обнаруженная в Вуппертале рукопись написанной им в последние месяцы пребывания в Бремене музыкальной драмы «Кола ди Риенци»³². Сам выбор темы говорит об интересе автора к революционным движениям прошлого. Сюжетом послужил красочный эпизод развернувшейся в середине XIV в. в Риме борьбы между торгово-ремесленным населением и феодальной аристократией, в результате которой в мае 1347 г. была провозглашена республика во главе с «народным трибуном» Кола ди Риенци. Происки феодальных магнатов привели в конце этого года к изгнанию Риенци, но в августе 1354 г. при поддержке папы, заинтересованного в ограничении власти аристократических семей, и с помощью отряда наемников Риенци вторично оказался правителем Римского государства. Однако деспотические замашки и усиление налогового бремени восстановили против него народные массы. 8 октября 1354 г. в Риме вновь вспыхнуло восстание, на этот раз против Риенци; он был убит. Действие драмы Энгельса сосредоточено вокруг второго правления Риенци.

Для Энгельса воспроизведение в художественной форме революционных традиций прошлого было весьма актуальным в условиях тогдашней Германии, которая, по его мнению, шла навстречу революции. При избрании сюжета сказалась, по-видимому, и известная ана-

логия между Италией и Германией: обе страны начиная от средних веков вплоть до XIX в. страдали от политической раздробленности, и борьба за национальное объединение для той и другой являлась насущной потребностью. Описываемые в драме события заинтересовали Энгельса и с точки зрения убедительного подтверждения его взгляда на историю как на процесс, развивающийся под влиянием столкновения противодействующих факторов, борьбы не только противоположных идей, но и их социальных носителей — различных общественных слоев, сил прогресса и сил реакции. В этих событиях он точно уловил сущность конфликта, прогрессивный характер движения средневековых городских коммун против феодальных сеньоров, одно из проявлений ранних освободительных порывов нарождающегося «третьего сословия», которым столько внимания уделяли буржуазные интерпретаторы классовой борьбы — французские историки периода Реставрации (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и др.). Кстати, нельзя исключить возможность знакомства молодого Энгельса с их работами. Правда, первое известное нам прямое упоминание Энгельсом Тьерри и Минье относится лишь к марту 1847 г., но оно сделано в такой форме, которая не оставляет сомнения в том, что их взгляды были известны ему давно³³.

В своей драме Энгельс старался реализовать принципы освещения исторической действительности в художественном произведении, которые сам же сформулировал незадолго до этого в статье «Современная литературная жизнь», разбирая историческую трагедию Гуцкова «Царь Саул». Признавая право авторов на художественный вымысел, он в то же время высказался против произвольного толкования границ между литературной фантазией и исторической достоверностью. Он полагал, что при создании образов исторических деятелей писатель обязан считаться с исторической правдой, опираться на первоисточники и данные исторической науки³⁴. Энгельс стремился правдиво воссоздать историческую обстановку и наделить достоверными чертами выведенных на сцену действующих лиц.

В произведении Энгельса получило выражение сложившееся у него уже в то время представление об активной роли народных масс в истории. В истолковании образа действий народных масс и отношения их к Риненци Энгельс целиком разошелся с немецкими либе-

ральными историками, в частности с упомянутым Роттском, и с другими авторами художественных произведений, героем которых был римский трибун, например с английским писателем Э. Бульвер-Литтоном, роман которого о Риенци послужил сюжетной канвой для одноименной оперы Р. Вагнера (поставлена в 1842 г.), немецким романтиком Ю. Мозеном, автором трагедии «Кола Риенци, последний народный трибун римлян». Все упомянутые авторы, не исключая и Вагнера, изображали Риенци возвышенной фигурой, героической личностью, противостоящей невежественной, неблагодарной толпе, неспособной подняться до его идеалов. В «колебаниях черни», по выражению Роттека³⁵, якобы заключалась главная причина поражения Риенци. В совершенно ином виде выглядит народ в драме Энгельса. Здесь он не только не «предает» своего «избавителя», но и, наоборот, карает его за отступничество, за действия, идущие вразрез с его же собственными призывами к борьбе с деспотизмом. При этом у Энгельса народ изображен отнюдь не пассивным, безмолвствующим моральным судьей, но могучей силой сопротивления гнету, отвечающей восстанием как на тиранию феодальных баронов, так и на деспотизм нового правителя. Одна из главных идей драмы — зависимость судьбы того или иного реформатора, провозвестника общественных преобразований, от поддержки народных масс. Утрата такой поддержки чревато потерей власти и даже гибелью, что и произошло с Риенци.

Характеристика, которую Энгельс дает самому Риенци, весьма далека от романтического приукрашивания. С большой пронизательностью подмечено им сочетание в деятельности Риенци прогрессивных сторон (провозглашение принципа свободы, проведение энергичных мер против знати, стремление к объединению Италии) с реакционной идеей восстановления мирового владычества Рима, непомерным честолюбием, диктаторскими поползновениями и злоупотреблением властью. Последнее стало преобладать в период второго правления Риенци. Именно в этом Энгельс усмотрел источник разочарования в нем народа, того конфликта с народными массами, который стоил Риенци жизни.

Драма «Кола ди Риенци» ярко отражает революционно-демократическую интерпретацию исторического процесса молодым Энгельсом. С этих же позиций он в своих тогдашних произведениях подвергал критике иде-

ологов реакции, в том числе представителей различных реакционных направлений в историографии: провозвестников легитимизма, апологетов крепостничества и абсолютизма типа швейцарца К. Л. Галлера, реакционных романтиков и обскурантов И. Герреса, Ф. Де ла Мот Фуке, Г. Лео, представителей исторической школы права и др. Молодой Энгельс решительно осудил попытку историков и публицистов, принадлежавших к романтической школе, превратить историю в служанку политического консерватизма и религиозного обскурантизма, использовать ее для оправдания существующих режимов, для доказательства их незыблемости. Представители романтического направления разных оттенков, в том числе и исторической школы права, отмечал он, идеализировали средневековье во имя сохранения полусредневековых порядков в тогдашней Германии и даже возврата к отжившим временам. «...Они приводят в движение гальваническим током трупы прошлого и хотят нас уверить, что это не механизм, а жизнь»³⁶, — писал Энгельс по этому поводу в статье «Эрнст Мориц Арндт».

К ретроградным тенденциям историков-романтиков Энгельс относил не только апофеоз средневековья, но и их национализм, тевтономанию. Он видел в их «французоненавистничестве» прямое выражение реакции на французскую революцию. С возмущением он писал, что «великие, вечные результаты» этой революции были подвергнуты тевтономанами глумлению как «романская мишура». Националистическая концепция истории Германии разрывала ее связь с историей других народов, исходила из отрицания всеобщности действия исторических законов. Результатом было, отмечал Энгельс, «провозглашение немцев избранным народом Израиля и игнорирование бесчисленных ростков всемирно-исторического значения, которые произрастали не на немецкой почве»³⁷.

Таким образом, Энгельс проявил широкое интернациональное понимание исторического процесса, рассматривая историю каждого народа как составную часть всемирной истории. Правда, в цитируемой статье «Эрнст Мориц Арндт» он по молодости отдал известную дань национальным увлечениям, предлагая включить в будущее германское демократическое государство Эльзас, Лотарингию, Голландию и Бельгию. Но главное заключалось в его убеждении в недопустимости противопоставлять один народ другому, в признании им того, что

каждый народ вносит свой вклад в мировую цивилизацию и культуру. Для демократического интернационализма молодого Энгельса было характерно и то, что, решительно осудив тевтономанию дворянской романтической историографии, он в то же время выступил против игнорирования национальных задач, в частности против космополитизма южнонемецких либералов.

В полемике с Де ла Мот Фуке, Лео и другими историками и публицистами Энгельс раскрыл и такую порочную черту романтической историографии, как тенденция к затушевыванию социальных противоречий, попытка приписать происхождение исторических коллизий злонамеренности отдельных лиц или группировок. Барон Фуке, отмечал Энгельс, изображал отношения между крестьянством, дворянством и бюргерством в средние века прямо-таки пасторальными красками, стараясь внушить своим читателям, что, «когда крестьяне были крепостными, они встречали любовь и ласку со стороны двух других сословий и платили им тем же»³⁸. Единomyшленник Фуке Лео, указывал несколько позднее Энгельс, готов был объявить последователей Гегеля — «гегелингов» — ответственными не только за борьбу буржуазии против феодализма, но и за конфликты в самом буржуазном обществе между пролетарскими низами и господствующими классами, «за кровь, пролитую в Париже, Лионе и Нанте»³⁹.

Неудовлетворенность поверхностным и тенденциозным объяснением социальных конфликтов побуждала Энгельса искать их причины в самих общественных противоречиях. Пытливая историческая мысль Энгельса все больше работала в этом направлении, особенно в период его пребывания в Берлине с сентября 1841 по август 1842 г. Это было время, когда произошла дальнейшая радикализация воззрений Энгельса. В Берлине он пришел к отчетливому сознанию неприемлемости консервативных сторон философии Гегеля, особенно проявившихся во взглядах на государство и право (идеализация конституционной монархии английского типа и т. д.), необходимости отмежеваться от тех его воззрений, которые «сам Гегель поставил как запруды мощному, бурно кипящему потоку выводов из его учения»⁴⁰. Все больше осознал Энгельс ограниченность либеральной идеологии, о чем свидетельствует критика им одного из видных представителей «Молодой Германии» — А. Юнга, в частности его половничатого, испол-

ненного боязни революционных начал (страх перед «отрицанием») толкования исторического прогресса. Так постепенно происходила подготовка разрыва Энгельса с буржуазным мировоззрением.

В берлинский период значительно углубились исторические познания Энгельса. Молодого вольнослушателя университета интересовали не только философские, но и исторические дисциплины. Он, в частности, с увлечением продолжал заниматься историей первоначального христианства, прослушав курс лекций крупного знатока в этой области профессора Ф. Ф. Бенари. Сохранились сделанные им записи этих лекций, а также выписки из книг Э. Лютцельбергера «Церковная традиция об апостоле Иоанне и его сочинениях» и Б. Бауэра «Критика евангельской истории синоптиков»⁴¹.

Труды Бауэра, несомненно, оказали немалое влияние на развитие взглядов Энгельса на историю, особенно на историю древности. Даже спустя много лет после того, как Энгельс коренным образом разошелся с Бауэром и младогегельянством, он отмечал большие заслуги ученого в разработке вопроса «об историческом происхождении христианства»⁴². В критике библейских источников Бауэр во многом преодолел непоследовательность Штрауса. Если работа Штрауса приводила к пантеистическим выводам, то труды Бауэра прокладывали путь к радикально-атеистическим воззрениям, окончательно сложившимся у Энгельса под воздействием прочитанной в это время «Сушности христианства» Л. Фейербаха. Была воспринята Энгельсом и плодотворная мысль Бауэра о том, что истоки христианской религии следует искать не только в верованиях древних евреев, но и в идейных течениях античного мира, в эволюции античной философии, в той исторической среде, в которой возникло христианство. Позднее, с переходом на материалистические позиции, Энгельс дал иную интерпретацию понятия этой исторической среды, значительно расширив его содержания. Он не ограничился духовной сферой, как это делал субъективный идеалист Бауэр, рассматривавший фантазии евангелистов как отражение тогдашнего уровня самосознания, а обратился к социально-экономическим условиям этого периода, увидев в них определяющий фактор.

Достиг Энгельс и более глубокого понимания событий новой истории. Именно в это время он лучше разобрался в историческом значении якобинской диктатуры,

чему способствовала обстоятельная полемическая рецензия на «Историю французской революции» Лео, написанная другом Маркса младогегельянцем К. Ф. Кеппеном и опубликованная в мае 1842 г. в «Rheinische Zeitung». Разностороннее знание истории Франции обнаружил 22-летний Энгельс в статье «Централизация и свобода» (сентябрь 1842 г.). В ней он раскрыл антинародную сущность режима буржуазной Июльской монархии, выступив против идеализации ее европейскими, в том числе и немецкими, либералами. В статье была высказана проницательная мысль о том, что бюрократическая система централизации наследуется буржуазным государством, несмотря на его конституционные формы, от феодальной абсолютной монархии⁴³.

Революционно-демократический период деятельности Энгельса, до его отъезда в Англию в ноябре 1842 г., являлся важным этапом и в становлении его исторических взглядов. В понимании истории он сумел подняться на уровень самых передовых направлений общественной мысли, творчески воспринять наиболее прогрессивные исторические концепции, придав им радикальный и последовательный характер. Он выступил как критик реакционной историографии и выработал критический подход к либеральной. Несмотря на то что Энгельс был тогда идеалистом, эволюция его мировоззрения и исторического мышления происходила в направлении, способствовавшем переходу на материалистические позиции. Сложившиеся у него уже тогда элементы научного восприятия истории как закономерного всемирно-исторического процесса, понимание ее поступательного, ускоряющегося хода, диалектического характера исторических закономерностей, неодолимости нового, прогрессивного, активной роли народных масс в истории, значения революций — все это в дальнейшем будет им переосмыслено в свете новых, материалистических воззрений и в переработанном виде войдет в новое, материалистическое учение об обществе.

* * *

Почти двухлетнее пребывание Энгельса в Англии (с ноября 1842 по август 1844 г.), куда он был послан отцом для прохождения коммерческой практики в манчестерском отделении текстильной фирмы «Эрмен и Энгельс», сыграло решающую роль в переходе его к мате-

риализму и коммунизму. Знакомство с английской фабричной системой, с социальными конфликтами, потрясающими английское общество, с рабочим движением, с английской экономической и социалистической литературой, с произведениями А. Смита, Д. Рикардо, Р. Оуэна, Дж. Уотса, социалистов-рикардианцев, с чартистской публицистикой способствовало созреванию материалистических и коммунистических взглядов Энгельса. Большое значение для складывания новых взглядов имели непосредственные контакты, которые Энгельс установил с представителями пролетарских кругов. Пребывание в Англии, как он сам свидетельствовал впоследствии, прямо натолкнуло его на вывод о том, что экономические факты образуют основу классовых противоположностей и порождаемой ими борьбы партий и тем самым «всей политической истории»⁴⁴.

В работах этого времени, печатавшихся в демократическом журнале «Schweizerische Republikaner», в оуэнистском органе «New Moral World», в чартистском еженедельнике «Northern Star», в редактировавшемся Марксом в Париже «Deutsch-Französische Jahrbücher» и в парижской газете «Vorwärts!», Энгельс выступил как пролетарский революционер, сторонник коммунистического преобразования общества, защитник интересов рабочего класса, все больше подходивший к осознанию той роли, которая будет принадлежать этому классу в надвигавшейся социальной революции. Недаром в манчестерский период Энгельс начал собирать материал, обработанный им позднее, осенью 1844 — зимой 1845 г., в книгу «Положение рабочего класса в Англии», в которой эта мысль об исторической миссии пролетариата стала руководящей идеей.

Творчество Энгельса в это время, как и творчество его будущего друга Маркса в 1843 — 1844 гг., явилось началом формирования совершенно нового направления в социологии и историографии. Правда, еще не была создана методологическая база для марксистской историографии — исторический материализм как развернутая и цельная теория. Не до конца еще было осознано коренное различие между новым формирующимся учением и идеями предшественников, в частности Фейербаха⁴⁵. Не всегда ясен был Энгельсу механизм действия материального фактора — социальных отношений там, где он действовал в менее обнаженном виде, чем в Англии⁴⁶. И все же даже не сложившиеся еще пока в

стройную систему, но уже утвердившиеся в сознании материалистические взгляды позволили Энгельсу по-новому взглянуть на общественные явления и осмыслить важные стороны исторического процесса.

Произведения Энгельса этих лет ясно показывают, что он уже тогда в общих чертах уяснил роль материальных имущественных интересов как решающей подоплеки политических конфликтов не только в эпоху борьбы буржуазии с феодализмом, как считали французские историки периода Реставрации, но и в современном буржуазном обществе. Частную капиталистическую собственность он стал рассматривать как основу буржуазного строя и отправной пункт всех категорий буржуазной политической экономии. Осознал он зависимость изменений в социальной структуре и политическом строе английского общества от происшедшей в Англии в конце XVIII — начале XIX в. промышленной революции, усмотрев в этом проявление общей исторической закономерности. Здесь уже были заложены элементы будущего учения о взаимоотношении материального базиса и политической надстройки.

Выработанные еще в предыдущий период представления об историческом процессе как результате действия противоречивых сил выкристаллизовывались в четкое понимание первостепенного значения классовой борьбы. При этом Энгельс в отличие от представителей школы Тьерри и Гизо отнюдь не ограничивал классовую борьбу периодом столкновений третьего сословия с феодализмом. Он и третье сословие не считал уже единым классом, выделив внутри него плебейские низы, а главное, в противовес этим либеральным теоретикам классовой борьбы отчетливо увидел материальные предпосылки и историческую обусловленность раскола современного ему буржуазного общества на враждебные классы. В антагонизме между буржуазией и пролетариатом он распознал главную черту буржуазной эпохи и, что особенно важно, движущую силу общественного прогресса.

Исторические занятия Энгельса приобретали теперь большую систематичность и целеустремленность. На первый план в интересах Энгельса как историка выдвинулись проблемы социальной истории, экономического развития, особенно Англии, исторические судьбы трудящихся масс, рабочего класса. Однако преобладающий интерес к социальной истории не заслонил у Энгельса других сфер исторического процесса. Стремление вос-

принять его всесторонне побуждало Энгельса постоянно заниматься как социальной, так и политической историей, а также историей общественной мысли, особенно социалистических учений.

Результатом исследования развития этих учений явилась написанная Энгельсом осенью 1843 г. статья «Успехи движения за социальные преобразования на континенте». Это была первая разработка истории социалистических идей с материалистических и революционно-пролетарских позиций. Многое здесь было еще несовершенным по сравнению с последующими произведениями Энгельса на данную тему, в которых было проведено четкое разграничение между утопическим и сформировавшимся к тому времени научным социализмом. Но уже в этой статье сделан ряд обобщающих выводов, раскрывающих закономерный, универсальный и прогрессивный характер развития социалистической мысли и ее связь с освободительным движением угнетенных классов. Энгельс прямо писал, что «коммунизм — не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации»⁴⁷. В Германии исторические корни социалистических идей, по мнению Энгельса, восходили к эгалитарным стремлениям восставших крестьянских масс периода Великой крестьянской войны начала XVI в., признавших своим вождем Томаса Мюнцера. Во Франции распространение социалистических идей Энгельс связывал с разочарованием трудящихся в идеалах 1789 г., в буржуазной действительности, принесшей лишь мнимые политические свободы и равенство, а также с развертыванием рабочего движения после Июльской революции 1830 г. Жестокая эксплуатация и бедственное положение рабочего класса вызвали к жизни социалистические учения в Англии.

Эта статья, а также и другие публицистические выступления Энгельса того времени свидетельствуют о его возрастающем внимании к трудящимся массам, к их сопротивлению социальному гнету, особенно к освободительной борьбе рабочего класса. Зачатки этой борьбы он увидел уже в период французской буржуазной революции конца XVIII в., усмотрев их отражение в коммунистических идеях и планах Бабефа и его друзей. Из высказываний Энгельса о Бабефе (они основаны на весьма обстоятельном знакомстве с историей бабувист-

ского движения, в частности по книге Буонарроти «Заговор во имя равенства») видно, насколько углубилось понимание Энгельсом самой французской революции со времени, когда он считал вождей якобинцев самыми крайними выразителями революционных тенденций. Он ясно осознал теперь неоднородность революционного лагеря, наличие в нем еще более радикального, предвосхищавшего будущее пролетарское движение течения. Не остались вне поля зрения Энгельса и дальнейшие шаги рабочего движения во Франции: деятельность тайных рабочих обществ в период Июльской монархии, пропаганда коммунизма эгалитарного толка, стачки французских рабочих⁴⁸.

Уже в своих корреспонденциях, которые он посылал в «Rheinische Zeitung» вскоре после прибытия в Англию, Энгельс отмечал влияние на ее общественную жизнь такой «нарастающей грозной силы», как чартистское движение⁴⁹. Опыт борьбы чартистов послужил Энгельсу главным источником для той развернутой характеристики истории английского рабочего движения, которую он дал в своем труде «Положение рабочего класса в Англии».

Интересовался Энгельс и ростками рабочего движения в Германии, а также деятельностью немецких рабочих-эмигрантов, агитацией Вейтлинга и его сторонников. Он откликнулся в печати на первую крупную вспышку классовой борьбы германского пролетариата — восстание силезских ткачей 4—6 июня 1844 г. В корреспонденциях, опубликованных по поводу этого события в чартистском органе «The Northern Star», он охарактеризовал его как свидетельство универсальности противоречий капитализма, капиталистической фабричной системы, порождающей даже в относительно слаборазвитых странах неизбежные столкновения между пролетариями и буржуазией⁵⁰. Эти корреспонденции говорят и о том, что Энгельс уже преодолевал известную недооценку роли социального фактора при изучении истории ряда стран континентальной Европы, которая в отличие от его подхода к истории Англии была ему свойственна вплоть до начала 1844 г.

Приступил Энгельс и к выработке собственной концепции истории Англии в новое время. В серии статей «Положение Англии» (написана в первые месяцы 1844 г.), публикация которой была начата в феврале 1844 г. в «Deutsch-Französische Jahrbücher» и продолжена

летом и осенью 1844 г. в «Vorwärts!», Энгельс раскрыл существенные черты социальной истории Англии XVIII в., сделав это на фоне общей характеристики истории Европы, главное содержание которой он увидел в разрушении феодальной системы и утверждении в ряде стран капиталистического строя. При этом переход от феодализма к капитализму Энгельс воспринял как всеобъемлющий революционный процесс, не только сводящийся к ломке социальных и политических устоев старого мира, но и охватывающий коренные изменения в представлениях, мировоззрении, философии. Для исторического мышления Энгельса уже тогда стала характерной способность к синтезирующему сопоставлению сходных исторических явлений, в данном случае английской буржуазной революции XVII в. с французской конца XVIII в. Не упуская из виду различий, он ясно увидел в первой прообраз второй.

Решающую роль в создании материальной основы капиталистического общества Энгельс отводил промышленному перевороту в Англии. Анализ социальных последствий промышленной революции, тех коренных изменений, которые она вызвала в общественном строе Англии, — гибели значительной части ремесленников, исчезновения мелкого крестьянства, формирования класса наемных рабочих, противостоящих буржуазии и крупным землевладельцам, — помог Энгельсу объяснить многие проблемы генезиса капитализма.

В последней статье этой серии Энгельс набросал очерк конституционного развития Англии от конца XVII до 40-х годов XIX столетия. Набросок раскрывает глубокое понимание им умеренности и ограниченности английской конституции даже с точки зрения буржуазных правовых и политических теорий. Причиной этого Энгельс считал компромисс английской буржуазии с обуржуазившейся земельной аристократией, сумевшей сохранить политические привилегии, монархию, палату лордов, антидемократическую избирательную систему. И все же буржуазная природа английского политического устройства для Энгельса была несомненной. «Кто же, в сущности, правит в Англии? — Правит собственность»⁵¹, — писал он, имея в виду капиталистическую собственность.

Много внимания уделял Энгельс идеологическим явлениям, подходя к ним теперь уже как историк-материалист. В серии «Положение Англии» он дал разбор уче-

ний Бентама и Годвина, раскрыл апологетический характер взглядов английского правоведа У. Блэкстона и швейцарского юриста Ж. Л. Делольма на английский конституционно-монархический строй. В «Набросках к критике политической экономии» (конец 1843 г.), в которых Энгельс выступил как пионер разработки экономического учения пролетариата, он проявил себя и в качестве историка экономической мысли. Чрезвычайно плодотворным для понимания эволюции экономических учений было само исходное положение Энгельса о том, что развитие буржуазной политической экономии отражает различные ступени в истории буржуазного общества. С таким критерием подошел Энгельс к оценке меркантилизма, взглядов Мальтуса, классической школы Смита и Рикардо.

Углубилась критика Энгельсом концепций различных направлений современной ему историографии, в ней произошла качественно важная переориентация. Она затрагивала теперь уже не только политическую и идейную направленность различных исторических школ, но и сами методологические основы историографии. Если раньше Энгельс развенчивал консервативные и националистические тенденции тех или иных историков, романтическую идеализацию средневековья, отрицание идей прогресса, то теперь главным в его критике стало доказательство несостоятельности идеалистического толкования истории вообще.

Отчетливо видно это уже в принадлежащих Энгельсу разделах «Святого семейства» — первой совместной работы Маркса и Энгельса, написанной осенью 1844 г. Энгельс подверг здесь критике статьи об Англии Ю. Фаухера, одного из представителей младогегельянства. Его взгляды, отмечал Энгельс, не выходили за рамки субъективно-идеалистического мировоззрения младогегельянского направления (главными идеологами его были Э. и Б. Бауэры), игнорировавшего социально-экономические отношения, роль народных масс в истории и выпячивавшего значение «самосознания», «критической критики», персонифицированной в выдающихся личностях. Энгельс дал понять, что идеалистические конструкции Фаухера бесконечно далеки от реальной английской действительности и не могут ничего объяснить в английской истории⁵².

Другой пример критики идеалистической концепции истории дает разбор Энгельсом работы Т. Карлейля

«Прошлое и настоящее» в упомянутой серии «Положение Англии». Карлейль привлек его внимание как писатель, открыто указавший на пороки капиталистического строя. По своим взглядам Карлейль принадлежал к тому направлению, которое Маркс и Энгельс позднее называли «феодалным социализмом». Отмечая, что в осуждении Карлейлем капиталистической системы имелись рациональные элементы, Энгельс в то же время указал на неприемлемость его общих исторических и социологических воззрений, прежде всего его идеалистического, даже религиозного толкования истории, изображения ее как результата деятельности выдающихся людей, совершающих героические подвиги под влиянием откровения свыше. Культ героев, отведение массам чисто пассивной роли Энгельс относил к главным порокам Карлейля-историка. Указывал он также и на такую консервативную черту исторических взглядов Карлейля, как приукрашивание средневековой Англии — «остатки торийской романтики»⁵³.

* * *

Мы проследили в общих чертах развитие исторических взглядов молодого Энгельса, начиная с его школьных занятий историей до осени 1844 г. Изучение этой стороны формирования его мировоззрения проливает дополнительный свет на процесс стремительного возмужания великого мыслителя и революционера, ставшего к 24 годам идеологом и теоретиком самого передового общественного класса. От ученических тетрадей, в которые любознательный юноша-гимназист любовно заносил факты всемирной истории, до создания работ, отразивших начало революционного переворота во взглядах на общественное развитие, — таков путь, проделанный Энгельсом за этот сравнительно короткий срок. Главный итог этого пути — окончательно упрочившийся диалектико-материалистический подход Энгельса к историческим явлениям, открывавший широкие перспективы для развития исторической науки. К концу 1844 г. Энгельс стоял на пороге новых творческих свершений как в области философии, политической экономии и социалистической теории, так и в области изучения истории.

С новых методологических позиций

Парижская встреча Маркса и Энгельса в конце августа — начале сентября 1844 г. положила начало их невиданному в истории содружеству. Сотрудничество их приняло самые разнообразные формы. Совместное написание больших теоретических трудов, выработка общими усилиями программных и тактических документов пролетарского движения, взаимные консультации, постоянный обмен информацией, мыслями, впечатлениями от наблюдаемых событий и прочитанных книг, обсуждение научных и литературных планов, а также первых результатов научных изысканий и наблюдений, предварительное ознакомление с работами перед посылкой их в печать и т. д. — все это стало неотъемлемыми чертами деятельности обоих друзей. Это сотрудничество распространялось и на область исследования истории. Занятия Энгельса историческими проблемами постоянно были и в поле зрения Маркса. В то же время, что бы ни делал Маркс, он прежде всего спешил узнать суждение на этот счет своего друга, которое ставил выше всего. Нередко точка зрения по тому или иному историческому вопросу складывалась или уточнялась в процессе обмена мнениями и воспроизводилась позднее в том или ином произведении.

Отсюда, однако, не следует, что творчество Энгельса с этих пор перестало носить самостоятельный характер, как склонны изображать дело западные маркологи, что оно якобы свелось к иллюстрированию, в том числе историческими примерами, или популяризации взглядов Маркса, в лучшем случае их общих концепций, в выработке которых Энгельсу, однако, принадлежала подчиненная роль. Исследования Энгельса и после начала его дружбы с Марксом отличались оригинальностью. Его самостоятельный вклад в историческую науку, как и в другие области знания, был чрезвычайно велик и разнообразен. Содружество Маркса и Энгельса было долго творческим союзом двух гениев, отличавшихся и как исследователи, и как писатели ярко выраженными индивидуальными чертами. Это содружество обогащало каждого из ученых. Не только Маркс Энгельсу, но и Энгельс Марксу нередко подсказывал ту или иную тему

для исследования и первым формулировал выводы, использованные потом в публикуемых произведениях. Так, например, замысел работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» родился, несомненно, под влиянием письма Энгельса своему другу от 3 декабря 1851 г., в котором была дана меткая характеристика только что происшедшего бонапартистского государственного переворота во Франции. Иногда по конкретным вопросам истории взгляды друзей совпадали не сразу, единая точка зрения вырабатывалась лишь после оживленной дискуссии между ними. П. Лафарг, в частности, вспоминает о спорах, которые происходили между ними в 70-х годах по вопросам истории альбигойских войн во Франции начала XIII в.¹ При всем этом Маркса и Энгельса тесно объединяла общность мировоззрения. К каким бы самостоятельным результатам ни приходили они в ходе своих исследований, их всегда связывало единство теоретических, идейных и политических позиций, отражавших внутреннюю целостность самого марксистского учения.

Во время парижской встречи в качестве главной цели совместной деятельности Маркс и Энгельс выдвинули задачу разработки научных основ революционного пролетарского мировоззрения, что обуславливало необходимость размежевания с чуждыми рабочему классу идейными течениями. Критика младогегельянцев в «Святом семействе» явилась одним из первых шагов на этом пути. Вместе с тем каждый из соратников не оставлял и своих индивидуальных планов, созревших у них еще до встречи. Маркс продолжал свои экономические исследования. Энгельс во время пребывания осенью 1844 — зимой 1845 г. в Бармене занялся обработкой собранных главным образом в Англии материалов. Результатом этого труда была законченная им в марте 1845 г. и выпущенная в мае того же года в свет книга «Положение рабочего класса в Англии».

«Положение рабочего класса в Англии» не только экономическое и социологическое исследование, автор которого, по словам Маркса, глубоко уловил «дух капиталистического способа производства», не только образец социалистической литературы, явившийся, как писал В. И. Ленин, «ужасным обвинением капитализма и буржуазии»², но и капитальный исторический труд. Об этом свидетельствует сам замысел. Как пишет автор в предисловии к книге, он первоначально намеревался

написать обширный труд «по социальной истории Англии», отведя в нем теме о рабочем классе одну главу³. Но в процессе работы эта глава выросла до размеров книги, и монографию по общей истории Англии Энгельс решил написать отдельно. «Как только я закончу эту книгу, я возьмусь за историю общественного развития Англии»⁴, — сообщал он Марксу 19 ноября 1844 г.

Следует сказать, что и после сужения плана книги в нее вошло немало материалов, в которых отразилось развитие Энгельсом новой концепции истории этой крупнейшей капиталистической страны. В частности, Энгельс полнее, чем в серии статей «Положение Англии», осветил сущность, ход и социальные последствия промышленной революции. Большой вклад внес он и в решение более широких проблем, касающихся исторических условий складывания капиталистического способа производства, стихийного характера развития капиталистической экономики, неизбежности экономических кризисов и т. д. Следующий серьезный шаг в разработке этих проблем был сделан Марксом в его «Капитале».

Достигнутое Энгельсом к этому времени понимание определяющей роли общественного производства в развитии общества позволило ему создать чрезвычайно глубокое, несмотря на еще известную незрелость отдельных сторон его тогдашнего мировоззрения, исследование по одной из кардинальных проблем истории — проблеме формирования и развития английского рабочего класса со времени от начала промышленного переворота до 40-х годов XIX в. По исходным материалистическим позициям, с которых рассматривался этот вопрос, по сделанным выводам о том, что в результате процесса образования промышленного пролетариата на арене истории появился не только самый обездоленный, но и самый революционный класс, главный фактор дальнейшего общественного прогресса, произведение Энгельса было подлинно новым словом в науке. Оно отличалось от всего, что было до того написано на данную тему, в том числе авторами, с известным сочувствием отзывавшимися о тяжелом положении рабочих и правдиво описывавшими их бедствия, например религиозно настроенным торн А. Алисоном, либералом П. Гаскеллом, писавшим, «когда еще не считалось обязательным для либерала превозносить «благополучие» рабочих»⁵, французским мелкобуржуазным социалистом Э. Бюре, сочинение ко-

того об английском рабочем классе было проникнуто сентиментально-филантропическим духом, и др.

Основная идея книги Энгельса о пролетариате как не только страдающем, но прежде всего революционном классе, призванном ниспровергнуть эксплуататорский капиталистический строй, была обоснована автором в первую очередь исторически. Энгельс дал в своем труде впечатляющую картину развития освободительной борьбы английского пролетариата. Он выявил различные стадии этой борьбы: переход от стихийных выступлений, разрушения машин к организованным формам сопротивления — созданию тред-юнионов и устройству стачек и от этих форм борьбы к массовым политическим действиям, нашедшим свое воплощение в чартистском движении. Чартизм Энгельс охарактеризовал как концентрированную оппозицию пролетариата буржуазии и буржуазному государству. Пролетарская борьба, подчеркивал Энгельс, обнаруживает мощные исторические потенции рабочего класса. Ее следующей ступенью должно стать соединение рабочего движения с социализмом, но не с мирным, оторванным от жизни социализмом оуэновского толка, а с социализмом, тесно связанным с революционной практикой масс, прошедшим через «горнило чартизма». Таким образом Энгельс все больше подходил к пониманию исторической ограниченности утопического социализма, необходимости выхода за его рамки, выработки подлинно революционной социалистической идеологии и внедрения ее в массы как важнейшего условия освобождения пролетариата.

В «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс впервые в широком масштабе проявил себя как историк-исследователь. Книга базируется на использовании самых разнообразных источников: законодательных актов, публикаций парламентских дебатов и отчетов различных парламентских комиссий, в частности отчетов комиссий по расследованию использования детского труда, по проведению в жизнь закона о бедных в Ирландии и других, отчетов фабричных инспекторов, статистических материалов⁶. Широко была привлечена к исследованию как столичная, так и провинциальная печать: «Times», «Morning Chronicle», «Sun», «Weekly Dispatch», «Manchester Guardian», «Leeds Mercury», «Liverpool Mercury», «Durham Chronicle», «Halifax Guardian», ряд специальных, в том числе медицинских, журналов («Statistical Journal», «Mining Journal», «The Edinburgh Me-

dical and Surgical Journal», «North of England Medical and Surgical Journal»). С пристальным вниманием отнесся Энгельс к свидетельствам о физическом состоянии, санитарных условиях труда и домашнего быта рабочих в трудах прогрессивных английских врачей. В этом отношении характерно частое цитирование им книги о рабочих Манчестера д-ра Дж. Ф. Кея. Упомянутый выше либеральный филантроп П. Гаскелл, на книгу которого много раз ссылается Энгельс, был не только публицистом, но и врачом⁷. Использовал Энгельс и многочисленные работы экономистов (А. Смита, Т. Мальтуса, Э. Юра, Дж. Мак-Куллоха, Э. Бейнса, Н. У. Сениора), историков (Т. Карлейля, Дж. Уэйда, А. Алисона), общественных деятелей и публицистов (Р. Остлера, Р. Паркинсона, Дж. К. Саймонса, А. Сомервилла и многих других). Лаконичные, но весьма меткие замечания, которые он делал в адрес разных авторов, говорят о сугубо критическом отношении его к существующей экономической и исторической литературе и отражают продолжавшийся процесс критики им преимущественно буржуазной исторической и экономической мысли с пролетарских позиций. Так, теорию народонаселения Мальтуса он образно называет «откровенным провозглашением войны буржуазии против пролетариата», Сениора характеризует как «фанатического противника всякого самостоятельного рабочего движения», о Юре отзывается как об «избранном прислужнике» буржуазии, а о Мак-Куллохе — как об ее «излюбленном экономисте»⁸. Осудил Энгельс и националистическое предубеждение Карлейля к ирландским трудящимся. О критическом подходе Энгельса к буржуазным авторам свидетельствует и сохранившийся фрагмент его конспекта книги А. Алисона «Основы народонаселения» — к сожалению, пока что единственная из подготовительных работ к книге Энгельса, которой мы располагаем⁹.

В книге Энгельса преобладают ссылки на официальные источники, буржуазную прессу и литературу. Рабочая печать упоминается значительно реже. Это отвечало общему замыслу автора: предъявить английской буржуазии перечень ее грехов прежде всего на основании свидетельств ее собственных представителей. И тем не менее источники, исходящие из пролетарского лагеря, были также основательно изучены Энгельсом. Он использовал тред-юнионистскую, оуэнистскую и чартистскую литературу, сочинения Р. Оуэна, брошюру чартиста

Дж. Лича «Неопровержимые факты о фабриках, сообщаемые манчестерским рабочим», чартистские петиции, материалы тред-юнионистских печатных органов «The Artizan», «The Miner's Advocate». Особенно широко пользовался Энгельс чартистской газетой «The Northern Star», освещавшей не только положение рабочего класса, но и его сопротивление эксплуататорам¹⁰.

Одним из важных источников для своей книги Энгельс считал собственное многомесячное знакомство с жизнью английских пролетариев, оставившее в его сознании глубокий след, впечатления от посещений рабочих кварталов, рабочих собраний и митингов, от общения с чартистскими деятелями.

Книга «Положение рабочего класса в Англии» показывает, что ко времени ее написания материалистические взгляды Энгельса на историю обрели еще большую зрелость. Поэтому, когда в апреле 1845 г. Энгельс переехал в Брюссель, где находился высланный из Франции Маркс, и тот изложил ему в общем виде контуры материалистического понимания истории как целостного учения о законах общественного развития, в окружении Маркса не нашлось другого человека, который бы смог глубже оценить это складывающееся учение. И не только оценить, но и стать его последовательным приверженцем, способным его творчески применять и развивать. Недаром именно в это время у обоих друзей зародился замысел сформулировать эту новую, материалистическую концепцию истории в совместном труде, противопоставив ее идеалистическим воззрениям немецких философов и социологов, причем не только младогегельянцев Б. и Э. Бауэров и идеолога индивидуалистского анархизма М. Штирнера, но и непоследовательного, остававшегося в толковании общественного развития на идеалистических позициях философа-материалиста Л. Фейербаха. Реализация этого замысла, к осуществлению которого Маркс и Энгельс практически приступили осенью 1845 г., привела к созданию «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.).

Энгельс внес значительную лепту в создание этого труда и на стадии возникновения его замысла, и в период непосредственного его написания. Неудовлетворенность отвлеченными, оторванными от практической революционной борьбы взглядами Фейербаха, его абстрактно-антропологическим толкованием сущности человека и происхождения религии возникла у Энгельса еще до

того, как Маркс в знаменитых «Тезисах о Фейербахе» четко сформулировал противоположность нового, революционного диалектико-материалистического мировоззрения предшествующему, в том числе и феербахянскому, материализму¹¹. Энгельс первый обратил внимание на книгу Штирнера «Единственный и его собственность» и высказался о целесообразности подвергнуть ее критическому анализу¹². В ходе дальнейшего обсуждения этого вопроса с Марксом было решено уделить критике Штирнера значительное место в новой работе. После того как были написаны главы второго тома, посвященные критической характеристике «истинных социалистов» — сентиментально-мещанской разновидности мелкобуржуазного социализма, Энгельс по своей инициативе дополнил его в начале 1847 г. новой рукописью, в которой высмеял последние литературные выступления представителей этого течения¹³.

Сам текст «Немецкой идеологии», особенно первого тома, был результатом совместного труда обоих авторов. Это произведение в большей части своей писалось Марксом и Энгельсом не только по выработанному общему плану, но и в буквальном смысле за одним столом. И тем не менее в первой, центральной главе — «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений», в которой содержалось позитивное изложение материалистического понимания истории, большая часть основных мыслей принадлежала Марксу. Однако история написания «Немецкой идеологии» показывает, что и Энгельс сыграл немалую роль в формулировании открытых Марксом законов общественного развития и что достигнутое им самостоятельно восприятие исторических процессов, а также понимание поверхностного и зачастую ложного толкования их предшествующей историографией органически вошли в создаваемое новое, материалистическое учение об обществе.

В «Немецкой идеологии», особенно в ее первой главе, материалистическое понимание истории выступает как сложившаяся цельная концепция, являющаяся теоретической основой научного коммунизма. Авторы не только показали определяющую роль материального производства в общественном процессе — эта мысль выдвигалась и обосновывалась уже в предыдущих их работах, — но и раскрыли внутренние пружины развития самих материальных условий жизни общества, самого

производства, выяснили диалектическое взаимодействие таких его сторон, как производительные силы и производственные отношения (по терминологии «Немецкой идеологии» — формы общения). Закладывая основы учения о смене общественно-экономических формаций — сам термин «общественная формация» появился у Маркса позднее, впервые в конце 1851 г., — Маркс и Энгельс доказали, что основой исторического процесса в конечном счете является переход от одного способа производства к другому, более прогрессивному, в результате конфликта между развивающимися производительными силами и устаревшими производственными отношениями, отжившей формой собственности, которая, как позднее разъяснил Маркс, служит юридическим выражением этих отношений. Такой переход носит характер подлинной социальной революции, которая ведет к утверждению новых производственных отношений, соответствующих уровню развития производительных сил, и вызывает коренное изменение не только в материальном базисе общества, но и во всей его политической надстройке и в формах общественного сознания. На определенной степени развития человечества созревают материальные условия для перехода к наиболее прогрессивному общественному строю — коммунизму в виде могучих производительных сил, созданных в буржуазную эпоху, и революционного класса, призванного осуществить коммунистическое преобразование общества. Вывод о неизбежности пролетарской, коммунистической революции непосредственно вытекал из всей теории исторического материализма.

Если в прежних своих работах и Маркс, и Энгельс стремились материалистически истолковать отдельные периоды истории, то в «Немецкой идеологии» впервые было выдвинуто материалистическое объяснение исторического процесса в целом. В этом произведении показано универсальное действие законов общественного развития, дан ключ к пониманию всего хода всемирной истории, к ее научной периодизации. Авторы «Немецкой идеологии» впервые в обобщенном виде набросали картину развития человеческого общества от ранних его ступеней до современной им капиталистической стадии, которую они рассматривали как подступ к коммунистической революции. Стройная материалистическая концепция истории позволила еще точнее определить место трудящихся масс — главного фактора материального

производства и основной движущей силы революции, значение классовой борьбы и ее различные формы на разных ступенях развития общества, всемирно-историческую миссию рабочего класса — революционного ниспровергателя капиталистического строя.

Создание «Немецкой идеологии» явилось важнейшей вехой в истории марксизма, проложило путь к завершению его формирования. Теоретические выводы, сделанные в этом произведении, основные разделы которого при жизни авторов так и не были опубликованы и увидели свет лишь спустя много лет после их смерти, были вскоре в еще более совершенном виде изложены в «Нищете философии» Маркса (1847 г.) и в «Манифесте Коммунистической партии» (начало 1848 г.) Маркса и Энгельса — первом программном документе научного коммунизма.

Рубежной вехой явилась «Немецкая идеология» и в становлении марксистской историографии, в создании методологической базы марксистской исторической науки. В цельной и стройной материалистической концепции истории это новое направление приобрело могучее средство исследования общественных явлений, что сразу же обусловило превосходство его над прежними и современными ему историческими школами и течениями. «Домарксовская «социология» и историография, — отмечал В. И. Ленин, — в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»¹⁴.

Для самих Маркса и Энгельса достигнутые в «Немецкой идеологии» теоретические результаты явились отправным пунктом в их дальнейшей научной и практической деятельности. Они опирались на эти результаты в развернувшейся борьбе за сплочение передовых пролетарских элементов в пролетарскую партию, за создание программных документов основанного ими летом

1847 г. Союза коммунистов, в полемике против буржуазных идеологов и представителей различных течений мелкобуржуазного социализма: прудонизма, вейтлингианства, «истинного социализма». Теоретические принципы и положения «Немецкой идеологии» ее авторы рассматривали как своего рода широкую программу исследований общественных явлений и процессов с новых, диалектико-материалистических позиций. После того как было завершено создание в общих чертах материалистической теории истории, писал впоследствии Энгельс, «мы принялись за детальную разработку этих новых воззрений в самых разнообразных направлениях»¹⁵.

Эту творческую работу в указанном плане отражает деятельность Энгельса накануне буржуазно-демократических революций 1848—1849 гг. в Европе. Особенно интенсивными и разносторонними становятся его выступления в печати. На страницах эмигрантского органа «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», ставшего рупором коммунистических идей, чартистской газеты «The Northern Star», французской демократической газеты «La Réforme» Энгельс пропагандирует новое революционное мировоззрение, обосновывает тактику рабочего движения в различных вопросах тогдашней общественной жизни, откликается на различные события, дает отпор враждебным коммунизму взглядам.

К публицистической деятельности Энгельса применимо высказывание В. И. Ленина о публицистике как истории современности¹⁶. Энгельса-журналиста иногда невозможно отделить от Энгельса-историка. Он обнаружил не только глубокое понимание современных событий, но и умение ставить их в связь с историческим развитием той или другой страны, а нередко и с более широкими общеисторическими процессами, с характерными чертами эпохи, анализировать исторические корни происходящего. Из отдельных оценок и характеристик, содержащихся в статьях Энгельса, нередко складывалась концептуальная трактовка целой полосы истории тех или иных народов, отражавшая творческое применение материалистического понимания истории к определенным историческим явлениям, развитие и конкретизацию этого понимания. Не оставил Энгельс и занятий специальными историческими исследованиями, хотя участие в революционной борьбе оставляло для этого все меньше времени.

Так, Энгельс воспользовался совместной с Марксом поездкой в Англию в июле — августе 1845 г., еще до того, как друзья вплотную приступили к написанию «Немецкой идеологии», чтобы дополнить свои материалы по истории этой страны. Результатом было появление трех обширных тетрадей с выписками, сделанными преимущественно во время работы в старинной Чаттамской библиотеке Манчестера. Эти манчестерские тетради Энгельса предназначались для задуманного им большого труда по социальной истории Англии, который, как уже говорилось, он намеревался написать по окончании работы над своей книгой о положении английского пролетариата. Выписки сделаны из экономических и исторических трудов, охватывающих историю Англии с XIV по XIX в. Среди них книги: Т. Тука «История цен и состояние денежного обращения с 1793 по 1837 г.», Дж. У. Гилбарта по истории банковского дела, Дж. Р. Портера по экономической истории Англии с начала XIX в., Дж. Эйкена о промышленности в окрестностях Манчестера, работы о народонаселении, брошюра о создании и деятельности тред-юнионов в хлопчатобумажной промышленности с конца XVIII в. и др. На отдельных страницах приведены довольно обширные списки книг и брошюр на различные интересовавшие Энгельса темы, преимущественно по вопросам экономики и социальной жизни Англии¹⁷.

Из исторических работ Энгельса заинтересовал труд У. Годвина «История английской республики. От ее установления до реставрации Карла II» — свидетельство его внимания к событиям английской буржуазной революции середины XVII в. Не случайно и обращение к этому автору. Годвин — один из родоначальников анархизма и мелкобуржуазный критик капиталистических порядков. Его главное произведение «Исследование о политической справедливости» Маркс и Энгельс как раз в это время собирались включить в задуманную ими для издания на немецком языке «Библиотеку выдающихся иностранных социалистов»¹⁸. Книга Годвина об английской революции проникнута демократическими тенденциями, хотя всякую форму государственности, в том числе и республиканскую, автор рассматривал как зло.

Особенно обстоятельны выписки Энгельса из трехтомной работы английского буржуазного экономиста и историка Ф. М. Идена «Положение бедных, или Исто-

рия трудящихся классов Англии со времени завоевания по настоящий период» (вышла в Лондоне в 1797 г.). «...Единственный из учеников Адама Смита, сделавший в XVIII веке кое-что значительное», — отзывался об Идене в «Капитале» Маркс, что не помешало ему увидеть ограниченность и апологетические черты воззрений этого автора: возведение права в определяющий фактор общественного развития, оправдание экспроприации крестьян, захвата общинных земель лендлордами¹⁹. У Энгельса в 1845 г. сложилось аналогичное мнение об Идене. В своих замечаниях он характеризует Идена как «в целом законченного фритредера à la Смит», писателя, увидевшего в огораживании общинных земель «великое деяние», сторонника крупного капиталистического землевладения и защитника буржуазных интересов, не заметившего связи между потребностью складывающейся капиталистической промышленности в рабочих руках и ростом пауперизма среди трудящихся классов²⁰.

В то же время в книге Идена был собран весьма большой фактический материал, характеризующий положение народных масс Англии в различные периоды ее истории. Именно это и привлекло к ней внимание Энгельса. Судя по его выпискам, в своем будущем труде он собирался дополнить данную им в «Положении рабочего класса в Англии» характеристику формирования пролетариата анализом исторических судеб английских трудящихся с конца средних веков и до промышленной революции XVIII в. Энгельс намеревался проследить процессы обезземеливания крестьян, образования наемных рабочих мануфактур и другие характерные социальные явления периода раннего капитализма.

Однако замыслам Энгельса не суждено было осуществиться. Участие в написании «Немецкой идеологии» и другие неотложные дела помешали ему реализовать свой план, хотя вплоть до начала 1848 г. он еще не отказался от мысли написать и опубликовать в том или ином виде новую монографию. Так, в декабре 1847 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» была опубликована заметка, в которой говорилось о работе Энгельса над книгой под названием «К истории английской буржуазии». Кое-что в этом плане ему удалось сделать. Еще во второй половине 1845 г. он опубликовал «Дополнение к характеристике положения рабочего

класса в Англии», описав в нем одну из английских забастовок, и статью «История английских хлебных законов», а в течение последних месяцев 1847 и в начале 1848 г. в целой серии корреспонденций во французскую газету «La Réforme» дал подробную характеристику развития чартистского движения²¹. В этих корреспонденциях он уделил внимание также положению в Ирландии — стране острых социальных конфликтов и национальных противоречий, интерес к которой у Энгельса проявился давно (в 1843 г. он посвятил Ирландии одно из своих «Писем из Лондона»).

Постоянное освещение событий в Германии в печати побудило Энгельса приступить к переосмыслению с материалистических позиций и истории родной страны. Стали складываться первые элементы новой концепции германской истории. В серии статей «Положение в Германии», опубликованной в газете «The Northern Star» в конце 1845 — начале 1846 г., была нарисована целая историческая панорама, отобразившая историческое развитие Германии с конца XVIII столетия до 40-х годов XIX в. При этом в центре внимания автора была эволюция различных классов немецкого общества. В толковании ряда узловых проблем истории Германии Энгельс коренным образом разошелся с господствующими воззрениями не только официальной дворянской, но и либеральной немецкой историографии. «Мои взгляды на все эти события, — писал он, например, имея в виду период французской буржуазной революции конца XVIII в. и наполеоновских войн, — диаметрально противоположны общепринятым»²². Энгельс подчеркнул огромное плодотворное влияние на Германию французской революции и прогрессивный характер тех ударов по феодальной системе, которые были нанесены наполеоновским вторжением. Однако, стремясь развенчать националистические легенды официальных немецких историков, он сделал акцент на негативных сторонах борьбы против господства Наполеона, на использовании плодов победы над ним реакционными дворянско-монархическими кругами, а сопротивлению народа наполеоновскому гнету не уделил внимания. В последующих трудах он уточнил свою оценку наполеоновских войн, глубже разобравшись в их противоречивой природе и показав значение народной борьбы против владычества наполеоновской Франции.

Важным вкладом в разработку истории Германии явилась брошюра Энгельса «Конституционный вопрос в Германии», над которой он работал в начале 1847 г. Брошюра была направлена против представителей «истинного социализма», идеализировавших мелкобуржуазные патриархальные отношения и не признававших прогрессивность капиталистической системы. В «Конституционном вопросе в Германии» содержится анализ как общих закономерностей, так и специфических особенностей развития капитализма в этой стране. Энгельс вскрывает здесь причины экономического отставания Германии от более развитых капиталистических стран, отмечая доминирующее положение в немецкой промышленности вплоть до начала XIX в. мелкой буржуазии, указывает на сохранение абсолютистско-монархических режимов во многих германских государствах, политической раздробленности, всепущия бюрократии и других преград на пути возвышения буржуазии, подчеркивает неизбежность углубления конфликта между ней и существующим статус-кво. К сожалению, эту работу Энгельс не сумел опубликовать. Однако многие сделанные им выводы, касающиеся особенностей немецкого исторического процесса, получили отражение в ряде его напечатанных в то время статей — «Прусская конституция», «Протекционизм или система свободы торговли» и др.²³

К периоду, предшествовавшему революциям 1848 г. в Европе, относится, если можно так выразиться, дебют Энгельса как историка Франции, давшего материалистическое освещение современного ему периода истории этой страны. Со времени написания упомянутой выше статьи «Централизация и свобода» (1842 г.), когда Энгельс был еще революционным демократом, он касался в печати французской истории лишь бегло. Сейчас же он сделал состояние французского общества периода Июльской монархии объектом специального анализа, создав на эту тему целый цикл статей. К нему относятся напечатанные в 1847 — начале 1848 г. в «The Northern Star» статьи «Правительство и оппозиция во Франции», «Закат и близость падения Гизо. — Позиция французской буржуазии», «Манифест г-на Ламартина», «Движение за реформу во Франции», «Раскол в лагере сторонников реформы. — «Réforme» и «National». — Успехи демократии», «Движение за реформу во Франции. — Банкет в Дижоне», ««Удовлетворенное» боль-

шинство», «Сенсационные разоблачения — Абд-эль-Кадир. — Внешняя политика Гизо» и др.²⁴

В этой серии дана яркая характеристика установившегося после Июльской революции 1830 г. во Франции режима господства крупной финансовой буржуазии, контрреволюционной внутренней и внешней политики правящих кругов Франции, «короля-буржуа» Луи-Филиппа. Энгельс не только охарактеризовал антинародный строй Июльской монархии, но и нарисовал картину ее политических нравов, приведя портретные зарисовки ряда государственных деятелей, депутатов, журналистов, а также типичные примеры продажности и беспринципности героев тех шумных скандалов, которые то и дело разыгрывались на политической сцене. Главное внимание в статьях уделено выяснению социальных корней нарастающей во Франции политической борьбы, столкновений различных партий, усиления недовольства режимом, вылившегося в банкетную кампанию в пользу избирательной реформы. При этом Энгельс отметил слабость и половинчатость буржуазной оппозиции, углубляющиеся разногласия в лагере оппозиционного движения между умеренными республиканцами и блоком мелкобуржуазных демократов и социалистов. К лидерам последних — Ледрю-Роллену, Луи Блану и др. — он уже тогда отнесся критически, указав не только на слабость их как политиков, на склонность к фразерству, амбициозность, претензию на главенство среди европейской демократии, но и на изъяны в их мировоззрении, в понимании исторического процесса. Он, в частности, осудил националистические тенденции Луи Блана, приписывавшего французам особую космополитическую роль в истории, изображавшего их неким избранным народом и крайне принижавшего вклад других народов в мировую цивилизацию²⁵.

Раскрывая расстановку классовых сил во Франции накануне революционных событий 1848 г., Энгельс пророчески предсказывал, что решающий удар Июльской монархии будет нанесен не фрондирующими фракциями буржуазии, а пролетариатом. Рабочие Франции, писал он, вот кто не на словах, а на деле, как уже показала прошлая история, являются подлинными революционными ниспровергателями отживших режимов.

Освещал Энгельс исторические события и в ряде других стран — в Италии, Польше, Венгрии, Швейцарии, Дании, Бельгии и др. Потребность в разработке

тактической платформы пролетарских революционеров в национальном вопросе побудила его при этом проявлять особое внимание к национально-освободительным движениям угнетенных народов Европы. Характерным для него было стремление рассматривать местные события, явления национальной истории не изолированно, а как звенья общих процессов, как результат действия общих закономерностей, хотя и обнаруживающихся в специфической национальной форме. Таким широким подходом к текущей истории особенно отличаются его статьи «Гражданская война в Швейцарии», «Движения 1847 года», «Начало конца Австрии», «Три новых конституции». В них Энгельс четко указал на симптомы назревавшей революции и раскрыл ее главную особенность по сравнению с буржуазными революциями прошлого. В отличие от прошлых революций, подчеркивал он, она произойдет в условиях, когда большой остроты достигли классовые противоположности между буржуазией и пролетариатом, что неизбежно должно наложить свой отпечаток на поведение различных классов в ее ходе.

Способность к широким историческим обобщениям Энгельс проявил и в ходе работы над программой Союза коммунистов. Им было создано два предварительных варианта этой программы: «Проект коммунистического символа веры» (июнь 1847 г.) и «Принципы коммунизма» (октябрь—ноябрь 1847 г.)²⁶. В обоих документах, особенно во втором, — роль рабочего класса как революционного преобразователя общества обосновывается не только выяснением его положения в капиталистическом обществе, но и исторически — характеристикой его происхождения, сопоставлением его с угнетенными и эксплуатируемыми классами докапиталистических эпох и начальной стадии капитализма (до появления крупной машинной промышленности): рабами, крепостными, ремесленниками, рабочими мануфактур.

При этом проблема рассматривается отнюдь не в рамках одной страны, как это было в прежних работах Энгельса об Англии. Промышленная революция, возникновение и развитие крупной промышленности, формирование и рост класса наемных рабочих характеризуются как универсальные, всеобщие явления, как всемирно-исторические процессы. Само обоснование неизбежности коммунистической революции и прогноз

коммунистического общества проникнуты глубоким историзмом, пониманием необходимости исторических предпосылок для утверждения нового, коммунистического строя и трактовкой пути к нему как целой исторической полосы преобразования и общественных отношений, и самих людей. Таким образом, разрабатывая эти документы, Энгельс воплотил ряд идей «Немецкой идеологии» в четкие программные положения. Недаром эти проекты программы Союза коммунистов были использованы при создании «Манифеста Коммунистической партии».

«Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса отличается не только богатством теоретических идей, но и глубоким историческим содержанием. В обобщенной форме здесь воспроизведена картина становления и развития буржуазного общества, показаны процессы складывания всей его классовой структуры, формирование самой буржуазии (в «Принципах коммунизма» эти стороны генезиса капитализма почти не затрагивались), происхождение пролетариата, исторические судьбы остальных классов и социальных слоев при капитализме. В «Манифесте» охарактеризовано историческое развитие классовой борьбы, особенно в капиталистическую эпоху, выяснена природа и особенности рабочего движения, те ступени, которые проходит рабочий класс в своем противоборстве с буржуазией²⁷.

Для творчества Маркса и Энгельса характерно постоянное внимание к духовной жизни общества. Оно выразилось и в критике буржуазной и мелкобуржуазной общественной мысли, причем не только в области философии, политической экономии, социологии, политики (см., например, работу Маркса «Нищета философии», полемические статьи Маркса и Энгельса против английских фритредеров, против мелкобуржуазного радикала Карла Гейнца и т. д.), но и в таких специальных областях, как право, эстетика, история литературы. В этом отношении особенно выделяются опубликованные в 1847 г. очерки Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе», посвященные критике эстетических принципов «истинного социализма». В них Энгельс в противовес этому течению не только заложил фундамент марксистской литературной критики, но и на примере анализа творчества И. В. Гёте выдвинул ряд важных положений для изучения истории литературы с новых методологических позиций. Он, в частности, под-

черкивал важность анализировать творчество того или иного писателя «в связи со всей его эпохой, с его литературными предшественниками и современниками»²⁸.

Тщательно изучали Маркс и Энгельс историю социалистических идей. Энгельс еще осенью 1845 г. написал большую работу «Отрывок из Фурье о торговле», приведя в ней извлечения из сочинения последнего «О трех внешних единствах». В комментариях он отметил неустаревающее значение рациональных сторон учения великого социалиста-утописта, его критики буржуазного общества, а также эпигонский характер интерпретации этого учения французскими последователями Фурье и особенно немецкими «истинными социалистами»²⁹.

Глубокая обобщающая характеристика исторического развития социалистической мысли содержится в «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Авторы его раскрыли исторические заслуги представителей критически-утопического социализма и коммунизма и в то же время оторванность их от реальной борьбы пролетариата, в котором они так и не сумели увидеть революционного преобразователя общества, незрелость их взглядов, причины сектантского вырождения догматических поборников их систем. В «Манифесте» дана оценка и другим социалистическим течениям — феодальному, мелкобуржуазному и буржуазному социализму, показана их социальная природа, их несовместимость с революционным пролетарским миропониманием.

Создание «Манифеста Коммунистической партии» явилось вершиной теоретической деятельности Маркса и Энгельса до революции 1848 г., в том числе их творчества в качестве основоположников нового направления в исторической науке. С выходом в свет этого произведения завершился в общих чертах процесс формирования марксистского мировоззрения — целостной научной идеологии рабочего класса. Марксизм сложился как революционное идейное течение и направление в рабочем движении.

* * *

Дальнейший этап в истории марксизма приходится на период буржуазно-демократических революций 1848—1849 годов. В этот период Маркс и Энгельс нахо-

дились в центре бурных событий, выдвинувших на первый план задачу развития политической стороны марксистской теории. Со страниц издававшейся ими в Кёльне «Neue Rheinische Zeitung», которую В. И. Ленин называл «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата»³⁰, они мужественно отстаивали интересы народа, обосновывали тактическую линию рабочего класса и революционной демократии, формулировали на всех переломных моментах развития революции задачи и лозунги борьбы, давали отпор проискам контрреволюционных сил, разоблачали соглашательство либеральной буржуазии, политическую близорукость и колебания мелкобуржуазных демократов.

Участие в издании ежедневной газеты, в собраниях и митингах, в деятельности рабочих и демократических организаций Рейнской провинции, налаживание и поддержание связей с пролетарскими революционерами и демократическими союзниками в других частях Германии и за рубежом не оставляли Энгельсу времени для специальных исследований в области истории. Политические и судебные преследования «Neue Rheinische Zeitung» и ее редакторов заставили его с октября 1848 по начало января 1849 г. укрываться от ареста в Швейцарии. Летом 1849 г. после насильственного прекращения выпуска газеты Энгельс принял непосредственное участие в военных действиях баденско-пфальцской повстанческой армии.

Тем не менее и во время революции творчество Энгельса как историка продолжалось. Новый этап в развитии марксистской теории и революционно-практической деятельности основоположников научного коммунизма не был бесплодным и с точки зрения прогресса марксистской исторической науки. Для нее это было время проверки ее методологических принципов и дальнейшего анализа исторических явлений, преимущественно событий текущей истории. Марксизм является воплощением единства теории и практики. Именно в силу этого, активно участвуя в революционной борьбе, Маркс и Энгельс продолжали аналитическую работу по осмыслению исторического процесса, начатую в предыдущие годы, без чего невозможна была выработка революционной тактики на подлинно научной основе.

Как и накануне революции, основной формой творчества Энгельса в области истории оставалась публицистика. Объектом анализа служили прежде всего про-

исходившие у него на глазах события, источниками — текущая пресса, информация друзей и единомышленников, корреспондентов «Neue Rheinische Zeitung», личные наблюдения.

Главной темой публицистики Энгельса были перипетии революционной борьбы в Германии, Франции, Италии, Австрии, Венгрии, ее влияние на политическую жизнь других стран Европы: Англии, Бельгии, Швейцарии и т. д. Энгельс написал ряд работ, освещающих разные стороны развития революции в Европе: серию статей о восстании французского пролетариата в июне 1848 г., которое основоположники марксизма рассматривали как ключевой, переломный момент не только французской, но и европейской революции; статьи и циклы статей о дебатах во Франкфуртском и Берлинском национальных собраниях, раскрывающие позицию различных классов в германской революции, о познанском (март — апрель), пражском (июнь), франкфуртском (сентябрь) восстаниях 1848 г., о революционных войнах в Венгрии и Италии, о германо-датской войне из-за Шлезвига и Гольштейна, о вооруженной борьбе в Рейнской провинции Пруссии, Саксонии и Южной Германии за общегерманскую имперскую конституцию и т. д.³¹ Из анализа отдельных событий и эпизодов революционной борьбы у Энгельса складывалось общее представление о характере и направлении развития германской и европейской революций, о поляризации классовых сил в ходе этого развития, о стремлении значительной части немецкой буржуазии вопреки интересам народных масс воспрепятствовать подлинно революционному, демократическому решению основных революционных задач: объединения Германии, ликвидации пережитков феодализма, освобождения угнетенных национальностей. В измене буржуазии делу революции, в обнаруженных ею тенденциях к компромиссу с дворянско-монархическими кругами, а во Франции к прямому переходу ее на контрреволюционные позиции, выразившемуся прежде всего в кровавой расправе с рабочим классом в июне 1848 г., Энгельс увидел наряду с неустойчивостью и непоследовательностью мелкобуржуазных участников движения опасные симптомы, предвещавшие поражение революционных сил. Эти наблюдения и выводы послужили ценным материалом для широких обобщений в написанных позднее специальных трудах, посвященных событиям 1848—1849 годов.

В статьях «Внешняя политика Германии», «Датско-прусское перемирие», «Венгрия», «Революционное восстание в Пфальце и Бадене» (последняя была написана уже после прекращения выхода «*Neue Rheinische Zeitung*») и во многих других Энгельс затрагивал международные аспекты революции. Эти статьи явились продолжением его прежнего анализа внешней политики ряда европейских государств накануне революции 1848 г., в частности в связи с дипломатическими конфликтами, вызванными мятежом союза реакционных капитонов (Зондербунда) и гражданской войны в Швейцарии в 1847 г., — анализа, который положил начало марксистскому изучению истории международных отношений. Главное в этих статьях — выявление контрреволюционного характера внешней политики господствующих классов тогдашних великих держав, причем не только крепостнической царской России, но и буржуазных Англии и Франции, вывод о том, что контрреволюционная буржуазия перенимает дипломатические методы реакционных феодально-абсолютистских монархий, раскрытие тенденций к международному сговору контрреволюционных сил, направленному на удушение революции. Энгельс показал это на примере совместных дипломатических демаршей Англии и царской России в пользу датской монархии в связи с обострением шлезвиг-гольштейнского вопроса, решение которого он рассматривал как составную часть борьбы за демократическое объединение Германии³², на примерах готовившейся царской интервенции в Венгрию в поддержку австрийской реакции и попыток русского царизма, гогенцоллерновской Пруссии, австрийских Габсбургов возродить при попустительстве и одобрении западноевропейской буржуазии Священный союз как орудие подавления революционного движения.

Важное место в публицистике Энгельса в этот период занимал анализ повсеместно вспыхнувшей в это время национальной борьбы. При этом Энгельс стремился поставить освещение национальных проблем на историческую почву, раскрыть исторические причины национальных конфликтов, выяснить место и роль национальных движений в историческом процессе. Именно в это время стали складываться первые контуры нового, материалистического учения о таком сложном явлении, как происхождение нации и возникновение национальных государств. В серии статей «Дебаты по

польскому вопросу во Франкфурте» Энгельс, в частности на примере поглощения южных провинций (Прованса) Французским королевством, показал, что процесс национальной консолидации уходит своими корнями в средние века и тесно связан с торгово-промышленным развитием страны, с возвышением прогрессивных классов, заинтересованных в известной централизации и уничтожении очагов средневековой обособленности и замкнутости, оплотов феодального партикуляризма³³.

В другой связи Энгельс указал на сложность этих централизаторских процессов, на их особенности в Центральной Европе. Он подчеркнул, что наряду с экономическими потребностями они были обусловлены и такими факторами, как необходимость отпора восточным завоевателям — турецкому нашествию в XV—XVI вв., а до этого нашествию монголов. Это послужило стимулом, отмечал он в статье «Борьба в Венгрии», к образованию такого многонационального государства, как империя Габсбургов, в рамках которой наиболее развитая нация — австрийские немцы — оказалась в привилегированном положении, а отставшие в экономическом отношении и задержавшиеся в силу этого в своем национальном развитии народности, в частности южные славяне, были обречены на национальное порабощение³⁴. Орудием национального гнета служило не только экономическое подчинение, но и политическое насилие, осуществляемое иногда и в форме международных акций, о чем, например, говорят разделы Польши в конце XVIII в., история которых постоянно привлекала внимание Энгельса, или утверждение австрийского владычества в Северной Италии в результате общеевропейских войн. Вместе с тем появление элементов капиталистической экономики и процесс национальной консолидации среди самих угнетенных народов — поляков, венгров и других, указывал Энгельс, неизбежно приводит к столкновению их с господствующими классами привилегированных наций, порождают национальные движения.

К национальным движениям Энгельс подходил дифференцированно. Он выдвинул принцип конкретно-исторического рассмотрения каждого из них, установил критерии для их оценки, а именно учет их классового характера, того обстоятельства, какие социальные слои определяли цели и направленность того или иного движения, места его в общей расстановке контрреволю-

ционных и революционных сил. Поэтому, горячо поддерживая в 1848—1849 гг. подлинно освободительные, революционные движения поляков, венгров, итальянцев, Маркс и Энгельс решительно осуждали тогдашнее движение ряда славянских народов Австрийской империи — хорватов, сербов Воеводины и других, развивавшиеся под эгидой феодально-монархических элементов и использовавшиеся правящими кругами Австрии, а также русским царизмом для подавления революции в Венгрии и Италии.

С горячим сочувствием отозвавшись о чешских демократах, возглавивших пражское восстание в июне 1848 г., основоположники марксизма изменили свое отношение к движению чехов, когда в нем после поражения восстания возобладали правые буржуазные элементы, ориентировавшиеся на автономию в рамках Австрийской империи в противовес революционному требованию разрушения этого оплота реакции и тюрьмы народов. Эту позицию Маркса и Энгельса В. И. Ленин считал совершенно правильной, соответствующей принципам пролетарского интернационализма. Он писал: «...Маркс и Энгельс *противопологали* тогда прямо и определенно «целые реакционные народы», служащие «русскими форпостами» в Европе, «революционным народам»: немцам, полякам, мадьярам. Это факт. И этот факт был *тогда бесспорно* верно указан: в 1848 г. революционные народы бились за свободу, главным врагом которой был царизм, а чехи и т. п. действительно были реакционными народами, форпостами царизма»³⁵.

Однако выработка марксистских взглядов на ряд исторических явлений, в частности на национальные проблемы, в то время еще только начиналась. На этой стадии неизбежны были пробелы в их освещении и даже отдельные односторонние, а порой и ошибочные суждения, которые были исправлены, во многом самим Энгельсом, в процессе дальнейшего развития марксистской науки. Такие суждения можно обнаружить и в статьях Энгельса этого времени. Так, в статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» (1847 г.) он явно недооценил историческое значение крестьянских движений средневековья, очень скоро — на основании опыта революции 1848—1849 гг. и более основательного изучения предмета — изменив эту точку зрения. В «Гражданской войне в Швейцарии» (1847 г.) он, полемизируя с защитни-

ками патриархальных устоев, перенес справедливую оценку контрреволюционных сепаратистских действий Зондербунда в 1847 г. на борьбу швейцарских кантонов за независимость против австрийского владычества в прошлом. Позднее, особенно в своих военно-исторических работах, он сам подчеркивал освободительный характер войн швейцарцев, в основном швейцарских крестьян, с австрийскими и бургундскими феодалами³⁶.

Односторонние оценки встречаются у Энгельса и в период революции 1848—1849 гг., в частности в его статьях «Борьба в Венгрии» и «Демократический панславизм», в характеристике исторических судеб ряда славянских народов Австрийской империи, национальное движение которых того времени он правильно оценил как контрреволюционное. Изображение немецкой колонизации славянских земель в прошлом как процесса продвижения цивилизации расходилось здесь с той картиной хищнической, захватнической политики немецких государств на Востоке, которую сам же Энгельс дал в своей работе «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте»³⁷.

Что касается будущего указанных народов, то он высказал не подтвердившееся историей предположение о том, что, подобно другим малым народностям (баскам в Испании, бретонцам во Франции, гэлам в Шотландии), их ожидает поглощение крупными и более жизнеспособными нациями. Энгельс при этом исходил из проявившейся с развитием капитализма централизаторской тенденции и из важности для пролетариата использовать эту прогрессивную тенденцию в интересах освобождения трудящихся классов и всех угнетенных народов. Он, однако, недостаточно учел, да и объективные условия того времени давали для этого еще мало материала, другую порождаемую капитализмом тенденцию — усиление сопротивления национальному гнету со стороны угнетенных наций, как больших, так и малых, их растущее стремление к национальной самостоятельности. Позднее Энгельс, рассматривая национально-освободительную борьбу южных славян против турецкого господства, ирландцев против английского, а также другие примеры освободительных движений, пришел к более глубокому пониманию и этой тенденции, хотя, может быть, в полной мере и не пересмотрел своих взглядов на судьбы малых наций.

Несмотря на то что в некоторых своих работах 50-х годов («Революция и контрреволюция в Германии», «Германия и панславизм») Энгельс воспроизвел указанное положение о мнимой нежизнеспособности ряда славянских народов, входивших в состав австрийской монархии, он сам уже в 1848—1849 гг. начал вносить в него существенные коррективы. Так, он отметил, что в прошлом чехи проявили высокую национальную активность. Он дал весьма точную оценку гуситских войн XV в., показав их народно-освободительный и революционный характер³⁸. И в 1848—1849 гг., отмечал Энгельс во многих статьях, славянские народы империи Габсбургов явились не столько орудиями, сколько жертвами реакции. Контрреволюционная роль была навязана им коварной и вероломной политикой правящих кругов Австрийской империи, использовавших национальные противоречия и сумевших увлечь эти народы лживыми посулами предоставления автономии. «Их заманивали обещаниями создать «славянскую Австрию», — писал Энгельс в статье «О военной диктатуре в Австрии», — их использовали для того, чтобы одержать победу в Италии и Венгрии, а в благодарность их вновь отбрасывают назад, под гнет старого меттерниховского палочного режима»³⁹.

С исключительным вниманием следил Энгельс за каждым симптомом пробуждения у славянских народов разочарования в политике Габсбургов и их собственных феодально-монархических и консервативных буржуазных лидеров, за каждым проявлением симпатий к венгерской и германской революциям, за каждым шагом венгерского революционного правительства в сторону пересмотра его в целом негибкой и недалеконидной позиции в национальном вопросе. С удовлетворением он констатировал, что словаки стали переходить на сторону венгров «после того, как последние освободили словацких крестьян от феодальных повинностей и сделали некоторые уступки в отношении языка и национального чувства»⁴⁰. В крестьянском движении гуцулов Буковины Энгельс усмотрел возможный пролог к восстанию крестьян и в других частях империи Габсбургов. «Если бы славяне в какую-нибудь эпоху своего угнетения начали *новую революционную историю*, — сделал Энгельс обобщающий вывод, — они уже этим одним доказали бы свою жизнеспособность. Революция с этого самого момента была бы заинтересована в их

освобождении, и частные интересы немцев и мадьяр отступили бы перед более важными интересами европейской революции»⁴¹.

Эта важная оговорка к суждению об утрате австрийскими славянами перспектив самостоятельного национального существования оказалась гораздо более правильным и проницательным историческим прогнозом, чем само суждение. Малые славянские народы, поработанные угнетательской Австрийской империей, в ходе исторического развития не только обнаружили способность к национальной самостоятельности, к созданию независимых национальных государств, но и выдвинулись в первые ряды революционных борцов за новый, самый передовой общественный строй — социализм.

Революция 1848—1849 гг. пробудила у Энгельса интерес к военной стороне исторических событий, дала толчок к формированию в его лице военного теоретика пролетариата и марксистского военного историка. Уже первый его отклик на начало революционной вспышки в Европе — статья о февральском восстании 1848 г. во Франции «Революция в Париже» — содержал анализ, хотя и не очень детальный, действий повстанцев и противостоящих им контрреволюционных сил с военной точки зрения. Затем последовали серия статей о пролетарском восстании в Париже в июне 1848 г., статьи об обоих фазах австро-пьемонтской войны (лето 1848 и март 1849 гг.), цикл военных обзоров о революционной войне в Венгрии и т. д.

Во всех этих работах ход военных действий рассматривался весьма обстоятельно, давалась подробная характеристика стратегии и тактики воюющих сторон, организации сражающихся армий, полководческого искусства их командующих. Ярко обнаружилось умение Энгельса разобраться в главных причинах успехов или неудач той или иной армии, обобщать изучаемый военный опыт. Энгельс проявил способность критически анализировать источники информации, извлекать даже из весьма односторонних, противоречивых, тенденциозных сообщений буржуазной печати, резко враждебной июньским повстанцам, официальных австрийских сводок и настроенных против революционной Венгрии немецких газет данные, позволяющие объективно представить себе ход военных событий. Писать ему приходилось, буквально идя по их следам и не имея под рукой более надежных сведений (венгерские источники, например,

Энгельсу тогда просто были недоступны). И тем не менее его статьи, если не считать естественных в этих условиях мелких неточностей, отображали подлинную картину военных действий, что он сам отмечал позднее в письме Марксу 6 июля 1852 г., делясь с ним новыми планами создания работы о венгерской кампании⁴².

Уже эти первые работы Энгельса показывают, что ему было свойственно рассмотрение военных событий в тесной связи с общими историческими процессами. Он обнаружил понимание их обусловленности рядом материальных факторов (уровень экономики, вооружение, укомплектованность и обученность войск, природные особенности театра военных действий и т. д.), зависимости способа военных действий от характера той или иной войны, определяющего влияния того или иного общественного и политического строя на состояние армии, ее стратегию и тактику. Не сбрасывая он со счетов и такие моральные факторы, как революционное воодушевление и патриотические чувства. Характеризуя австрийскую армию, он, в частности, отмечал, что она отражала консерватизм и рутину феодально-абсолютистской монархии и это сказывалось в ее неповоротливости, в шаблонности ее тактики, в приверженности ее генералитета к устаревшим стратегическим доктринам. «Инертным, механически действующим, но хорошо вымуштрованным массам австрийских армий, — писал Энгельс, — мадьяры, столь плохо обученные и вооруженные, всюду противопоставляют тончайший расчет, мастерское использование местности, умение точнейшим образом ориентироваться и исключительно смелую и быструю реализацию своих планов»⁴³. Преимущества революционного способа ведения войны, подчеркивал Энгельс, могут компенсировать превосходство вражеских армий в вооружении, численности и обученности войск.

Главным достижением Энгельса в военно-исторической области можно считать раскрытие в этот период особенностей революционных войн. Он показал, что в них с исключительной силой проявляется революционная энергия широких масс, поднявшихся на освободительную борьбу против социального и национального гнета. В огне этих войн рождаются новые, прогрессивные формы и способы вооруженной борьбы, новые черты передового военного искусства. Революционные армии, указывал Энгельс, отличаются большой тактической маневренностью, подвижностью, инициативностью.

Они черпают свою силу в повсеместной поддержке со стороны народных масс, в надежности своего тыла, в то время как в тылу противника разворачивается партизанское движение. Сочетание партизанской тактики с действиями регулярной армии Энгельс считал одной из типичных черт народных и революционных войн. В ходе революции, подчеркивал он, совершенствуется и тактика вооруженного восстания, уличных боев, что показал опыт июньских повстанцев Парижа, несмотря на их поражение под натиском вражеских сил, обладавших огромным военным перевесом. Главную заслугу парижских инсургентов Энгельс увидел в попытке преодолеть пассивный, оборонительный характер баррикадной борьбы, сочетать ее с действиями летучих отрядов, внести в восстание, часто отличавшееся стихийностью, планомерный и организованный характер, использовать внезапность и быстроту.

* * *

Подводя итоги рассматриваемому этапу (1845—1849 гг.) творчества Энгельса как историка, можно вкратце сказать следующее. Разработка теоретических основ исторической науки в «Немецкой идеологии», к участию в которой Энгельс был подготовлен всей своей предшествующей духовной эволюцией, особенно созданием такого труда, как «Положение рабочего класса в Англии», дала сильнейший толчок развитию марксистской исторической мысли. Анализ различных исторических явлений стал исключительно интенсивен и охватил многие стороны исторического процесса. В результате были не только созданы методологические предпосылки для исследования всемирной истории и истории отдельных стран с диалектико-материалистических позиций, но и положено начало этому исследованию, сделан, если так можно выразиться, конкретный задел для последующих обобщающих исторических трудов, прежде всего для глубокого осмысления только что пережитой революционной полосы развития.

Глава 3

Развитие Энгельсом марксистской исторической науки в 1850—1873 годах

Время с 1850 по 1873 г. охватывает по существу три этапа в творчестве Энгельса как историка, тесно связанные с определенными вехами в истории марксизма и международного рабочего движения. Первый из них относится к годам, непосредственно следовавшим за поражением революции 1848—1849 гг., когда главные усилия Маркса и Энгельса были направлены на теоретическое обобщение уроков только что происшедших революционных событий. Второй этап наступил после роспуска Союза коммунистов в 1852 г., в условиях европейской реакции, сменившейся в конце 50-х годов новым оживлением революционного движения. Усилия Маркса и Энгельса были направлены в это время на сплочение и воспитание пролетарских революционеров, на поддержание интернациональных связей с деятелями рабочего движения в различных странах и пропаганду революционных идей в печати. В эти годы особую интенсивность приобрела их теоретическая деятельность — разработка Марксом нового экономического учения, занятия Энгельса военным делом, языкознанием, философскими проблемами естественных наук и т. д. С 1864 г. начался новый этап, в течение которого научная работа основоположников марксизма во многом определялась их деятельностью в качестве руководителей первой в истории массовой международной организации пролетариата — Международного Товарищества Рабочих.

На протяжении всех этих этапов марксистская историческая наука находилась в процессе постоянного развития. Оба основоположника марксизма не прерывали своих занятий всемирной историей, даже когда были поглощены исследованиями других областей знания. Нередко изучение специальных исторических проблем выдвигалось у них на первый план или органически включалось в решение других теоретических задач, в разработку других наук.

Научная работа Энгельса протекала в эти годы в весьма неблагоприятных условиях. Находясь в расцвете творческих сил, он вынужден был отдавать значительную часть времени ненавистной ему «коммерции» —

работе в конторе манчестерской текстильной фирмы «Эрмен и Энгельс». Эта подлинная барщина, бремя которой Энгельс взял на свои плечи в значительной мере ради оказания материальной поддержки своему другу и его семье, тянулась с конца 1850 до сентября 1870 г., когда, ликвидировав дела, он наконец смог переехать в Лондон. Она существенно сокращала его возможности заниматься теоретическими исследованиями и ограничивала его творческое общение с Марксом, служившее важным стимулом в этих занятиях. Общение это в рассматриваемое время осуществлялось главным образом в форме регулярной переписки. Правда, благодаря этому позднейшие исследователи биографии Энгельса приобрели ценнейший источник для изучения его духовной жизни и научного творчества, в том числе его работы над проблемами всемирной истории. По переписке Энгельса этих да и последующих лет можно, в частности, проследить рождение у него замыслов исторических трудов, как выполненных, так и оставшихся по ряду причин нереализованными, познакомиться с его мыслями об исторических событиях, в том числе с теми, которые не получили отражения в его опубликованных произведениях, выяснить его мнение о работах различных историков.

Годы, непосредственно следовавшие за революцией 1848—1849 гг., были чрезвычайно плодотворными для развития теории марксизма. Маркс и Энгельс глубоко переосмыслили и конкретизировали закономерности революционного процесса, всесторонне раскрыли его роль в общественном развитии. Новой ступени достигли они в разработке учения о пролетарской революции и пролетарской диктатуре; сам термин «диктатура пролетариата» Маркс впервые ввел в своей работе «Классовая борьба во Франции» (1850 г.). Конкретизированы были не только задачи революционного коммунистического преобразования общества, но и реальные пути подхода к их осуществлению. Обоснованное Марксом в 1852 г. положение о сломе военно-бюрократической государственной машины буржуазии далеко продвинуло вперед научное понимание условий победы пролетарской революции, так же как всесторонне обоснованный основоположниками марксизма в это время вывод о необходимости союза рабочего класса с крестьянством.

Одновременно с новыми теоретическими достижениями марксистской мысли новых рубежей достигла марк-

систская историческая наука. Почти каждое из теоретических произведений, созданных Марксом и Энгельсом в эти годы, представляет собой и классический образец исторического исследования. Это обстоятельство свидетельствует о той огромной роли, которую играли анализ исторических явлений и обобщение исторического опыта в развитии марксизма. Недаром В. И. Ленин именно применительно к развитию взглядов основоположника марксизма на государство в его работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» отмечал: «Учение Маркса и здесь — как и всегда — есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*»¹. Эти слова в полной мере можно отнести к трудам Энгельса, посвященным анализу уроков истории.

Главным объектом как теоретических обобщений, так и исторического анализа были события революций 1848—1849 гг. При этом, если внимание Маркса было сосредоточено в первую очередь на Франции — классической стране классовых битв буржуазного общества, Энгельс основной темой своих исследований избрал Германию, выяснение общих закономерностей и особенностей исторического развития которой, особенно в период революции, также имело первостепенное значение. На данную тему в эти годы он создал цикл крупных работ.

Завершающему этапу германской революции Энгельс посвятил очерки «Германская кампания за имперскую конституцию». Эти очерки были опубликованы в 1850 г. в первых трех номерах журнала «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*», главной целью издания которого, как указали Маркс и Энгельс в извещении о его выходе, было «уяснить пережитый период революции»². Ряд других произведений, написанных основоположниками марксизма в 1850 г., также был напечатан в этом журнале, выпуск которого, однако, они смогли продолжить только до осени этого года.

Очерки Энгельса написаны в значительной мере на основании личных наблюдений. Он был участником многих из описываемых событий: восстания в Рейнской Пруссии (в разгар борьбы Энгельс находился в одном из главных его центров — Эльберфельде), военных действий против прусских и других контрреволюционных войск баденско-пфальцской повстанческой армии, с которой он проделал весь ее боевой путь, перейдя швей-

царскую границу в июле 1849 г. вместе с ее арьергардными частями. Источниками для восстановления хода тех событий, непосредственным очевидцем которых Энгельс не был, послужили сведения, почерпнутые из печати, из военных сводок, например из опубликованных уже после завершения кампании отчетов командующего баденско-пфальцской армией Мерославского, а также из сообщений и рассказов других участников борьбы. Хотя заметное место в очерках занимают личные впечатления, их нельзя считать просто мемуарами. Не сводятся они и к обзору военных действий. Раскрытие военной стороны кампании за имперскую конституцию сочетается с анализом ее социально-политических аспектов, расстановки классовых сил — анализом, чрезвычайно важным для понимания общего хода германской революции и причин ее поражения. Наблюдатель перерастает здесь в аналитика, очевидец событий — в их историка, нарисовавшего обобщающую картину беспечности, беспомощности и колебаний мелкобуржуазных руководителей движения, узости их политического кругозора, непонимания ими законов революционной борьбы. В то же время Энгельс воздал должное рядовым бойцам, их героизму и самоотверженности, оценив также и талант, обнаруженный рядом революционных военачальников (А. Виллихом, И. Ф. Беккером и др.), и показав, что в огне освободительной народной войны неизбежно рождаются такие самородки.

Почти одновременно с опубликованием указанных очерков Энгельс напечатал серию статей в чартистском еженедельнике «Democratic Review» (редактор Дж. Дж. Гарни) под общим заглавием «Письма из Германии». По содержанию эта серия служит как бы продолжением работы «Германская кампания за имперскую конституцию». В ней охарактеризована ситуация, сложившаяся в германских государствах, в том числе в Пруссии и Австрии, после поражения революционных сил в этой кампании. Вопреки мнению, распространенному среди буржуазных обывателей, которые обычно связывали политические и социальные неурядицы с революцией, Энгельс показывает в этих статьях, что именно торжество реакции порождает политический хаос, регресс в социальной и политической жизни народов, грубое подавление всяких свобод и всевластие полицейского произвола, обострение соперничества внутри самих господствующих классов, в частности, свару между деспотическими го-

сударствами — Австрией и Пруссией. «Порядок царит в Германии», — писал Энгельс, — однако никогда еще, даже в давние-предавние времена «Священной Римской империи», в Германии не было такой неразберихи, как нынешнее царствование «Порядка»»³.

Крупнейшим вкладом в марксистскую разработку истории Германии явилась работа Энгельса «Крестьянская война в Германии», опубликованная в последнем, 5-6-м выпуске журнала «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*». Несмотря на то что главной ее темой является народное движение в Германии эпохи Реформации, в ней рассмотрены также и важные, узловые стороны истории германской революции 1848—1849 гг. Нужно было поистине обладать таким умением находить в прошлом зародыши современных процессов, такой способностью к историческим обобщениям, какими был наделен Энгельс, чтобы объединить в рамках одного исследования исторические события, отделенные друг от друга более чем четырьмя столетиями.

Энгельс сумел увидеть в них черты подлинного сходства и в то же время не дал увлечь себя историческими параллелями. Соблюдая принцип историзма, он за аналогией усмотрел и коренные различия. Основанием для сопоставления тех и других событий, как показал Энгельс, служило то, что в период ранней буржуазной революции в Германии на политической арене действовали исторические предшественники тех классов, которые выступали во многом сходным образом в период 1848—1849 гг. Немецкая буржуазия — преемник городского бюргерства времен Реформации, так же как и оно, трусливо предала крестьянство, своего естественного союзника в борьбе против феодализма, и изменила делу революции. Немецкий рабочий класс продолжал революционные традиции того левого крыла плебейско-крестьянского движения, которое выступило наиболее радикально во время Крестьянской войны. Признаки сходства были и в условиях развития обоих движений. Как в 1524—1525 гг., так и в 1848—1849 гг. раздробленность Германии препятствовала преодолению провинциальной ограниченности, тормозила централизацию и слияние местных очагов революционной борьбы.

«Но, несмотря на все аналогии, — писал Энгельс, — обе революции — революция XVI века и революция 1848—1850 гг. — все же весьма существенно отличаются друг от друга. Революция 1848 г. доказывает если не

прогресс Германии, то, по крайней мере, прогресс Европы»⁴. Главная мысль Энгельса сводилась к подчеркиванию коренного различия между самими эпохами, между XVI веком, который был зарей капиталистической эры, и XIX столетием — веком утвердившегося в передовых странах Европы капитализма, господства буржуазии, за спиной которой стоял пролетариат. Поэтому, указывал он, нельзя проводить знак равенства между ранними и поздними буржуазными революциями, и последствия их, хотя обе они в данном случае потерпели поражение, не могут быть аналогичными.

Прибегнув к сравнительному анализу периода Реформации и Крестьянской войны и периода 1848—1849 гг., Энгельс, если так можно выразиться, определил две столбовые вехи германской истории, два ее узловых пункта. Он показал, что ход и исход первого из двух событий во многом обусловили направление всего последующего исторического развития Германии вплоть до середины XIX в. Насущные потребности в освобождении от феодальных пут — пережитки их сохранились и в XIX столетии, — в национальном объединении страны, наметившиеся уже в XVI в., с еще большей силой дали о себе знать во время революции 1848—1849 года. Борьба за решение указанных задач, показал Энгельс, составляла как бы стержень немецкой истории с конца средних веков. Она оставалась на переднем плане и после событий 1848—1849 гг., так и не устранивших препятствий к решению этих проблем. Раскрытием места и роли Крестьянской войны 1524—1525 гг. и революции 1848—1849 гг. в германской истории Энгельс значительно продвинул вперед разработку марксистской концепции истории одной из главных стран Европы.

«Крестьянская война в Германии» — это, однако, образец марксистского анализа не только истории одной страны. Автор обобщил и более широкие исторические процессы. Яркими красками охарактеризовал он конец XV и начало XVI в. как начало эпохи перехода от средневековья к капитализму, дал характеристику классовой структуры тогдашнего общества, типичной не только для Германии, выявил историческую сущность реформационного движения, различных течений в нем, его бюргерского и плебейского направлений. Энгельс создал классический образец исследования освободительной борьбы крестьянских масс против феодализма, заложил методологический фундамент изучения массо-

вых народных движений докапиталистической эпохи и эпохи разложения феодальной формации.

Фактическую и источниковедческую базу работы Энгельса составил труд прогрессивного немецкого историка, ученика Шлоссера В. Циммермана «Всеобщая история Великой крестьянской войны» (Энгельс пользовался трехтомным изданием, выпущенным в Штутгарте в 1841—1843 гг.). Этот труд, проникнутый симпатией к угнетенным и отличавшийся научной объективностью, был в то время высшим достижением демократического направления немецкой историографии в данной области, изобилует фактами и историческими документами. Каких-либо новых материалов, дополняющих эту книгу, Энгельс в эмиграции просто не мог в то время найти. Сам он указывал, что в изложении хода событий должен был целиком положиться на данные Циммермана «ввиду отсутствия за границей достаточных источников»⁵. Однако написанная с материалистических позиций, насыщенная глубокими теоретическими обобщениями, содержащая совершенно новую трактовку не только исторической обстановки, но и конкретных явлений, глубоко самостоятельная по своим выводам работа Энгельса коренным образом отличалась от в целом фактологической и описательной книги Циммермана. Оригинальное толкование дается Энгельсом и историческим источникам, приводимым Циммерманом: «Двенадцати статьям», «Статейному письму», Хейльброннской программе, памфлетам Лютера и Мюнцера и т. д.

Работу Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии», написанную в форме серии статей для «New York Daily Tribune» в 1851—1852 гг. даже буржуазная историография, представители которой склонны изображать его «Крестьянскую войну в Германии» популяризацией книги Циммермана, вынуждена признать оригинальным трудом. При написании этого произведения Энгельс не имел возможности целиком опереться на какое-либо подходящее пособие вроде книги Циммермана даже с точки зрения установления фактической стороны изучаемых явлений. То, что было написано о революции к этому времени, представляло собой, как правило, крайне поверхностное, субъективное истолкование событий, далекое не только от понимания их истинной сущности, но и от цельного воспроизведения их общего развития. Как правило, это была литература мемуарного характера, работы участников отдельных событий,

преимущественно буржуазных и мелкобуржуазных демократов, проникнутые стремлением возвеличить себя и своих друзей и оправдать их промахи. В упомянутом очерке «Германская кампания за имперскую конституцию», в рецензиях, опубликованных в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», в памфлете «Великие мужи эмиграции» Маркс и Энгельс показали полную несостоятельность как историков и даже летописцев революции авторов подобных мемуарных, биографических и тому подобных работ, в основном занимавшихся самоапологией, — Г. Струве, Л. Симона, А. Штротдмана, Х. Харринга, А. Гёгга и др.⁶

Произведение Энгельса явилось в то время единственной работой, в которой давалось цельное представление о причинах германской революции 1848—1849 гг., ее движущих силах, главных этапах и общем ходе, анализировались ее исторические уроки. И все это было сделано Энгельсом с такой четкостью и точностью, что даже последующие обширные публикации документов не сделали необходимым вносить сколько-нибудь существенные поправки в нарисованную им общую картину развития событий. В анализе и освещении революций 1848 г. во Франции и Германии, как показали работы Маркса и Энгельса этого периода, марксистская историография доказала не только свое превосходство, но и свой приоритет перед буржуазной. Созданная Марксом и Энгельсом цельная научная концепция этих революций была новой и по существу первой в исторической науке.

Работа «Революция и контрреволюция в Германии», разумеется, писалась не только по личным наблюдениям и воспоминаниям. Некоторыми материалами снабдил Энгельса Маркс. Так, 18 февраля 1852 г. он выслал в Манчестер книгу Б. Бауэра «Конец Франкфуртского парламента» (опубликована в 1849 г.). Маркс писал, что в ней, «по крайней мере, имеются некоторые факты»⁷. Главным источником для Энгельса послужила «Neue Rheinische Zeitung», к которой он постоянно обращался, работая над серией. Само содержание работы представляет собой в значительной мере резюме того освещения хода революции, которое давала эта газета, особенно в статьях Маркса и Энгельса. Однако это была отнюдь не простая сводка этих статей, а подлинный синтез приводившихся в них характеристик различных событий, научное обобщение, охватившее их в целом и

раскрывшее действие исторических закономерностей не только на примерах отдельных важных эпизодов, но в первую очередь на опыте всего развития германской революции.

Научная заслуга автора «Революции и контрреволюции в Германии» состоит в том, что в потоке событий, в той, как он сам писал, хаотической массе фактов, «кажущихся случайными, не связанными друг с другом и противоречивыми»⁸, он сумел выделить то главное, что определяло общее направление развития, объясняло поведение различных классов и исход развернувшейся борьбы. Своей характеристикой экономического и социального строя Германии он приоткрыл завесу над материальной подоплекой происходившего, раскрыв глубокие причины, которые, с одной стороны, обусловили необходимость революционных преобразований и сохранение, а в дальнейшем и усиление потребности в них, несмотря на поражение революции, а с другой стороны, привели к капитуляции либеральной буржуазии перед дворянско-юнкерской реакцией при постоянных колебаниях мелкобуржуазной демократии. При этом события революции в Германии Энгельс постоянно рассматривал как составную часть общего революционного процесса, раскрывая их взаимодействие с той борьбой революционных и контрреволюционных сил, которая происходила в других европейских странах — Франции, Италии, Венгрии. Особенно наглядно это видно на тех страницах, которые посвящены влиянию июньского восстания парижских рабочих и его поражения на различные слои немецкого общества. Международный аспект германской революции занимал важное место в работе Энгельса. Поэтому она явилась вкладом в разработку не только истории Германии и Австрии, но и истории Европы в 1848—1849 гг.

Особую ценность работы Энгельса составляют сформулированные в ней теоретические положения, обогатившие исторический материализм, марксистское учение в целом и имеющие первостепенное значение для методологии исторической науки. Сюда относятся глубокие мысли о роли революций как могучих ускорителей исторического процесса, о народных массах как их основных движущих силах, о закономерностях революционной борьбы, вооруженного восстания и т. д.

В «Революции и контрреволюции в Германии» получили свое воплощение теоретическая глубина и живое

воспроизведение исторической действительности — две черты, присущие Энгельсу как историку. Эта работа при всем своем лаконизме до сих пор поражает читателя как обилием идей, так и богатством фактов, исторических сопоставлений, меткостью характеристик классов, социальных групп, политических течений и партий, яркостью портретных зарисовок отдельных деятелей. «Революция и контрреволюция в Германии» относится к шедеврам марксистской исторической литературы, свидетельствующим о том, как мастерски владел Энгельс не только методом исторического анализа, но и чрезвычайно нужным историку писательским пером.

Уделяя в то время главное внимание истории Германии, Энгельс продолжал следить за событиями в других крупных европейских странах — Франции и Англии — и освещал эти события в печати. То, что было им тогда написано о Франции, в частности, свидетельствует о его весьма активном участии в разработке истории этой страны, хотя основная заслуга здесь принадлежала Марксу. В декабре 1849 — июле 1850 г. Энгельс написал серию статей «Письма из Франции», публиковавшуюся в «Democratic Review». В этой серии воспроизводятся страницы истории Второй республики после созыва в конце мая 1849 г. Законодательного собрания до середины 1850 г. Энгельс показывает, что получившая большинство в Собрании и претендовавшая на роль вершителя исторических судеб Франции консервативная «партия порядка» (объединившиеся монархические фракции) не сумела, несмотря на отмену всеобщего избирательного права и другие контрреволюционные мероприятия, добиться стабилизации буржуазного режима. Классовая борьба продолжала накалять обстановку, росло недовольство народных масс, углублялся конфликт между Законодательным собранием и исполнительной властью, между «партией порядка» и президентом Луи Бонапартом. И с той и с другой стороны исходила опасность монархической реставрации, хотя и в разных формах. Энгельс, за полтора года до бонапартистского государственного переворота 2 декабря 1851 г., пророчески предсказывал возможность такой «попытки опрокинуть республику», указав, что «это событие должно произойти где-то между сегодняшним днем и маем 1852 г.»⁹.

В этой обстановке, отмечал Энгельс, среди трудящихся масс происходил процесс осознания враждеб-

ности режима интересам народа, разочарования в республиканских лидерах, а также в мелкобуржуазных демократах и социалистах, в самих политических догмах и социальных рецептах мелкобуржуазной демократии и утопического социализма.

По оценкам ситуации, политических партий и деятелей серия Энгельса во многом совпадает с писавшейся одновременно работой Маркса «Классовая борьба во Франции», уступая ей, однако, в отношении масштабности и разносторонности исторического анализа. Это совпадение отнюдь не является результатом пересказа мыслей Маркса. Популяризация содержания работы Маркса была сделана Энгельсом почти параллельно с написанием данной серии в особой статье «Два года одной революции», опубликованной в том же чартистском журнале. Упомянутая же серия и по компоновке материала, и по формулировкам, и по стилю, несомненно, несет печать собственного, оригинального творчества Энгельса. То, что характеристика событий и оценки их участников сходятся у обоих авторов, говорит не о несамостоятельности Энгельса в его суждениях, а об одинаковом его и Маркса методологическом подходе к историческим явлениям, а также о выработке ими во многих случаях общей точки зрения в процессе взаимного обмена мнениями.

Об этом же говорит оценка обоими основоположниками марксизма государственного переворота во Франции 2 декабря 1851 г. Энгельсу, как уже указывалось выше, принадлежал, если так можно выразиться, первичный анализ этого события. Сделал он это в упомянутом письме Марксу от 3 декабря 1851 г., в тот самый день, когда известия о происшедшем перевороте только достигли берегов Англии. Им же первым была проведена параллель между 18 брюмера 1799 г. Наполеона Бонапарта и жалкой пародией на этот акт — бонапартистским фарсом 1851 г., напомнившим Энгельсу высказывания Гегеля об известной повторяемости событий мировой истории¹⁰. Сравнение было настолько метким, что Маркс почти дословно воспроизвел его в своем «Восмнадцатом брюмера Луи Бонапарта».

Другим откликом Энгельса на события во Франции была незаконченная серия статей «Действительные причины относительной пассивности французского пролетариата в декабре прошлого года», опубликованная в чартистском органе «Notes to the People» весной 1852 г.

Эти статьи писались одновременно с работой Маркса над его произведением, и, хотя они не сопоставимы по содержанию с этим важнейшим историко-теоретическим трудом, тем не менее в них высказаны весьма сходные мысли о сущности бонапартизма. Энгельс считал бонапартистское правление диктаторским контрреволюционным режимом, возникшим на почве обострения классово-вой борьбы в условиях известного равновесия классовых сил, истощивших себя в непрерывных схватках¹¹. Существенной чертой бонапартистской диктатуры, подчеркивал он, было лавирование между классами во имя укрепления господства эксплуататоров, попытка военно-полицейскими и демагогическими средствами удержать в узде классовые антагонизмы. Как и Маркс, Энгельс был убежден, что Луи Бонапарту и его клике не удастся предотвратить вспышку новых классовых битв, к тому же бонапартистский режим неизбежно должен свергнуть Францию в полосу новых военных авантур. Энгельс был уверен в непрочности этого режима и в неизбежности его краха.

Продолжал Энгельс и разработку истории Англии. В свете достигнутого им ранее понимания особенностей развития этой страны он стремился осмыслить новые экономические, социальные и политические факты. Он освещал эти текущие события в тех разделах написанных им вместе с Марксом в 1850 г. международных обзоров (печатались в «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*»), которые касались экономического и политического положения Англии. Английским сюжетам были посвящены и статьи «Вопрос о десятичасовом рабочем дне», «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» (1850 г.), а также серия статей «Англия», отправленных Энгельсом в начале 1852 г. в США для опубликования в еженедельнике И. Вейдемейера «*The Revolution*». Однако серия не была напечатана из-за прекращения этого издания. До нас дошли рукописи только двух первых статей, хотя, как явствует из переписки, их было по крайней мере четыре¹². В этих работах содержится не только характеристика современных Энгельсу явлений, но и экскурсы в прошлое. Так, в статьях о десятичасовом рабочем дне (акт о нем был принят в 1847 г. и распространялся лишь на женщин и подростков) он воспроизводит те страницы истории английского фабричного законодательства, которые, по его словам, представляют собой «яркий пример свое-

образной формы развития классовых противоречий в Англии»¹³. В статьях 1852 г. Энгельс касался конституционной истории Англии в связи с оценкой проектов новой парламентской реформы, а в связи с рассмотрением возможностей вторжения на Британские острова бонапартистской Франции — ее военной истории.

Революции 1848—1849 гг. явились одним из поворотных пунктов не только в политической, но и в идеологической жизни. У буржуазных идеологов они, как правило, вызывали отрицательную реакцию, усиление апологетических и вульгаризаторских тенденций. Углубился кризис и домарксовского социализма. Банкротство его представителей в период революции, с одной стороны, объективно подготовило почву для последующего торжества идей научного коммунизма, с другой — ускорило процесс вырождения утопического социализма в антиреволюционные или псевдореволюционные мелкобуржуазные секты, оперирующие «универсальными» панaceaми лечения социальных недугов, отвлекающими пролетариат от подлинной классовой борьбы.

Маркс и Энгельс не прошли мимо этих явлений и, давая им оценку, раскрыли существенные черты эволюции общественной мысли. Так, в упоминавшихся рецензиях в «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*» они не только подвергли критическому разбору мелкобуржуазную интерпретацию революции 1848—1849 гг. в Германии, но и подметили новые общие черты, порожденные пережитыми революционными событиями в буржуазной исторической науке, а именно пересмотр ее наиболее видными представителями прежних прогрессивных взглядов и концепций. На место понимания, хотя и в либерально-ограниченных рамках, роли классовой борьбы и антифеодальных революций приходит осуждение «революционных крайностей», а то и трактовка революций как неких аномалий. Маркс показал это оскудение буржуазной исторической мысли, происшедшее под влиянием роковых событий 1848 г., на примере выпущенной в 1850 г. брошюры Ф. Гизо «Почему удалась английская революция?».

Энгельс избрал другой, менее классический пример. Свою рецензию он посвятил «Современным памфлетам» Т. Карлейля (они вышли также в 1850 г.), писателя, у которого в прошлом «на редкость антиисторический апофеоз средневековья» сочетался с признанием английской и французской революций и с критикой современ-

ных ему буржуазных порядков. Революция 1848 г. превратила Карлейля из обличителя буржуазии в ее апологета, в ярого защитника деспотического господства буржуазных предпринимателей на фабриках, буржуазного государства. «Мы видим здесь, — отмечал Энгельс, — как высокопарный гений в своем искупающем мир гневом фантастическим образом оправдывает и даже усугубляет все гнусности буржуа»¹⁴.

Если революция 1848 г. вызвала резкое поправление буржуазных идеологов, то у значительной части мелкобуржуазных деятелей и писателей она породила разочарование в политической борьбе, отрицание всякой ценности буржуазной демократии, анархические и индивидуалистические тенденции. Еще в наброске статьи «О лозунге отмены государства и немецких «друзьях анархии»» (октябрь 1850 г.) Энгельс указывал на увлечение анархистскими идеями среди «немецких учеников Прудона», представителей «высшей» берлинской демократии (бывших младогегельянцев, приверженцев Штирнера), мелкобуржуазных лидеров из охвостья Франкфуртского парламента 1848—1849 гг. Несмотря на весь внешний ультралиберализм усвоенных ими модных анархистских фраз, подчеркивал он, все эти поборники «отмены государства» «единодушны в стремлении сохранить существующее *буржуазное общество*»¹⁵. Консервативную мелкобуржуазную сущность проповеди антигубернментализма, выпадов против демократии, всеобщего избирательного права, противопоставления коммунистическому принципу ассоциации идеала общества индивидуальных товаропроизводителей, обменивающихся продуктами и услугами на основе «принципа взаимности», пропаганды «растворения правительства в экономическом организме» Энгельс ярче всего показал в критическом разборе книги самого апостола мирного анархизма — П. Ж. Прудона «Общая идея революции в XIX веке» (1851 г.)¹⁶. Эта критика отражала в известной степени и постижение Энгельсом как историком новых характерных явлений в мелкобуржуазной социально-экономической мысли.

В. И. Ленин обозначил период революции 1848—1849 гг. и время, наступившее после нее, как историческую эпоху, «когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела»¹⁷. Черты вырождения и умирания буржуазной и мелкобуржу-

азной революционности были особенно рельефно охарактеризованы Марксом и Энгельсом в написанном ими памфлете «Великие мужи эмиграции» (лето 1852 г.), посвященном разоблачению опошления революционного дела немецкими буржуазными и мелкобуржуазными демократами, превращения его ими в плоскую «игру в революцию». Правда, портреты исторических персонажей, выведенных в памфлете, даны в сатирически заостренном виде, но такое заострение не лишает приводимые оценки исторической меткости и достоверности. Памфлетная, сатирическая окраска описания исторических событий всегда служила у Маркса и Энгельса литературным средством отображения действительно карикатурных явлений в истории, приемом, позволяющим выпукло и наглядно обнажать подлинную историческую тенденцию. Сатирическое изображение псевдореволюционной возни мелкобуржуазных и буржуазных эмигрантских группировок, их взаимных дрызг раскрывает историческую суть углублявшегося кризиса мелкобуржуазной революционности.

Ценность памфлета «Великие мужи эмиграции» для исторической науки заключается также в том, что в нем выявлены некоторые социальные и идейные истоки эволюции буржуазно-демократического движения, его упадка. Авторы показывают духовную и политическую обстановку в Германии, мещанские политические и литературные нравы и традиции, которые породили идейную сумятицу и эклектизм наряду с раздутой амбициозностью, тягой к мелодраматическим внешним эффектам и фразерству, отличавшими представителей немецкой эмиграции 50-х годов XIX в.

* * *

В 50-х и в начале 60-х годов в творчестве Энгельса стало во все большей мере сказываться то разделение сфер научной деятельности между ним и Марксом, которое наметилось уже раньше. Он продолжал участвовать в развитии общих методологических основ марксистской теории, о чем, в частности, говорит его обстоятельная рецензия на книгу Маркса «К критике политической экономии» (опубликована в газете «Das Volk» в августе 1859 г.), посвященная проблемам исторического материализма. В своих статьях — часто на те же темы, по которым выступал в печати Маркс, — он развивал общую тактическую линию пролетарских революционе-

ров в актуальных вопросах международной и внутренней политики.

В то же время в исследовательских, если так можно выразиться, лабораторных занятиях, результаты которых ему тогда не всегда удавалось воплотить в законченные работы, и в печатных произведениях Энгельс все чаще обращался к тематике, отражавшей его специальные научные интересы в области военного дела, филологии, естествознания. И в рамках этих интересов, и при разработке общих вопросов стратегии и тактики пролетарского движения весьма важное место в научной деятельности Энгельса занимала историческая проблематика. Так, изучая различные языки — в эти годы он овладел русским, чешским, сербскохорватским, румынским, арабским, персидским, санскритом, несколькими древнегерманскими языками (готским, фризским и т. д.), — Энгельс подходил к этому изучению отнюдь не узкоутилитарно, а с меркой ученого, стремившегося осмыслить их историю, их эволюцию, их место в соответствующей родственной группе. В овладении языками Энгельс видел средство познания исторического прошлого и современной жизни народов, их общественных институтов и культуры. Филологические занятия Энгельса поэтому всегда тесно переплетались с занятиями историей, с изучением исторических и литературных памятников. При изучении арабского языка Энгельс, например, обращался к чтению Корана и сочинения Новаври — арабского историка, жившего в конце XII — начале XIII в., персидский язык он изучал по поэтическим творениям крупнейшего из восточных поэтов средневековья, классика таджикской литературы Хафиза, используя также и образцы персидской средневековой историографии (сочинение Мирхонда). Занимаясь изучением истории Арабского Востока, Энгельс использовал и труды европейских ориенталистов, в частности «Историческую географию Аравии» Чарлза Форстера¹⁸.

Этот широкий подход к проблемам филологии, постоянное включение занятий лингвистикой в общий комплекс изучения истории и культуры народов отчетливо проявились в работе Энгельса по овладению русским и другими славянскими языками. Он прямо писал Марксу 18 марта 1852 г., что помимо лингвистического интереса видит в этих занятиях средство узнать «историю, литературу и особенности социальных институтов» славянских народов. Не скрывал при этом Энгельс и поли-

тических мотивов, которыми он руководствовался, — вероятность столкновения будущей европейской революции с русским царизмом и его агентурой среди австрийских славян делала необходимым хорошее знание положения в России и славянских странах¹⁹. Очень скоро стали действовать и другие побудительные причины, прежде всего надежда на усиление сопротивления царизму со стороны различных общественных слоев России, возможность, как он писал Вейдемейеру в апреле 1853 г., «дворянско-буржуазной революции в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны...»²⁰. Эта перспектива появления союзника западного пролетариата и революционной демократии в самой России, особенно среди ее крестьянских масс, весьма стимулировала занятия Энгельса русским языком и историей этой страны.

Сохранившиеся материалы позволяют судить о характере этих занятий. Выписки из книги профессора Филиппа Штраля «История русского государства» (1832 г.) свидетельствуют о том, что Энгельс интересовался самими истоками русской истории, сведениями о восточнославянских племенах и их соседях, периодом Киевской Руси²¹. Был знаком он и с известной книгой А. Л. Шлецера о Несторе-летописце и «Повести временных лет», на которую обратил его внимание Маркс, со «Словом о полку Игореве», воспроизведенном в подлиннике в книге французского филолога Ф. Г. Эйххофа «История языка и литературы славян». Ряд книг по истории России, в частности немецкого историка и филолога Г. Ю. Клапрота «О некоторых древних памятниках Сибири», русского чиновника П. О. Гётце «Князь Владимир и его дружина», упоминается в письмах Энгельса²².

Интересовали его и последующие периоды в истории страны, о чем говорят частые высказывания в его работах того времени о Петре I — «дальновидном монархе», как назвал его Энгельс в одной из своих статей 1858 г., многочисленные экскурсы в военную историю России XVIII и первой половины XIX в. в его военных обзорах и корреспонденциях, наконец, его печатные выступления, специально посвященные России²³. Выписки из книги А. Гакстгаузена «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (опубликована в 1847—1852 гг.) дают представление о том большом внимании, которое

уделял Энгельс социальным отношениям в русском обществе и социальному развитию страны. Его собственные замечания в адрес автора последней работы отражают резко критическое отношение к апологетической концепции этого прусского правительственного советника, стремившегося оправдать крепостничество и патриархальщину²⁴.

Большой интерес проявил Энгельс к русской литературе. Именно в эти годы он познакомился в оригинале с произведениями А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова²⁵. К первой половине 50-х годов относятся и сделанные Энгельсом выписки из «Российской антологии» Джона Боуринга, поэта и переводчика, познакомившего англичан с образцами литературы многих народов мира. В этих выписках собраны биографические сведения о русских поэтах и писателях XVIII и начала XIX в., в том числе о Ломоносове, Сумарокове, Богдановиче, Хемницере, Капнисте, Державине, Батюшкове, Карамзине, Крылове, Жуковском²⁶.

На полях экземпляра книги А. И. Герцена «Тюрьма и ссылка» (часть мемуаров «Былое и думы») Энгельс выписал немецкие синонимы некоторых незнакомых ему русских слов. Имеются сведения и о знакомстве Энгельса с другими произведениями Герцена — с его изданной на французском языке книгой «О развитии революционных идей в России», со статьями из «Колокола»²⁷. Критически относясь к некоторым взглядам Герцена, к идеализации им крестьянской общины и стремлению изобразить ее главным источником социалистического обновления как России, так и всей Европы, Энгельс тем не менее по его произведениям знакомился с умонастроениями передовых представителей русского общества, с историей революционного движения в России.

Занятия сербскохорватским и другими славянскими языками также сопровождалось у Энгельса изучением истории славянских народов, памятников их литературы и фольклора. «Я много занимаюсь сербским языком, в частности песнями, собранными Вуком Стеф. Караджичем»²⁸, — писал он Марксу 20 мая 1863 г. Сохранились выписки Энгельса из сербского эпоса, а также его рукопись, посвященная важной странице истории борьбы Сербии против турецкого владычества в начале XIX в. и одному из руководителей этой борьбы, Милошу Обреновичу (эта черновая, подготовительная ра-

бота так и озаглавлена — «Мнлош») ²⁹. Об изучении Энгельсом истории колонизации славянами Балканского полуострова свидетельствуют его пометки на книгах немецкого византиста Я. Ф. Фальмерайера («История полуострова Морей» и др.) ³⁰. Весьма обстоятельно был ориентирован Энгельс в трудах чешских и словацких филологов и историков. «Исторические исследования, охватывающие политическое, литературное и лингвистическое развитие славян, сделали в Австрии гигантские успехи» ³¹, — отмечал он в 1855 г. в статье «Германия и панславизм». Он указывал на научные заслуги в области славистики таких ученых, как Иозеф Добровский, Франтишек Палацкий, Павел Иозеф Шафарик, Варфоломей Копитар, критикуя одновременно их панславистские политические идеи.

Продолжал интересоваться он и историей польского народа. Об этом говорят его пометки в книгах И. Лелевеля «История Польши» и Л. Мерославского «История польской общины с X по XVIII век» (обе на французском языке) ³².

Источниками для изучения древнегерманских языков Энгельсу послужили перевод Библии на готский язык, сделанный в IV в. вестготским епископом Ульфилой, и другие литературные памятники древних германцев. В качестве пособия Энгельс постоянно пользовался грамматикой и историей немецкого языка Я. Гримма, а также историческими трудами, в частности книгой немецкого историка и лингвиста К. Клемента (датчанина по происхождению) об англах и фризах и их миграции из Фрисландии и Шлезвига в Британию. В связи с изучением истории древнего Шлезвига и занятиями фризско-англо-ютско-скандинавской филологией в 1864 г. Энгельс заинтересовался и археологическими трудами, в частности работой известного датского археолога И. Я. А. Ворсо «О датчанах и норвежцах в Англии, Шотландии и Ирландии». Националистические тенденции автора в духе панскандинавизма произвели, однако, на Энгельса неблагоприятное впечатление ³³.

Задача философского обобщения достижений естествознания, которая начиная с 1858 г. все больше занимала внимание Энгельса, также имела очень много точек соприкосновения с историей. Сообщая Марксу в своем первом письме на эту тему, от 14 июля 1858 г., о своих занятиях физиологией, сравнительной анатомией, органической химией и физикой, Энгельс подчеркнул важность

изучения исторического развития каждой из этих наук, особенно за период после выхода в свет «Философии природы» Гегеля. В эскизной форме Энгельс сам набросал картину успехов естествознания за последние 30 лет, отметив такие наиболее крупные, революционизирующие науку достижения, как открытие клетки в биологии, конкретизация закона сохранения и превращения энергии в виде установления взаимосвязи между механическим движением, теплотой, светом, электричеством, магнетизмом, химическими реакциями и т. д. Дальнейшим стимулом для изучения естествознания и его истории послужил выход в свет в 1859 г. труда Ч. Дарвина «Происхождение видов». Энгельс прочитал его уже в конце этого года, найдя в нем яркое подтверждение универсальности принципа историзма. Он писал, что «никогда еще не было столь грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да к тому же еще с таким успехом»³⁴.

Уже в годы, следовавшие за революцией, получила развитие еще одна важная сторона научной деятельности Энгельса — его занятия военной теорией и военной историей. «С тех пор как я переселился в Манчестер, — писал он И. Вейдемейеру 19 июня 1851 г., — я начал зубрить военные науки, по которым здесь нашелся довольно порядочный материал, — по крайней мере для начала. Огромное значение, которое получит военная сторона дела в ближайшем движении, мои старые наклонности, мои венгерские военные корреспонденции в газете, наконец, мои доблестные похождения в Бадене — все это побудило меня работать в этом направлении»³⁵. Из этого письма явствует, что Энгельс сам наметил себе обширную программу изучения военного дела. Характерно при этом, что даже специальные военные предметы (фортификация, военно-инженерное дело и т. д.) интересовали его «в более или менее историческом разрезе», что он стремился вооружиться военными знаниями прежде всего «для понимания и правильной оценки военно-исторических фактов» и что особенно важным он считал изучение истории войн, в первую очередь военной истории нового времени. Таким образом, каждый шаг в овладении военным делом у Энгельса означал совершенствование его и как военного историка.

Из письма тому же адресату, отправленного менее чем через два года, 12 апреля 1853 г., видно, как дале

ко продвинулся Энгельс в своих военных и военно-исторических занятиях³⁶. Эти занятия нельзя рассматривать просто как форму самообразования. Энгельс подходил к задаче освоения вершин военных знаний не как начинающий студент, а как сложившийся исследователь. По ходу своей работы он самостоятельно анализировал военные события, высказывал весьма компетентные, порой резко критические суждения о прочитанных книгах, о военных деятелях и полководцах. Примерами могут служить помимо упомянутых писем Вейдемейеру письма Энгельса Марксу от 26 февраля, 11 апреля и 26 сентября 1851 г. с оценкой трудов о войне на Пиренейском полуострове английских историков У. Ф. Нейпира и Р. Саути, о наполеоновских войнах французского историка А. Тьера, а также с характеристикой полководческого искусства Веллингтона и разбором статьи немецкого мелкобуржуазного демократа Г. А. Техова «Контуры грядущей войны». Об этом же свидетельствуют его характеристики работ сподвижника Гарибальди в 1849 г. швейцарца Г. Хофштеттера «Итальянский дневник», прусского капитана Г. Кюнцеля «Тактические элементы новых фортификаций» и прусского генерала В. Виллизена «Теория большой войны», которые даны в его письме Марксу от 7 мая 1852 г.

Пополнение военных знаний у Энгельса сопровождалось разработкой ряда военно-теоретических и военно-исторических проблем. К данному периоду относится, в частности, замысел книги о революционной войне в Венгрии и других войнах 1848—1849 гг. (итальянской, шлезвиг-гольштейнской). В письмах Марксу от 3 апреля 1851 г., 6 июля 1852 г. и 10 июня 1854 г. Энгельс сообщал о намерении написать эту книгу, о сборе материалов, об источниках, которых ему недостает. Он получил теперь возможность ознакомиться с венгерскими источниками, в частности с «Мемуарами» венгерского главнокомандующего А. Гергея³⁷. Тем не менее сбор материалов затянулся. Вплоть до лета 1854 г. Энгельс не мог получить ряд нужных ему книг, в том числе воспоминания венгерского генерала Дьёрдя Клапки. В конечном счете книга так и не была написана, но затраченный труд по изучению военных кампаний периода революции 1848—1849 гг. не пропал даром. Он обогатил военные знания Энгельса, использованные в дальнейшем, при создании им других военных работ (например, брошюры «По и Рейн»). Некоторые выводы, сле-

ланные Энгельсом на основании анализа революционной войны в Венгрии, получили, в частности, отражение в статьях «Бем», «Буда», «Фортификация», написанных им в 1857—1859 гг. для «Новой американской энциклопедии».

В апреле 1851 г. Энгельс написал очерк «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 году», который можно считать знаменательной вехой в его военно-историческом творчестве. Рукопись предназначалась лишь для Маркса. Она была создана в порядке размышлений о том направлении, которое могут принять события, в случае если контрреволюционный курс развития Франции (там дело шло к бонапартистскому перевороту) будет прерван всплывшей новой революцией. Этот гипотетический случай дал повод автору, считавшему свое произведение неподходящим для печати, не только трезво взвесить шансы противоборства революционных и контрреволюционных сил, но и рассмотреть важнейшие стороны развития военного дела со времени французской буржуазной революции конца XVIII в.

Очерк Энгельса богат теоретическими обобщениями. В нем раскрыты главные черты способа ведения войны в эпоху утверждения господства буржуазии, выдвинуты и исторически обоснованы такие важнейшие компоненты складывающегося диалектико-материалистического учения о войне и армии, как положение о зависимости военного дела и военного искусства от степени развития производительных сил, общественного строя, классовой структуры общества, уровня материального богатства и культуры. Эти мысли Энгельс облек в классические формулировки, указав, например, что «неповоротливость дореволюционных армий является точным отражением феодального строя», что предпосылками современного ему способа ведения войны послужила «социальная и политическая эмансипация буржуазии и парцельного крестьянства» и этот способ «является военным выражением этой эмансипации». Проницательные прогнозы высказал он и относительно влияния на военное дело будущей пролетарской революции. Ей предстоит, писал Энгельс, создать армии, которые «по своей массе и стратегической подвижности» будут обладать «неслыханно страшной силой»³⁸.

Таким образом, в 1851 г. Энгельс четко обозначил главные направления развития марксистской военной и

военно-исторической науки. Последующее творчество Энгельса как военного теоретика и историка пошло по линии углубления и дальнейшей разработки теоретических основ марксистской интерпретации военных проблем, анализа и обобщения на этой методологической базе опыта конкретных военных событий.

Середина 50-х — начало 60-х годов была временем расцвета таланта Энгельса как военного писателя и исследователя военных и военно-исторических проблем. Именно в эти годы им были созданы сотни новых военных работ различного жанра. Эти произведения в своей совокупности поражают широтой и разнообразием тематики. В них не только содержится анализ многих военных событий, но и рассмотрены этапы развития военного дела с древних времен до середины XIX в., обобщен опыт прошлых и современных Энгельсу войн, прослежена история основных изменений в организации армии, в способах ведения войны, стратегии и тактики на различных ступенях общественного развития. Отправные положения новой диалектико-материалистической теории в этой области, ранее выдвинутые Энгельсом, получили теперь свою конкретизацию и глубокое обоснование на обширнейшем историческом материале, дополнились многими новыми, превратились в стройную научную систему.

В течение всего этого времени Энгельс неустанно пополнял свои военные знания. Он тщательно следил за военной литературой, все больше расширял круг привлекаемых источников и трудов. Выписки из различных военных сочинений, ссылки на них в его произведениях, упоминания в письмах, пометки на книгах — яркое свидетельство его начитанности и эрудиции. Невозможно перечислить все работы, которые использовал Энгельс. Достаточно сказать, что он превосходно знал произведения античных авторов и историков войн (Геродота, Ксенофонта, Арриана, Полибия, Саллюстия, Цезаря, Вегеция и др.), труды военных писателей эпохи Возрождения и XVII—XVIII вв. (Макиавелли, Спекля, Монтекуколи, Вобана, Кармонтеня, Фридриха II, Монталамбера, Блюхера — речь идет о его дневнике кампаний 1793—1794 гг., изданном в 1794 г., — и др.). Великолепно был ориентирован Энгельс и в военной, особенно в военно-исторической, литературе XIX в. Помимо упомянутых выше работ, которые он изучил уже в начале 50-х годов, им были прочитаны: мемуары На-

полеона I, труд К. Клаузевица «О войне», другие его работы, а также книги Г. Д. Бюлова, А. Жюмнини, Дж. Каткарта, Ф. Ф. Мюфлинга, Ж. Б. А. Шарраса о различных кампаниях периода войн европейских коалиций с наполеоновской Францией. Знакомы были Энгельсу «История пехоты» Ф. В. Рюстова, «Лекции о тактике» Г. Грисхейма, работы Ф. Вальдерзее о французской армии, Т. Р. Бюжо о ведении боя пехотными частями, Х. К. Мольтке и Ф. Р. Чесни о русско-турецкой войне 1827—1828 гг., Дж. У. Кея об англо-афганской войне 1838—1842 гг., Дж. Уллоа об итальянской войне 1848—1849 гг., С. Базанкура, А. У. Кинглека, А. Шиммельпфеннига о Крымской войне 1853—1856 гг. В своих работах о военном искусстве в древности Энгельс опирался на труды Дж. Г. Уилкинсона «Нравы и обычаи древних египтян», Т. Моммзена «История Рима», Ф. В. Рюстова «Военное дело и полководческое искусство Гая Юлия Цезаря»³⁹. Использовал Энгельс и русскую военно-историческую литературу. Он был знаком с мемуарами начальника штаба М. И. Кутузова генерала Толя, обработанными военным немецким историком Т. Бернхарди, с книгой русского историка В. М. Аничкова о Крымской кампании (Энгельс, по-видимому, читал ее в немецком переводе, изданном в Берлине в 1857 г.)⁴⁰.

Продолжал Энгельс заниматься и анализом текущих военных событий. В 50-х и 60-х годах он регулярно писал обзоры, публиковавшиеся по горячим следам военных действий. Он освещал в печати — при этом часто весьма детально — ход Крымской войны 1853—1856 гг., индийского восстания 1857—1859 гг., второй «опиумной войны» Англии и Франции против Китая в 1856—1858 гг., войны Франции и Пьемонта против Австрии 1859 г., кампании волонтеров Гарибальди в Сицилии и Италии в 1860 г., колониальной войны Испании в Марокко 1859—1860 гг., войны Пруссии и Австрии против Дании в 1864 г., начальный период Гражданской войны в США. В этих обзорах давалась характеристика театра военных действий, состояния вооруженных сил борющихся сторон, стратегии и тактики воюющих армий, полководческого искусства военачальников, подводились итоги тех или иных кампаний, вскрывались причины успехов или неудач участников той или иной войны.

Нередко разбор военных событий Энгельс сопровождал обобщающими характеристиками изменений в способе ведения войны, происшедших за определенный ис-

торический период, или прогнозами относительно будущего развития тех или иных сторон военного дела. Примером может служить статья Энгельса «Итальянская кампания» (лето 1859 г.), в которой он указал на два фактора, существенно повлиявших на эволюцию военного искусства со времени Наполеона к середине XIX в., — усовершенствование системы укреплений государственных границ и прогресс парового транспорта, значительно ускоривший мобилизацию и переброску войск⁴¹. Насколько прозорлив был Энгельс в своих предсказаниях, свидетельствуют, в частности, его мысли о ведущем месте, которое должны занять бронированные корабли в будущих военно-морских флотах, и о том, что бронированные суда с башенным вооружением имеют большую перспективу, чем суда с бортовыми орудиями. Все эти идеи были высказаны им в период Гражданской войны в США (статья «Броненосные и таранные суда и Гражданская война в Америке», «Заметки об артиллерии в Америке»⁴²), когда корабли такого класса еще только появлялись.

В военных обзорах Энгельс на конкретных примерах раскрывал и действие общих исторических закономерностей. Он показывал влияние на состояние армий и ход военных действий уровня социально-экономического развития тех или иных стран, их социально-политического строя (например, царской армии в период Крымской войны, неаполитанской армии во время похода Гарибальди), зависимость военной стратегии от политики господствующих классов, от целей, которые они преследуют в войне (например, бонапартистских кругов Франции и английской аристократической олигархии в войнах, которые вели Франция и Англия в XIX в.). Умение связывать военные события с социально-политической обстановкой, в которой они протекали, рассматривать их в одном ряду с экономическими и политическими явлениями, порождавшими международные осложнения и военные конфликты, составило характерную черту творчества Энгельса как военного писателя и публициста.

В рассматриваемые годы Энгельсом был создан и ряд военных работ более крупного масштаба. К ним относится написанная для нью-йоркского журнала «Putnam's Monthly» серия статей «Армии Европы» (1855 г.). Эта серия, вернее, очерк дает картину состояния вооруженных сил европейских государств в середине XIX в.,

общего развития военного дела в это время, а также специфических особенностей отдельных национальных армий, отражающих социально-экономические и политические условия каждой страны⁴³. К этой работе примыкают и характеристики отдельных армий (французской, английской, русской и др.), содержащиеся в корреспонденциях и специальных статьях Энгельса.

Особенно важны с точки зрения разработки военной истории брошюры Энгельса «По и Рейн» (1859 г.) и «Савойя, Ницца и Рейн» (1860 г.). Обе они были написаны с целью военно-исторического и военно-стратегического обоснования позиции пролетарских революционеров в вопросе национального объединения Германии, а также Италии. Обе направлены против бонапартизма — главного препятствия на пути достижения единства и той и другой страны, против пруссофильских планов (поддерживаемых немецкими либералами и многими демократами, в том числе Лассалем) добиться ценой союза с Наполеоном III в его войне с Австрией 1859 г. гегемонии юнкерской Пруссии и Германии, а также против попыток оправдать владычество Австрии в Северной Италии и шовинистической идеи создания «великой средневропейской державы» под эгидой немцев. «Энгельс доказывает, — писал о содержании его второй брошюры В. И. Ленин (это высказывание с полным основанием можно отнести также и к первой работе), — что план Наполеона III аннектировать Савойю и Ниццу означает величайшую военную опасность для Италии (цель Наполеона III держать ее раздробленной и подчиненной) и для Германии, для которой нужна... самостоятельная Италия»⁴⁴. Аргументируя свою и Маркса точку зрения в упомянутых вопросах, Энгельс обращается к опыту прошлых войн, ареной которых была Северная Италия, Швейцария, горные проходы Альп. Он освещает целые страницы военной истории, начиная с войн французской буржуазной революции конца XVIII в., дает характеристику важнейших военных кампаний этого времени, походов Наполеона Бонапарта, А. В. Суворова, переход которого через Альпы в 1799 г. был, по его словам, «самым выдающимся из всех совершенных до того времени альпийских переходов»⁴⁵, действий австрийского фельдмаршала Й. Радецкого против пьемонтской армии в 1848—1849 гг. В брошюре «Савойя, Ницца и Рейн» содержится итоговая оценка войны 1859 г.

На основе исторических данных Энгельс высказывает в упомянутых работах важные суждения, касающиеся общих проблем развития военного искусства, в частности о роли крепостей и особенно системы крепостных укреплений, об условиях войны в горной местности. В этом отношении в дополнение к указанным брошюрам следует упомянуть и ранее написанную Энгельсом статью «Горная война прежде и теперь» (1857 г.), в которой в своем анализе этой проблемы автор пошел еще дальше в глубь истории, начав рассмотрение ее с войн швейцарцев против австрийских и бургундских феодалов в XIV и XV вв.⁴⁶

В 1857—1860 гг. Энгельсом была создана серия статей на военные темы для «Новой американской энциклопедии». В обобщающих обширных статьях серии — «Армия», «Артиллерия», «Пехота», «Кавалерия», «Фортификация», «Военно-морской флот» — были резюмированы его взгляды на всю историю военного искусства, содержатся краеугольные положения материалистического учения о войне и армии, законах вооруженной борьбы. Эти крупные работы дополняет и ряд специальных статей, в которых освещаются, очень часто в историческом разрезе и на военно-исторических примерах, отдельные стороны и формы вооруженной борьбы («Кампания», «Сражение», «Атака», «Бомбардирование», «Канонада», «Лагерь» и др.). Значительная группа статей была посвящена характеристике тех или иных сражений («Акция», «Альбуэра», «Альденховен», «Альма», «Асперн», «Аякучо», «Бленхейм», «Бородино», «Бидасоа», «Буда» и т. д.), биографиям полководцев и военных деятелей («Барклай-де-Толли», «Беннигсен», «Бем», «Бересфорд», «Блюхер», «Боске», «Кугорн» и др.), различным вопросам военной техники, артиллерии, военно-инженерного дела («Батарея», «Военный мост», «Карронада», «Катапульта», «Предмостное укрепление», «Штык» и многие другие)⁴⁷.

В статьях, опубликованных в «Новой американской энциклопедии», марксистская военно-историческая наука получила свое дальнейшее развитие и с точки зрения своего содержания, охватив теперь все основные этапы истории войн, и с точки зрения своих методологических основ. Впервые примененный к анализу всей эволюции военного дела, ко всей истории армий, отдельных родов войск диалектико-материалистический метод приобрел еще более широкое обоснование. На

обширнейшем фактическом материале было доказано определяющее в конечном счете влияние способа материального производства, экономического базиса общества и его классовой структуры на развитие военного искусства, стратегии и тактики, вооружения, комплектования и организации армии. «История армии всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений»⁴⁸, — писал Маркс Энгельсу 25 сентября 1857 г., познакомившись с его статьей «Армия», которую он оценил как великолепную работу.

В своих статьях Энгельс по существу связал историю вооруженных сил со складывавшейся марксистской теорией общественно-экономических формаций и их смены как главного содержания исторического процесса. Он четко показал, что каждому социально-экономическому строю общества в общем соответствует свой тип армии и определенный способ ведения войны. В то же время в эволюции армий отражаются и те перемены, которые совершаются в рамках каждой общественно-экономической формации, процессы ее становления, развития и разложения. Поэтому и армии определенного классового типа — рабовладельческие, феодальные и буржуазные — проходят разные стадии в своем развитии, периоды расцвета и упадка. Диалектическим путем происходит смена одного типа армии другим, и в основе этой смены в конечном счете лежит революционное ниспровержение отжившего социально-общественного строя, замена его новым, более прогрессивным.

Освещая историю армий и войн, Энгельс затрагивает и общие проблемы всемирной истории. Так, прослеживая развитие античных армий, он касается социальных отношений Греции и Рима, ослабление боеспособности римской армии связывает с упадком Римской империи. Он дает характеристику феодальной системы, показывает, на какой общественной почве происходила эволюция военного дела в средние века. Много внимания уделяет Энгельс влиянию ранних буржуазных революций на характер вооруженной борьбы: нидерландской XVI в., английской XVII в. и особенно французской конца XVIII в. В связи с анализом наполеоновских войн он дает характеристику общей политики Наполеона и борьбы народов Европы против господства наполеоновской Франции.

Большая серия военных статей была написана Эн-

гельсом в 1860—1861 гг. для «The Volunteer Journal for Lancashire and Cheshire» (издавался в Манчестере). Сотрудничество Энгельса в этом журнале было обусловлено желанием поддержать демократическое движение волонтеров, направленное как против бонапартистской угрозы вторжения в Англию, так и против крайне консервативной и архаичной официальной английской военной системы, одного из оплотов правящей буржуазно-аристократической олигархии. В прогрессивной военной реформе был весьма заинтересован английский рабочий класс. В своих статьях Энгельс стремился доказать, что организованные на демократических началах волонтерские части смогут содействовать проведению этой реформы, если они продемонстрируют свою боеспособность, для чего их бойцы должны приобрести настоящую профессиональную выучку и овладеть накопленным военным опытом. В военно-историческом отношении в указанной серии выделяются статьи «История винтовки», «Французская легкая пехота». Их дополняют и некоторые работы, написанные в 1863—1864 гг. для немецкой «Allgemeine Militär-Zeitung» («Кинглек о сражении на Альме», «Английская армия» и др.).

В литературном творчестве Энгельса затрагивались и некоторые другие важные аспекты всемирной истории: проблемы международных отношений и внешней политики, национально-освободительной борьбы угнетенных народов, позиции различных общественных сил в национальном вопросе. В освещении этих проблем находили свое отражение и специальные занятия Энгельса историей отдельных народов. Так, в статье «Политическое положение Швейцарской республики» (1853 г.) он раскрывает особенности истории этой страны на фоне общей характеристики системы международных отношений в Европе, сложившейся после Венского конгресса 1815 г., системы, которая обрекала, как он подчеркивает, малые страны на роль «козлов отпущения» в дипломатической игре великих держав⁴⁹.

Важное место в разработке указанных проблем занимают статьи Энгельса по так называемому восточному вопросу — «Действительно спорный пункт в Турции», «Что будет с Европейской Турцией?» и др. (написаны в начале 1853 г. по просьбе Маркса). Статьи эти содержат обоснование необходимости для представителей рабочего класса и революционной демократии бороться за демократический путь освобождения народов

Балканского полуострова — греков, южных славян, румын — от османского ига. В них были показаны экономические и политические причины соперничества между царской Россией и западными державами на Балканах и Ближнем Востоке, разоблачалась завоевательная политика царизма, его стремление использовать симпатии южных славян к русскому народу в захватнических целях, раскрывалась антинародная и агрессивная сущность политики правящих классов Франции и Англии в восточном вопросе, демагогически прикрываемой фразой о защите целостности Османской империи. Аргументируя свою точку зрения, Энгельс приводит обстоятельный историко-этнографический очерк о народах, населяющих Балканский полуостров, останавливается на важнейших вехах их борьбы против султанского владычества, отмечая при этом объективную роль в освобождении этих народов успехов русского оружия в русско-турецких войнах⁵⁰.

Защищая идею национального освобождения угнетенных народов, в том числе и славянских, Энгельс в то же время продолжал весьма критически относиться к проявлениям националистической идеологии, в частности к панславистским теориям, к идеям так называемого австрославизма (идея автономии и объединения славян под скипетром Габсбургов). В панславизме он видел выражение таких же контрреволюционных, националистических тенденций, как в пангерманизме, панскандинавизме и т. п. В конце 1854 г. у Энгельса возник замысел написать брошюру на эту тему. Однако намерение это не было осуществлено. Сохранился лишь развернутый план брошюры «Германия и славянство» и некоторые подготовительные материалы к ней⁵¹. Весной 1855 г. Энгельс написал две статьи «Германия и панславизм», опубликованные в бреславльской (вrocлавской) «*Neue Oder-Zeitung*» и «*New York Daily Tribune*» (в последнем случае с искажениями). Однако написанная им вслед за тем в январе — апреле 1856 г. для «*Tribune*» (издание «*Neue Oder-Zeitung*» к этому времени прекратилось) серия статей о панславизме так и не была напечатана редакцией, а рукописи ее не разысканы.

В рассмотрении самой проблемы, поскольку об этом можно судить по сохранившимся материалам, Энгельс, как подлинный диалектик, обнаруживает конкретно-исторический подход к актуальным вопросам. Он выде-

яет в истории славянских народов то, что действительно отражало сопротивление национальному гнету (например, польское освободительное движение, борьбу южных славян против турецкого владычества, выступления австрийских славян против меттерниховского полицейского режима) или содержало подлинно прогрессивные элементы (например, прогрессивная роль России, русской культуры по отношению к странам Востока, отмечавшаяся Энгельсом также и в письме Марксу 23 мая 1851 г.⁵²). Одновременно он указывает и на те идеологические и политические тенденции, особенно у австрийских панславистов и австрославистов, которые противоречили борьбе за революционно-демократическое преобразование таких многонациональных государств с полицейско-централизаторским режимом, как Австрийская империя, и толкали участников движения ряда славянских народов (так это было в 1848—1849 гг.) либо в лагерь австрийской реакции, либо в объятия царизма⁵³. Отдал дань Энгельс и сложившемуся у него в 1848—1849 гг. представлению о якобы необратимости процесса денационализации ряда небольших славянских народов Австрийской империи — представлению, не подтвердившемуся дальнейшим ходом истории.

Весьма важной и в значительной мере новой стороной исторического творчества Энгельса в рассматриваемый период явилось освещение истории колоний и полукolonий. В этом проявилось участие Энгельса в разработке основ пролетарской политики в колониальном вопросе. К данному разделу литературного наследия Энгельса относятся его уже упомянутые статьи о колониальных войнах Англии против Китая, о народно-освободительном восстании в Индии 1857—1859 гг. и испано-марокканской войне 1859—1860 гг., а также о колониальных экспедициях англичан против Ирана в 1856 г. (статья «Персия и Китай»), очерки «Афганистан», «Алжир», «Бирма», написанные для «Новой американской энциклопедии». Упомянутые работы свидетельствуют о серьезном внимании Энгельса к историческим судьбам народов Азии и Африки, ставших объектом колониальной экспансии капиталистических государств, в первую очередь Англии и Франции. При этом особый интерес у него вызывало усиливавшееся сопротивление колониальных и зависимых народов колонизаторам, их героическая борьба за независимость.

О напряженных и разносторонних занятиях историей в эти годы свидетельствуют и письма Энгельса, особенно его переписка с Марксом. Так, в мае — июне 1853 г. Маркс и Энгельс обменялись мыслями по поводу происхождения ислама и характера арабских завоеваний в период раннего средневековья, а также соображениями об особенностях общественного строя стран Востока вообще. Следует отметить, что высказанные в этой связи Энгельсом мысли о функциях деспотических государств на Востоке, о роли ирригации в хозяйственной жизни восточных стран Маркс воспроизвел в своей статье «Британское владычество в Индии»⁵⁴.

Интерес Энгельса к другой колониальной стране — Ирландии отражает его письмо Марксу 23 мая 1856 г. Описав в нем свои впечатления от путешествия по острову, Энгельс остановился на бедственных последствиях английского господства, на результатах пережитого ирландским народом «великого голода» 1845—1847 гг., сгона ирландских арендаторов с земли, вынужденной эмиграции ирландских бедняков и других характерных для истории «первой английской колонии» явлениях⁵⁵.

Многие письма Энгельса, адресованные другу, посвящены проблемам международной политики, истории отдельных стран — Англии, бонапартистской Франции, Пруссии, России и т. д. Характеризовал Энгельс в своей переписке и отдельные стороны революционных событий, в частности Гражданской войны в США, польского национально-освободительного восстания 1863—1864 гг. и др.

В рассматриваемый период главные усилия Маркса были направлены на разработку экономической теории. Результатами исследований, сделанными в процессе их открытиями он в первую очередь делился со своим соратником, постоянно советуясь с ним. Из переписки видно, что Энгельс со своей стороны не только неустанно следил за ходом работы Маркса над созданием его главного труда — «Капитала», но и стремился всячески содействовать ее завершению, иной раз и сам принимаясь за изучение той или другой важной для его друга темы. По-видимому, именно такие мотивы побудили Энгельса составить в 50-х годах выписки из книги английского радикального публициста Т. Даблдея «История английских финансов, денежной системы и статистики». Главное содержание их — образование государственного долга Англии и широкие финансовые спекуляции

в начальной стадии капиталистической эры. Эти явления Маркс в «Капитале» охарактеризовал как одну из сторон процесса первоначального капиталистического накопления⁵⁶.

* * *

В сентябре 1864 г. в Лондоне было основано Международное Товарищество Рабочих — боевая массовая организация рабочего класса. С первых дней существования Интернационала Энгельс постоянно помогал Марксу руководить его деятельностью. С переездом осенью 1870 г. из Манчестера в Лондон он был избран в состав Генерального Совета и взял на себя значительную часть организационной работы, объем которой с ростом численности и влияния Международного Товарищества, особенно во время и после Парижской коммуны, с усилением борьбы против сектантских и реформистских течений в нем постоянно возрастал⁵⁷.

Несмотря на колоссальную загруженность этой работой, интенсивность научной деятельности Энгельса, в том числе и в области истории, в эти годы не ослабела. Наоборот, потребности бурно растущего рабочего движения побуждали его подчас еще энергичнее браться за разработку тех или иных теоретических и исторических проблем и нередко обращаться к новым объектам исследования. К тому же, как подлинный ученый, Энгельс продолжал следить за новыми явлениями в науке, в том числе в историографии. Так, одновременно с Марксом он в 1868 г. познакомился с трудами по истории общинного (маркового) землевладения выдающегося немецкого историка Г. Л. Маурера, к более тщательному анализу которых он обратился позднее, в начале 80-х годов. «Вещи старика Маурера очень хороши»⁵⁸, — писал он Марксу 19 марта 1868 г.

Уже на примере отношения Энгельса к работам Маурера видно, что он умел выделять в исторической литературе труды, содержащие важные открытия. С большим интересом поэтому отнесся он к исследованиям в области первобытной истории, долгое время являвшейся вообще «белым пятном» в исторической науке. В мае 1863 г. он прочитал известную книгу Ч. Лайеля «Геологические доказательства древности человека». В это же время, по-видимому, познакомился он с описаниями находок остатков ископаемых людей и каменных

орудий, содержащимися в работах французского археолога Ж. Буше де Перта и других ученых. В 1866 г. Энгельс читал книгу П. Тремо о происхождении человека, весьма критически отозвавшись о его теориях⁵⁹. К этому же периоду, возможно, относится знакомство Энгельса и с книгой Ч. Дарвина «Происхождение человека», опубликованной в 1871 г.

Осенью 1871 г. в письмах русскому революционеру П. Л. Лаврову, также проявившему большой интерес к древнейшей истории человечества, Энгельс привел перечень известных ему работ на эту тему, в том числе некоторых новинок, вышедших в свет в 1870 и 1871 гг. Он упоминал «Первобытную культуру» Э. Б. Тэйлора, «Происхождение цивилизации» Дж. Леббока, книги Г. Мейна «Древнее право» и «Деревенские общины»⁶⁰.

Продолжал Энгельс следить и за новейшей литературой по истории отдельных стран. С большим интересом было встречено им появление книг о государственном перевороте во Франции 2 декабря 1851 г. республиканца Э. Тено («Париж в декабре 1851 г.» и «Провинции в декабре 1851 г.»). Он считал, что эти книги при всей их фактологичности помогают осмыслить законы причинности «как в революционных, так и в контрреволюционных событиях»⁶¹. Весной 1869 г. Энгельс прочитал только что вышедшую в свет работу И. Ш. Кастья об июньском восстании 1848 г. парижских рабочих («Июньские убийства 1848 года»). Несмотря на бонапартистские тенденции автора, в прошлом республиканца, парижские события были освещены им, по мнению Энгельса, в целом довольно объективно. Зато попытка Луи Блана, в частности, во втором томе его «Истории революции 1848 г.» (вышел в свет в 1870 г.) объявить июньское восстание делом рук бонапартистских агентов вызвала возмущение Энгельса⁶².

Неоднократно обращался Энгельс в эти годы и к литературе по истории Германии, проявив, в частности, внимание к полемике между прусскими и австрийскими историками по поводу внешней политики Пруссии в конце XVIII в. В 1869 г. он познакомился с книгой американского военного писателя Дж. Кэнниона по истории Гражданской войны в США и в этом же году прочитал очерки англичан С. Сент-Клера и Ч. Брофи «Пребывание в Болгарии», проливающие некоторый свет на события в районе Ближнего Востока и Балкан. Обсуждая

со своими итальянскими корреспондентами значение аграрного вопроса в Италии, Энгельс ссылался на работу С. де Сисмонди «Картина тосканского сельского хозяйства» (вышла в свет еще в 1801 г.) и другие, более поздние труды по аграрной истории этой страны⁶³.

Возрастает в эти годы интерес Энгельса к истории России. При этом его внимание все больше перемещалось с России официальной на Россию революционную. Из письма Марксу 26 января 1866 г. видно, что его весьма интересовала крестьянская реформа 1861 г. и ее последствия. Книгу остзейского помещика и крупного царского чиновника П. Ф. Лилленфельда-Тоаля «Земля и воля», в которой «доказывалось», что причиной упадка сельского хозяйства России является отмена крепостного права, Энгельс, естественно, не считал сколько-нибудь полноценным пособием⁶⁴. Источники для изучения социально-политического развития России он все больше искал в произведениях русских писателей революционно-демократического направления. Еще в 1867 г. С. Боргейм прислал Энгельсу из Швейцарии брошюру А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», из которой он и Маркс, возможно, впервые узнали о деятельности и трудах Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Брошюра давала хорошее представление о развитии революционного движения в России, о возрастающей роли в нем радикального направления, идейным вождем которого был Чернышевский. Из письма Энгельса Марксу 29 ноября 1873 г. видно, что к этому времени он был уже знаком с работами великого русского революционного демократа, в том числе с теми, в которых давалась глубокая критическая оценка крестьянской реформы 1861 г. («Письмо без адреса») ⁶⁵. С картиной пореформенной России, жизни ее народных масс Энгельс ознакомился и по известной книге В. В. Берви (псевдоним — Н. Флеровский) «Положение рабочего класса России» (1869 г.) ⁶⁶.

Не выпускал Энгельс из поля зрения и первые публикации по истории международного рабочего движения, появившиеся в годы Интернационала, в том числе брошюру о Международном Товариществе Рабочих немецкого социал-демократа В. Эйххофа и статьи об Интернационале его видного деятеля Г. Эккарнуса, брошюру А. А. Серно-Соловьевича о стачке женевских строителей 1868 г., книгу «Освободительная борьба четвертого сословия» Р. Мейера, немецкого консерватив-

ного писателя, однако сочувствовавшему рабочему классу⁶⁷.

Собственное творчество Энгельса как историка в этот период было подчинено задаче выработки тактической линии рабочего класса и его боевой организации — Интернационала в важнейших политических вопросах. В нем нашло отражение и глубокое обобщение современных исторических процессов, и проникновение в историческое прошлое отдельных народов, дающее ключ к пониманию современных общественных явлений. Так, в брошюре «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» (1865 г.) Энгельс, намечая революционную тактику рабочего класса в конституционном конфликте между юнкерско-бюрократическими правящими кругами и буржуазной оппозицией — в противовес ласальянским лидерам, приспособившимся к политике Бисмарка, — проанализировал социальные и политические сдвиги, которые произошли в расстановке классовых сил в Германии после революции 1848—1849 гг. Он констатировал крайнюю робость, все больше проявляемую немецкой либеральной буржуазией в борьбе против пережитков феодализма, ее возраставшее стремление к компромиссу с дворянством и аристократией, боязнь рабочего движения. С другой стороны, в демагогическом заигрывании представителей правящих кругов Пруссии с пролетариатом он с большой проницательностью увидел знаменательный симптом эволюции от феодально-монархической формы реакции к такой ее буржуазной форме, как бонапартизм⁶⁸.

Новым звеном в анализе исторического развития Германии явилось предисловие Энгельса ко второму изданию его «Крестьянской войны в Германии», написанное в начале февраля 1870 г. (к третьему изданию, 1875 г., он сделал добавление к этому предисловию). В указанной работе были подведены итоги объединения Германии сверху под эгидой юнкерской Пруссии, показаны причины капитуляции немецкой буржуазии перед Бисмарком. Энгельс дал четкую характеристику классовой структуры объединенной Германии, указал на феодальные пережитки в ее аграрном строе, отметил процесс дифференциации крестьянства. В добавлении к предисловию он раскрыл черты трансформации прусской помещичьей монархии в бонапартистское государство. Сущность этого государства в его прусско-бисмарковской форме показана Энгельсом в крупной теоретической работе то-

го времени «К жилищному вопросу» (1872—1873 гг.), в основном посвященной экономическим проблемам⁶⁹. Характеристика Германской империи содержится и в некоторых статьях Энгельса, написанных в то время («Кризис в Пруссии», «Имперский военный закон» и др.).

Продолжал Энгельс обогащать и военно-историческую науку. Главными его военными произведениями указанного периода являются «Заметки о войне в Германии», посвященные австро-прусской войне 1866 г., и «Заметки о войне», в которых дана обстоятельная характеристика всего хода франко-прусской войны 1870—1871 гг.⁷⁰ Последняя серия статей по объему составляет целую книгу. Энгельс раскрыл место обеих войн как в истории военного дела и военного искусства, так и в общем процессе исторического развития воюющих государств, в общеевропейской истории в целом. Особенно это относится к «Заметкам о войне», представляющим собой, несмотря на то что они писались как текущие военные обзоры, одну из наиболее совершенных военно-исторических работ Энгельса. Это произведение отличает не только максимально точное для современного наблюдателя воспроизведение фактической картины вооруженной борьбы и проницательность прогнозов (например, предсказание капитуляции одной из французских армий при Седане), но и глубина интерпретации связи между военной и гражданской историей, умение вскрывать социально-политическую подоплеку военных событий. Энгельс мастерски показал, к каким катастрофическим последствиям привел Францию процесс разложения и упадка бонапартистской военной машины как выражение кризиса Второй империи в целом. Чрезвычайно важны и экскурсы в военную историю Франции, Пруссии, России, Испании.

В своих военных работах Энгельс стремился подкрепить конкретным анализом тактику Интернационала в его борьбе против завоевательных войн, за мир между народами. На аналогичную цель — мобилизацию исторических аргументов для обоснования интернационалистской линии Международного Товарищества Рабочих — были направлены и произведения Энгельса по национальному вопросу. В серии статей «Какое дело рабочему классу до Польши?» (1866 г.) Энгельс выступил против нигилизма французских прудонистов в национальном вопросе, доказывая необходимость для рабочего класса активно поддерживать прогрессивные на-

ционально-освободительные движения. При этом он затронул и ряд исторических сюжетов, показав, как возник польский вопрос, и раскрыв причины упадка аристократического польского государства в XVIII в., раздела его территории более могущественными соседями — абсолютистскими Пруссией, Австрией и Россией.

Коснулся он и общей проблемы образования наций в результате «сложного и медленного исторического развития», противоречивого процесса национальной эволюции, приводившего сплошь и рядом к отрыву части той или иной нации от «основного ствола», а также вопроса о судьбах «периферийных частей» отдельных наций, целых народностей и национальностей, оказавшихся под властью чужеземных правительств⁷¹. Энгельс раскрыл провокационно-демагогический характер бонапартистского «принципа национальностей», под флагом которого заправила Вторая империя стремились использовать национальные движения угнетенных народов, в том числе и поляков, в интересах своей авантюристической внешней политики.

Участвуя в разработке Марксом платформы Интернационала по ирландскому вопросу, Энгельс в течение второй половины 1869 и первой половины 1870 г. предпринял исследование истории Ирландии с древнейших времен вплоть до современных ему событий. За короткий срок он собрал огромный и разнообразный материал, заполнив 15 обширных тетрадей конспектами и выписками преимущественно по ирландской истории и по истории англо-ирландских отношений. Однако завершить работу над задуманной книгой ему помешали начавшаяся франко-прусская война, Парижская коммуна, неотложные дела в Интернационале. Из намеченных четырех глав он успел написать лишь первую — о природных условиях — и часть второй — об Ирландии до английского завоевания, а также несколько фрагментов. Уже в этой законченной части работы обобщен исключительно большой историко-этнографический и экономико-географический материал, опровергнуты исторические, географические, агрономические и прочие аргументы апологетов английского господства, оправдывавших колониальное подчинение Ирландии Англией. Здесь заложен фундамент подлинно научной разработки социальной и политической истории ирландского народа, доказана несостоятельность шовинистических концепций английской буржуазной историографии, а также

наивного приукрашивания прошлого ирландскими историками-романтиками. Глубокие наблюдения и выводы, сделанные в рукописи «История Ирландии», дополняют многочисленные собственные высказывания и критические замечания Энгельса в его выписках и других подготовительных работах, а также в письмах⁷².

Ирландский цикл рукописей Энгельса весьма показателен с точки зрения выяснения методов и приемов его творчества в области истории. Из этих рукописей явствует, с какой легкостью преодолевал Энгельс все трудности в изучении избранной темы, как быстро, например, овладел он одним из наиболее своеобразных древних языков — гэльским языком ирландцев, для того чтобы прочитать в оригинале ирландские анналы и правовые документы, как неутомимо прокладывал он путь к исторической истине сквозь дебри различных легенд и нагромождения фальшивых версий пристрастных средневековых хронистов, писателей XVI—XVII вв. и современных ему буржуазных историков. Широкий и разнообразный круг источников, привлеченных им к исследованию. Среди них и свидетельства античных авторов — Диодора Сицилийского, Страбона, Плиния, Птолемея, Помпония Мелы, Солина, и ирландские летописные своды — «Анналы четырех магистров», «Анналы аббата Тигернаха» и др., и сборник древних ирландских законов «Шенхус Мор», и скандинавские саги («Сага о Ньяле» и другие образцы исландской литературы), и сочинения об Ирландии английского хрониста Джеральда Барри (Гиральда Камбрийского), свидетеля завоевательных походов на соседний остров англо-нормандских феодалов во второй половине XII в.

Серьезное внимание уделил Энгельс произведениям английских историков, юристов и других писателей XVI — начала XVII в. — У. Кэмдена, Э. Спенсера, Дж. Дэвиса, М. Ханмера, Э. Кэмпiona, экономическим трактатам У. Петти и ирландским памфлетам Дж. Свифта (XVII и XVIII вв.), документам и переписке государственных деятелей (Т. Страффорда, Дж. Тсорло, Т. Кэрта), дневникам, мемуарам и речам (У. Тона, Дж. Баррингтона, Дж. Ф. Каррана, Г. Граттана, Д. О'Коннела), запискам путешественников, в разное время посещавших Ирландию (англичан Ф. Морисона и А. Юнга, француза Ла Булле ле Гу, немца И. Г. Коля). Подробно законспектировал Энгельс составленный в начале XIX в. английским агрономом и статистиком Э. Уэйк-

филдом двухтомный труд «Статистическое и политическое описание Ирландии». Он использовал и другие, более поздние работы по геологии и географии страны (Дж. Джукса, Р. Кейна, Дж. Кэрда, Л. Лаверня), а также труды экономистов, публицистов, литераторов, общественных деятелей, особенно тех, кто занимался — разумеется, с разных классовых позиций — аграрными проблемами Ирландии (А. Алисона, И. Батта, Дж. Годкина, У. Карлтона, Дж. Мак-Карти, Дж. Н. Мэрфи, М. О'Коннора, Н. Сениора, У. Тренча, Дж. Фицгиббона и др.). К этому далеко не полному перечню использованной Энгельсом литературы следует добавить и прочитанные им работы историков, как английских (Дж. Гордона, Э. Ледвича, Т. Б. Маколея, Г. Смита), так и ирландских (Дж. О'Донована, М. О'Конора, Дж. Петри, Дж. Прендергаста и др.). Библиографический список, составленный Энгельсом, насчитывает не менее 150 названий⁷³.

Исследования Энгельса по истории Ирландии, несмотря на то что они не увенчались созданием задуманного труда, обогатили многие стороны марксистской исторической науки. Они подкрепили богатым историческим материалом основные выводы и положения марксизма по национальному и колониальному вопросам. Анализ Энгельсом на примере Ирландии причин и характера колониального завоевания и его последствий для исторических судеб угнетенного народа, методов и форм колониальной эксплуатации на разных ступенях исторического развития давал ключ к пониманию места колониальной экспансии во всемирной истории, ее общих черт и особенностей в феодальную эпоху, в период первоначального накопления и в условиях утвердившегося капиталистического способа производства.

Важный вклад внесли рукописи Энгельса в разработку истории национально-освободительного движения угнетенного народа, в раскрытие источников его исключительной жизненной силы, роли в нем народных масс. Изучение Энгельсом национально-освободительной борьбы охватывало самые различные проблемы, в том числе проблему классового состава национального лагеря, противоречивых тенденций внутри него, национальной идеологии и т. д. Все это имело большое значение для понимания сложных процессов консолидации антиколониалистских сил поработанных наций, определения условий их освобождения. История англо-ир-

ландских отношений, многократно подчеркивал Энгельс, изобиловала примерами, свидетельствовавшими, что угнетение английскими господствующими классами Ирландии питало реакцию в самой метрополии, укрепляло их власть и над народными массами самой Англии. Колониализм не только душил свободу поработанных наций, но и препятствовал освобождению трудящихся масс господствующих наций.

Ирландские исследования Энгельса еще раз подтвердили огромные преимущества диалектико-материалистического метода исследования исторических явлений. Они показали его универсальность, применимость к анализу самых своеобразных исторических процессов, перспективы, которые открывает его применение для исследования истории отдельных стран. В ходе изучения исторического прошлого ирландского народа Энгельс сделал ряд наблюдений и выводов обобщающего характера, значение которых выходило за рамки разработки истории только одной страны. Так было уточнено и конкретизировано понимание влияния географической среды на общественную жизнь. Предупреждая против преувеличения роли географического фактора, Энгельс на примере Ирландии отмечал его существенное воздействие на судьбы того или другого народа, особенно в ранние периоды истории.

Исследуя общественный строй древних кельтов, Энгельс проник в тайны социальной структуры первобытного общества, сделав вывод о доминирующей роли в ней родовой организации и о полигамии как первоначальной форме брачных отношений. Эти выводы в известной степени предвосхитили открытия американского ученого Л. Г. Моргана, обнародованные в 1877 г. в книге «Древнее общество». Многие выяснил Энгельс на примере ирландской истории относительно процесса разложения первобытного родового строя и генезиса феодализма, а также относительно образования и характера раннефеодальных государств. В этой связи большой интерес представляет опровержение им норманистских концепций, приписывающих возникновение ряда государств в Восточной и Западной Европе (в том числе и в Ирландии) норманнским завоеваниям. Образование раннефеодального государства в Ирландии, как и в ряде других стран, считал Энгельс, явилось результатом внутреннего развития ирландского общества, было обусловлено процессом классовой дифференциации,

ход которого не могли существенно изменить вторжения скандинавских викингов. «Выгода для исторического развития от набегов норманнов была совершенно ничтожна по сравнению с теми огромными и бесплодными даже для самих скандинавских стран смутами, которые были этими набегами вызваны»⁷⁴.

Новых рубежей достиг Энгельс и в критике буржуазной историографии, особенно тех ее представителей, которые отражали в своих трудах шовинистические предубеждения и расистские тенденции господствующих классов. Работа Энгельса явилась вкладом в научное источниковедение, в выработку методики и критериев изучения и использования различных исторических источников.

В годы Интернационала в творчестве Энгельса как историка все более важное место стала занимать разработка истории пролетарского освободительного движения, которой он и раньше уделял исключительное внимание. Новым в этом плане явился особый интерес к той ступени пролетарской борьбы, когда на нее все больше стало оказывать воздействие марксистское направление, научное пролетарское мировоззрение. Именно с этого времени Энгельс ставит своей задачей освещение в печати роли учения Маркса в развитии рабочего движения, процесса соединения этого движения с научным коммунизмом. Эту задачу он связывал и с развенчанием препятствовавших распространению марксизма мелкобуржуазных реформистских и сектантских течений (прудонизма, лассальянства, бакунизма и т. д.), прибегая к анализу их доктрин и тактики, их социальных корней и причин влияния на определенные слои пролетариата.

Одной из первых работ Энгельса по данной проблеме была его статья «Карл Маркс», опубликованная в 1869 г. в немецкой демократической печати. Энгельс показал роль Маркса и как мыслителя, в произведениях которого социализм был «впервые изложен научно», и как пролетарского борца, внесшего неоценимый вклад в развитие немецкого и международного рабочего движения. Именно Марксу, подчеркивал Энгельс, обязана своим существованием «хорошо организованная социалистическая партия», особенно активно действовавшая в конце 40-х годов в Западной Германии (имелся в виду Союз коммунистов), именно он является «одним из основателей Международного Товарищества Рабочих»⁷⁵.

Изучение и освещение в печати, а также в ряде писем истории Международного Товарищества Рабочих, которая составила важный этап в соединении марксизма с массовым пролетарским движением, Энгельс начал еще в годы существования Интернационала. Различные стороны деятельности организации были охарактеризованы в его статьях «Съезд в Сонвилле и Интернационал», «Интернационал в Америке», «Конгресс в Гааге», «О Гаагском конгрессе Интернационала», «Письма из Лондона», «Сообщение о деятельности Интернационала на континенте», «Заметки о международном рабочем движении в газете «International Herald»», «В Интернационале» и др.⁷⁶ В более широком плане история освободительной борьбы рабочего класса была раскрыта в крупных произведениях Маркса и Энгельса этого периода, направленных против анархистских сектантов, — «Мнимые расколы в Интернационале», и «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». В этих работах дана обобщающая характеристика развития Интернационала, особенно после Парижской коммуны, показаны причины враждебного отношения к нему господствующих классов разных стран, подробно освещена борьба внутри самого Товарищества между пролетарским крылом и мелкобуржуазными течениями. В «Мнимых расколах в Интернационале» сформулировано важное для понимания закономерностей развития пролетарской борьбы и социалистической мысли положение о преобладании сектантства на ранних ступенях рабочего движения, о живучести сектантских традиций и необходимости их преодоления, для того чтобы вывести боевые силы рабочего класса на путь открытого противоборства с капиталистическим строем.

С разоблачением анархизма связано появление и другой важной исторической работы Энгельса, посвященной кульминационному пункту пятой буржуазной революции в Испании 1868—1874 гг. — образованию левореспубликанского правительства летом 1873 г. и кантональным восстаниям в ряде городов, поднятым леворадикальной партией (интрансижентами) и их бакунистскими союзниками. Эти внутренние раздоры в республиканском лагере привели к возобладанию правых сил и к реставрации монархии в 1874 г. Энгельс откликнулся на падение монархического режима статьей «Республика в Испании» (опубликована 1 марта 1873 г.),

Указанным событиям он посвятил серию статей «Бакунисты за работой», в которой показал несостоятельность тактики анархистов. В обеих упомянутых работах, особенно во второй, ярко воссоздана социально-политическая обстановка в Испании, раскрыты исторические особенности развития буржуазных революций и пролетарского движения на Пиренейском полуострове⁷⁷.

Таким образом, в годы I Интернационала, как и в предшествующие периоды, Энгельс продолжал развивать методологические основы исторической науки и ее различные конкретные отрасли. Появились и некоторые новые черты в его творчестве как историка, связанные прежде всего с укреплением позиций марксизма в международном рабочем движении. Продолжала расширяться сфера его исторических исследований, охватывая историю все новых стран.

Глава 4

Новый этап в исследовании всемирной истории (70-е—начало 80-х годов)

Процесс формирования пролетарских партий в разных странах на почве, подготовленной Интернационалом, задачи распространения марксизма требовали дальнейшей разработки революционной теории. Необходимо было осмысливать в свете марксистского учения новые данные различных наук и новые явления исторической действительности, чтобы помочь складывавшимся социалистическим и рабочим партиям вырабатывать научно обоснованную тактику. Важно было давать отпор идейным противникам марксизма, попыткам подменить его вульгарными доктринами, оживить мелкобуржуазные утопии. Поэтому теоретическая деятельность Энгельса в 70-х — начале 80-х годов приобрела поистине энциклопедический характер. К тому же в связи с перегруженностью Маркса работой над завершением «Капитала» ему все больше приходилось брать на себя защиту их общих взглядов в печати¹.

Главное место в научной деятельности Энгельса в этот период занимала работа над книгой «Диалектика природы», посвященной философским проблемам естествознания (особенно интенсивно она велась с 1873 г.), и написание подсмичского труда, в котором системати-

чески, в органическом единстве излагались все три составные части марксистского учения — философия, политическая экономия и научный социализм, — «Анти-Дюринга» (1876—1878 гг.). Появление этого важнейшего теоретического труда было тесно связано с идейной борьбой в немецком рабочем движении, с возникшей необходимостью подвергнуть критике новую разновидность мелкобуржуазного социализма, вульгарно-эклектическое течение — дюрингианство. Опровержение идей Дюринга, представляющих собой смесь доктрин механистического материализма, идеалистических и эволюционистских взглядов буржуазных социологов-позитивистов и возрождаемых утопий мелкобуржуазных социалистов, Энгельс при полном одобрении Маркса решил сопроводить цельным изложением марксистской теории, противопоставляемой этим идеям. Ради этого Энгельсу пришлось прервать свою работу над «Диалектикой природы», возобновленную после написания «Анти-Дюринга». Однако «Диалектика природы» осталась незавершенной, поскольку главные усилия Энгельсу после кончины Маркса пришлось направить на подготовку к печати неопубликованных томов «Капитала».

Обе упомянутые большие теоретические работы Энгельса² не только содержат научное обоснование методологических принципов изучения истории, но и освещают многие конкретные исторические проблемы. Особенно важное место в этом отношении принадлежит «Анти-Дюрингу» — произведению, в котором, по характеристике В. И. Ленина, были «разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук»³.

В «Анти-Дюринге» не только дана развернутая характеристика значения для исторической науки открытого Марксом материалистического понимания истории, но и раскрыты существенные особенности этой науки, важнейшие черты исторического познания. С большой наглядностью показал Энгельс действие основных законов диалектики в общественном развитии, обосновав необходимость применения диалектического метода для постижения исторических явлений.

Многократно обращаясь к проблеме соотношения между экономикой и политикой, Энгельс внес свой вклад в марксистское учение об экономическом базисе общества и его политической и идеологической надстройках. Он разъяснил, что политические и идеологические трес-

бования, выдвигавшиеся различными классами, например требования равенства, отражали в конечном счете назревшие экономические потребности и обусловленную ими необходимость в общественных переменах. В то же время Энгельс стремился к тому, чтобы читатели его труда избежали упрощенного понимания соотношения между базисом и надстройками. В экономике следует, писал он, видеть конечные причины «всех общественных изменений и политических переворотов»⁴. Но решающее влияние экономических законов происходит через посредство действий самих людей — действий, вызванных политическими, идеологическими, психологическими и другими мотивами, за которыми в конечном счете и нередко в неосознанной форме скрываются противоречивые экономические интересы. Историческая наука должна учитывать эти мотивы и уметь раскрывать их часто незримую связь с экономическим развитием.

Энгельс отмечал обратное воздействие политической надстройки на экономический базис, влияние на исторический процесс неэкономических сил. Он, в частности, приводил примеры нарушения «нормального», экономического развития иноземным вторжением, завоеваниями, подчеркивая, что вызванные этим «зигзаги» в истории отдельных народов в целом не могут изменить ее общего хода, обусловленного действием объективных экономических законов.

К разработке первостепенных методологических проблем исторической науки относится и обоснование Энгельсом принципа историзма как важнейшего элемента диалектического метода познания действительности. Опровергая поверхностные, метафизические представления не только Дюринга, но и многих буржуазных социологов и историков о вечных истинах, о неизменности и неизбежности ряда общественных институтов, государства, норм права, морали и т. д., трактовку самого капитала как надисторической категории, Энгельс доказывал универсальность и первостепенное научное значение исторического подхода к анализу как природных, так и особенно общественных явлений.

В «Анти-Дюринге» дано широкое, обобщающее освещение многих конкретных сторон исторического процесса. Рассмотрение их в соответствии с замыслом работы ведется, как правило, в порядке противопоставления критикуемым концепциям Дюринга и в тесной связи с разбираемыми положениями и категориями материа-

листической диалектики и исторического материализма. Так, в ряде глав своей работы Энгельс дает характеристику первобытнообщинному строю, рабовладельческому и феодальному обществу, генезису и развитию капитализма, обосновывает необходимость перехода к коммунизму и прогнозирует его существенные черты. Исходя из того, что социальные антагонизмы, присущие различным общественным стадиям после распада первобытного строя равноправных общинников, получают свое концентрированное выражение в различных формах господства и подчинения, эксплуатации непосредственных производителей, Энгельс проследивает исторически последовательные ступени порабощения труда — античное рабство, средневековое крепостничество, систему наемного труда. С большой глубиной разбирает он важные стороны процесса разложения первобытных общин, происхождения и эволюции частной собственности, возникновения классового деления общества, появления государства. В этом отношении соответствующие разделы «Анти-Дюринга» явились своего рода введением к последующему труду Энгельса — «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Для развития марксистской исторической науки немалое значение имела оценка ряда важных исторических событий, в частности Реформации в Германии, английской и французской буржуазных революций, американской войны за независимость и др. В этих событиях, подчеркивал Энгельс, наглядно раскрывалась роль классовой борьбы — основной движущей силы исторического процесса в условиях антагонистических обществ. Значительный элемент исторического анализа внес он в характеристику классовой структуры современного ему буржуазного общества, проследив процесс формирования и развития его основных классов — буржуазии и пролетариата.

В «Анти-Дюринге» были подведены итоги многолетних занятий Энгельса военной историей. В очерке истории армии и флота им выявлены экономические и социальные основы эволюции военного дела и военного искусства, обобщен большой военно-исторический материал. Этот очерк — образец умения в чрезвычайно сжатой форме суммировать развитие многовековой истории вооруженной борьбы, выявить ее наиболее существенные черты.

Ярко проявился в «Анти-Дюринге» талант Энгельса как историка общественной мысли. Именно здесь Энгельс внес особенно много нового и оригинального в развитие этой области марксистской исторической науки. Нарисованная им картина прогресса диалектического способа мышления, начиная от наивной диалектики древних греков, кончая всесторонне разработанным, хотя и в мистифицированном идеалистическом виде диалектическим методом Гегеля, пролила свет на важнейшую черту истории философской мысли — преодоление метафизических представлений о природе и обществе. Важным вкладом Энгельса в разработку проблем истории философии явились его высказывания о взглядах различных великих мыслителей — Спинозы, Декарта, Канта, Гегеля, Дидро, Руссо, характеристика роли Просвещения в духовном прогрессе человечества, в создании идеологических предпосылок французской буржуазной революции конца XVIII в., его анализ исторических условий и особенностей формирования марксистской философии.

Крупнейшим достижением Энгельса-историка была разработка в «Анти-Дюринге» истории социалистических учений. Соответствующие главы своего труда (1-я глава «Введения» и первые две главы 3-го отдела «Социализм») Энгельс вскоре обработал и издал как самостоятельное произведение, первоначально на французском языке под заглавием «Социализм утопический и социализм научный» (1880 г.), а в 1883 г. на немецком под названием «Развитие социализма от утопии к науке». К тексту указанных глав здесь сделаны довольно большие и существенные дополнения. Тем не менее основные проблемы данной темы были освещены уже в «Анти-Дюринге».

Впервые в синтезированном и цельном виде была не только раскрыта социальная природа социалистических учений, их связь с освободительной борьбой трудящихся, и в первую очередь пролетариата, но и показана их историческая эволюция, обстоятельно охарактеризованы взгляды великих социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Проследив дальнейшее развитие социалистической мысли, Энгельс показал сущность того революционного переворота, который совершил в этой области Маркс, осветил генезис научного социализма, социальные и гносеологические корни его происхождения. Впервые Энгельс указал три главных теоретиче-

ских источников марксистского учения, которые позднее с необычайной четкостью и глубиной были охарактеризованы В. И. Лениным, сформулировал положение о двух великих открытиях Маркса — материалистическом понимании истории и теории прибавочной стоимости, сыгравших главную роль в превращении социализма из утопии в науку⁵.

Существенный вклад внес Энгельс в критический анализ буржуазной социологии и историографии. В «Анти-Дюринге» была продолжена начатая основоположниками марксизма еще в «Святом семействе» и особенно в «Немецкой идеологии» критика идеалистического понимания истории. Развивая эту критику, Энгельс показал, что подобное поверхностное понимание исторического процесса зиждется не только на превращении идей, человеческого сознания в его определяющую силу, но и вообще в абсолютизации роли различных общественных надстроек, в первую очередь политического фактора. Высмеивая претензию Дюринга на оригинальность в утверждении первичности политики и вторичности экономики, Энгельс писал: «Представление, будто громкие политические деяния есть решающее в истории, является столь же древним, как и сама историография... Это представление господствовало во всем прежнем понимании истории и впервые было поколеблено французскими буржуазными историками времен Реставрации»⁶.

Заметим сразу, что Энгельс здесь обозначил тот рубеж, дальше которого в методологическом отношении буржуазная историческая наука не пошла. Он имел в виду признание французскими буржуазными историками О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье первостепенной роли борьбы третьего сословия против феодальной аристократии — борьбы, продиктованной прежде всего столкновением экономических интересов этих классов. Однако упомянутые историки не были последовательны в объяснении происхождения классов (сведение этого процесса к завоеванию) и ограничивали действие классовой борьбы феодальным обществом. Идеалистическое понимание истории было ими только поколеблено, но не преодолено. В своем дальнейшем развитии буржуазная историография в целом оставалась на идеалистических позициях. Лишь отдельные исследователи под влиянием открытых ими фактов и бескорыстного стремления к истине стихийно преодолевали ее классовую ограничен-

ность и становились на путь диалектики и материализма. Задачу окончательного преодоления идеализма в обосновании общественных явлений смогла решить лишь марксистская историческая наука.

Критикуя теорию насилия Дюринга, Энгельс показал, что идеалистический подход к общественным явлениям побуждает ряд буржуазных социологов подменять научный метод изучения сложных исторических связей примитивным и искусственным постулированием отношения двух людей, наподобие Робинзона и Пятницы в романе Дефо, которое является якобы источником господства и подчинения. Вслед за Марксом, отметившим приверженность буржуазной политической экономии к робинзонадам, Энгельс установил, что этот прием свидетельствует о методологической беспомощности буржуазной социологии, о том тупике, в который заводит общественные науки идеалистическая концепция исторического процесса.

Энгельс показал в «Анти-Дюринге», что поступательное движение исторической науки и общественных наук в целом возможно лишь на основе диалектико-материалистического мировоззрения, что прогресс исторической мысли теснейшим образом связан с революционным учением самого передового класса — пролетариата.

В другом крупном произведении Энгельса этих лет — «Диалектике природы» исторический элемент также занимает весьма важное место. Сам труд представляет собой в целом суммирование философских выводов, вытекающих не только из современного Энгельсу состояния естественных наук, но и из истории естествознания и ее отдельных отраслей, из истории общего развития научного мышления. Не только содержание произведения Энгельса, но и сам ход работы над ним ярко свидетельствуют об этом. «Диалектика природы» — результат творческого использования Энгельсом обширнейшей литературы по естественным наукам.

Энгельс начал систематически следить за этой литературой еще с 50-х годов. В годы I Интернационала, в частности, он прочитал много трудов по физике (Дж. Тиндалля), химии (А. В. Гофмана, Г. Э. Роско, К. Шорлеммера — к этому времени относится начало дружбы Энгельса с этим выдающимся ученым), биологии (новые работы Ч. Дарвина, статьи Т. Г. Гексли) и т. д. Еще больше расширился круг чтения Энгельса в данной области, когда он приступил в 70-х годах непосредст-

венно к написанию глав и фрагментов задуманного труда. Сохранились сделанные им в этой связи выписки (разумеется, лишь из небольшой части тех книг, которые были им использованы), в том числе из «Трактата о динамике» французского энциклопедиста Ж. Д'Аламбера, из трудов немецких и английских физиков (Г. Л. Ф. Гельмгольца, Г. Г. Видемана, У. Томсона), немецкого ботаника и агронома К. Фрааса, итальянского и немецкого астрономов А. Секки и И. Г. Медлера. В библиотеке Энгельса имелись книги по естествознанию с его пометками, в частности труд немецкого физика Р. Клаузиуса по термодинамике и работа вульгарного материалиста Л. Бюхнера «Человек и его место в природе в прошлом, настоящем и будущем». Из ссылок, сделанных в самой «Диалектике природы», видно, что Энгельс использовал и многие другие работы, относящиеся ко всем основным отраслям естественных наук⁷.

Часть этих работ была специально посвящена истории естествознания. Среди них книга швейцарского астронома Р. Вольфа «История астрономии», труды немецких ученых А. В. Гофмана о развитии химии в Германии Г. Ф. М. Коппа по общей истории химии, произведения английского философа и историка науки У. Уэвеля, «Опыт истории мысли» П. Л. Лаврова, вышедший в С.-Петербурге в 1875 г. Постоянно обращался Энгельс к произведениям философов различных эпох, начиная от Аристотеля и Диогена Лаэртца, кончая современными ему провозвестниками иррационализма и волюнтаризма А. Шопенгауэром и Э. Гартманом.

Все это позволило Энгельсу внести существенный вклад в разработку истории науки с диалектико-материалистических позиций. Если Маркс заложил методологические основы этой отрасли исследования истории своим анализом (в экономических рукописях и в «Капитале») роли научно-технического прогресса в общественном развитии, то Энгельсу принадлежит инициатива рассмотрения проблем истории науки в целом, выяснения всей совокупности воздействующих на нее общественных факторов (экономических и социальных условий различных эпох, уровня общественного сознания и культуры, степени развития интернациональных связей и т. д.). Он первым сделал успешную попытку раскрыть и внутренние закономерности эволюции научной мысли и выявить ее типологические особенности

применительно как к науке в целом, так и к отдельным научным дисциплинам, показав диалектический характер этих закономерностей.

Наглядно была показана Энгельсом роль материального производства как решающего стимула в развитии естественных наук. Приведенный им перечень важнейших открытий и изобретений ярко демонстрирует связь усовершенствования техники и технологии производства с прогрессом естествознания. Была вскрыта Энгельсом и зависимость этого прогресса от изменений в социальной и политической жизни народов. Энгельс ярко показал это на примере эпохи Возрождения. Характеристика социальных перемен и огромных революционных сдвигов в духовной сфере, происшедших в эту эпоху, освободившую человека от оков средневековой религиозной идеологии, относится едва ли не к лучшим страницам творчества Энгельса как историка. Глубоко была раскрыта им и другая существенная черта развития науки: процесс взаимодействия естествознания и философии. Это взаимное влияние общего мировоззрения и познания природы происходит, подчеркивал Энгельс, не прямолинейно, механически. Оно осуществляется в борьбе различных представлений, в столкновении ложных и передовых теорий и гипотез, в качественном изменении самого подхода к явлениям природы по мере накопления эмпирических данных. Успехи естествознания стимулируют развитие философской мысли, но и последняя, способствуя усвоению естествоиспытателями новых, прогрессивных воззрений, помогает им осмыслить те выводы, к которым они, как правило, приходят опытным путем.

Под этим углом зрения Энгельс рассмотрел важнейшие вехи развития естествознания. В этой мастерски набросанной картине сложного пути овладения тайнами природы, проделанного человеческой мыслью, он, первый из историков, подметил действие одного из основных законов диалектики — закона отрицания отрицания. От наивного, покоящегося на крайне узкой эмпирической базе взгляда античных мыслителей на природу как на нечто, находящееся в вечном возникновении и исчезновении, человечество пришло к утвердившемуся в XVI — XVIII вв. метафизическому представлению об «абсолютной неизменяемости природы» и сведению всех видов движения к механическому при значительном расширении объема знаний и больших успехах в их си-

стематизации. Такова первая часть, как показал Энгельс, этой диалектической формулы. Но дальнейшее развитие науки, начиная с гипотезы Канта о происхождении Солнечной системы, привело к возврату к гениальным догадкам основоположников греческой философии, однако на неизмеримо более глубокой научной основе: «...все застывшее стало текучим, все неподвижное стало подвижным, все то особое, которое считалось вечным, оказалось преходящим, было доказано, что вся природа движется в вечном потоке и круговороте»⁸. Этот переворот во взглядах на природу и означал отрицание отрицания.

Особую роль в утверждении этих новых воззрений на природу Энгельс отводил трем великим открытиям XIX в.: экспериментальному доказательству Ю. Р. Майером и Дж. П. Джоулем закона сохранения и превращения энергии, клеточной теории строения организмов Т. Шванна и М. Я. Шлейдена и эволюционному учению Ч. Дарвина. Характеристиками значения этих и многих других важных научных открытий, в частности периодического закона химических элементов, открытого Д. И. Менделеевым, Энгельс дал ключ к познанию многих конкретных сторон истории естествознания.

Большую ценность для понимания истории науки имеют мысли Энгельса о процессах дифференциации наук, возникновения и обособления специальных научных дисциплин в рамках отдельных отраслей естествознания, а также о взаимном проникновении этих отраслей, интеграционных тенденциях в их развитии. К самой классификации наук, в основе которой лежит изучение характерной для каждой из них определенной формы движения материи, Энгельс подходил исторически, отмечая ее видоизменение по мере прогресса в исследовании природных явлений.

«Диалектика природы» отражала еще одно важное направление в исследовании Энгельсом проблем всемирной истории — изучение вопроса о происхождении самого человеческого общества. Маркс и Энгельс ясно сознавали, что разобраться в этом вопросе, в происхождении ряда общественных институтов, провозглашенных большинством буржуазных ученых вечными и незыблемыми, означает добыть новые доказательства правильности диалектико-материалистического понимания истории. К тому же первобытная история именно в это

время благодаря ряду крупных открытий в археологии и этнографии становилась, с одной стороны, ареной особенно интенсивных научных поисков, с другой — острых споров, нередко объектом тенденциозного и вульгарного истолкования. Так, социал-дарвинисты преувеличивали роль действия биологических законов в процессе становления человеческого общества, стирали различие между ним и миром животных, которое, как разъяснял Энгельс в письме П. Л. Лаврову 12—17 ноября 1875 г., в первую очередь состояло в том, что «животные в лучшем случае *собирают*, тогда как люди *производят*»⁹.

Работая над «Диалектикой природы», Энгельс поставил себе задачу осветить сложившиеся у него и Маркса представления об определяющих материальных факторах возникновения человеческого общества, показать — в противовес упрощенным концепциям социал-дарвинистов, — подлинное диалектическое соотношение между первичными социальными процессами и той эволюцией биологического вида, примером которой Дарвин считал происхождение человека. В связи с этим им был написан очерк «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (июнь 1876 г.); коснулся он этой проблемы и в некоторых других частях «Диалектики природы»¹⁰.

Энгельс выдвинул и обосновал трудовую теорию антропогенеза, раскрыл основные материальные предпосылки того качественного скачка, в результате которого человек выделился из животного мира. Убедительно показал он роль в этом скачке не просто трудовых операций, а производства самих орудий труда, оказавшего решающее влияние на формирование самих физических свойств человека, на совершенствование органов чувств, на возникновение речи, мышления и т. д. Влияние биологических факторов (естественного отбора, наследственности и т. д.), отмечал Энгельс, заключается главным образом в закреплении и передаче от поколения к поколению приобретенных в процессе труда навыков и свойств. Развитие труда обусловило и трансформацию примитивной общности животных в первобытные общественные связи. Последние, в свою очередь, оказывали активное воздействие на эволюцию человека.

Идеи Энгельса о роли трудовых процессов в становлении человека и человеческого общества дали ключ к научному объяснению истоков человеческой истории.

Научное творчество Энгельса в рассматриваемые годы не ограничилось работой над этими двумя большими, насыщенными богатейшими теоретическими выводами и обильным историческим материалом книгами. Он продолжал заниматься другими историческими темами, изучать разнообразные источники и литературу. Часть его работ была завершена и опубликована, многое осталось незаконченным и дошло до нас в рукописном виде, свидетельствуя о широте и многообразии его замыслов.

Наиболее интенсивными в течение рассматриваемого десятилетия (1873—1883 гг.) были занятия Энгельсом исследованиями различных проблем истории Германии. Побудительным мотивом при этом было стремление помочь молодой немецкой Социал-демократической рабочей партии освоить опыт истории своей страны и использовать его для революционного воспитания немецких рабочих, для разоблачения полицейского режима бисмарковской Германской империи. В обстановке шовинистического угара, нагнетаемого опьяненными победой над Францией в 1870—1871 гг. господствующими классами Германии, Энгельс считал первоочередной задачей научить немецких рабочих отделять подлинно прогрессивные стороны исторического развития своей страны, составляющие предмет их национальной гордости, от всего того, что представляло собой в нем корни прусского и немецкого милитаризма и шовинизма. Он стремился вооружить деятелей рабочей партии умением вести борьбу с идеалистическими и монархическими концепциями буржуазной и юнкерской историографии, развенчивать ее попытки пропагандировать культ силы, идеализировать немецкое средневековье, поднимать на щит германских императоров и их завоевательные походы в Италию, агрессивную политику прусских королей.

В 1873 — начале 1874 г. у Энгельса возник замысел написать для социал-демократической газеты «Volksstaat» очерк истории Германии. 27 января 1874 г. он писал В. Либкнехту, редактировавшему эту газету и ведавшему издательскими делами партии: «Я хотел написать для «Volksstaat» кое-что о Германии, но в связи с этим погрузился в такие экономические и статистические исследования, что получится, пожалуй, кни-

жонка, если не целая книга»¹¹. Однако реализовать свой план Энгельсу не удалось. О характере задуманной работы говорят составленный им набросок или что-то вроде проспекта введения, охватывающего историю Германии с 1500 по 1789 г. с экскурсами в более ранние ее периоды, и отдельные фрагменты, относящиеся к основной части, в которой он предполагал осветить немецкую историю от начала французской буржуазной революции 1789—1794 гг. до 1873 г. Обе рукописи имеют заглавие «Заметки о Германии» с подзаголовками: в первом случае — «Введение, 1500—1789» (рукопись, правда, дополнена небольшим разделом о периоде 1789—1815 гг.), во втором — «1789—1873»¹².

Подготовительные материалы состоят из статистических выкладок, конспекта труда известного немецкого экономиста и историка Г. Гюлиха «Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени» и конспекта книги Х. Э. Лангеталя «История германского сельского хозяйства»¹³.

«Заметки о Германии» — чрезвычайно важная работа для понимания сложившихся у Энгельса в то время взглядов на ход немецкой истории. Здесь он впервые сформулировал по существу ее цельную концепцию, охватывающую развитие Германии в средние века и новое время до начала XIX в. (по истории XIX столетия он не успел зафиксировать свои основные выводы). Энгельс указал важные переломные вехи этого развития (Реформация и крестьянское восстание 1525 г., Тридцатилетняя война 1618—1648 гг., период французской революции и наполеоновских войн), наметив тем самым основы периодизации истории Германии. Он выяснил исторические причины раздробленности страны, дав ключ к раскрытию обстоятельств, обусловивших ее объединение под гегемонией юнкерской Пруссии.

«Заметки о Германии» отразили одну из характерных черт творчества Энгельса как историка, а именно применение им метода сравнительного анализа истории различных стран, находящихся на одинаковой ступени общественного развития. Это позволяло уяснить типичную для данного исторического периода линию развития и особенности исторического процесса в каждой стране, совпадение его с этой общей линией или отклонение от нее. Так, сопоставляя историю Германии с историей ряда европейских стран — Франции, Англии,

Испании — в средние века и в период складывания абсолютных монархий, Энгельс отмечает, что здесь в отличие от Германии развитие происходило с большим соответствием характерной для эпохи тенденции к образованию централизованных национальных государств и преодолению экономической и политической раздробленности. Весьма показательным в этом смысле было сравнение с историей Франции. Не исключено, что именно с этой целью Энгельсом были сделаны выписки из книги французского историка-демократа А. Мартена «История Франции»¹⁴.

Постоянно следил Энгельс за текущими событиями в Германии, за развернувшимся у него на глазах грюндерским ажиотажем, ростом милитаризма и усилением реакции, полицейскими мерами правительства Бисмарка против рабочего движения, увенчавшимися драконовским исключительным законом против социалистов. Он тщательно изучил книгу консервативного писателя Р. Мейера «Политические грюндеры и коррупция в Германии», изданную в 1877 г.¹⁵ Статьи о бисмарковской Германии, с которыми Энгельс выступал в немецкой, итальянской, французской и английской социалистической и рабочей печати, — «Прусская водка в германском рейхстаге» (1876 г.), «Исключительный закон против социалистов в Германии. — Положение в России» (1879 г.), «Социализм г-на Бисмарка» (1880 г.), «Бисмарк и германская рабочая партия» (1881 г.) — явились не только яркими обличительными выступлениями против полицейско-милитаристского режима Германской империи, но и определенным вкладом в освещение ее истории¹⁶.

В начале 80-х годов Энгельс вновь углубляется в изучение истории Германии, на этот раз сделав предметом исследования самые ранние ее периоды. В 1881 г. у него возник замысел написать труд по истории древних германцев, осветив в нем эволюцию их общественного строя, социальные последствия вторжения их в пределы Римской империи и образования на ее развалинах «варварских государств», процесс феодализации, в первую очередь на примере развития аграрных отношений во франкском государстве Меровингов и Каролингов. В связи с этим Энгельс проштудировал большое число источников, обширную и разнообразную историческую литературу. Дошедшие до нас выписки дают лишь частичное представление об использованных

материалах. Среди них извлечения из сочинений Цезаря, Страбона, Тацита со сведениями о древних германцах, из Собрания памятников средневекового германского права, «Псалмов» немецкого средневекового писателя Л. Ноткера (X — XI вв.). Сохранились выписки Энгельса из книги шведского историка и археолога К. Ф. Виберга о торговле античных государств с народами Северной Европы. Специальное внимание Энгельса привлекла работа известного немецкого историка П. Р. Рота «История бенефициальной системы с древнейших времен до десятого века». С изучением общественного строя древних германцев и общинных порядков в средневековой Германии связано конспектирование Энгельсом трудов Г. Л. Маурера — «Введение в историю маркового, подворного, сельского и городского устройства и публичной власти» и «История маркового устройства в Германии» (с другими работами этого автора Энгельс также, безусловно, был знаком), а также сделанные им выписки из книги Г. Хансена «Подворные общины (наследственные товарищества) в Трирском округе»¹⁷.

Цитаты и ссылки в готовых рукописях Энгельса, его письма того времени и сохранившиеся книги из его библиотеки позволяют значительно пополнить представление о круге привлеченных им для его труда источников. Помимо Цезаря, Тацита и Страбона он ссылается на Плутарха, Птолемея, Плиния Младшего, Светония, Диона Кассия, Веллея Патеркула, Аммиана Марцеллина, Прокопия Кесарийского. В письме Марксу 22 ноября 1882 г. Энгельс сообщал, что ему удалось приобрести полный экземпляр серии «Историков германской древности» — собрания сочинений античных авторов, средневековых хроник и других источников по истории Германии, изданного известным немецким историком Г. Х. Пертцем¹⁸. Пользовался Энгельс и давно известными ему хрестоматийными изданиями источников и памятников письменности, в частности книгами К. Цейса «Германцы и соседние племена», Я. Гримма «История немецкого языка». В его рукописях упоминаются Сллическая, Рипуарская, Алеманская, Фризская и другие варварские «Правды», капитулярии франкских королей, грамоты (формулы) и описи земельных владений (например, «Полиптик аббата Ирминона»), анналы (в частности, «Бертинские анналы», составленные в монастыре Сен-Бертин в IX в. и изданные в составе известной

серии «*Monumenta Germaniae historica*»), сочинения франкских хронистов Григория Турского, Эйнхарда, памятники имперского и местного права средневековой Германской империи («Падерборнские документы», «Саксонское зеркало») и т. д.

Среди упомянутых в рукописях трудов фигурируют также работы историков, археологов, антропологов, правоведов, филологов, составителей историко-географических карт. Энгельс использовал «Древнейшую историю северных стран по памятникам того времени» упомянутого выше датского археолога И. Я. А. Ворсо, труды немецкого археолога Я. Шнейдера, английского антрополога и палеонтолога У. Б. Докинса, выступления по вопросам антропологии и этнологии немецких ученых Р. Вирхова и Г. Шафхаузена. Помимо трудов Маурера и Рота он изучил книги немецких историков Х. Ф. В. Арнольда, Ф. Й. Моне, Н. Киндлингера, А. Мейтцена (оба последних автора были специалистами по аграрной истории Германии в средние века и новое время), «Историю Дании» Ф. Х. Дальмана. Был известен Энгельсу и труд Г. Вайца «История немецкого государственного строя». Вайц был главным оппонентом Рота. Их спор по вопросу о времени и источниках образования феодальных институтов занял видное место в немецкой медиэвистике второй половины XIX в. Рот относил происхождение бенефиция и вассалитета ко времени Каролингов (VIII—IX вв.). Вайц склонен был считать их исконными институтами древних германцев. Точку зрения Рота Энгельс считал более правильной, более соответствующей пониманию перехода к феодализму в Западной Европе как результата переворота в общественных отношениях у германских народов, утвердившихся на территориях Римской империи.

Результатом научных усилий Энгельса было создание в 1881—1882 гг. двух обширных рукописей «К истории древних германцев» и «Франкский период», а также очерка «Марка», посвященного истории общинного землевладения в Германии и немецкого крестьянства в целом с древних времен до середины XIX в.¹⁹ Этот очерк был напечатан в приложении к немецкому изданию 1883 г. «Развития социализма от утопии к науке» и в том же 1883 г. выпущен отдельной брошюрой под заглавием «Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чем он мог бы быть?».

В рукописях Энгельса рассматривается история гер-

манских племен и народов в античные времена и в период раннего средневековья, вплоть до распада империи Карла Великого в IX в. Здесь разобраны весьма сложные вопросы этногенеза, разложения первобытного строя и образования классового общества, специфические черты перехода от рабовладельческого к феодальному строю в Западной Европе. Автор подошел к пониманию столкновения германских племен с приходящей в глубокий упадок Римской империей, вторжений их на ее территорию и произведенного там передела земель как важных факторов социальной революции, результатом которой, с одной стороны, было падение античного рабства, а с другой — разложение первобытнообщинных порядков у самих завоевателей. Эти взаимоперекрывающиеся процессы и привели к становлению феодализма²⁰. Дальнейший шаг в разработке этой проблемы Энгельс сделал в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Конкретизировал Энгельс и многие стороны генезиса феодализма. Он показал не только решающую роль экономических сдвигов (мобилизация земель в руках знати и т. д.) в формировании классов феодального общества, но и влияние политической и военной системы ранних феодализирующихся государств, ломки традиционных для общинного строя общественных связей и т. д. на этот процесс. Характеристикой франкского государства — монархии Меровингов и империи Каролингов — Энгельс пролил свет на ранние периоды истории как Германии, так и в не меньшей степени Франции, феодального общества в целом.

Сжатый по объему, но чрезвычайно концентрированный по своему материалу очерк «Марка» суммировал и данные работ Маурера, и собственные выводы Энгельса, сделанные на основе исследования социального строя древних германцев и развития аграрных отношений в Германии. При этом Энгельс критически переработал взгляды Маурера, освободив его теорию от налетов присущего этому пронципальному историку консерватизма и юридической ограниченности.

Очерк «Марка» важен не только для понимания истории Германии. В нем заложены методологические основы для изучения главной сферы жизни феодального общества на всех ступенях его исторического развития — сферы аграрных отношений, отношений между феодальными землевладельцами и крестьянскими мас-

сами. Большое значение имела работа и для уяснения характера аграрной эволюции тех стран, где и в капиталистическую эпоху сохранились пережитки феодализма в аграрном строе.

К проблеме кризиса Римской рабовладельческой империи, затронутой Энгельсом в рукописях о германцах, тесно примыкала другая историческая проблема, давно его интересовавшая, а именно вопрос о происхождении христианства. Этот вопрос волновал Энгельса, как уже отмечалось, с юношеских лет. Из характеристики раннехристианских верований и апеллирующих к ним средневековых еретических течений, которую он дал в «Крестьянской войне в Германии» (1850 г.), видно, что у него уже тогда сложилось определенное представление о первоначальном христианстве. Он увидел в нем соответствующую условиям времени идеологическую форму протеста широких угнетенных масс, не в последнюю очередь рабов, против рабовладельческого государства, против социального и политического гнета господствующих классов. Укрепился он и в мнении, что корни всякой религии — христианства, ислама и т. д. — следует искать в социально-исторической обстановке того времени, к которому относится ее происхождение, среди тех общественных классов и слоев, экономическое положение, умонастроение и психология которых образуют подходящую почву для возникновения и распространения новых религиозных верований. Ясно для Энгельса было и значение научного истолкования происхождения христианства с точки зрения борьбы за утверждение материалистического и атеистического мировоззрения в рабочем движении. «С такой религией как христианство нельзя покончить *только* с помощью насмешек и нападок, — писал он в «Заметках о Германии», — ее нужно также преодолеть *научно*, то есть путем *исторического объяснения*, а с этой задачей не в состоянии справиться даже естествознание»²¹.

Внимательно следил Энгельс за литературой по данному вопросу. Некоторые работы, в частности французского историка христианства Э. Ренана, вызвали у него критическое отношение. Возмущало его и заимствование Ренаном выводов у его предшественников, в том числе у Б. Бауэра, без всяких ссылок на них.

Поводом для обстоятельного выступления Энгельса в печати по вопросу о первоначальном христианстве была смерть Б. Бауэра в апреле 1882 г. В статье «Бру-

но Бауэр и первоначальное христианство», опубликованной в центральном органе Социалистической рабочей партии Германии «Der Sozialdemokrat» 18 мая 1882 г., он отметил заслуги немецкого ученого в критике евангельских мифов и в установлении генетической связи учений представителей определенных направлений в римско-эллинстической философии (стоик Сенека, Филон Александрийский) с христианским мировоззрением.

Бауэр интересовался в первую очередь генезисом христианских идей, источники которых он, как философ-идеалист, искал в духовной атмосфере того времени. Энгельс подошел к сложной проблеме происхождения христианства, как и к другим историческим проблемам, с диалектико-материалистических позиций. Он показал в своей статье, что плодотворное изучение этого вопроса лежит в плоскости всестороннего анализа жизни широких масс Римской империи, не только их мироощущения и верований, но и материальных условий их жизни, социальных процессов и этнических сдвигов, происходивших в рамках мирского рабовладельческого государства, подчинившего своему господству целые племена и народы. Он обращал внимание и на судьбы народных движений в древнем мире, поражения которых порождали наряду с разочарованием в земных средствах борьбы мистические, мессианские чаяния и фантастическую мечту об избавлении в потустороннем мире. Идеализм Бауэра, указывал Энгельс, помешал ему разобраться до конца в причинах, обусловивших превращение христианства в единое вероучение разноплеменной массы угнетенных, отразившее их общую участь, их общее стремление и вытеснившее их местные культы, иными словами, уяснить социальные предпосылки утверждения христианства как мировой религии.

Не прекращал Энгельс в рассматриваемые годы заниматься и другими проблемами всемирной истории. Так, на основании статистических данных он отмечал характерные новые явления в мировой экономике, указывал на опережающий по темпам промышленное развитие Англии экономический рост Германии и США, меняющийся соотношение сил в капиталистическом мире (статья «Хлопок и железо»). Письма Энгельса старшей дочери Маркса Женни Лонге 24 февраля 1881 г., Э. Вернштейну за июль 1882 г. содержали обобщающие характеристики целых периодов истории Ирландии²². Продолжал Энгельс интересоваться этнографией и ис-

торией славянских народов Балканского полуострова: сербов, хорватов, черногорцев. В своей переписке он ссылается и на памятники болгарского фольклора, упоминая сборник «Болгарские народные песни», составленный французским дипломатом и переводчиком О. Дозоном. В конце ноября 1882 г. Энгельсу удалось разыскать у букинистов важный источник по истории Польши конца XVIII в. «О возникновении и гибели польской конституции 3 мая 1791 года» (авторами его были участники событий и составители конституции И. Потоцкий, Г. Коллонтай, Ф. К. Дмоховский)²³.

Много внимания уделял Энгельс истории России, особенно пореформенного периода. В 1874—1875 гг. в серии статей «Эмигрантская литература» в полемике с одним из идеологов народничества, П. Н. Ткачевым, он изложил свои и Маркса взгляды на последствия реформы 1861 г. и характер социального развития России, отметив, что оно ведет к назреванию глубокой народной революции. Коснулся он и вопроса о судьбах крестьянской общины, высказав — в противовес идеализации ее народниками — мнение, что социалистическое преобразование ее возможно лишь при условии революционного ниспровержения существующего в России строя и одновременной победоносной пролетарской революции на Западе²⁴. О неослабевающем интересе Энгельса к аграрному вопросу в России свидетельствует и составленный им в начале 80-х годов конспект статьи А. З. Попельницкого «Значение переоценки повинностей в крестьянском деле», опубликованной в русском прогрессивном журнале «Слово» в марте 1881 г.²⁵

Ряд работ Энгельса этого времени посвящен истории рабочего движения и социалистической мысли. Помимо упомянутого выше очерка «Развитие социализма от утопии к науке» им были написаны статьи «Карл Маркс» (для социалистического альманаха «Volks-Kalender», изданного в 1878 г.), серия статей о своем и Маркса ближайшем друге и соратнике Вильгельме Вольфе (эта серия проливали свет на роль издававшейся Марксом в период революции 1848—1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung», и особенно ее позицию в аграрном вопросе), статьи-некрологи «Женни Маркс, урожденная фон Вестфален» (1881 г.) и «Женни Лонге, урожденная Маркс» (1883 г.). В этих двух статьях освещалось участие жены и старшей дочери Маркса в международном социалистическом движении. Характери-

стика рабочего движения в Германии, Франции, Бельгии, Италии, Испании после прекращения деятельности I Интернационала была дана Энгельсом в очерке «Европейские рабочие в 1877 году», опубликованном в нью-йоркской рабочей газете «Labor Standard». Последний раздел этого очерка посвящен назреванию революционной ситуации в России, раскрытию глубокой связи между развертыванием революционного движения в этой стране и освободительной борьбой западноевропейского пролетариата.

Энгельс придавал первостепенное значение правдивому освещению истории пролетарской борьбы и социалистической мысли, а также критике буржуазно-реформистского ее истолкования, в частности в работах лидера оппортунистического направления в социалистическом движении Франции Б. Малона и статьях немецкого правого социал-демократа Г. Фольмара²⁶.

* * *

Период 1873—1883 гг. в теоретической деятельности Энгельса был едва ли не самым плодотворным. Весьма результативным он был и в области разработки проблем истории. Выход в свет фундаментального труда Энгельса «Анти-Дюринг» явился рубежным событием как в истории марксистской мысли в целом, так и в развитии марксистской историографии, в утверждении ее методологических принципов. Значительно обогатили ее и созданные Энгельсом другие работы на исторические темы. Даже те из них, которые не увидели света при жизни автора, после их публикации прочно вошли в классический фонд марксистской исторической литературы («Заметки о Германии», рукописи о древних германцах и т. д.). Творчество Энгельса как историка достигло высокого уровня зрелости, диапазон его исследований еще больше расширился, охватывая все новые стороны исторического процесса, в том числе развитие различных сфер общественного сознания — науки, философии, религии. Немало им было сделано в научном объяснении сложнейших проблем всемирной истории (теория антропогенеза и социогенеза).

Вершины творчества (разработка Энгельсом проблем истории в 1883-1895 гг.)

14 марта 1883 г. умер Карл Маркс. Международное рабочее движение и передовая наука понесли невосполнимую потерю. Для Энгельса это была утрата лучшего друга, духовно самого близкого человека, главного соратника в борьбе за сплочение пролетарских сил. Тяжелым ударом явилась смерть Маркса и для научной деятельности Энгельса, в том числе и в области исторической науки¹. Прервалось их многолетнее плодотворное сотрудничество и в этой области, носившее самые разнообразные формы, от соавторства до взаимной помощи в сборе материалов и в розыске источников.

С кончиной Маркса на плечи Энгельса легли целиком не только обязанности по идейному руководству пролетарским движением и помощи социалистическим партиям, но и заботы о развитии революционной теории, в частности марксистской исторической науки. Видоизменилось направление и его собственной научной деятельности. На первое место выдвинулись завершение незаконченных работ его друга, в первую очередь обработка и подготовка к печати рукописей 2-го и 3-го томов «Капитала» (4-й том Энгельсу не удалось издать), публикация и переиздание других, в том числе исторических, трудов Маркса, апробация переводов его произведений на различные языки. Энгельс придавал огромное значение изданию и распространению литературного наследия своего великого соратника, видя в этом важнейшее средство утверждения марксизма в социалистическом движении. Ради этого он либо отказывался от ряда собственных научных и литературных планов, либо приспособлял их к этой более важной, как он считал, задаче, реализуя их в форме предисловий или послесловий к новым изданиям произведений Маркса. Некоторые новые замыслы, возникшие у него сразу после смерти Маркса, были связаны с желанием специально показать его роль как гениального ученого и учителя международного пролетариата. Таково было, в частности, намерение написать большую биографию Маркса с акцентом на его деятельности в I Интернационале. Во всем этом проявилось не только стремление разъяснить

огромную важность всего, что было сделано Марксом, но и беспримерная верность их дружбе. «Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны»², — писал В. И. Ленин.

Выполнение обязанностей душеприказчика Маркса в области теории, наставничества и руководства рабочим движением, казалось, должны были поглотить все время и силы Энгельса в его уже немолодые годы. И тем не менее он находил возможности с поистине юношеским увлечением заниматься изучением различных наук, особенно всемирной истории, следить за новинками в научной литературе, создавать новые собственные теоретические и исторические произведения, обсуждать исторические проблемы в переписке с многочисленными корреспондентами. Диалектико-материалистическое толкование исторического прошлого, узловых проблем всемирной истории, роли в ней народных масс, революционных переходов от одной общественно-экономической формации к другой явилось, как отчетливо сознавал Энгельс, средством борьбы за идейно-теоретическое укрепление социалистических партий, за утверждение в их рядах марксистского мировоззрения. Чрезвычайно важным с этой точки зрения он считал усвоение исторического опыта борьбы самого рабочего класса — чартизма, пролетарских движений 1848—1849 гг., I Интернационала, Парижской коммуны. Не последнее место отводил Энгельс марксистской исторической науке в деле разоблачения искажения истории буржуазными, оппортунистическими и левосектантскими авторами, особенно фальсификации ими истории рабочего движения.

Эти мотивы побуждали Энгельса предпринимать все новые исследования в области истории, углубляясь часто в самые отдаленные эпохи, возвращаться порой на новом уровне к темам, которые он уже разрабатывал в прошлом, неустанно следить за современными ему событиями в экономической и политической жизни и особенно за новыми явлениями в рабочем движении, ежедневно просматривая для этого целую кипу газет и журналов, в том числе рабочую прессу на разных языках. Эта творческая деятельность — даже в области лишь одной исторической науки — поистине поражает интенсивностью и результатами. За 12 последних лет жизни Энгельс совершил больше, чем многим ученым

удавалось сделать за десятилетия. Эти годы явились поистине вершиной его научной деятельности, достойно венчающей весь творческий путь великого теоретика и историка, одного из основателей марксистской школы исторической науки.

* * *

Одной из проблем, занимавшей Энгельса в этот период, являлась история первобытного общества. Ее различные аспекты давно были в поле зрения Энгельса. Большой интерес к ней проявлял и Маркс. Он одним из первых обратил внимание на вышедшую в 1877 г. в свет книгу выдающегося американского ученого Л. Г. Моргана «Древнее общество», оценив ее появление как крупнейшее событие в науке.

На базе обширного исторического и этнографического материала Морган установил универсальный характер безгосударственной гентильной организации первобытного общества, покоящейся на кровнородственных, коллективистских и демократических началах, раскрыл важнейшие звенья этой организации (род, фратрия, племя) и проследил основные направления ее эволюции. Доказав, что семейные отношения первобытных людей представляли собой различные формы группового брака, Морган дал разгадку тайны так называемого матриархата, суть которого заключалась в первичности материнского, матриархального рода (с естественным на ранних стадиях группового брака счетом происхождения по материнской линии) по отношению к отцовскому, патриархальному. Своими открытиями американский ученый не только подтвердил складывавшиеся у Маркса и Энгельса взгляды на первобытную ступень человечества, но и, дав фактическую основу для понимания процессов возникновения частной собственности, классов, государства, объективно расширил круг доказательств правильности диалектико-материалистического истолкования истории в целом. Как несколько позднее отмечал Энгельс (в письме Каутскому 16 февраля 1884 г.), Морган «в границах своего предмета самостоятельно вновь открыл марксово материалистическое понимание истории»³.

Познакомившись с книгой Моргана, Маркс счел, что его открытия заслуживают специального освещения в печати, но не в виде простого пересказа содержания

«Древнего общества», а на основе собственной интерпретации проблем истории первобытного строя. В конце 1880 — начале 1881 г. он составил подробный конспект труда Моргана и основательно изучил ряд других работ по первобытной истории — Мейна, Леббока, Тэйлора и т. д. •

Из конспекта видно, что Маркса не все удовлетворяло в концепции Моргана. В частности, он констатировал непоследовательность в картине эволюции общественных институтов, нарисованной в «Древнем обществе», где проблема происхождения государства рассматривалась до вопросов о возникновении моногамной семьи и частной собственности (в конспекте Маркса этот материал перенесен в соответствующее место). В ряде случаев он поправил Моргана, дополнив его данные сведениями из других источников, сделал более широкие теоретические обобщения. Так, приведя высказывание Моргана относительно изменений в системах родства как результате изменений в самих формах семьи, Маркс указал, что это является частным случаем общей закономерности — зависимости вторичных, идеологических явлений от первичных, материальных. «Точно так же обстоит дело с политическими, религиозными, юридическими и философскими системами вообще»⁴. Резкой критике подверг Маркс взгляды буржуазных ученых (Грота, Моммзена), классовые предрассудки и консервативные политические убеждения которых толкали на ложное истолкование древних обычаев и институтов.

Энгельс узнал о книге Моргана в начале 80-х годов от Маркса, но специально тогда ее не изучил. Тем не менее он уже в то время познакомился с рядом важных новых трудов по этнографии и первобытной истории: с книгой У. Б. Докинса о первобытном населении Британии, с работой американского этнографа Х. Х. Банкрофта «Туземные племена тихоокеанских штатов Северной Америки» и, самое главное, с «Материнским правом» (вышла в свет в 1861 г.) швейцарского ученого И. Я. Бахофена, впервые выдвинувшего научную гипотезу о связи матриархата с первобытной полигамией и определением происхождения по материнской линии⁵. Многие труды о первобытном обществе были ему, как указывалось выше, известны и ранее.

Насколько далеко Энгельс самостоятельно продвинулся в это время в понимании проблем группового

брака — свидетельствует его полемика с К. Каутским по этому вопросу весной 1883 г. В то время еще не сложившийся марксист, эклектик, догматически воспринявший дарвинское учение, Каутский опубликовал в конце 1882 — начале 1883 г. в штутгартском дарвинистском журнале «Kosmos» серию статей «Возникновение брака и семьи». Энгельс подверг эти статьи в письмах автору 10 февраля и 2 марта 1883 г. резкой критике. Он указывал, что статьи Каутского носят печать типичного для тогдашней буржуазной литературы вульгарно-модернизаторского подхода к древнему обществу, искусственного приписывания ему социологических и психологических черт (неравенство полов, ревность и т. д.), свойственных более поздним стадиям общественного развития. Вслед за многими буржуазными учеными Каутский конструировал, отмечал Энгельс, надуманную картину развития семьи от якобы первичной моногамии к одностороннему групповому браку (многому жеству женщин). Энгельс энергично оспаривал это утверждение, доказывая, наоборот, что полигамия (причем для обоих полов) была первичным, а не вторичным явлением, «исходным пунктом половых отношений внутри племени»⁶.

После смерти Маркса, разбирая рукописи друга, Энгельс обнаружил его конспект книги Моргана. Самой книги под рукой не оказалось, и Энгельсу пришлось разыскивать ее у книготорговцев⁷. Изучив труд Моргана и конспект этого труда, составленный Марксом, Энгельс решил взять на себя осуществление замысла, который родился еще у его соратника, — написать в связи с открытиями американского ученого специальную книгу. И в этой работе, как и в издании рукописей «Капитала», он увидел выполнение духовного завещания Маркса. Как и у Маркса, побудительным мотивом Энгельсу служило стремление показать значение открытий Моргана с точки зрения исторического материализма, обратить внимание на это новое убедительное доказательство правильности диалектико-материалистического понимания истории. Однако этим планы Энгельса отнюдь не ограничивались.

Его целью было синтезировать достижения передовой исторической науки, наиболее ярко выраженные в трудах Бахофена и Моргана, со взглядами Маркса на проблемы первобытной истории, вплоть до текстуального воспроизведения его замечаний в конспекте книги

Моргана, и с результатами собственных исследований этих проблем. «Было бы нелепо лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковать его критически и, использовав вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами»⁸, — писал Энгельс Каутскому 26 апреля 1884 г. о тех задачах, которые он ставил, работая над своей книгой.

Одной из главных задач Энгельс считал опровержение идеалистического истолкования древности, в частности такими авторитетами буржуазной историографии, как Нибур, Грот, Моммзен, Мейн и др. Он стремился показать порочность присущего буржуазным ученым обыкновения переносить на прошлое представления, почерпнутые из буржуазного мира, собственного не только им, но и представителям реформистских течений в рабочем движении (например, лассальянцам) суеверного преклонения перед государством, перед этим якобы извечно существовавшим институтом. Доказать исторически преходящий характер частной собственности на средства производства, классового деления общества, государства значило, по мысли Энгельса, подорвать самые устои буржуазной идеологии, подвести читателя к пониманию неизбежности утверждения бесклассовой, коммунистической общественной системы. Весь ход всемирной истории, общую характеристику которого Энгельс намеревался дать в заключении книги, убедительно показывал, что коммунистическое преобразование общества в результате социалистической революции обусловлено самим историческим процессом, развивающимся по законам диалектики — от первобытного коллективизма к его отрицанию, строю частной собственности, и от этого эксплуататорского строя к отрицанию отрицания — высокоразвитому коммунистическому обществу.

Работа Энгельса над воплощением в жизнь этих намерений привела к созданию книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которую В. И. Ленин с полным основанием характеризовал как «одно из основных сочинений современного социализма...»⁹. Написана она была в чрезвычайно короткий срок. Энгельс работал над ней с конца марта по 26 мая 1884 г. Только ученый, обладавший столь широкой эрудицией и таким дарованием, мог за два месяца создать произведение, в котором были заложены основы марк-

систского изучения первобытной истории, конкретизировано научное понимание развития классового общества, выяснены характерные черты эволюции семейных отношений на разных ступенях истории, раскрыты происхождение и классовая сущность государства и доказана неизбежность его отмирания с окончательным становлением бесклассового коммунистического общества.

В работе Энгельс широко пользовался аргументацией и выводами Моргана. Но даже те главы книги, которые базировались в основном на материалах его труда (глава I — «Доисторические ступени культуры», первая часть главы II — «Семья» и глава III — «Ирокезский род»), отнюдь не были его популярным изложением, как до сих пор пытаются представить дело некоторые буржуазные «марксологи». Энгельс ставил здесь выводы Моргана в связь с общей материалистической концепцией первобытного общества, проводил собственные аналогии между выявленными американским ученым обычаями североамериканских индейцев и чертами быта других народов, находящихся на первобытной стадии. В главах о Древней Греции и Древнем Риме (IV—VI) Энгельс существенно дополнил Моргана на основании других источников и литературы. Главы VII и VIII («Род у кельтов и германцев» и «Образование государства у германцев») были написаны независимо от Моргана; Энгельс в основном подытожил здесь собственные исследования. В главе IX («Варварство и цивилизация»), не считая самих терминов, употребленных также и Морганом (а до него примерно в том же смысле еще Фурье, трактовавшим «цивилизацию» как классовое общество), из книги американского ученого была приведена лишь одна цитата. Все остальное явилось плодом творчества самого Энгельса.

Анализируя процесс разложения родо-племенного строя — на конкретных примерах образования афинского, древнеримского и раннефеодальных государств, Энгельс исходил не из концепции Моргана, а из сложившихся у него и у Маркса взглядов на образование частной собственности и возникновение классовых антагонизмов. Результатом его собственных исследований и наблюдений были высказанные в книге мысли о влиянии прогресса в общественном разделении труда (отделение скотоводства от земледелия, ремесла от сельскохозяйственного производства) на общественное разви-

тие, о генезисе и упадке рабовладельческого способа производства, о происхождении феодальных институтов, об эволюции семьи на стадиях классового общества, о природе, исторических типах и судьбах государства. Нет необходимости говорить о том, что прогнозы будущего коммунистического общества целиком принадлежали автору книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Эта работа по своей методологии, по своей структуре и объему привлеченного материала, по своим основным идеям является глубоко оригинальным историко-социологическим произведением.

Критическое отношение Энгельса к Моргану сказало-сь в том, что он отбросил те положения его книги, в которых американский ученый обнаружил зависимость от поверхностных суждений некоторых либеральных историков, например Э. О. Фримана. Некоторые даже рациональные выводы Моргана Энгельс принял условно, считая, что они действительны лишь до тех пор, «пока значительное расширение материала не заставит внести изменения»¹⁰. К такого рода подлежащим в будущем уточнению положениям он причислял моргановскую периодизацию истории первобытного общества, деление ее на низшие, средние и высшие ступени дикости и варварства в зависимости от развития орудий труда. Дальнейшее развитие наук и накопление новых фактов позволили разработать более совершенную периодизацию, точнее отражающую социальную эволюцию первобытного строя. Нуждались в проверке и уточнении, с точки зрения Энгельса, и отдельные взгляды Моргана на формы семьи и брака у разных народов. И здесь будущее показало правоту предположений Энгельса¹¹. Существенные поправки и значительные дополнения к данным Моргана Энгельс внес уже сам в 4-е издание своей книги, вышедшее в 1891 г. Так, например, в одной из вставок к этому изданию он указывал, что Морган необоснованно приписал пуналуальной семье, существовавшей на Гавайских островах, «всеобщее распространение в древнейшее время»¹².

Работа Энгельса над 4-м изданием книги явилась новой страницей в исследовании им истории первобытного общества и других исторических проблем, затронутых в его произведении. Он тщательно изучил все новое, что появилось в области этнографии, археологии, антропологии за семь лет, истекшие с момента публика-

ции его работы, расширив в целом свои знания литературы по данному предмету. На этом основании он внес редакционные уточнения в текст и сделал весьма обстоятельные добавления. «Мне пришлось прочитать всю литературу по данному вопросу...»¹³ — писал Энгельс Лауре Лафарг 13 июня 1891 г.

Круг привлеченных в процессе подготовки нового издания трудов был весьма обширен. Сохранились, в частности, выписки из трудов, с которыми Энгельс и ранее был хорошо знаком (работы Бахофена и Банкрофта, «Первобытный брак» шотландского историка и юриста Дж. Ф. Мак-Леннана, «Опыт истории мысли» П. Лаврова, «Происхождение цивилизации» английского биолога и историка Дж. Леббока). Сделаны были выписки из работ, которых он ранее не упоминал, в том числе из книги швейцарского естествоиспытателя Л. Ж. Р. Агассиса «Путешествие в Бразилию» (первое издание вышло в 1868 г., Энгельс пользовался изданием 1886 г.), французского историка А. Жиро-Тёлона «Происхождение брака и семьи» (первое издание — 1874 г., второе, находившееся в распоряжении Энгельса, — 1884 г.)¹⁴.

О широком использовании Энгельсом новых материалов говорят и сами его дополнения к тексту. В них он ссылается на более раннюю работу (вышла в 1871 г.) Моргана «Системы родства и свойства человеческой семьи» (летом 1890 г. Энгельс получил от Ф. А. Зорге еще одну книгу американского этнографа — «Дома и домашняя жизнь американских туземцев»), на исследование о брачных обычаях у австралийцев англичан Л. Файсона и А. И. Хаунтта, на книги французского социолога Ш. Летурно «Эволюция брака и семьи», финского этнографа Э. А. Вестермарка «История человеческого брака», на работу о домашней общине у германцев швейцарского юриста А. Хейслера, на статью Г. В. Кунова о перуанских общинах и на ряд других трудов. Весьма большое внимание уделил Энгельс в новом издании трудам выдающегося русского этнографа, социолога и историка М. М. Ковалевского «Первобытное право» (первый выпуск «Род» был опубликован в Москве в 1886 г.) и «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (опубликован в 1890 г. в Стокгольме на французском языке). Этого ученого Маркс называл своим другом по науке и еще до чтения книги Моргана составил подробный конспект его работы «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разло-

жения» (1879 г.). Именно Ковалевскому, по мнению Энгельса, наука была обязана открытием патриархальной большой семьи как переходной формы от группового брака к моногамии¹⁵.

Книги Ковалевского и другие новые работы позволили Энгельсу значительно расширить фактический материал, на основе которого он строил выводы, и во многом конкретизировать и уточнить свою концепцию как развития семьи, так и перехода от рода к соседской общине-марке. В 4-м издании труда он мог оперировать гораздо более обширными этнографическими и историческими данными не только об индейцах Северной Америки, древних греках, римлянах, кельтах и германцах, но и об австралийцах, племенах Индии, Алжира, Латинской Америки, южных и восточных славянах, кавказских народностях.

К 4-му изданию Энгельс написал и специальное предисловие — «К истории первобытной семьи». Этот историографический очерк раскрывает сложный и тернистый путь, проделанный исторической наукой от представлений о первобытном браке, основанном на «Пятикнижии Моисея», до открытий Моргана. Однако значение его состоит не только в весьма объективной и точной оценке вклада ряда ученых (Бахофена, Мак-Леннана, Моргана) в разработку этой нелегкой проблемы. На примере отношения официальной буржуазной науки к открытиям Моргана Энгельс раскрывает некоторые общие черты, присущие буржуазной историографии в целом, а именно: национальное чванство, консерватизм, предубежденность ко всему, что выходит за рамки обыденного буржуазного мировоззрения¹⁶.

Исследования Энгельса в этой области венчает его статья «Вновь открытый пример группового брака» (написана в конце 1892 г.). В статье обобщены результаты изучения русским ученым Л. Я. Штеренбергом быта и обычаев сахалинских гиляков (нивхов). Отчет о докладе Штеренберга в Обществе любителей естествознания был напечатан в московской газете «Русские ведомости». Энгельс привел его в статье в собственном переводе. Он усмотрел в наблюдениях Штеренберга лишнее доказательство тождественности общественных институтов «первобытных народов, находящихся на почти одинаковой ступени развития»¹⁷. Статья Энгельса — еще одно свидетельство его внимания к русской этнографической и исторической науке.

Научное творчество Энгельса-историка в последние годы его жизни охватило проблемы, относящиеся ко всем последовавшим за разложением первобытного строя ступеням общественного развития. В своем анализе он как бы шел от одной стадии истории человечества к другой. Разумеется, занимаясь разработкой различных исторических тем, Энгельс не соблюдал той последовательности, в которой происходило развитие истории. Но если расположить его работы, выполненные в 1883—1895 гг., по хронологии объектов исследования, то окажется, что они относятся ко всем общественно-экономическим формациям, сменявшимся в ходе всемирной истории, причем в рамках истории каждой из этих формаций, особенно капитализма, Энгельса интересовали как общие социально-экономические проблемы, так и специальные вопросы, касающиеся отдельных (в том числе политических и идеологических) сторон исторического процесса. Продолжал он исследовать и историю отдельных стран, международных отношений, рабочего движения.

Характеристике рабовладельческого общества, античного мира помимо соответствующих глав «Происхождения семьи, частной собственности и государства» были посвящены такие работы Энгельса по истории раннего христианства, как статья «Книга откровения» с анализом Апокалипсиса Иоанна (1883 г.) и весьма обширный очерк «К истории первоначального христианства» (1894 г.)¹⁸. Эти работы, особенно вторая, как бы итоговая по данной проблеме, отличаются глубоким материалистическим истолкованием социальных условий возникновения христианства и превращения его в мировую религию и вместе с тем воспроизведением впечатляющей картины распада и кризиса рабовладельческого общества, упадка Римской империи. Энгельс раскрывает заложенные в первоначальных формах христианства революционные тенденции, проявившиеся позднее, в религиозной идеологии народных движений средних веков, а также те присущие ему уже на ранних стадиях черты (фантастическое перенесение идеалов социального переустройства в загробный мир, вера в искупительную жертву посредника между богом и людьми, сдерживающая социальный протест, и т. д.), которые направляли гнев угнетенных масс по ложному пути. Именно эти

черты, а также другие, усилившиеся позднее в христианском мировоззрении идеи — всепрощения, непротивления злу — позволили господствующим классам приспособить христианство к своим интересам, превратить его в официальную религию, санкционирующую эксплуататорский строй.

Многие мысли Энгельса — об идейной неоднородности первоначального христианства, о социальном составе первых христианских общин и примитивно-коллективистских тенденциях внутри них, о влиянии на формирование христианских догм других верований (иудаизма, восточных религий), о времени составления книг Нового завета и т. д. — были подтверждены последующими исследованиями и находками.

Переломные эпохи в истории, представляющие собой переходную ступень от одной общественно-экономической формации к другой, всегда особенно интересовали Энгельса. Это были времена резкого обострения классовой борьбы, революционных выступлений народных масс, крупных перемен и в социально-политической жизни, и в мировоззрении. К таким эпохам относился, в частности, период позднего средневековья и ранних буржуазных революций, начиная с Возрождения и Реформации, продолжавший привлекать внимание Энгельса. В середине 80-х годов у Энгельса возник замысел дать обстоятельную характеристику этому периоду в большом введении к переизданию его «Крестьянской войны в Германии», воспроизвести, если так можно выразиться, широкий исторический фон, который бы еще больше оттенял историческое значение этого события как кульминации всего общественного движения, развивавшегося под знаменем Реформации. «Мою «Крестьянскую войну» я перерабатываю совершенно заново, — писал Энгельс Зорге 31 декабря 1884 г. — Крестьянская война будет представлена как краеугольный камень всей немецкой истории»¹⁹.

Энгельсу не удалось осуществить свое намерение, хотя он не оставлял его до конца своей жизни. Написанный Энгельсом еще в конце 1884 г. фрагмент нового введения к его работе, а также составленный им в это время набросок части плана «К «Крестьянской войне»» и содержание ряда писем (Ф. Мерингу 14 июля 1893 г., Лауре Лафарг 17 декабря 1894 г., К. Каутскому 25 марта и 21 мая 1895 г. и др.) показывают, в каком направлении мыслилась им эта переработка²⁰. Он собирался дать

общую характеристику эпохи разложения феодальных отношений и генезиса капитализма, отметить общеевропейское значение реформационного движения, показать ход исторического развития Германии, сделавший ее ареной первой из ранних буржуазных революций.

Несмотря на незавершенность работы, достигнутые и на этот раз результаты имели большое значение для марксистской исторической науки. При жизни Энгельса его мысли благодаря письмам сделались известными ученикам и соратникам, а позднее, после опубликования указанных рукописей, стали достоянием широкого круга ученых-марксистов. В этих рукописях Энгельс пролил дополнительный свет на эпоху перехода от феодализма к капитализму, на процесс формирования наций и образования национальных государств, показал прогрессивную в целом роль королевской власти в условиях феодальной анархии, охарактеризовал природу и централизаторские функции абсолютной монархии. Вновь сравнивая оставшиеся политически раздробленными Германию и Италию с Францией и рядом других стран Европы, в которых процесс централизации протекал в соответствии с общей тенденцией к национальному сплочению, Энгельс еще раз выдвинул важный в методологическом отношении вопрос о действии общих закономерностей в истории и их специфическом проявлении в конкретных условиях каждой страны, о факторах, обуславливающих в отдельных случаях известное отклонение от общей нормы.

Из рукописей Энгельса видно, что его весьма интеллигентно идеологическая сторона борьбы поднимавшейся буржуазии против феодализма. Характеристику этого противоборства двух идеологий — реакционного мировоззрения католической церкви и феодальной верхушки средневекового общества и реформационных идеологических течений бюргерства, городских плебеев, крестьян — Энгельс дал в написанной им вместе с Каутским статье «Юридический социализм» (осень 1886 г.). Статья была направлена против австрийского буржуазного юриста А. Менгера, пытавшегося в книге «Право на полный трудовой доход в историческом освещении» истолковать историю социалистической мысли с точки зрения буржуазных правовых теорий, и в первую очередь исказить экономическое учение Маркса. Энгельсу, по всей вероятности, принадлежали общепринятые исторические и методологические соображения в этой статье, Каутс-

кому — выполненная в значительной мере по указаниям Энгельса конкретная критика книги Менгера. В своей части статьи Энгельс раскрыл генезис буржуазной идеологии и показал ограниченность присущего буржуазии юридического мировоззрения и, таким образом, неприменимость его мерок к ряду общественных явлений, особенно к истории рабочего движения и социализма.

На ранних стадиях борьбы с феодализмом, отмечал Энгельс, буржуазия заимствует у противника некоторые черты его теологического мировоззрения, облекая свои требования также в религиозно-теологическую форму и выступая под знаменем религиозной реформации. Лишь во второй половине XVIII в. завершается выработка адекватного ее классовой природе юридического мировоззрения, используемого ею как идеологическое оружие в решающих битвах против феодальной системы. Точно так же и антагонист буржуазии — пролетариат на первых порах перенимает буржуазный способ мышления, истолковывая юридическое равенство в духе социального. Только наиболее выдающиеся мыслители среди социалистов-утопистов — Сен-Симон, Фурье и Оуэн делают попытку покинуть эту правовую почву. Но лишь с появлением подлинно научного диалектико-материалистического мировоззрения рабочий класс обретает истинное идейное знамя в своей освободительной борьбе²¹.

Более обстоятельно указанные проблемы были разработаны Энгельсом в большом введении к английскому изданию 1892 г. брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». Это введение чрезвычайно богато по своему содержанию. В нем рассмотрены важнейшие проблемы философии — теория познания, роль практики как критерия истины, критика агностицизма, в том числе и те, которые относятся к методологическим основам исторической науки. Историческое содержание труда включает узловые проблемы всемирной истории, истории Англии XIX в., многие аспекты истории философии, атеизма, религии.

Во введении дается обобщающая картина борьбы буржуазии против феодального строя, охватывающая ее основные этапы. Энгельс показывает, что она составила целую историческую полосу, насыщенную революционными событиями. Реформацию и Крестьянскую войну в Германии, английскую революцию середины XVII в. и Великую французскую революцию он называл тремя крупными решающими битвами в этой борьбе, тремя

главными восстаниями буржуазии, в результате которых в наиболее развитых странах Европы был опрокинут феодализм²². Характеризуя особенности каждого из этих восстаний, Энгельс рассматривал их в международном аспекте, как звенья единого революционного процесса, в ходе которого имели место и другие крупные революционные выступления, в частности отмеченная им нидерландская буржуазная революция второй половины XVI в. Но в трех указанных выше событиях он видел высшие точки общеевропейского антифеодального революционного движения.

Другой обобщающий вывод Энгельса касался роли народных масс в истории. Их он считал решающей движущей силой буржуазных революций. Именно они, подчеркивал он, всякий раз доводили революционную борьбу с феодальной аристократией дальше того, чего хотела сама буржуазия, и это, когда народ побеждал, обеспечивало стабильность результатов буржуазных преобразований.

Важную роль, указывал Энгельс, развивая дальше мысли, высказанные им в работе «Юридический социализм», в революционных выступлениях буржуазии и народных масс против феодального господства играла идеология. Энгельс дал характеристику лютеранства и кальвинизма как идейного, облаченного в религиозные формы протеста против феодализма. Развитие и углубление освободительного движения, успехи в нем буржуазии он связал и с прогрессом в области мировоззрения, с усилением в нем материалистических тенденций, со все большим воздействием передовой философии на формирование идеологии борющихся классов. Результатом этого процесса явилось то, что во время наиболее радикального выступления против феодального строя во Франции 1789—1794 гг. буржуазная революция впервые совершенно сбросила с себя религиозные одежды.

В дальнейшей эволюции буржуазной идеологии при всей сложности и противоречивости процессов, происшедших в сфере общественного сознания, Энгельс подметил на примере Англии одну характерную черту: по мере контрреволюционного перерождения буржуазии наблюдается все большее отречение ее от собственного передового в прошлом мировоззрения, все больший отход от материализма и атеизма и тяготение к возрождению религиозности, мистицизма. Наследником передовой

буржуазной философской и атеистической мысли становится революционный рабочий класс, берущий на вооружение отброшенные буржуазией духовные ценности.

В своих произведениях последних лет Энгельс освещал не только ранние периоды истории капитализма, но и последующие стадии развития капиталистического общества. В частности, он изучал характер промышленного переворота в ряде стран Европы, где промышленная революция произошла только в XIX в. В предисловии ко 2-му изданию своей книги «К жилищному вопросу» (1887 г.) и в интервью корреспонденту газеты «Daily Chronicle» (июнь 1893 г.) Энгельс отмечал особенности и последствия процесса создания крупной индустрии в Германии в середине XIX в., подчеркивая, что как здесь, так и в других странах она не вытеснила до конца домашнюю промышленность, сохранившуюся как ее придаток.

С большой проницательностью были подмечены Энгельсом и особенности дальнейшей эволюции капиталистической экономики, в том числе те существенные сдвиги, которые произошли в ней в последней трети XIX в. Об этих сдвигах он писал в примечаниях и добавлениях к тексту 3-го тома «Капитала», изданного им в 1894 г., в наброске «Биржа», написанном в этой же связи, в работах «Протекционизм и свобода торговли» (предисловие к американскому изданию 1888 г. «Речи о свободе торговли» К. Маркса), «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» и др. В этих работах Энгельс отмечал рост концентрации капиталов и образование монополий, создание трестов и картелей, причем не только национальных, но и международных, возрастание роли финансового капитала и т. д.²³ Все это говорит о том, что как историк и экономист Энгельс отличался острой наблюдательностью. Не дожив до наступления новой исторической эпохи — эпохи империализма, он уловил многие симптомы ее приближения. Весьма интересовал его и вопрос, как отражаются эти новые экономические тенденции на условиях жизни и борьбы рабочего класса, а также положении средних слоев, в частности крестьянства. Об этом свидетельствует, например, одна из последних его крупных работ — «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (1894 г.).

Не прошел Энгельс мимо и такой характерной черты переживаемого времени, как резкое усиление колониаль-

ной экспансии капиталистических государств, объектом которой становились не поделенные еще территории, особенно африканские земли. В отдельных замечаниях и отступлениях, сделанных в произведениях, которые были посвящены другим сюжетам, он отмечал захват Англией Египта, проникновение европейского капитала в Конго, усиление национально-освободительной борьбы в Африке, в частности восстание против английских колонизаторов в Судане в 1881 г.²⁴ Особенно часто вопросов колониальной политики и антиколониального движения угнетенных народов Энгельс касался в своих письмах.

Много было сделано Энгельсом в рассматриваемые годы в области разработки истории отдельных стран. Известные итоги многолетним занятиям аграрной историей Германии он, в частности, подвел в работе «К истории прусского крестьянства», написанной в качестве введения к переизданию в 1886 г. отдельной брошюрой серии статей из «*Neue Rheinische Zeitung*» «Силезский миллиард» В. Вольфа (1849 г.). В этой работе Энгельс раскрыл причины сохранения феодальных пережитков в аграрном строе немецких государств, показал половинчатый характер отмены крепостного права, осуществленной правящими кругами Пруссии в 1807—1811 гг., выяснил особенности последующего развития аграрных отношений — того типа аграрной эволюции, который В. И. Ленин позднее назвал прусским путем развития капитализма в сельском хозяйстве²⁵.

Следующую работу — «Роль насилия в истории» (конец 1887 — начало 1888 г.) — Энгельс посвятил истории объединения Германии под эгидой юнкерской Пруссии. Рукопись предназначалась для задуманной Энгельсом одноименной брошюры — она должна была войти в эту брошюру как 4-я глава в дополнение к главам «*Анти-Дюринга*», посвященным критике теории насилия, — но осталась незаконченной. Однако и то, что было написано, отличается совершенством исторического анализа и отточенностью литературной формы. Эта работа — один из ярчайших образцов творчества Энгельса как историка. Здесь особенно обнаружилась острота его восприятия истории, умения разбираться в действующих в ней противоречивых тенденциях, в данном случае проявившихся в борьбе за выбор путей достижения национального единства, революционного или осуществляемого правящими «душеприказчиками рево-

люции». Проникновение в суть таких запутанных явлений, как «революция сверху», пересадка бонапартизма на прусскую почву и преобразование его Бисмарком в буржуазно-юнкерскую монархию, сочеталось у Энгельса с чрезвычайно динамичным и красочным воспроизведением конкретного хода самих событий.

Сохранившиеся подготовительные материалы к работе — наброски ее плана и плана заключительной части, выписки из исторических работ по новейшей истории — раскрывают еще одну черту творчества Энгельса — его стремление доводить историческое исследование до современных ему рубежей. Так, по замыслу Энгельса работу должна была венчать картина состояния Германской империи в конце 80-х годов со всеми раздирающими ее социальными антагонизмами и политическими конфликтами. Энгельс намеревался показать, в какой тупик завела Германию политика ее господствующих классов: полицейская травля участников рабочего движения (закон против социалистов), мелко-травчатая социальная демагогия, милитаризм и гонка вооружений, колониальная горячка. Именно с военными приготовлениями и агрессивным внешнеполитическим курсом правителей Германской империи Энгельс прежде всего связал зловещую перспективу мировой войны²⁶.

Источником Энгельсу послужили собранные ранее материалы по истории Германии, а также новые работы, в частности четвертый том «Истории новейшего времени» немецкого либерального историка К. Булле (1885 г.). Хронологические выписки по истории Германии 70—80-х годов, содержавшие обширное собрание фактов, Энгельс сделал в основном на основании этой книги. Его пометки на книге Ф. Жако «История Лотарингии от ее первых герцогов до осады Меца» (1874 г.), по-видимому, были связаны с тем экскурсом в область истории Эльзаса и Лотарингии, который он предпринял, касаясь аннексии этих французских провинций Германской империей²⁷.

В работе «Роль насилия в истории» освещены многие страницы истории международных отношений, а также истории Франции. Исторические судьбы французского народа в XIX в., в том числе в период Второй империи, франко-прусской войны 1870—1871 гг. и Парижской коммуны, а также во время Третьей республики, продолжали живо интересовать Энгельса. Он считал историю Франции известным эталоном действия общих исто-

рических закономерностей, примером классических форм проявления борьбы классов. Об этом он, в частности, писал в 1885 г. в предисловии к переизданию работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса. В статье «Создавшаяся обстановка» (1885 г.), во введениях к работам Маркса «Гражданская война во Франции» (1891 г.) и «Классовая борьба во Франции» (1895 г.) Энгельс осветил многие события французской истории второй половины XIX в.

Не менее часто обращался Энгельс к истории Англии, отмечая новые явления в ее внутреннем развитии и в положении на мировом рынке (утрата мировой промышленной монополии). Помимо указанного выше введения к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» главные результаты анализа этих новых явлений получили отражение в предисловиях 1892 г. к английскому и немецкому изданиям книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», в статье «Отставка буржуазии» (1889 г.) и наброске «О некоторых особенностях экономического и политического развития Англии» (1892 г.).

Выводы о процессе образования и распространения монополистических объединений были сделаны Энгельсом во многом на основании наблюдений развития американского капитализма после Гражданской войны в США 1861—1865 гг. Неудивительно поэтому, что в тех работах, в которых сформулированы эти выводы (например, в статье 1892 г. «Президентские выборы в Америке»), много внимания уделялось и различным сторонам истории США. Отдельные ее проблемы затрагивались Энгельсом также в предисловии к американскому изданию 1887 г. его книги «Положение рабочего класса в Англии», в заметках «О путевых впечатлениях об Америке» (1888 г.).

Широка исторического кругозора Энгельса и многообразие его интересов проявились и в его высказываниях в печати, касающихся истории ряда других стран. Некоторым из них были посвящены специальные печатные выступления. Так, в статьях «Об итальянской Панаме» (1893 г.) и «Будущая итальянская революция и социалистическая партия» (1894 г.) охарактеризованы существенные черты истории итальянского буржуазного общества после объединения страны, показана коррупция, охватившая правящую верхушку. Для написания первой из упомянутых статей Энгельс сделал выписки

из итальянских газет «Corriera della Sera», «Corriera di Napoli», «Opinioni secolo» и др.; важные сведения почерпнул он и из писем А. Лабриолы²⁸. О быстрых успехах капиталистической промышленности в польских землях и созревании предпосылок для восстановления независимости Польши Энгельс писал в предисловии к польскому изданию 1892 г. «Манифеста Коммунистической партии». Важные мысли об особенностях исторического развития Норвегии — страны сохранившего в средние века личную свободу крестьянства, о норвежской литературе XIX в. Энгельс высказал в 1890 г. в ответе одному из лидеров полуанархистской оппозиции «молодых» в германской социал-демократии, П. Эрнсту.

С возрастающим интересом изучал Энгельс процессы, происходившие в социальной и политической жизни пореформенной России — стране, в революционное будущее которой он, как и Маркс, проникался все большей верой, не устывая подчеркивать крупнейшее международное значение грядущей русской революции. «Россия, — передавал его слова Г. А. Лопатин, — это — Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива *нового* социального переустройства»²⁹.

Характеристику общественного и политического строя царской России второй половины XIX в., содержащуюся в статье «О социальном вопросе в России» (из серии 1874—1875 гг. «Эмигрантская литература»), Энгельс в 1894 г. дополнил в послесловии к этой статье новыми данными об утверждении капиталистического способа производства, расслоении и пролетаризации крестьянства, разложении крестьянской общины, а также о нарастающих внутренних трудностях, с которыми все больше сталкивался царизм, о революционном брожении в стране. Еще более широкая историческая панорама была нарисована Энгельсом в 1890 г. в его очерке «Внешняя политика русского царизма», в котором не только освещалась роль царской России на мировой арене в течение двух столетий, начиная от царствования Петра I до конца 80-х годов XIX в., но и затрагивались многие вопросы ее внутреннего развития.

Очерк Энгельса относился к той области истории, которой он занимался давно, — истории международных отношений. Сосредоточив основное внимание на истории царской дипломатии, он осветил одновременно и важнейшие этапы развития международных отношений,

главные узлы противоречий в мировой политике, возникшие в XVIII в., в период французской буржуазной революции и наполеоновских войн, во время и после Венского конгресса 1815 г., в периоды восточного кризиса и Крымской войны, борьбы за воссоединение Италии и Германии, франко-прусской войны 1870—1871 гг. и в последовавший за ней период. Яркими штрихами обрисовал Энгельс современную ему международную обстановку: образование двух враждебных группировок держав — Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии и франко-русского союза, рост милитаризма, нарастание угрозы новой мировой войны. Крушение царского самодержавия под ударами народной революции, предсказал Энгельс, могло бы проложить путь к миру в Европе. «С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны невиданных масштаба и силы, — писал он. — Одно только может остановить ее: перемена политического строя в России»³⁰. Пророчески предвидел он и возможность военной интервенции реакционных западных правительств в революционную Россию с целью восстановления царской власти.

Вопросы истории внешней политики Энгельс рассматривал во многих других работах. Еще в 1886 г. в статье «Политическое положение в Европе» он дал характеристику новой стадии обострения противоречий между европейскими державами на Балканах и Ближнем Востоке после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Осложнявшейся международной ситуации в Европе в конце 80-х — начале 90-х годов, роста агрессивных сил, гонки вооружений, реальной угрозы возникновения мировой войны Энгельс касался во «Введении к брошюре С. Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов»» (1887 г.), в статье «Социализм в Германии» (1891—1892 гг.), в серии статей «Может ли Европа разоружиться?» (1893 г.), в интервью корреспондентам французских газет «L'Éclair» (1892 г.) и «Le Figaro» (1893 г.). Эти работы пронизывает одна ведущая мысль — о необходимости для рабочего класса и его партий активно вмешиваться во внешнюю политику, обуздывать милитаристские и агрессивные вожеления своих правительств, вести решительную борьбу за мир и разоружение.

Разработка истории рабочего движения продолжала, как и раньше, быть в центре научной деятельности

Энгельса. В его глазах это было делом первостепенной важности, в первую очередь с точки зрения усвоения новым поколением социалистов опыта освободительной борьбы пролетариата. Правильное понимание развития пролетарского движения и его научной идеологии — марксизма, считал Энгельс, должно было способствовать утверждению марксистского мирозерцания.

При этом Энгельс стремился охватить все стадии пролетарской борьбы, от участия плебейских слоев — предшественников пролетариата — в ранних буржуазных революциях до современных ему событий, раскрывающих успехи социалистических и рабочих партий, первые результаты деятельности II Интернационала, первые шаги в проведении международного пролетарского празднования 1 Мая (статьи «4 мая в Лондоне» (1890 г.), «Международный рабочий конгресс 1891 года», «О Брюссельском конгрессе и о положении в Европе» (1891 г.), «Речь при закрытии Международного социалистического рабочего конгресса в Цюрихе 12 августа 1893 года», приветствия рабочим различных стран — немецким, австрийским, французским, чешским, испанским — к 1 Мая 1893 г. и т. д.). В августе 1886 г. Энгельс набросал «Хронологию чартистского движения», используя чартистскую прессу, личные записи и воспоминания. По существу это оригинальный проспект работы по истории чартизма, составленный, по-видимому, в помощь немецкому социал-демократу Г. Шлютеру, который в следующем году выпустил брошюру на эту тему — первый вариант его будущей обширной монографии о чартистском движении³¹. Общая картина развития пролетарской борьбы в Европе после июньского 1848 г. восстания парижского пролетариата вплоть до первой половины XIX в. была дана Энгельсом в упомянутом введении к изданию 1895 г. работы Маркса «Классовая борьба во Франции».

Не устал Энгельс разъяснять социалистам всех стран всемирно-историческое значение Парижской коммуны. В 90-х годах почти в каждую годовщину этого кульминационного события в истории пролетарской борьбы XIX в. он посылал приветствия французским рабочим и социалистам, лейтмотивом которых было подчеркивание верности международного пролетариата заветам Коммуны и неизбежности торжества ее великого дела. В этих приветствиях содержались оценки тех или других сторон деятельности парижских коммунаров. Эту

деятельность, обстановку, в которой произошла пролетарская революция 18 марта 1871 г. в Париже, исторические уроки Коммуны как первого опыта диктатуры пролетариата, практически подтвердившего вывод марксизма о необходимости революционной пролетарской партии, Энгельс обстоятельно проанализировал во введении к немецкому изданию 1891 г. «Гражданской войны во Франции» Маркса. Введение это явилось существенным дополнением к классическому произведению его друга.

Несмотря на то что Энгельсу не удалось осуществить идею написания большой биографии Маркса, в эти годы он сделал немало для разработки и освещения важных этапов в истории марксизма, в раскрытии его роли в развитии международного пролетарского движения. В 1892 г. Энгельс создал еще один краткий по объему, но содержащий скрупулезно точные в научном отношении характеристики биографический очерк о Марксе. Этот очерк, написанный для издававшегося в Йене «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», представлял собой статью подлинно энциклопедического типа не только по лаконичности стиля, но и по обилию биографических сведений.

Исключительным вкладом в выяснение процесса генезиса марксизма явилась книга Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Эта работа была написана в 1886 г., напечатана в журнале «Die Neue Zeit» и через два года опубликована отдельным изданием с небольшим предисловием. В ней раскрыто значение такого теоретического источника марксизма, как немецкая классическая философия, особенно философия Гегеля и Фейербаха, показано, какие рациональные элементы их воззрений были восприняты и переработаны Марксом и что в этих воззрениях было им отброшено. Работа Энгельса явилась также существенным после «Анти-Дюринга» пополнением классической марксистской литературы по истории философии и истории общественной мысли в целом.

Деятельности Маркса как основателя первой международной коммунистической организации пролетариата посвящена работа Энгельса «К истории Союза коммунистов», написанная в качестве введения к третьему изданию (1885 г.) памфлета Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Это одно из основополагающих произведений марксистской историогра-

фии по истории раннего периода немецкого (начиная от Союза справедливых) и международного пролетарского движения. Поскольку оно вышло из-под пера одного из главных участников основания и деятельности Союза коммунистов, его можно одновременно рассматривать и как образец исторических мемуаров, но мемуаров особого типа, содержащих не только личные воспоминания, но и глубокий анализ и обобщения исторических явлений.

Такой же характер имели чрезвычайно важные для понимания роли пролетарских революционеров в буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. статья Энгельса «Маркс и «*Neue Rheinische Zeitung*»» (1884 г.) и его предисловие к брошюре «Карл Маркс перед судом присяжных в Кёльне» (1885 г.). Здесь помимо освещения важного периода в биографии Маркса, его тактики как вождя пролетарского крыла революционной демократии в 1848—1849 гг. раскрывалась суть общего хода событий самой революции, развития рабочего движения на этом этапе.

Энгельсу, как он ни стремился к этому, не довелось опубликовать специальной работы по истории I Интернационала. Однако историческое место первой массовой международной организации рабочего класса, ее роль в интернациональном сплочении и революционном воспитании пролетариата, в подготовке почвы для распространения в массах идей научного коммунизма он показал в предисловиях к английскому 1888 г. и немецкому 1890 г. изданиям «Манифеста Коммунистической партии». В 1892 г. он выступил в печати с протестом против искажения истории Интернационала в анархистском духе в серии статей швейцарского социалиста Л. Эритье «Юрская федерация и Михаил Бакунин». В заявлении в редакцию газеты «*Berliner Volks-Tribüne*», где печаталась эта серия, он опроверг почерпнутые из бакунистских источников вымыслы автора о характере борьбы с анархистским течением в Международном Товариществе Рабочих, о ходе и решениях его Лондонской конференции 1871 г.

Энгельс продолжал придавать большое значение разработке биографий участников пролетарской борьбы, деятелей рабочего движения. Он сам написал в эти годы биографические очерки о немецком пролетарском поэте и революционере Георге Веерте (статья 1884 г. «Георг Веерт. «Песня подмастерья» Георга Веерта»), о вете-

ране рабочего движения И. Ф. Беккере (статья-некролог 1886 г. «Иоганн Филипп Беккер»), о видном немецком ученом, социал-демократе К. Шорлеммере (некролог 1892 г. «Карл Шорлеммер»).

Освещал Энгельс и развитие рабочего движения в отдельных странах Европы и США. Помимо упомянутых работ, в которых эта тема раскрывалась наряду с общей характеристикой либо внутренней истории той или другой страны, либо международной обстановки, он написал целый ряд заметок и статей, посвященных отдельным страницам и эпизодам классовой борьбы пролетариата. Среди них можно упомянуть «О стачке рабочих стекольного завода в Лионе» (1886 г.), «Стачка рурских горняков 1889 г.», «По поводу стачки лондонских докеров» (1889 г.), «Выборы 1890 г. в Германии», «Прощальное письмо читателям газеты «Sozialdemokrat» (1890 г.) и т. д. В многочисленных приветствиях социалистическим партиям и организациям, часто по случаю их национальных съездов, редакциям социалистических органов печати разных стран Энгельс откликался на события в жизни рабочего класса и социалистов той или другой страны. В них нередко содержались обобщающие оценки различных новых явлений в рабочем движении.

Таков в общих чертах круг исторических проблем, затронутых в научном и публицистическом творчестве Энгельса за период 1883—1895 гг.

* * *

Различные вопросы исторической науки были предметом обсуждения Энгельса в его переписке этих лет с В. Адлером, А. Бебелем, Н. Ф. Даниельсоном, В. И. Засулич, Ф. А. Зорге, Ф. Мерингом, К. Каутским, А. Лабриолой, П. Л. Лавровым, Полем и Лаурой Лафарг, В. Либкнехтом, Г. В. Плехановым, Ф. Турати, Г. Шлютером и многими другими корреспондентами. Помимо различных проблем марксистской теории и тактики рабочего движения в них очень много внимания Энгельс уделял характеристике как текущих исторических событий, так и событий более отдаленного прошлого, разбору исторических работ, полемике против неправильной интерпретации исторических фактов и явлений, критике ложных исторических концепций. Энгельс щедро делился с корреспондентами своими необъятными знаниями всемирной истории. Некоторые его письма учени-

кам и соратникам прямо носят характер консультаций по истории разных стран и народов.

Переписка Энгельса не только проливает свет на его исследования в области истории, которые увенчались появлением в печати тех или иных работ, но и дает наглядное представление о его нереализованных замыслах. Именно из писем стало известно о намерениях Энгельса переработать «Крестьянскую войну в Германии», написать большую биографию Маркса. Отражены в переписке и другие публикаторские и авторские задумки: об издании переписки Маркса с Лассалем с соответствующими историческими комментариями, о публикации статей Маркса из «Rheinische Zeitung» с введением к ним, о подготовке к печати собрания сочинений Маркса и собственных трудов, о написании истории Международного Товарищества Рабочих³². В 1889 г. Энгельс выразил желание написать очерк об идейной борьбе в Германии в 40-х годах XIX в. в связи с обращением к нему школьного учителя из Берлина Макса Хильдебранда, интересовавшегося биографическими материалами об одном из идеологов анархизма, Максе Штирнере³³. Рассчитывал Энгельс принять участие и в дальнейшей разработке истории социалистической мысли. Он был глубоко задет, когда узнал весной 1895 г., что Бернштейн и Каутский, предприняв издание «Истории социализма в отдельных очерках», не только не позаботились о привлечении его в той или другой форме к сотрудничеству, но даже не поставили его в известность об этом начинании³⁴.

Но письма Энгельса — это отнюдь не только вспомогательный источник для изучения его творчества в области истории. Эпистолярное наследие Энгельса в значительной своей части является самостоятельным плодом работы его теоретической и исторической мысли, формой подытоживания изучения различных исторических проблем, в том числе и тех, которые не затрагивались в опубликованных трудах.

На первое место по научному значению выдвигается группа писем Энгельса об историческом материализме, адресованных в 90-х годах К. Шмидту, И. Блоху, Ф. Мерингу, В. Боргиусу и др. В них Энгельс дал отпор попыткам истолковать исторический метод Маркса в вульгарно-упрощенческом духе, представить материалистическое понимание истории неким плоским экономическим материализмом. Эти попытки исходили как от

противников марксизма, например от немецкого буржуазного социолога П. Барта, автора книги «Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана включительно», так и от его мнимых сторонников, подменявших марксистское учение грубым и вульгарным схематизированием. В этих письмах Энгельса получило дальнейшее развитие марксистское истолкование общих законов истории³⁵.

Следует отметить, что защита исторического материализма от опoшления и извращений рассматривалась Энгельсом не только как борьба за чистоту революционной теории, в том числе за укрепление методологических позиций и авторитета марксистской исторической науки, но и как отстаивание основ правильной революционной политики пролетарских партий. «Для меня историческая теория Маркса, — писал он В. И. Засулич 23 апреля 1885 г., — основное условие всякой *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики»³⁶.

Широк был диапазон специальных исторических тем, рассматривавшихся Энгельсом в письмах. Так, в частности, в 1884 г., да и в последующие годы Энгельс много раз затрагивал различные стороны истории первобытного общества, первобытной семьи и брака. Особенно освещалась в переписке история общинного землевладения в разные эпохи и у разных народов, процесс разложения общины под влиянием развития капитализма в тех странах, где ее пережитки сохранились вплоть до второй половины XIX в. В этом отношении особенно важным является содержание писем Энгельса Н. Ф. Даниельсону 10 июня 1890 и 17 октября 1893 г. Обсуждал Энгельс со своими корреспондентами и проблемы феодализма, возникновения и характера абсолютных монархий, истории отдельных стран (Австрии, Пруссии, Англии, Франции, России, Польши, Нидерландов и т. д.) в средние века и новое время.

В ряде писем Энгельс затрагивал постоянно интересовавшую его историю народных движений в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Он делился со своими корреспондентами мыслями о Реформации в Германии — «первой буржуазной революции в религиозном облачении»³⁷, об английской и французской буржуазных революциях XVII и XVIII вв. (письма Э. Бернштейну 12—13 июня 1883 г., К. Каутскому 20 февраля 1889 г., В. Адлеру 4 декабря 1889 г., П. Лафаргу 27 июня 1893 г.), о революции 1848 г. во Франции, Гер-

мании, Италии (письма П. Лафаргу 25 февраля 1893 г., А. Бебелю 12 и 21 октября 1893 г.). Особенно глубокие суждения были высказаны Энгельсом о французской буржуазной революции конца XVIII в. Он раскрыл историческое значение кульминационного пункта революции — периода якобинской диктатуры 1793—1794 гг., дал характеристику международной обстановки того времени, показал влияние революционных войн на развитие внутренних событий, осветил борьбу течений в якобинском лагере, роль наиболее радикального крайнего направления, Коммуны Парижа, деятельность Бабефа и его сторонников как выразителей стремлений плебейских низов³⁸.

Чрезвычайно часто откликался Энгельс в письмах на современные ему события, нередко давал им развернутую оценку. В его корреспонденции получили отражение различные стороны экономического развития стран Европы и Америки, реакционные мероприятия правительства Бисмарка, коррупция правящих кругов французской Третьей республики, вскрывшаяся в связи со знаменитой Панамой, а также активизация монархических элементов и рост реваншизма во Франции (буланжизм), раскол либеральной партии в Англии и министерские кризисы в обстановке развертывания борьбы ирландской оппозиции за гомруль, внутренние затруднения русского царизма, голод 90-х годов в России и многие события в Австро-Венгрии, Италии, Бельгии, Испании, США и т. д. Внимательно следил Энгельс за тем, что происходило на мировой арене, с тревогой констатируя усиливающуюся угрозу мировой войны. Касался Энгельс в письмах и колониальной политики капиталистических держав, их борьбы за раздел Африки, усиления противоречий на Дальнем Востоке. В письмах содержится, в частности, отклик на последнее крупное военное столкновение, происшедшее при жизни Энгельса, — японо-китайскую войну 1894—1895 гг.³⁹

Со страниц писем Энгельса не сходила тема рабочего движения в разных странах. Ей он уделял главное внимание, отмечая успехи развития пролетарской борьбы, рост интернациональных связей рабочего класса, распространение марксизма, прогресс в деятельности социалистических партий и организаций. В то же время постоянную озабоченность у него вызывали оппортунистические шатания в рядах социалистов, выступления представителей реформистских течений, сектантские ошибки.

Переписка свидетельствует, что Энгельса глубоко интересовала история духовной жизни народов, культуры и искусства. Его письма писательницам М. Каутской 26 ноября 1885 г. и М. Гаркнесс от начала апреля 1888 г. содержат обоснование важных принципов марксистской эстетики, в том числе глубокие мысли о роли художественного творчества как одной из форм познания и отображения исторической действительности. Раскрывая существенные стороны историко-литературного процесса, Энгельс дал характеристику творчества ряда крупнейших писателей — Эсхила, Аристофана, Данте, Сервантеса, Шиллера, Бальзака. Отзывы о других великих мастерах художественного слова — Беранже, Гейне, Гёте, Гюго, Дюма, Ибсене, Мопассане, Пушкине, Салтыкове-Щедрине, как и о многих выдающихся мыслителях, ученых, социалистах-утопистах, также содержатся в письмах Энгельса указанного периода.

В письмах Энгельса имеется большое количество упоминаний исторических работ различных авторов, в том числе трудов, только что вышедших в свет. Нередко эти упоминания, сопровождаются оценочными суждениями. Так, на примере историографии французской буржуазной революции Энгельс показал, что подлинную историческую ценность представляют собой в первую очередь труды историков-демократов Ж. Авенеля «Анахарсис Клоотс» и «Революционные понедельники», А. Бужара «Жан Поль Марат, друг народа», Э. Амеля «История Сен-Жюста» (в последней работе он все же отмечал известную идеализацию Робеспьера и его сторонников), в то время как проникнутые консервативным духом сочинения А. Токвиля и И. Тэна отнюдь не безупречны и в отношении освещения событий⁴⁰.

Однако, несмотря на влияние классового мировоззрения на исторические концепции, развиваемые в буржуазной исторической литературе, Энгельс считал необходимым использовать имеющийся в ней фактический материал и результаты конкретных исследований. Из новых книг в этой связи он считал полезными работы немецких историков Г. Ф. Шёмана «Греческие древности» и Г. Ф. Кнаппа «Освобождение крестьян и возникновение сельскохозяйственных рабочих в старых частях Пруссии», книгу английского историка-экономиста Дж. Э. Т. Роджерса «Шесть веков труда и заработной платы» и другие исторические труды⁴¹.

Внимательно следил Энгельс за появлением новых работ М. М. Ковалевского, положительно отозвавшись о его книге «Современные обычаи и древние законы России», изданной в 1891 г. на английском языке. Прочитал он книгу Н. И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (Москва, 1879 г.). С интересом знакомился он и с исследованиями по аграрному вопросу в России: Н. А. Каблукова «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве», Н. А. Карышева «Крестьянские внеадельные аренды», С. М. Кравчинского (Степняка) «Русское крестьянство, условия его земледелия, общественная жизнь и религия» (на английском языке), Н. Ф. Даниельсона (Николай-она) «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» и др.⁴²

Характеризуя в письмах работы представителей буржуазной историографии, посвященные истории рабочего движения, Энгельс отмечал тенденциозность и недобросовестность их авторов, стремление их исказить облик и очернить участников пролетарской борьбы. Одним из образчиков такой злопыхательской литературы он считал книгу немецкого публициста Г. Адлера «История первого социально-политического рабочего движения в Германии» (1885 г.). Весьма критически отозвался Энгельс о книге американского буржуазного экономиста и историка Р. Т. Эли «Французский и немецкий социализм в новейшее время» (1883 г.), назвав ее автора «благонамеренным филистером»⁴³. Но если в этой книге все же факты освещались относительно объективно, то в большинстве вышедших в 80—90-х годах работ история пролетарской борьбы, и особенно Международного Товарищества Рабочих, излагалась в грубо искаженном виде. В книгах буржуазных авторов об Интернационале, констатировал Энгельс в письме к русскому социалисту В. Я. Шмуйлову 7 февраля 1893 г., «сплошь *ложь и легенды*»⁴⁴.

Тенденцию к фальсификации истории рабочего движения Энгельс отмечал и в работах реформистских авторов. Так, по поводу работы английского социал-реформиста Г. Гайндмана «Исторический базис социализма в Англии» (1883 г.) Энгельс писал: «Книга Гайндмана... претенциозная, нахальная дрянь, в которой он то и дело пытается уколоть Маркса (потому что Маркс не англичанин; Гайндман — самый шовинистический Джон Буль, какой только существует); при этом он так

плохо знает английскую историю, что все, что он узнал не от немцев, попросту *неверно*⁴⁵.

Таким образом, письма Энгельса за 1883—1895 гг. отражают многоплановую разработку им вопросов истории и историографии в рассматриваемые годы. Эти письма — яркое свидетельство его плодотворного творчества как историка в последний период жизни.

* * *

Деятельность Энгельса как историка не сводилась только к личному творчеству. Ему принадлежит огромная заслуга в деле становления марксистской историографии как целого направления в исторической науке, в формировании плеяды марксистских ученых, занимавшихся разработкой различных проблем истории. Некоторые из них сочетали это с занятием другими общественными науками (философией, политической экономией, литературоведением и т. д.), другие специализировались именно в области истории. Энгельс всячески поощрял теоретическую деятельность в рядах социалистических партий, создание собственных кадров, способных не только пропагандировать марксистское учение, но и вести творческую научную работу. Будучи тесно связан с партийными издательствами и редакциями партийных органов печати, особенно Германии, Энгельс подсказывал темы подготавливаемых к публикации работ и статей, обращал внимание на книги по истории и другим общественным наукам, заслуживающие поощрительных или, наоборот, критических рецензий, рекомендовал те или иные труды для перевода. Он постоянно побуждал партийных деятелей проявлять внимание к истории рабочего движения, заботиться о собирании документов и создании архивов — его собственный пример и в этом отношении также был весьма показателен, — привлекать ветеранов пролетарской борьбы к написанию воспоминаний. Энгельс радовался появлению свежих творческих сил в социалистическом движении, всегда был готов прийти им на помощь.

Отмеченная сторона деятельности Энгельса была прямым продолжением той работы по воспитанию теоретических и пропагандистских кадров пролетарского движения, которую Маркс и он вели еще со времени Союза коммунистов. В значительной мере благодаря их усилиям уже в период I Интернационала из представи-

телей его революционного крыла вышли первые историки марксистского направления — В. Эйххоф, И. Ф. Беккер, Г. Эккарнус, П. Лафарг. В 80—90-х годах работа по формированию марксистского направления исторической науки приобрела гораздо более широкие масштабы. Марксистская историография теперь уже была представлена многими именами. Разработкой различных исторических вопросов занимались А. Бель, А. Ф. Зорге, К. Каутский, А. Лабриола, П. Лафарг, Ф. Меринг, Элеонора Маркс, Г. В. Плеханов, Г. Шлютер и др. Энгельс находился в центре этой научной деятельности, вдохновляя и направляя ее. Он играл роль подлинного главы марксистской исторической школы.

Письма Энгельса дают представление о той постоянной и разнообразной помощи, которую он оказывал социалистам различных стран в их теоретических занятиях, в частности в изучении и освещении исторических событий. Ряд писем Энгельса различным социалистам содержат целые рекомендательные списки литературы. Так, в письме голландскому социалисту Ф. Д. Ньюенгейсу 4 февраля 1886 г. приведены перечень трудов Г. Маурера и библиография работ по истории французской буржуазной революции конца XVIII в. О работах по истории революции Энгельс в 1889 г. писал Л. Кугельману 10 января, К. Каутскому 20 февраля, В. Адлеру 4 декабря. Немецкому социал-демократу З. Ферберу Энгельс 22 октября 1885 г. рекомендовал важные книги по истории аграрных отношений и военной истории России, итальянскому социалисту Паскуале Мартинетти 20 апреля 1888 г. — по истории Италии. В августе 1890 г. он стремился привлечь внимание П. Лафарга к работе М. М. Ковалевского о происхождении семьи и собственности. В упомянутом письме русскому социалисту В. Я. Шмуylову 7 февраля 1893 г. он сообщил источники и литературу по истории Интернационала и биографические материалы о деятельности Маркса.

Весьма заботился Энгельс о том, чтобы привлечь новые силы к разработке истории социалистического и рабочего движения. Он предоставлял в распоряжение своих учеников и соратников собранные им материалы, в том числе рабочие газеты, документы, редкие издания ранних произведений Маркса и своих, сообщал важные сведения, разъясняя существо различных событий в истории пролетарского движения, смысл тех или

нных эпизодов происходившей внутри него идейной борьбы.

Большую помощь оказал Энгельс Г. Шлютеру в его работе над историей чартизма. В письме от 12 марта 1886 г. он указал ему на ряд источников по этой проблеме, предупредив о крайней ненадежности и фальшивом характере буржуазной литературы о чартистском движении. В связи с подготовкой Шлютером его первой книги о чартизме (1887 г.) Энгельс, как уже говорилось, составил «Хронологию чартистского движения». Сам Шлютер впоследствии писал, что Энгельс был «крестным отцом его брошюры»⁴⁶.

А. Бебеля, интересовавшегося историей социализма в Германии, Энгельс в октябре 1888 г. снабдил журналами, издававшимися В. Вейтлингом в Швейцарии в 40-х годах XIX в., а также письмом Вейтлинга Гессу о разрыве его с Марксом, происшедшем в Брюсселе в 1846 г., прокомментировав это письмо и указав на подлинные причины разногласий и необходимость критики вейтлингианства как сектантского направления в рабочем движении. В. Либкнехту через год, 29 октября 1889 г., Энгельс писал о борьбе против сектантской линии А. Готшалка и его приверженцев во время революции 1848—1849 гг. в Германии. На запрос П. Лафарга Энгельс 29 декабря 1887 г. разъяснил ему суть внутренней борьбы в австрийском рабочем движении в период I Интернационала между оппортунистическими элементами (лассальянцем Г. Обервиндером и др.) и революционным крылом, возглавляемым А. Шеем. В письме К. Каутскому 23 февраля 1891 г. Энгельс дал характеристику роли Ф. Лассалья в рабочем движении, отметив как его заслуги, так и отрицательные черты его идеологии и политики (реформизм, заигрывание с Бисмарком) и подчеркнув необходимость «раз навсегда покончить с легендой о Лассале»⁴⁷.

Читавшему курс по истории марксистской философии в Римском университете А. Лабриоле Энгельс раздобыл в 1893 г. экземпляр ставшего библиографической редкостью «Святого семейства», а в начале 1895 г. по просьбе В. Адлера собрал ему материал для статьи «Маркс в Вене» (эта статья была написана другим автором и в конце января 1895 г. появилась в австрийской рабочей газете)⁴⁸. «Само собой разумеется, что я облегчу Вам, насколько возможно, просмотр «Neue Rheinische Zeitung» и т. п., и я не вполне понимаю, почему

Вы стеснялись прямо сказать мне об этом, — писал Энгельс 1 ноября 1894 г. Г. В. Плеханову, разыскивавшему источники по истории марксизма. — ...Можете быть уверены, что Вам будут предоставлены все книги, газеты и т. п., какие я только смогу найти, из интересующей Вас специальной литературы»⁴⁹.

Большое значение придавал Энгельс созданию мемуарной литературы по истории рабочего движения. В письме П. Л. Лаврову 20 октября 1885 г. он выразил опасение, что, если один из доживших до старости бывших чартистских лидеров, Дж. Дж. Гарни, не напишет мемуаров, существенная часть истории «первой крупной рабочей партии будет утрачена навсегда»⁵⁰. Энгельс всячески побуждал И. Ф. Беккера довести до конца работу над воспоминаниями, не ограничиваясь опубликованными в печати рассказами о некоторых эпизодах его жизни. «Это становится крайне необходимым, — писал он своему старому другу 5 декабря 1885 г., — ибо у молодого поколения, которое все это позабыло или вообще никогда не знало, появляется теперь желание узнать, что тогда происходило, и поэтому нужно, учитывая множество живых источников и сведений, дать ему как можно более верное представление»⁵¹. Приветствовал Энгельс и появление в 1893 г. в журнале «Die Neue Zeit» «Воспоминаний рабочего о Карле Марксе» Ф. Леснера.

Энгельс с большим вниманием относился к готовым работам своих соратников, содействовал их публикации и распространению. Так, в течение почти всей первой половины 90-х годов он через Каутского и непосредственно вел переговоры с И. Г. В. Дицем, возглавлявшим социал-демократическое издательство, о переиздании в виде отдельной книги статей Ф. А. Зорге об американском рабочем движении, печатавшихся в «Die Neue Zeit», чтобы, как он писал, «они сохранились как единое целое»⁵². Своим корреспондентам он советовал знакомиться и с книгой Эдуарда Эвелинга и Элеоноры Маркс-Эвелинг «Рабочее движение в Америке» (1888 г.)⁵³.

Энгельс заботился о том, чтобы марксистские исследования распространялись и на другие области истории — на революционное движение не только пролетариата, но и других угнетенных классов, на историю отдельных стран, общественной мысли, историко-методологические проблемы. При этом он предъявлял строгие

требования к авторам марксистских исторических работ, предостерегал от упрощенческого подхода к анализу исторических явлений, от небрежного отношения к фактам и формулировкам. Так, он обращал внимание П. Лафарга в письме к нему 11 августа 1884 г. на важность хорошего знания фактического материала и умелого использования его в полемике с противниками (в данном случае с французским буржуазным экономистом П. П. Леруа-Болье). По поводу тенденций к абстрактному теоретизированию и догматической схематизации, проявленных К. Каутским в его статье «Классовые противоречия в 1789 году», он писал автору 20 февраля 1889 г.: «Ты вообще слишком много обобщаешь и поэтому часто абсолютизируешь там, где требуется наибольшая относительность»⁵⁴. Более высокого мнения был Энгельс о работах Каутского по истории социалистической мысли — «Томас Мор и его «Утопия»» (1888 г.) и «От Платона до анабаптистов» (1895 г.). Но и здесь, особенно во второй из указанных работ, он обнаружил немало упущений, особенно в характеристике исторической обстановки (одностороннее описание структуры немецкого общества XV—XVI вв., недооценка роли деклассированных слоев, предпролетариата, слабая разработка вопроса о положении Германии на мировом рынке)⁵⁵.

И в то же время Энгельс умел одобрять своих соратников, поощрять их дальнейшие творческие усилия. Выход в свет каждого нового труда, созданного представителями марксистской школы, вызывал у него чувство неподдельной радости. С большим одобрением отнесся он, например, к книге А. Бебеля «Женщина в прошлом, настоящем и будущем» (позднее переиздана под заглавием «Женщина и социализм»). «Я прочел ее с большим интересом, — писал он автору 18 января 1884 г., — в ней очень много хорошего. Особенно ясно и хорошо то, что ты говоришь о развитии промышленности в Германии»⁵⁶. Высоко ценил Энгельс научную деятельность Лафарга. «Ваша статья в «Nouvelle Revue» мне очень понравилась», — писал он ему 20 марта 1886 г. по поводу опубликованной в этом журнале работы Лафарга «Матриархат. Очерк происхождения семьи»⁵⁷. Блестящий стиль, оригинальные мысли, яркие исторические примеры отмечал Энгельс, характеризуя книгу Лафарга «Происхождение и развитие собственности», указав также на некоторые дискуссион-

ные стороны и отдельные неточности в ней (см. его письмо автору 3 апреля 1895 г.).

С большим удовлетворением были восприняты Энгельсом занятия А. Лабриолы философскими аспектами исторической науки. «Это та тема, — писал он итальянскому марксисту 30 марта 1890 г. в связи с получением от него брошюры «О философии истории», — которая издавна особенно интересовала Маркса и меня; поэтому новая работа, написанная на родине Вико и к тому же ученым, основательно знающим и наших немецких философов, может рассчитывать на мое полное внимание»⁵⁸.

Энгельс одним из первых увидел большой исследовательский и литературный талант Ф. Меринга. Работа Меринга по истории Пруссии — «Легенда о Лессинге» — вызвала восторженное отношение Энгельса, как это видно из его отзыва о ней в письме А. Бебелю 16 марта 1892 г. Эта книга, по его мнению, убедительно опровергала монархические легенды буржуазно-юнкерских историков, превозносивших основателей прусского государства, особенно «просвещенного самодержца» Фридриха II. С удовлетворением узнал Энгельс, что Меринг интересуется общественной мыслью Германии 40-х годов, биографией Маркса. «Я рад, что разработка как этого, так и позднейшего периода истории Германии выпала на Вашу долю»⁵⁹, — писал он будущему биографу Маркса в конце апреля 1895 г.

Книгу Г. В. Плеханова «Наши разногласия» (1885 г.) Энгельс воспринял как свидетельство того, что «среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса»⁶⁰. С большим интересом отнесся он и к другим работам Плеханова. «Заранее благодарю Вас за экземпляр Вашего «Чернышевского», жду его с нетерпением»⁶¹, — писал он ему 21 мая 1894 г. В феврале 1895 г. он приступил к чтению книги Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Неутомимый труженик и исследователь, обогащавший историческую науку все новыми работами, руководитель всего направления марксистских ученых, сплотивший вокруг себя лучшие теоретические силы социалистического движения, — таким предстает перед нами Энгельс-историк в последние годы своей жизни.

Часть II

РОЛЬ ЭНГЕЛЬСА В РАЗРАБОТКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Глава I

Вклад в развитие исторического материализма*

Революционный переворот, произведенный основоположниками марксизма в общественных науках, был связан в первую очередь с открытием материалистического понимания истории. Диалектико-материалистическое толкование общественного развития, отмечал В. И. Ленин, не только явилось качественно новой ступенью в развитии философского материализма, но и означало создание подлинно научно-методологических предпосылок для изучения исторического процесса. «Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм»¹.

Энгельс не упускал случая, чтобы подчеркнуть основополагающую роль Маркса в создании материалистической концепции истории. Он писал об этом в своих крупных произведениях и письмах, говорил об этом в надгробной речи на могиле Маркса, делал соответствующие оговорки в предисловиях к новым изданиям их общих трудов. В частности, в предисловии к изданию

* В главе, разумеется, не ставится задача обстоятельного освещения роли Энгельса в разработке марксистской философии. Его вклад в ее развитие рассмотрен в тех аспектах, которые теснее всего связаны с его творчеством как историка. Поскольку эта связь характерна для всех этапов научной деятельности Энгельса, автор в данном случае стремился более или менее соблюсти историческую последовательность в изложении.

1883 г. «Манифеста Коммунистической партии», написанном спустя три месяца после смерти друга, сформулировав в общих чертах существо этой концепции, Энгельс отмечал, что она «принадлежит всецело и исключительно Марксу»². Собственную роль в разработке исторического материализма Энгельс оценивал чрезвычайно скромно. Тем не менее значение вклада Энгельса в создание и творческое развитие исторического материализма весьма велико. То, что было им сделано в этой области, позволяет ставить его имя рядом с именем Маркса и считать, что методологические основы нового направления в исторической науке были разработаны усилиями обоих великих пролетарских ученых³.

Еще до встречи с Марксом в августе 1844 г. и начала тесного содружества с ним Энгельс самостоятельно пришел к ряду материалистических выводов относительно движущих пружин исторического процесса, осознав, что источником политической борьбы служат материальные экономические интересы ее участников, представителей враждебных классов. Эти мысли были им в той или иной форме высказаны уже в произведениях конца 1843 — начала 1844 г., и особенно в книге «Положение рабочего класса в Англии», материал для которой он собирал и осмысливал в основном также до сближения с Марксом (до отъезда из Англии в конце августа 1844 г.). Когда весной 1845 г. Энгельс в Брюсселе из уст Маркса выслушал изложение его формировавшейся материалистической концепции, он безусловно нашел в ней и отражение собственных взглядов. Этим объясняется та высокая степень подготовленности Энгельса к участию в создании вместе с Марксом «Немецкой идеологии».

Не вызывает сомнений, что ряд стержневых идей этого произведения, в том числе о диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений, обуславливающей смену способов производства и соответствующие изменения в политическом строе и формах общественного сознания, исходил от Маркса. Но и Энгельс в качестве соавтора участвовал в синтезировании и оформлении этих идей в цельную теоретическую систему. Недаром Маркс в предисловии к работе «К критике политической экономии» (1859 г.), в котором он дал классическую формулировку указанной материалистической концепции, касаясь истории ее создания, указывал: Энгельс одновременно «пришел дру-

гим путем к тому же результату, что и я». Специально отметил Маркс и то обстоятельство, что разработка складывавшихся у обоих мыслителей взглядов при написании «Немецкой идеологии» была проделана им и Энгельсом сообща⁴.

С тех пор материалистическое понимание истории сделалось руководящей нитью всей теоретической деятельности Маркса и Энгельса, какой бы областью науки — политической экономией, философией, историей и т. д. — они не занимались. Все последующее творчество Энгельса как историка дает многочисленные образцы применения метода диалектического и исторического материализма к изучению как различных эпох всемирной истории и истории отдельных стран и народов, так и истории науки и техники, военного дела, общественной мысли, литературы и искусства, религии и атеизма. В процессе этих исследований, так же как и в ходе анализа основоположниками марксизма с диалектико-материалистических позиций других общественных наук, происходило углубление и совершенствование самого метода. Постоянно расширялась сфера его применения, добывались все новые доказательства его исключительных научных потенций, конкретизировались его основные черты и выявлялись новые, развивался и детализировался его понятийный аппарат. Это обогащение и конкретизация исторического материализма как важнейшего составного элемента марксистского мировоззрения и научного метода познания общественных процессов нередко становились и предметом специальных работ Энгельса, а также его писем. Те или другие проблемы исторического материализма он затрагивал и в своих трудах, посвященных другим, в том числе и историческим, темам.

* * *

Важным этапом в развитии материалистической концепции истории явилось обобщение Марксом и Энгельсом опыта революционных событий 1848—1849 гг. В созданных ими в 1850—1852 гг. произведениях — «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса, «Крестьянская война в Германии», «Революция и контрреволюция в Германии» Энгельса — с позиций материалистического понимания истории впервые были освещены определенные

полосы исторического развития. Если в «Немецкой идеологии» и «Манифесте Коммунистической партии» на основе этого понимания дана общая картина истории человечества, а в публицистике Маркса и Энгельса того времени давалось объяснение отдельных исторических явлений и событий, то в работах начала 50-х годов исторический материализм использовался для уяснения целых исторических этапов со всеми их специфическими особенностями. Материалистическое понимание истории служило, таким образом, методологическим рычагом не только для установления общего хода истории и не только для выяснения сущности этой или другой исторической ситуации, но и для выработки научных концепций определенных исторических периодов, а также для разработки истории отдельных стран и народов.

В методологическом плане указанные произведения важны в первую очередь тем, что в них были конкретизированы краеугольные положения исторического материализма о классовой борьбе как главной движущей силе общественного развития и о революциях как культурно-национальных проявлениях классовых антагонизмов. В свете этих работ революции предстали не только формами перехода от одной социальной структуры к другой, но и мощными ускорителями всех общественных процессов. Основоположники марксизма отмечали, что революции являются показателями, с одной стороны, объективной необходимости общественных перемен, а с другой — степени подготовленности к ним тех классов, которые заинтересованы в этих переменах, их способности доводить до конца революционные преобразования или, наоборот, недостаточной зрелости для этого. Указывая, что, «где бы ни происходили революционные потрясения, за ними всегда кроется известная потребность, удовлетворению которой мешают отжившие учреждения», Энгельс тут же подчеркивал роль субъективного фактора в революционной борьбе — тех общественных сил, которые должны так или иначе осознать стоящие перед обществом задачи и достаточно энергично бороться за их разрешение. Он писал, что ощущение назревших потребностей «может быть еще не настолько сильным, не настолько всеобщим, чтобы обеспечить непосредственный успех»⁵, иными словами, победу революции; это, однако, не снимает с повестки дня истории обусловленные ее ходом перемены, а, наоборот, еще больше подтверждает их необходимость.

Таким образом, Энгельс показал зависимость развития и результатов классовой борьбы на том или ином ее этапе от диалектического соотношения объективных и субъективных факторов, ввел существенные в методологическом отношении критерии для изучения революционного процесса.

Анализировал Энгельс и те политические и идеологические формы, в которые в разное время облекалась классовая борьба. Религиозные и политические раздоры, под покровом которых нередко происходят классовые столкновения, подчеркивал он в работе «Крестьянская война в Германии», не могут помешать историку, вооруженному материалистическим методом, выяснить подлинное социальное содержание изучаемой борьбы и ее материальные корни. Но историк не должен игнорировать эти идеологические и политические формы выражения классовых конфликтов, рассматривать их как нечто поверхностное и случайное. Он обязан разобраться в их происхождении и сущности, раскрыть отражение в них специфических черт изучаемой эпохи, выяснить, какой отпечаток накладывают они на характер самой классовой борьбы.

Весьма плодотворными для развития материалистического метода изучения истории были военные работы Энгельса 50—60-х годов. В них материалистическое понимание истории было впервые распространено на область военного дела, вскрыты материальные основы развития вооруженных сил, эволюции военного искусства, стратегии и тактики различных армий. Выдвинутые в этих работах положения Энгельс дополнил позднее на основе анализа последующих войн и суммировал в произведениях 70—90-х годов, в первую очередь в главах о теории насилия своей книги «Анти-Дюринг».

Всестороннее изучение военного дела позволило Энгельсу добыть новые многочисленные данные, подтверждающие научную эффективность метода материалистической диалектики, его универсальную применимость, раскрыть новые стороны материалистической концепции исторического процесса, проследить действие установленных марксизмом основных законов общественного развития в специальной области общественной жизни. Заслуга Энгельса состояла в том, что он на базе исследования военной истории и современных ему войн выяснил конкретные формы проявления этих общих законов в данной сфере. Из анализа истории армий и

военного искусства он почерпнул в первую очередь новые доказательства определяющего влияния уровня развития производительных сил и экономической структуры общества на всю общественную жизнь. В военном деле действие этого всеобщего закона, показал Энгельс, выразилось в зависимости способа ведения войны от способа производства, состояния вооруженных сил от экономического потенциала, военной тактики от военной техники. «Военная тактика зависит от уровня военной техники, — эту истину разжевал и в рот положил марксистам Энгельс»⁶, — указывал В. И. Ленин.

В то же время своими военными работами Энгельс показал, что влияние способа производства на военное дело нельзя рассматривать упрощенно. Воздействие экономики на эту область происходит и непосредственно, поскольку вооружение и создание технических средств борьбы прямо связаны с уровнем производства, и через посредствующие звенья — социальный строй и политическую структуру общества, определяющие состав и организацию армии, способы ее комплектования и обучения. Не сбрасывал со счетов Энгельс и такие факторы, влияющие на развитие военного дела, на степень боеспособности вооруженных сил, их стратегию и тактику, как характер тех или иных войн, в которых они участвуют (революционных, освободительных или завоевательных), боевая выучка и моральное состояние войск, их национальные особенности, роль солдатских масс и офицерского состава в совершенствовании тактических форм боя, а также полководческое искусство военачальников.

Таким образом, как к изучению различных форм классовой борьбы, так и к анализу военной истории Энгельс подходил всесторонне. Использование материалистической диалектики носило и здесь характер применения комплекса критериев, составляющих в совокупности стройную научную систему, что позволило выявить в изучаемой области взаимодействие определяющих материальных факторов и производных — политических и идеологических. Это был подлинный системный подход к общественным процессам в его научном, диалектико-материалистическом толковании.

В августе 1859 г. Энгельс опубликовал работу, специально посвященную методологическим проблемам, — рецензию на книгу Маркса «К критике политической экономии». Задумана она была как серия из трех ста-

тей, однако третья, в которой предполагалось осветить экономическое содержание произведения Маркса, не была написана ввиду прекращения издания лондонской газеты «Das Volk», в которой печаталась рецензия. В первых двух опубликованных статьях Энгельс сосредоточил внимание на характеристике метода Маркса.

Показывая вслед за Марксом, классически изложившим эту идею в предисловии к своей книге, что теоретической основой новой пролетарской политической экономии является материалистическое понимание истории, Энгельс в то же время специально подчеркнул всеобщее значение материалистического метода. Исторический материализм, отмечал Энгельс, служит универсальной методологической базой для всех отраслей обществоведения. «Не для одной только политической экономии, — писал Энгельс, приводя цитаты из предисловия Маркса, — а для всех исторических наук (а исторические науки суть те, которые не являются науками о природе) явилось революционизирующим открытием то положение, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще», что все общественные и государственные отношения, все религиозные и правовые системы, все теоретические воззрения, появляющиеся в истории, могут быть поняты только тогда, когда поняты материальные условия жизни каждой соответствующей эпохи и когда из этих материальных условий выводится все остальное»⁷.

В рецензии Энгельса с большой четкостью раскрыто единство диалектики и материализма как основной черты подлинно научного метода исследования. Он показал, что материалистическое понимание истории буквально пронизано диалектикой, что точнее было бы его назвать диалектико-материалистическим пониманием истории. Разумеется, и до этого времени, и при разработке самой материалистической концепции и при использовании ее для анализа определенных исторических явлений, основоположники марксизма исходили из диалектической сущности этой концепции. Диалектика, по определению В. И. Ленина, «самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии...»⁸, явилась важнейшим составным элементом марксистской философии уже на стадии ее формирования. Она, если так можно выразиться, составила душу всей методологии марксизма в изучении природы и общества. Диалек-

тический подход к истории, выявление диалектического характера действовавших в ней закономерностей были присущи научному творчеству Маркса и Энгельса и до и после 1859 г. Тем не менее формулирование Энгельсом в это время положения об органической связи между диалектическим методом и материалистическим пониманием истории, подчеркивание, что такое единство составляет существо подлинного историзма, освобожденного от идеалистических искажений, было важным шагом в осмыслении и раскрытии особенностей марксистской методологии познания общественных явлений.

Вслед за Марксом, который сделал это в 1847 г. в полемической, направленной против Прудона работе «Нищета философии», Энгельс разъяснил в указанной рецензии коренное отличие марксистского метода от метода Гегеля, материалистической диалектики от диалектики идеалистической. При этом, так же как Маркс в свое время на примере Прудона, Энгельс на примере официальной гегелевской школы, эпигонов великого философа показал, что усугубление недостатков метода Гегеля, превращение этого метода в некий абстрактно применяемый в полном отрыве от реальной действительности шаблон приводят к выхолащиванию всего гениального и рационального, что было в этом методе. Диалектика превращается в свою противоположность — метафизику, сводится к жонглированию искусственными противоречиями, к логическим манипуляциям «простейшими приемами»⁹. В этом замечании в принципе подчеркнута опасность шаблонного применения научного метода, показаны тяжелые последствия его догматизации и омертвления. Заслугой Маркса, отмечал Энгельс, было высвобождение из гегелевской логики того ядра, «которое включает в себе действительные открытия Гегеля в этой области», отбрасывание «идеалистической оболочки» диалектического метода, приводившей к его мистификации, развитие диалектики на подлинной научной, материалистической основе¹⁰.

Раскрывая значение принципа историзма как важнейшей черты диалектико-материалистического метода, предусматривавшего рассмотрение предмета в его историческом развитии, в процессе постоянных изменений, Энгельс высказал ряд глубоких мыслей о соотношении логического и исторического в подходе к изучению общественных явлений. Следует заметить, что марксистское толкование этой методологической проблемы

в печати впервые было дано именно в данной рецензии. Подробная разработка ее Марксом во «Введении», входящем в цикл его «Экономических рукописей 1857—1858 гг.», оставалась неизвестной вплоть до начала XX в., когда это «Введение» увидело свет. Как и Маркс, Энгельс видел в логическом и историческом неразрывное диалектическое единство, не отождествляя при этом одного с другим. Необходимые в каждой общественной науке, в том числе и при изучении самой истории, логический анализ, известное отвлечение от деталей исторического развития, рассмотрение явлений в логической связи, далеко не всегда совпадающей с исторической связью, не могут в то же время, разъяснял Энгельс, отрываться от исторической реальности, от действительных условий зарождения данного явления и его дальнейшей эволюции. По меткому выражению Энгельса, этот анализ нуждается «в постоянном соприкосновении с действительностью»¹¹. Этим он давал понять, что применяемые логические абстракции отнюдь не должны превращаться в произвольные, надуманные схемы. Они приобретают познавательную силу лишь тогда, когда выражают действительные исторические процессы, учитывают их, когда логическое рассмотрение этих процессов сопровождается историческим и обе эти стороны исследовательского метода находятся в тесной связи.

При выработке диалектико-материалистической концепции истории Маркс и Энгельс, установив определяющий характер воздействия материального производства на возникновение и эволюцию человеческого общества, не упускали из виду и влияние на него окружающей человека природы, а также свойственных самой человеческой жизнедеятельности биологических процессов. «Мы здесь не можем, разумеется, углубляться ни в изучение физических свойств самих людей, ни в изучение природных условий — геологических, орографических, климатических и иных отношений, которые они застают», — писали они в «Немецкой идеологии», тут же добавив: «Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они благодаря деятельности людей подвергаются в ходе истории»¹².

В дальнейшем основоположникам марксизма не раз приходилось обращаться к проблеме взаимодействия общества и природы. В разработке этой проблемы большая заслуга принадлежит Энгельсу. Именно он в ряде

своих работ раскрыл и конкретизировал положения исторического материализма о влиянии географической среды, демографических и биологических процессов на общество, уточнил вопрос о формах проявления и границах этого влияния на разных ступенях истории, о соотношении между природными факторами и главным материальным стимулом общественного развития.

Природные, в частности географические, факторы, приходил к выводу Энгельс, нередко обуславливали специфику исторического развития отдельных народов, особенно на ранних стадиях. Энгельс убедился в этом, изучая особенности истории народов Востока — Индии, арабских стран и т. д. «Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства»¹³. Энгельс отмечал, что это обстоятельство накладывало отпечаток на общественный и политический строй восточных стран, способствуя консервации патриархальных общинных порядков, образованию и сохранению на протяжении веков деспотических государств, в функции которых помимо финансового грабежа подданных и ведения войн входило поддержание ирригационной системы путем организации общественных работ.

Важные высказывания Энгельса о роли географической среды в истории содержатся в работе «История Ирландии» (1870 г.). На примере этой страны Энгельс особенно четко показал существенное значение природных условий в жизни общества и в то же время необоснованность приписывать им решающее влияние на его развитие. Он отмечал, что скудость природных запасов каменного угля неблагоприятно отразилась на экономике Ирландии в капиталистическую эпоху и облегчила возможность промышленно развитой метрополии держать ее на положении аграрного придатка. Однако, подчеркивал Энгельс, главная причина экономической отсталости этой страны и нищенского прозябания ее населения заключалась вовсе не в природных условиях. Бедственное положение ирландского народа явилось прежде всего следствием колониального подчинения и эксплуатации Ирландии господствующими классами Англии — лендлордами и капиталистами, иными словами, результатом эксплуататорского общественного строя, породившего систему колониализма. Каждая попытка ирландцев добиться при всей ограниченности

местных промышленных ресурсов известного экономического подъема, констатировал Энгельс, пресекалась колонизаторами и посредством конкуренции английских промышленных товаров, и путем применения прямых насильственных мер (система таможенных запретов и т. д.). Англичане, образно писал он, как бы «приходили на помощь природе», грубо растаптывая «почти каждый росток ирландской промышленности, стоило ему только появиться на свет»¹⁴.

В «Диалектике природы» Энгельс отмечал, что естественные географические изменения происходят значительно медленнее тех, которые вызывает в природных условиях сама производственная деятельность человека. Это служит наглядным свидетельством подчиненной роли географического фактора в жизни общества по сравнению с общественным производством¹⁵.

Не обошел вниманием Энгельс и вопрос о воздействии на общественную жизнь роста народонаселения. Еще в своей ранней работе «Наброски к критике политической экономии» (конец 1843 г.) он резко высказался о мизантропической теории Мальтуса. В противовес этой теории он доказывал, что пауперизм трудящихся масс вызывается не неким «естественным» законом, в силу которого рост народонаселения якобы неизменно опережает производство средств существования, а эксплуататорской общественной системой, покоящейся на частной собственности. В критике Энгельсом мальтузианства содержались в зародыше марксистские идеи о главенстве законов производства над законами народонаселения, о способности человеческого общества путем развития производительных сил, интенсификации сельского хозяйства, применения к нему науки удовлетворять материальные потребности численно растущего человечества.

Разумеется, Энгельс не отрицал значения демографических явлений — образования «избыточного» населения, излишней концентрации его в промышленных центрах, миграций населения. В своих работах он, в частности, констатировал, что избыток населения в древности и средние века вызывал колонизацию необжитых территорий, переселение племен и народов. Но это явление Энгельс, как и Маркс, связывал прежде всего со слабым развитием производительных сил, с узкими рамками тогдашнего производства. По мере роста производительных сил соотношение между демографическим и

социальным факторами в общественной жизни меняется. Перенаселение в условиях капитализма вызывалось уже не естественным приростом населения, для обеспечения которого в рамках докапиталистических общественных структур часто недоставало материальных ресурсов, а другими, социальными причинами — анархией производства, главной целью которого являлось не удовлетворение потребностей общества, а извлечение прибыли, экономическими кризисами, хронической безработицей и т. д. Здесь не народонаселение оказывало давление на экономику, как в прежние эпохи, а, наоборот, экономика на народонаселение, вызывая миграционные движения крупного масштаба.

Энгельс отмечал, например, что систематическая убыль населения Ирландии, начавшаяся с голодных 1845—1847 годов и продолжавшаяся в последующие годы в результате массовой эмиграции, была обусловлена капиталистической в своей основе перестройкой сельского хозяйства страны в интересах английских крупных землевладельцев и промышленников. В целом, указывал Энгельс в письме от 29 марта 1865 г. неокантианцу Ф. А. Ланге, склонному усматривать в мальтузианской теории народонаселения выражение дарвиновской борьбы за существование, научно-технический прогресс при капитализме и уже достигнутый уровень материального производства могли бы обеспечить потребности в средствах существования населения всех стран. Возникшая диспропорция между их производством и ростом населения, пояснял он, объясняется не естественными законами, а тем, что при существующем строе «предел производства определяется не количеством голодных желудков, а количеством покупающих, платежеспособных кошельков»¹⁶.

Таким образом, с точки зрения Маркса и Энгельса, влияние демографических процессов, так же как и географической среды, на общественное развитие по-разному проявляется на разных ступенях истории и зависимость их от экономических и социальных условий жизни усиливается на каждой новой, более высокой стадии общественного прогресса. В «Анти-Дюринге» Энгельс предвидел, что при коммунистическом строе люди путем ликвидации противоположности между городом и деревней, посредством разумного географического размещения производительных сил, освоения новых земель и других мер смогут добиваться более равномерного

расселения населения, влиять на его плотность в разных регионах, предотвращать чрезмерное скопление его в городах. В письме К. Каутскому 1 февраля 1881 г. Энгельс указывал, что коммунистическое общество, в котором человек впервые приобретает способность сам управлять общественными процессами, будет в состоянии предотвратить угрозу перенаселения земного шара, если таковая возникнет, — «именно оно и только оно сможет выполнить это без затруднений»¹⁷.

Предметом анализа Энгельса, особенно с начала 70-х годов, сделалась и проблема соотношения социальных и биологических факторов в развитии общества. Исходным пунктом для решения этой проблемы у него служило разработанное им материалистическое учение о формах движения неорганической и органической материи, о диалектическом взаимодействии между ними и переходе одной формы в другую, более сложную, в том числе от биологической к социальной. Человека Энгельс рассматривал как продукт развития органической материи, а в его общественной деятельности видел проявление ее движения высшего порядка, сложнейшую из ее форм. В то же время он был решительным противником механического отождествления общественного развития с биологическими процессами, в частности истолкования в этом духе так называемыми социал-дарвинистами эволюционного учения Дарвина. Чрезвычайно высоко оценив это учение, Энгельс решительно отверг попытки (в том числе вульгарных материалистов К. Фогта, Я. Молешотта, Л. Бюхнера и др.) поставить знак равенства между эволюцией растений и животных и развитием человеческого общества. Его высказывания в «Диалектике природы», в цитированном выше письме Ланге, а также в письмах П. Л. Лаврову (от 12—17 ноября 1875 г.) и другим корреспондентам достаточно ясно свидетельствуют о резко отрицательном отношении к социал-дарвинистам, к их претензиям «на применение естественнонаучных теорий к обществу»¹⁸.

И тем не менее Энгельс не сбрасывал со счетов влияние биологических законов на общественную жизнь. Взаимодействие с природой он считал необходимой стороной функционирования человеческого общества. В результате деятельности человека происходят значительные перемены и в самой природе. Изменяются «поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сами люди»¹⁹. В свою очередь эти изменения отра-

жаются в той или иной степени на условиях развития человеческого общества.

В эволюции самого человека при том, что решающее значение имело изменение в материальном производстве и в тех отношениях, которые складывались в процессе производства между людьми, биологическая сторона становления и развития их физических свойств также не является чем-то нейтральным. Особенно сказывалось ее влияние на заре истории, когда человек начал выделяться из животного царства и путем длительной трансформации через ряд промежуточных ступеней формировался его современный физический облик. Определяющую роль и здесь Энгельс отводил трудовой деятельности. Однако он доказывал (в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»), что обусловленные трудовыми процессами изменения в организме предков человека не могли быть сохранены и передаваться из поколения в поколение без действия открытых Дарвином биологических законов — естественного отбора, наследственности, соотношения роста (взаимозависимости отдельных частей органического вещества). При этом, как отмечал Энгельс, биологический фактор не только содействовал, но в известной мере противодействовал становлению человеческого общества, в ходе которого человек должен был побороть ряд животных инстинктов.

В предисловии к книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс сформулировал положение о своего рода обратной зависимости степени влияния биологических явлений на общественную жизнь от уровня развития материального производства. Чем меньше развит труд, чем меньшим количеством его продуктов располагают люди, тем сильнее это влияние. Наоборот, рост производительных сил и материального богатства общества значительно повышет роль социальных факторов и отодвигает на задний план биологические²⁰. Аналогичную закономерность, как уже говорилось, Маркс и Энгельс установили и относительно роли роста народонаселения и географической среды в развитии общества. Пролывая свет на менявшееся на протяжении истории соотношение между этими факторами и основой общественных процессов, Энгельс способствовал разработке важных сторон методологии исторической науки.

70—90-е годы явились этапом огромных научных свершений Энгельса, расцветом его теоретического творчества в различных областях знаний. Развитие им марксистского учения в эти годы происходило под знаком синтезирования результатов исследования истории, анализа достижений естественных наук, глубокого обобщения накопившегося опыта освободительной борьбы пролетариата и прежде всего первого в истории пролетарского государства — Парижской коммуны. Именно уроки пролетарской революции 1871 г. во Франции были в центре написанных Энгельсом по ее горячим следам теоретических работ, направленных против искажения или игнорирования этих уроков сектантскими и реформистскими течениями — бакунистами, лассальянцами и т. д. Так, например, в статье «Об авторитете» (конец 1872 — начало 1873 г.) и письме А. Бебелю 18—28 марта 1875 г., посвященном критике проекта Готской программы, Энгельс глубоко раскрыл в свете деятельности парижских коммунаров классовую природу и функции государства в целом и показал роль пролетарского государства как орудия социалистической революции²¹. Опыт Коммуны всесторонне учитывается Энгельсом и в последующих его трудах.

Подлинным научным подвигом Энгельса было создание «Анти-Дюринга». Важнейшее место в этом труде занимает, как уже отмечалось, раскрытие сущности и значения материалистического понимания истории. Разумеется, основные положения материалистической концепции Энгельс формулировал здесь не впервые. Но он впервые изложил эти положения в наиболее развернутом и систематизированном виде и наиболее полно вскрыл их органическую связь с действием законов диалектики в общественном развитии. Сам Энгельс с полным основанием писал позднее: в «Анти-Дюринге» и в последующей работе — «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» было дано «самое подробное, насколько мне известно, изложение исторического материализма из всех существующих»²².

Однако систематизация эта отнюдь не свелась к простому суммированию основных компонентов уже сложившейся диалектико-материалистической концепции. Эта концепция была во многом переосмыслена и углублена в свете новых научных данных. Изложение диалек-

тического и исторического материализма в «Анти-Дюринге» носило характер дальнейшей творческой разработки марксистской философии, сопровождалось обновлением обоснования многих прежних ее идей и выдвиганием новых.

В «Анти-Дюринге» материалистическое понимание истории предстает как целая система категорий и понятий, отражающая взаимосвязь и взаимовлияние различных общественных факторов, которые действуют на основе и в рамках главных закономерностей общественной жизни. Применение этих понятий к конкретным историческим явлениям позволяет изучать общественную жизнь как многообразный процесс, выяснять общую структуру общественного организма на разных стадиях его исторического существования и направление его эволюции, функции его составных элементов, их сцепление между собой и взаимодействие.

В новом аспекте обосновывалось в «Анти-Дюринге» главное положение исторического материализма об определяющем влиянии материального производства на общественную жизнь. Это было сделано в плане обобщающей характеристики диалектического взаимодействия экономики и политики, противопоставляемой в первую очередь концепциям Дюринга и других социологов и историков, которые все исторические явления рассматривали как результат политического насилия. Энгельс доказывал главенство экономики тем, что экономические потребности обуславливают в конечном счете само появление тех или иных политических институтов, их эволюцию, что от экономического потенциала зависит само наличие средств политического насилия, что экономические законы прокладывают себе дорогу нередко вопреки существующей политической системе, преодолевая ее противодействие. Он писал, что «там, где внутренняя государственная власть какой-либо страны вступала в антагонизм с ее экономическим развитием, как это до сих пор на известной степени развития случалось почти со всякой политической властью, — там борьба всякий раз оканчивалась ниспровержением политической власти»²³.

Самой политической власти Энгельс при этом отводил далеко не пассивную роль. В руках реакционных классов, подчеркивал он, она становилась силой, тормозящей общественное развитие, сдерживающей до известных пределов действие экономических законов. В ру-

ках передовых классов политическая власть, наоборот, превращается в орудие, расчищающее дорогу для экономического и социального прогресса. Решительно выступив против абсолютизации роли политического насилия в истории, показав, что само оно порождено экономическими условиями, Энгельс дал диалектико-материалистическое объяснение этой роли. В противовес реакционному насилию, посредством которого отжившие классы стремятся задержать общественный прогресс, революционное насилие, разъяснял он, воспроизводя и развивая мысли Маркса, служит повивальной бабкой нового общества, зарождающегося в недрах устаревшего общественного строя.

Углубляя марксистское учение о базе и надстройке, Энгельс показал, каким образом проявляется зависимость от экономических отношений данной эпохи не только политической организации общества, но и правовых норм, морали, идеологии, религии и других форм общественного сознания. Он опроверг попытки идеалистической философии и историографии оторвать право, мораль и т. д. от тех или иных исторических условий, толковать их нормы как некие вечные истины. В противовес этому Энгельс подчеркивал, что «экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода»²⁴. В то же время Энгельс отмечал, что воздействие экономики на идеологическую сферу происходит еще менее прямолинейно, чем на политическую, что в этом воздействии следует видеть конечную, но не непосредственную причину изменений в общественном сознании. На различные его формы влияют и производные от экономики явления — социальная структура общества и его политический строй, особенности классовой борьбы в ту или иную эпоху, специфика, присущая самим идеологическим процессам (преемственность и традиционность идеологических представлений, специфические черты того или другого вида идеологического творчества и т. д.).

В «Анти-Дюринге» и других своих произведениях этого периода Энгельс раскрыл связь общественного сознания с диалектикой действия экономических законов, определяющих общественное развитие. Это дей-

ствие, показал он, в условиях классово-антагонистических обществ происходит стихийно, не подчиняясь контролю людей. Однако развитие общества в соответствии с этими законами совершается не автоматически. Оно осуществляется самими людьми, побуждаемыми различными, противоречивыми, в конечном счете материальными интересами, которые в том или ином виде отражаются в их сознании. Противоположность этих интересов находит свой выход в борьбе классов. Существенной стороной этой борьбы является столкновение идей, выражающее определенный уровень сознания враждебных классов, ту или иную степень понимания ими, нередко, особенно в ранние эпохи, инстинктивного, своих экономических нужд. Таким путем идеологическая надстройка принимает участие в стихийном историческом процессе.

Роль общественного сознания, указывал в связи с этим Энгельс, значительно возрастет на той стадии истории человечества, когда будут преодолены классовые антагонизмы — основное препятствие на пути к познанию характера объективных экономических законов. Именно на стадии коммунистического общества открывается широкая возможность для постижения этих законов и для их сознательного использования в интересах всего общества, иными словами, для превращения общественного сознания в фактор управления социальными процессами. «Общественные силы, — писал Энгельс, — подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей»²⁵.

Таким образом, как показал Энгельс, между решающими объективными предпосылками общественного развития — экономическим состоянием общества, изменение в котором обуславливает необходимость перемен во всех других сферах, — и субъективным фактором исторического процесса — его участниками, движимыми политическими, идеологическими, психологическими и другими мотивами, — существует многообразное, меняющееся на разных стадиях взаимоотношение. Его сложный характер не позволяет подходить к общественным процессам с однозначным критерием, сводить их только к экономической детерминированности. Энгельс считал,

что в общественной жизни не в меньшей степени, чем в природе, проявляется диалектическое взаимодействие свободы и необходимости, необходимости и случайности, причины и следствия, общего, особенного и единичного. Разрабатывая все эти важные философские категории в их диалектико-материалистическом толковании, Энгельс способствовал расширению и усовершенствованию понятийного аппарата исторического материализма.

Важным вкладом в развитие материалистического понимания истории была конкретизация Энгельсом в «Анти-Дюринге» теории общественно-экономических формаций, разъяснение значения таких их важных признаков, как свойственные каждой из них (речь идет о классово антагонистических формациях) формы порабощения непосредственных производителей. Много было сделано Энгельсом в «Анти-Дюринге», как уже отмечалось, и для уяснения природы, происхождения и эволюции ряда важнейших общественных институтов и явлений: классов, государства, права, морали, религии, для раскрытия роли социальных революций в истории и освещения других вопросов марксистской социологии.

Существенные стороны материалистического понимания истории были раскрыты Энгельсом в таких трудах, как «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Эти работы особенно наглядно свидетельствуют, что усовершенствование и обогащение диалектико-материалистической концепции, так же как и ее создание, происходили на базе всестороннего обобщения огромного исторического материала. Именно на такой основе строил Энгельс свои выводы о сущности, условиях возникновения, характере дальнейшего развития и будущих судьбах собственности, классов, государства, семьи, о происхождении войны, о социальных и гносеологических корнях идеологических явлений.

В работе «Людвиг Фейербах» Энгельс, суммируя ранее высказанные в «Анти-Дюринге» положения, осветил генезис самой диалектико-материалистической теории общественного развития, показал исторические предпосылки открытия материалистического понимания истории. Раскрывая сущность этого понимания, Энгельс вновь с еще большей четкостью разъяснил проблему

соотношения стихийности и сознательности, необходимости и случайности в историческом процессе. Он показал, что стихийность в развитии общества, пока оно не достигло высшей ступени и не избавилось от классовых антагонизмов, отличается от стихийности эволюции природы (отвлекаясь от влияния на нее человека). В природе стихийно действуют бессознательные силы, во взаимодействии которых проявляются общие законы. В истории же стихийность выражается в перекрещивании множества индивидуальных стремлений наделенных разумом существ, которое сводится к противоборству больших общественных групп, к борьбе классов. Ход этой борьбы определяет направление общественного развития, обусловленное в конечном счете экономическими потребностями общества. Отдельные поводы к этому противоборству, формы проявления столкновения классов, его непосредственные результаты и последствия чрезвычайно многообразны и неизбежно выглядят как совокупность ряда случайностей. «Но где на поверхности происходит игра случая, — указывал Энгельс, — там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы»²⁶.

При изучении движущих сил общественного процесса, подчеркивал Энгельс, «надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы»²⁷. Это положение, в котором выражена точка зрения исторического материализма на решающую роль в истории народных масс, отнюдь не означало игнорирования того важного места, которое занимает в ней деятельность народных вождей, реформаторов, руководителей государств, военачальников, дипломатов, ученых, изобретателей, писателей и т. д. Выступая против идеалистического преувеличения роли выдающихся личностей в истории (еще в 1844 г. в «Святом семействе» Маркс и Энгельс осудили попытку младогегельянцев противопоставить их якобы инертной и пассивной массе), марксизм не только не отрицал эту роль, но дал ключ к ее научному истолкованию. Все литературное наследство Маркса и Энгельса, особенно в области истории, свидетельствует о том внимании, которое они уделяли отдельным личностям, причем не только про-

грессивным, но и тем, которые противодействовали общественному прогрессу. Нередко были случаи, когда в действиях того или иного крупного политика, полководца и т. д. основоположники марксизма обнаруживали сочетание противоречивых тенденций — прогрессивных и ретроградных. Именно в таком духе характеризовал, в частности, Энгельс Бисмарка и его политику объединения Германии сверху, антиреволюционным путем в рукописи «Роль насилия в истории». В работе «Людвиг Фейербах» Энгельс дал общую теоретическую трактовку вопроса о роли личности в истории, о том, как соотносится деятельность выдающихся личностей с решающей ролью народных масс в историческом процессе. Энгельс показал, что историческая значимость этой деятельности зависит от того, в какой мере тому или другому талантливому или гениальному человеку удастся выразить — непосредственно или косвенно, — потребности общественного развития, в какой степени он может способствовать осознанию в том или ином виде этой потребности действующими массами и их борьбе за ее удовлетворение.

Таким образом, с точки зрения исторического материализма выдающиеся деятели — это отнюдь не единичные творцы истории, какими их обычно изображают историки-идеалисты. Но они и не рядовые участники исторического процесса. Их выделяет способность быстрее и точнее других улавливать объективные тенденции общественного развития, находить соответствующую уровню сознания той или иной эпохи, того или иного класса форму выражения — в политике, в идеологии, в общественной науке, в художественном творчестве и т. д. — этих тенденций, облегчающую восприятие их массами, а во многих случаях и возглавить массовое движение за претворение этих тенденций в жизнь.

В системе категорий исторического материализма существенное место занимают понятия, раскрывающие такое историческое явление, как становление и развитие наций. Национальному вопросу Энгельс посвятил большое количество работ. В 70—80-х годах Энгельс занимался проблемами национального развития в более широком теоретическом плане. В рукописях «Заметки о Германии», «О разложении феодализма и возникновении национальных государств», «Роль насилия в истории» он дал обобщающую характеристику нации как исторической общности людей, возникшей в период кри-

зиса феодальной системы в результате развития новых экономических и культурных связей, роста городов, ремесла и торговли, зарождения и роста капиталистического уклада, возвышения буржуазии.

В своих работах Энгельс определил и некоторые важнейшие признаки нации — экономические, языковые, культурные, отметив, что основным источником складывания этих признаков является историческое творчество самих народных масс. Именно им принадлежала главная роль в сложном процессе смешения и размежевания различных этнических групп населения Европы периода средневековья, сопровождавшемся ассимиляцией в отношении языка и культуры жителями деревень и городов иноплеменных завоевателей. Энгельс с полным основанием указывал, что «современные национальности» в такой же мере «являются продуктом угнетенных классов»²⁸, как и созданные их трудом и борьбой против феодализма экономические и социальные предпосылки трансформации этих национальностей в нации. Он определил при этом основную линию происхождения национальной общности, ее генезиса: от этнических объединений (племен и народностей) к национальностям — более широким и прочным образованиям, связанным определенными общими чертами (языком, обычаями, культурой, границами обитания, близостью экономической жизни), и от национальностей к нациям, в которых эти общие черты приобретают устойчивый характер и получают большее развитие.

Энгельс показал значение и политического фактора в процессе формирования наций. Этому процессу, подчеркивал он, способствовала централизаторская политика королевской власти, ее борьба против феодальной раздробленности. Государственное объединение цементировало складывающуюся национальную общность. «С конца средних веков история ведет к образованию в Европе крупных национальных государств»²⁹, — отмечал Энгельс. Обстоятельством, оказывавшим большое влияние на образование национальных государств, Энгельс считал необходимость обороны страны от внешнего врага. Борьба с иноземными завоевателями, указывал он, особенно стимулировала консолидацию наций. Наоборот, в тех странах, которые сами растрачивали свои силы на завоевательные походы и внешнюю экспансию, развитие внутренних стимулов к национальному сплочению тормозилось³⁰.

Энгельс отмечал на примере Европы, что национальное развитие происходило отнюдь не однообразно, по классическому образцу тех стран, где складывание нации и образование централизованных государств совместились в единый процесс. Там, где эта взаимосвязь была нарушена, где и в буржуазную эпоху сохранились черты феодального партикуляризма или где формирование отдельных наций совершалось в условиях уже сложившихся многонациональных государств, в которых господствующие нации подчиняли себе все остальные, — там возникала острая потребность преодолеть эти преграды для национальной консолидации — объединить раздробленные страны, предоставить государственную самостоятельность угнетенным нациям. Удовлетворение этой потребности становилось целью национально-освободительных движений. Оно не только являлось одним из важных условий общественного прогресса в рамках буржуазного общества, но и, по словам Энгельса, «необходимой предпосылкой для установления гармонического интернационального сотрудничества народов, без которого невозможно господство пролетариата»³¹.

Развитие Энгельсом исторического материализма происходило в борьбе с буржуазными философскими и социологическими концепциями, составившими методологические основы буржуазной исторической науки. Постоянным объектом критики было идеалистическое понимание истории во всех его основных проявлениях. В 70—90-х годах Энгельс немало сделал для раскрытия методологической слабости позитивистской социологии, оказывавшей в это время наиболее сильное влияние на буржуазную историографию. Энгельс, как и Маркс, не отрицал известных прогрессивных сторон позитивизма, представителям которого не были чужды идеи прогресса и закономерности общественного развития, стремление расширить круг знаний и учесть взаимодействие наук, интерес к социальным и экономическим явлениям. В то же время Маркс и Энгельс сугубо критически относились к взглядам основоположника позитивизма О. Конта и других провозвестников этого философско-социологического направления — Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля и т. д. О философии Конта Маркс, в частности, писал, что «по сравнению с Гегелем это нечто жалкое»³². Энгельс целиком разделял это мнение. Он видел в учении Конта сочетание заимствованных у его учителя Сен-Симона (от социалистических воззрений

которого Конт отрекся), но в значительной степени выхолощенных гениальных идей с «узким филистерским мировоззрением». Весьма скептически относился Энгельс к тому, что последователи Конта афишировали как его особую заслугу, — к попытке синтеза наук, их определенной систематизации, построенной на принципе иерархического соподчинения. Эту контовскую систематизацию Энгельс рассматривал как произвольную, надуманную³³.

В социологических взглядах представителей позитивизма проявилось, как это ясно увидел Энгельс, чрезвычайное сужение теории развития, изъятие из нее гегелевского представления о борьбе противоположностей и скачках, отрицание роли революций в истории, трактовка перемен в общественной жизни в духе плоского эволюционизма. Позитивистская методология приводила к фальшивым выводам о гармонии классов в буржуазном обществе, к апологии капитализма. В этом смысле позитивизм смыкался с различными направлениями вульгарной политической экономии.

В толковании исторического развития позитивисты не выходили, как правило, за рамки идеалистического понимания истории, сводя прогресс в общественной жизни к успехам в науке и культуре. Материалистическая тенденция проявлялась у ряда представителей позитивизма в весьма вульгарной форме — в виде механического отождествления общественных и природных процессов, в преувеличении влияния географической среды, в биологизации исторических законов. Как уже говорилось выше, подобные концепции решительно опровергались Энгельсом. Так, например, в упомянутом письме П. Л. Лаврову 12—17 ноября 1875 г. он отмечал антинаучный характер попыток придать борьбе за существование «силу вечных законов человеческого общества»³⁴.

Показателем ретроградных тенденций в буржуазной методологии изучения истории Энгельс считал влияние на социологов неокантианского агностицизма. Агностицизм в целом Энгельс рассматривал как уступку идеализму в отношении познания природы, как попытку прикрыть эту уступку оговоркой о наличии в принципе непознаваемых явлений и якобы невозможности доказать адекватность материалистических взглядов на законы природы самим этим законам. В применении к обществу эта позиция приводила вообще к нигилисти-

ческому отрицанию закономерностей общественной жизни. Если социал-дарвинисты чрезмерно сближали развитие общества и развитие природы, то агностики впадали в другую крайность, провозглашая полную противоположность природных и социальных процессов и относя последние к сфере непознаваемого. Во введении к английскому изданию 1892 г. брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельс подверг критике натурфилософские взгляды неокантианских агностиков, коснувшись и преломления этих взглядов в подходе неокантианства к общественным явлениям. Он дал понять, что эти явления относятся к тем областям, в которых неокантианец «переводит свое невежество на греческий язык, называя его агностицизмом»³⁵.

Следует сказать, что именно во введении к этой работе Энгельс впервые в печати употребил термин «исторический материализм», введя в оборот это понятие в начале 90-х годов, еще до написания упомянутого введения, в переписке с рядом корреспондентов (письма К. Шмидту 5 августа и 27 октября 1890 г., письмо Н. Блоху 21[22] сентября 1890 г.). Само введение Энгельса было опубликовано отдельно, одновременно с английским изданием его брошюры, в журнале «Die Neue Zeit», причем немецкая публикация была озаглавлена «Об историческом материализме». Этим термином Энгельс подчеркнул, что материалистическая концепция истории является высшей ступенью развития философского материализма, впервые последовательно примененного к общественной жизни. В методологическом плане понятие «исторический материализм» отражало органическое сочетание материалистического истолкования общественных процессов с историческим подходом к ним, с историзмом как ведущим принципом диалектического метода.

В последние годы жизни Энгельсу пришлось не только противопоставлять материалистическое понимание истории различным идеалистическим и вульгарно-материалистическим теориям, но и защищать сам исторический материализм от искажений и вульгаризации. Для буржуазных «критиков марксизма» сознательная примитивизация и выхолащивание его уже в то время становились излюбленным приемом. Этим придавалась видимость убедительности выдвигаемых против него аргументов. Но главную опасность Энгельс увидел в упрощенческом подходе к марксистской теории и методу

со стороны временных буржуазных попутчиков социал-демократии, а также сектантских и правооппортунистических элементов внутри нее, объявлявших на словах себя марксистами. Фальсификация исторического материализма, исходившая именно из этой среды, больше всего грозила дискредитировать марксистскую теорию. Вот почему Энгельс так остро реагировал на попытки истолковать материалистическое понимание истории в духе экономического материализма и выводить все исторические явления непосредственно из экономики. Вот почему он столь нетерпимо отнесся к тенденциям приписывать марксизму фаталистический взгляд на социальное развитие как на некий автоматический процесс, совершающийся под действием одних только экономических законов, к отрицанию роли субъективного фактора в истории — народных масс, выдающихся личностей, общественного сознания, к игнорированию случайностей и т. д.

По всем этим вопросам Энгельс дал глубокое разъяснение в серии писем, адресованных как буржуазным корреспондентам, так и соратникам. С точки зрения разработки проблем исторического материализма среди них особенно выделяются письма Энгельса К. Шмидту 5 августа и 27 октября 1890 г., Й. Блоху 21 [—22] сентября 1890 г., а также П. Эрнсту 5 июня 1890 г., Ф. Мерингу 14 июля 1893 г., В. Боргиусу 25 января 1894 г. Различные вопросы марксистской методологии и философии затрагивались Энгельсом и в письмах Д. У. Ламплу 11 апреля 1893 г., В. Зомбарту 11 марта 1895 г. и др.

Энгельс решительно протестовал против превращения исторического материализма в набор догм, в некую, употребляя выражение Маркса, «универсальную отмычку», механически прикладываемую ко всем историческим явлениям без их конкретного изучения. Именно этим, подчеркивал Энгельс, особенно грешили те «друзья» материалистического понимания истории, «для которых оно служит предлогом, чтобы *не* изучать историю»³⁶. Отвечая одному из таких мнимых друзей, П. Эрнсту, Энгельс указывал, что «материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты»³⁷. Энгельс самым решительным образом отвергал примитивное

истолкование марксизма как некой умозрительной доктрины, содержащей стереотипные ответы на все вопросы. «Но все миропонимание [Auffassungsweise] Маркса, — писал он в 1895 г. буржуазному экономисту Зомбарту, — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»³⁸.

Главное содержание перечисленных писем Энгельса сконцентрировано вокруг проблемы соотношения базиса и надстройки. В этом важном вопросе Энгельс нагляднее всего показал коренную противоположность между историческим материализмом и теми вульгарными представлениями, которые игнорировали диалектическое взаимодействие между экономикой и политическими, правовыми, идеологическими сферами общественной жизни. Именно в этом Энгельс видел главный порок сторонников так называемого экономического материализма. «В основе этого, — писал он в данной связи Мерингу, — лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих друг другу полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто почти намеренно забывают о том, что историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины»³⁹.

Разумеется, и во всех предшествующих работах Маркса и Энгельса не упускалось из виду обратное влияние политической и идеологической надстроек на экономический базис. Однако, как отмечал сам Энгельс, в борьбе с господствующими идеалистическими взглядами на историю главный упор они делали на определяющую роль экономики. Именно это дало известный повод для кривотолков со стороны противников марксизма и для односторонней интерпретации со стороны его мнимых сторонников. Тем не менее в историко-теоретических произведениях Маркса и Энгельса всесторонне подходили к историческим процессам, уделяя самое серьезное внимание их политическим и идеологическим сторонам. И в своей деятельности как вождей международного рабочего движения они исходили из глубокого понимания огромного значения формирования и развития классового сознания пролетариата, его всемерно-

го участия в политике, завоевания им политической власти. «К чему же мы тогда боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна?»⁴⁰ — писал Энгельс, подчеркивая этим, что отрицание активной роли политической надстройки ведет по существу к перечеркиванию основных принципов революционной тактики рабочего класса и его партии.

В письмах 90-х годов об историческом материализме Энгельс, таким образом, отстаивал уже достигнутые марксизмом теоретические позиции. Но делал он это, углубляя и обогащая как их научное обоснование, так и само содержание рассматриваемых категорий. Прежде всего был сделан больший, чем ранее, акцент на значение обратного воздействия политических и идеологических надстроек на материальный базис, более обстоятельно — особенно в письме К. Шмидту 27 октября 1890 г. — раскрыт механизм и формы этого воздействия. Энгельс, в частности, показал тройкую роль государственной власти по отношению к экономическому развитию. Она либо ускоряет это развитие, действуя в том же направлении, либо упорно препятствует ему до тех пор, пока не потерпит крах на этой почве, либо ставит на пути развития экономики различные преграды, деформируя его, допуская лишь в одностороннем, уродливом виде. Во втором и третьем случаях, констатировал Энгельс, «политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве»⁴¹. Разнообразны и достаточно сложны, согласно характеристике Энгельса, проявления активного влияния на общественные процессы других надстроечных сфер — правовых, философских, литературных, религиозных и т. д.

Обстоятельно раскрыл Энгельс положение исторического материализма об относительной самостоятельности политической и идеологической надстроек, об обратном влиянии производных, неэкономических факторов на экономику. Даже в пределах самого материального базиса, указывал Энгельс, вторичные формы экономической деятельности, порожденные производством, например торговля, на определенной степени превращаются известным образом в самостоятельную и весьма влиятельную силу. Вызванные к жизни в конечном счете экономическими потребностями политические, право-

вые, идеологические институты и воззрения, которые в сознании самих политиков, юристов, идеологов ложно воспринимаются как нечто совершенно независимое от экономики, и объективно приобретают известную автономию. Они подчиняются не только общим экономическим законам, но и внутренне присущим им закономерностям, обусловленным спецификой каждой из этих областей общественной жизни.

Существенное место отводил Энгельс взаимному влиянию самих надстроечных явлений. Определяющее воздействие экономики на ряд надстроечных сфер, вновь подчеркивал он, происходит непрямойно. Особенно это относится к таким идеологическим областям, как философия, религия и т. п., которые, по характеристике Энгельса, еще дальше отстоят от экономического базиса, «еще выше парят в воздухе»⁴². Здесь функции посредника между базисом и этими формами общественного сознания, как бы передатчика его влияния на них, во многом выполняют другие надстройки — политические, юридические, ближе стоящие к экономике. С другой стороны, и обратное воздействие идеологии на экономическую жизнь преимущественно осуществляется через указанные надстройки. Таким образом, соотношение между базисом и надстройкой рассматривалось Энгельсом как сложная система функционирования различных сфер общественной жизни, находящихся в постоянном диалектическом взаимодействии между собой во всех звеньях. И взаимодействие это происходит не однозначно, а самыми разнообразными путями, отражающими своеобразие каждой из этих общественных сфер.

Касался Энгельс в своих письмах и других аспектов материалистического понимания истории. Освещение их опять-таки не было простым повторением старого. Он углублял толкование затронутых вопросов, находил новые аргументы и более емкие формулировки. Так, Энгельс снова выдвинул проблему необходимости и случайности, дав четкое определение диалектической связи между этими категориями применительно к историческому процессу. Энгельс выступил как против фаталистического отрицания случайностей в истории, так и против релятивистского изображения их чем-то абсолютно независимым от действия общественных законов. С точки зрения исторического материализма, разъяснял Энгельс, к случайностям относятся те исторические яв-

ления, «внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею»⁴³. Однако это не значит, что такая связь объективно не существует. В письме В. Борнхусу Энгельс определил случайность как форму проявления необходимости. Он отметил также, что многие случайности являются кажущимися, т. е. что они могут считаться таковыми лишь до тех пор, пока не открылась возможность познать их природу и выяснить ее закономерный характер. Весьма важна и мысль Энгельса о том, что, чем дальше удалена от экономики та или иная область общественной жизни, «тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей»⁴⁴.

Вновь осветил Энгельс и вопрос о роли выдающихся личностей в истории. Упор делался им на историческую обусловленность самого появления такого рода личностей. Он показал, что это появление всегда вызывается определенной общественной потребностью, объективными задачами, стоящими перед обществом в данный момент. Выдвижение того или иного конкретного лица бывает обычно результатом случайного стечения обстоятельств. Но, не будь его, эту роль непременно более или менее успешно выполнил бы кто-нибудь другой. «Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Cromwell и т. д.»⁴⁵. Этими рассуждениями подтверждалась важность понимания не только тех функций, которые выполняют в общественной жизни выдающиеся люди, но и объективных, исторических предпосылок этих функций, необходимость искать их корни в социальных условиях изучаемого исторического периода, прежде всего в положении тех или иных классов общества и характере их борьбы.

Письма 90-х годов об историческом материализме венчают собой теоретическую разработку Энгельсом проблем материалистического понимания истории. В них зафиксированы его новые научные достижения как философа и социолога, как великого ученого, углубившего и упрочившего методологический фундамент марксистской исторической науки. Следующий шаг вперед в развитии диалектического и исторического материализма, равно как и других составных частей марксистской теории, было суждено совершить уже другому гениальному мыслителю — В. И. Ленину.

Глава 2

Энгельс об особенностях исторической науки и исторического познания

Чрезвычайно важное значение для развития марксистской историографии имело выяснение Энгельсом специфики истории как науки, ее места в системе общественных наук и роли в общественной жизни. Касался он в своих произведениях и письмах и вопросов о путях и способах установления исторической истины, а также других проблем, относящихся к методологии исторического исследования, в частности к принципам познания исторического процесса. Решал Энгельс эти проблемы в духе материалистической диалектики и нередко органически связывал с разработкой важнейших положений марксистской философии в целом. Здесь находили свое выражение применительно к истории различные стороны общефилософской марксистской теории познания, трактовка познания как отражения объективных закономерных процессов, происходящих в реальной действительности, понимание диалектического характера причинной связи, диалектического соотношения абсолютной и относительной истины, роли практики как ее критерия и т. д.

Следует сказать, что отнюдь не все мысли Энгельса, относящиеся к области исторического познания, были высказаны им в развернутом виде. Он не ставил перед собой задачу написать специальное руководство по логике и методологии исторической науки. Нередко то или иное методологическое положение вытекает не из прямого высказывания, а из самой его исследовательской практики, из его собственного подхода к конкретным историческим проблемам. Если, однако, суммировать высказывания и отдельные примеры конкретного решения методологических проблем, то можно прийти к выводу, что Энгельс вместе с Марксом заложили основы научной теории исторического познания, имеющей своей предпосылкой диалектический и исторический материализм.

Энгельсу принадлежит прежде всего заслуга в выяснении внутренней связи между историческим материализмом и исторической наукой, а также границ, которые отделяют методологические основы этой науки от

нее самой. Он сделал это путем раскрытия соотношения между историческим материализмом и историей, в первую очередь путем установления общности и различий в самом предмете обеих наук. Предметом истории, как показал Энгельс в «Анти-Дюринге» и других произведениях, является объективный процесс развития экономических, политических и идеологических форм деятельности людей с момента возникновения человеческого общества. Подлежит изучению и само становление этого общества, а также историческая эволюция природы в той мере, в какой она влияла на жизнедеятельность человека и в какой сама эта жизнедеятельность воздействовала на изменение природной среды. Этот процесс при всем его многообразии и сложности не является хаотичным и бессистемным.

Поступательный ход истории при всех отклонениях и зигзагах «подчиняется внутренним общим законам»¹, — подчеркивал Энгельс. Мысль об объективно закономерном характере исторического развития буквально пронизывает философские и исторические труды Энгельса. Он часто повторял ее и в письмах к соратникам, посвященным обсуждению текущих партийных дел. «Впрочем, мировая история идет своим путем, не считаясь с этими мудрыми и умеренными филистерами»², — писал, например, Энгельс А. Бебелю 16 декабря 1879 г. по поводу трусливого осуждения революционных выступлений масс оппортунистическими элементами в германской социал-демократии (Хёхбергом и др.). В «медленном, но неуклонном ходе истории» Энгельс черпал уверенность в неизбежном торжестве дела рабочего класса³.

Задачей исторической науки, считал Энгельс, является выяснение внутренней закономерной связи между историческими явлениями. За внешне случайными обстоятельствами она должна выявить определенную обусловленность тех или иных событий, за отдельными фактами — закономерные процессы. Энгельс был категорическим противником сведения истории к простому собиранию и описанию фактов. Все творчество его как историка в этом отношении представляло собой прямое отрицание принципов, выдвигавшихся представителями нарративного направления в буржуазной историографии, в частности немецкой юнкерско-буржуазной «объективной» школы Ранке, которые в попытках объяснения исторических событий усматривали чуть ли не на-

рушение объективности и по существу низводили функции историка к регистрации исторических данных.

До конца разобраться в подлинных исторических закономерностях, указывал Энгельс, историческая наука в состоянии, только опираясь на общую диалектико-материалистическую концепцию исторического процесса. В письме Бебелю 16 марта 1892 г. Энгельс называл исторический материализм «путеводной нитью при изучении истории»⁴. Одним из основных принципов марксистской теории исторического познания, таким образом, является применение метода исторического материализма к исследованию исторических явлений в качестве решающего средства выяснения их сущности.

Однако исторический материализм является лишь методологическим инструментом исторического исследования, помогающим проложить путь к познанию исторической истины, но отнюдь не заменяющим весь сложный, специфический процесс этого познания. Энгельс неоднократно указывал на это обстоятельство, особенно в известных письмах 90-х годов о материалистическом понимании истории. Он подчеркивал: «...Наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства»⁵. Будучи методологической базой исторической науки, разъяснял Энгельс, исторический материализм отличается от нее в отношении аспекта изучения общего с ней объекта — общественных явлений, да и в самом подходе к этим явлениям в обеих науках существует наряду с единством существенное различие. Исторический материализм выясняет общие законы общественного развития. Его категории, отражающие эти законы, неизбежно носят обобщающий, универсальный и абстрактный характер. Метод рассмотрения общественных явлений аналогичен тому, который применяет политическая экономия при анализе экономических отношений. Это, пользуясь высказыванием Энгельса о методологической стороне книги Маркса «К критике политической экономии», тот же исторический метод (все явления рассматриваются в процессе возникновения и развития), однако освобожденный от «исторической формы и от мешающих случайностей»⁶.

Для установления общего закона необходимо отвлечься от местных своеобразий его проявления, от отклонений от него, от осложняющих развитие побочных и второстепенных факторов. Между тем историческая

наука в отличие от этого не может игнорировать конкретные формы и особенности исторического процесса, поскольку она изучает его в конкретной определенности. Энгельс не раз, в частности в письме П. Л. Лаврову 12—17 ноября 1875 г., указывал на недопустимость подгонки многообразия исторического развития под односторонние формулы. Такой подход к истории, писал он, «сам себе выносит обвинительный приговор»⁷.

Историческая наука изучает живой исторический процесс, совокупность сложных и противоречивых исторических явлений. Сам характер общественного развития, выявленный историческим материализмом, обуславливает сложность предмета исторического исследования, многообразие задач, которые выдвигаются перед историком при изучении конкретных исторических явлений, специфику применения им диалектико-материалистической методологии. Действие общих законов, как доказывает исторический материализм, сочетается и переплетается в историческом процессе с влиянием более частных причинных связей. Законы проявляются в виде определенных общественных тенденций, действующих по-разному в зависимости от множества противоречивых обстоятельств и факторов, то с большей, то с меньшей силой и соответственно часто с неодинаковыми по масштабам и глубине результатами.

Историческая необходимость в условиях стихийного общественного развития реализуется не непосредственно, а через сотни случайностей; внутренние законы истории, по выражению Энгельса, «пробивают себе дорогу в рамках этой случайности»⁸. Сложны и многообразны формы проявления взаимодействия между определяющим экономическим базисом и политическими, а также идеологическими надстройками. По-разному влияют на разных ступенях развития общественного производства природные условия существования общества, географическая среда. Решающая роль народных масс обнаруживается в стихийном — до появления социалистических отношений, открывающих путь к сознательному воздействию на исторический процесс, — столкновении множества индивидуальных стремлений и воли. Многообразна по формам своего проявления борьба классов — основная движущая сила развития антагонистических обществ. Историческая наука обязана не только выяснять общий характер этой борьбы, но и восстанавливать ее конкретный ход.

Энгельс не только теоретически, в общесоциологическом плане раскрыл значение перечисленных сторон исторического процесса и вытекающие из понимания их роли задачи историка-исследователя, но и сам всесторонне учитывал эти черты общественного развития в своих конкретно-исторических работах. Эти работы изобилуют образцами сочетания глубокого выявления общих закономерных тенденций общественных явлений с ярким отображением живой исторической действительности. Энгельс не скупился на краски, для того чтобы наглядно воссоздать ту или иную конкретную историческую ситуацию, ход самих событий, облик их непосредственных участников — классов, партий, отдельных личностей, движимых различными объективными обстоятельствами и субъективными, в том числе психологическими, побуждениями.

Таким образом, из понимания Энгельсом особенностей самого предмета исторической науки, имеющей дело с закономерным, но в то же время необычайно многообразным, постоянно варьирующимся в конкретных проявлениях процессом, вытекало отрицательное отношение не только к подмене истории фактографическим летописанием, но и к упрощенному схематизированию, игнорирующему фактическую основу исторического процесса. Собственные исторические работы Энгельса свидетельствуют, с каким серьезным вниманием относился он к исторической конкретике. В подготовительных материалах, раскрывающих его исследовательскую лабораторию, был собран, как уже отмечалось, обширный фактический материал. О его тщательном отношении к собиранию и систематизации исторических фактов говорят, в частности, составленные им хронологические таблицы по истории Ирландии, чартистского движения и другие, его выписки из различных исторических источников и работ, в которых зафиксированы конкретные события и приведены сведения о многих исторических деятелях. Однако даже в подготовительных работах это было не простым перечнем фактов, а осмысленным воспроизведением цепочки исторических явлений, обнаруживавшей в конкретной форме некоторые закономерности исторического развития (например, причины восстаний ирландского народа против английских колонизаторов, подъема и упадка чартизма). Разумеется, законченные исторические работы Энгельса отражали еще более высокую степень истори-

ческого обобщения, покоящегося на прочном фундаменте изучения множества конкретных фактов.

Специфической чертой исторической науки Энгельс считал то обстоятельство, что она в отличие от естествознания и от ряда других общественных наук имеет дело с процессами, которые в данный момент либо уже закончились, либо, если речь идет о явлениях сравнительно недавнего прошлого, находятся уже не на изучаемой стадии. Историкам, писал Энгельс в «Анти-Дюринге», приходится заниматься происхождением и расцветом тех или иных общественных и политических форм, «когда эти формы уже наполовину пережили себя, когда они уже клонятся к упадку»⁹. Историческое познание поэтому не является прямым, непосредственным познанием предмета. Оно отражает его не в том виде, каким он является в данный момент, а в том, каким он был в прошлом, через определенную временную перспективу. «Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, — отмечал Энгельс в другом месте, — ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал»¹⁰.

Энгельс, разумеется, не отрицал возможности научной интерпретации событий так называемой текущей истории. Работы Маркса «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» он считал примером глубокого раскрытия смысла только что совершившихся событий. Да и сам Энгельс во многих своих произведениях, корреспонденциях, военных обзорах освещал различные стороны повседневных исторических процессов, развертывавшихся буквально у него на глазах. Однако в принципе в приведенных выше высказываниях им была подмечена весьма существенная объективная черта исторического познания, процесс которого не совершается синхронно с познаваемым событием, какой бы ни был — большой или малый — временной разрыв между ними. Более того, чем меньше во времени отстоит историческое познание от этого события, тем больше трудностей, как правило, должно оно встретить на пути его изучения: не выявлены еще все его последствия, не собраны и не стали доступными многие материалы, в том числе статистические, проливающие на него свет, и т. д. В дальнейшем, по мере накопления этих материалов, для исторической науки раскрываются в этом смысле все большие возможности,

она приобретает все больше познавательных средств. По этой причине исторической науке приходится часто по мере ее развития вновь возвращаться к тем же объектам исследования. И это возвращение закономерно. Оно, как правило, представляет собой новую ступень в познании изучаемых явлений на базе все более широкого круга источников и с помощью все более совершенных приемов исследования.

Характерно в этом отношении, что сам Энгельс не раз возвращался к изучению уже исследованных и даже освещенных им в печати исторических проблем (к истории первобытного общества, первоначального христианства, Реформации и Крестьянской войны в Германии и т. д.). Мотивом при этом было стремление полнее раскрыть ту или иную тему, углубить ее разработку на основе анализа новых аспектов и привлечения новых материалов.

Другая особенность исторического познания заключается в том, что историку больше, чем ученым в других областях, приходится считаться с индивидуальным своеобразием явлений, даже сходных между собой. Повторяемость в истории носит еще более относительный характер, чем в природе. Энгельс писал, что в истории общества «повторение явлений составляет исключение, а не правило; и если где и происходят такие повторения, то это никогда не бывает при совершенно одинаковых обстоятельствах»¹¹. Такая специфика истории несомненно усложняет процесс познания, поскольку каждый раз приходится иметь дело со своеобразным проявлением общих законов.

Из этого не следует, что Энгельс в принципе отрицал познаваемость исторических явлений. Марксистская теория исторического познания не имеет ничего общего со взглядами неокантианской школы Риккерта и Виндельбанда, выдвинувшей тезис о трансцендентности истории, о невозможности выяснения каких-либо исторических закономерностей, о принципиальном, вытекающем из непознаваемости ее предмета отличии исторической науки от науки о природе. Относительность исторического познания Энгельс трактовал отнюдь не в духе агностицизма или релятивизма. Это для него частный случай относительности познания вообще, развивающегося — в том числе и в области истории — на основе диалектического перехода от относительной истины к абсолютной. Энгельс справедливо считал, что ус-

тановленные исторической наукой, даже в приближенной, условной, несовершенной форме, истины — это отнюдь не плод субъективного воображения. Они существовали объективно, а в ряде случаев и продолжают реально существовать, когда событие еще не завершилось. Их непознаваемость или, вернее, непознанность в данный момент столь же относительна, как и познаваемость.

Развитие исторической науки Энгельс воспринимал как происходящий сложным диалектическим путем процесс совершенствования исторического познания, перехода от низших ступеней его к высшим, при всей относительности его на различных стадиях и при всем влиянии на него различной классовой структуры общества, оказывавшей воздействие и в целом на социальный и научный прогресс. Препятствия для более глубокого или более правильного, адекватного познания того или иного явления — классовое пристрастие историка, национальное предубеждение, ложная методология, недостаток источников или несовершенство основных и вспомогательных исследовательских средств и т. д. — эти препятствия, считал он, могут и должны преодолеваться, по мере того как в исторической науке все больше будет утверждаться научная методология, отражающая мировоззрение передового, революционного класса, заинтересованного в полном восстановлении исторической правды. Это позволит устранить классовые шоры, проложить путь к более объективному восприятию прошлого.

Даже такая преграда для исторического познания, как отсутствие источников или их недоступность в данный момент (например, нерасшифрованность некоторых памятников древней письменности), по существу во многих случаях является временной. Энгельс высказывался в весьма оптимистическом духе на этот счет, выражая уверенность в том, что развитие исторической науки будет непрерывно обогащать источниковедческую базу и расширять познавательные ресурсы. В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он предсказывал, что новые открытия в области археологии и этнографии позволят разгадать не одну загадку, касающуюся отдаленного прошлого человечества. Если бы стали доступными все существующие памятники древнеирландского права, писал он в другой связи, не сомневаясь в том, что такое время наступит,

многие стороны исторического прошлого ирландского народа раскрылись бы историкам¹².

Сознавая объективные трудности, стоящие перед исторической наукой, трезво оценивая ее современное ему состояние, отрицательное воздействие на нее классово-ограниченности и реакционных сторон буржуазного мировоззрения, Энгельс тем не менее твердо верил в возрастающие познавательные потенции подлинно научного исторического исследования. В своих представлениях о будущем истории как науки он исходил из признания поступательного в целом характера ее развития вопреки всем ретроградным тенденциям в буржуазной историографии. Энгельс был полон уверенности, что победа социалистического строя приведет в будущем к расцвету всех наук, в том числе исторической¹³.

Путь познания истории лежит через исследование источников, материальных и документальных (письменных) памятников минувших эпох. Вклад Энгельса в разработку источниковедения, теоретические основы которого тесно соприкасаются с теорией исторического познания, охватывая такие проблемы, как адекватность отражения в источниках исторической действительности (соотношение источника и факта), достоверность содержащихся в них сведений и способы установления и проверки этого, рассмотрен в специальной главе. Здесь же следует отметить, что он придавал чрезвычайно важное значение историческим источникам как, если так можно выразиться, первичному сырью и исходному материалу исторической науки, а методику критического изучения их считал тем элементарным исследовательским средством, без которого немислимо действие всего механизма исторического познания.

Заметим сразу, что, будучи горячим сторонником непосредственного обращения исследователя к источникам, Энгельс отнюдь не считал недопустимым использование их для исторического анализа в обработанном другими историками виде — в форме цитирования, описания, изложения их содержания и т. д. Энгельс считал необязательным, да и невозможным для историка всякий раз проделывать заново первичную обработку источников, уже проведенную другими исследователями, так же как заново устанавливать уже достоверно установленные в исторической науке факты. В исторической науке, как и в других научных отраслях, существует преемственность и каждый новый исследователь опи-

рается на существующую историческую литературу. Но такой непосредственный анализ источников становится необходимым, когда дело идет об исследовании ранее не изученных проблем или не освещенных еще аспектов той или иной проблемы либо когда возникает потребность в пересмотре распространенных в историографии ложных представлений, основанных на одностороннем использовании и тенденциозной интерпретации источниковедческого материала. Такая необходимость встала, в частности, перед Энгельсом, когда он убедился в том, что большинство английских авторов работ по истории Ирландии в одних случаях просто игнорируют важные источники, а в других грубо их искажают.

Критический анализ источников, по мнению Энгельса, является надежным средством установления достоверных фактов — фактической основы исторического процесса. Однако такой задачей историческая наука не может ограничиваться. Ее цель, в понимании Энгельса, не сводится только к установлению фактов. Она должна дать объяснение историческим явлениям, раскрыть, как уже говорилось, причинную связь между ними. От анализа источников исследователь должен перейти к систематизации его результатов, к группировке фактов, употребляя выражение Энгельса¹⁴, к обобщению и синтезу отдельных наблюдений, к формированию определенной исторической концепции. Подобные концепции не обязательно должны рождаться в конце аналитической работы, они могут появиться и в ходе анализа, иногда в форме предположений, гипотез. Последние либо отбрасываются, если вновь обнаруженные факты противоречат им, либо уточняются, подтверждаясь новыми материалами. Из гипотез они в этом случае превращаются в положения, установленные исторической наукой. На этой стадии подспорьем историку служит не столько владение техникой работы с источниками, сколько умелое применение общей методологии к анализу исторических явлений, общетеоретическая и общеисторическая вооруженность (то, что называют исторической эрудицией, чем в высокой степени обладал Энгельс), умение сочетать исторический метод исследования с логическим, наконец, научная интуиция. В соединении конкретного исторического анализа с логическим обобщением его результатов проявляется характерное для марксистского метода изучения общественных явлений вообще диалектическое единство логического и исторического¹⁵.

У марксистско-ленинской исторической науки именно на этой решающей ступени исторического познания огромное преимущество перед буржуазной историографией, метод которой в лучшем случае дает ей возможность уловить лишь отдельные закономерности исторического процесса. В противовес этому марксистская историография опирается на понимание всей совокупности основных законов развития общества и для изучения их конкретных проявлений вооружена материалистической диалектикой.

Применение диалектики к исследованию исторического процесса отвечает самому характеру этого процесса, в котором постоянно находит выражение объективное действие диалектических законов. Если природа, по выражению Энгельса, является пробным камнем диалектики, то в истории, по его словам, диалектические законы движения «господствуют над кажущейся случайностью событий...»¹⁶. Познать эту объективную диалектику исторических явлений можно, только пользуясь адекватными критериями в виде категорий диалектической логики.

В «Анти-Дюринге», «Диалектике природы» и других произведениях Энгельс наглядно показал действие основных законов диалектики в истории. Классовая борьба, достигающая особой остроты в революционные эпохи, ярко демонстрирует проявление закона единства и борьбы противоположностей. «В истории движение путем противоположностей выступает особенно наглядно во все критические эпохи у ведущих народов»¹⁷, — писал Энгельс. Первоначальное равенство первобытных людей переросло в свою противоположность — в социальное и политическое неравенство в классовом обществе, развитие которого должно, в свою очередь, привести к восстановлению на качественно новой основе утраченного равенства. Этот диалектический процесс, констатировал Энгельс, был подмечен уже Ж.-Ж. Руссо, выразившим его, разумеется, в свойственной его времени наивной, проникнутой морализированием форме. «Даже взгляд Руссо на историю: первоначальное равенство — порча, вызванная неравенством, — установление равенства на более высокой ступени — есть отрицание отрицания»¹⁸. В историческом процессе постоянно происходит диалектический переход от количественных изменений к качественным и наоборот. Энгельс рассматривал поступательное движение истории как сложную и проти-

воречивую смену эволюционного развития стремительным, революционным, смену, нередко сопровождающуюся перерывами постепенности, возвращением вспять, частичным и временным регрессом. «История часто идет скачками и зигзагами...»¹⁹ — писал он в 1859 г.

Разумеется, действие диалектических законов в истории, так же как в природе, Энгельс никогда не сводил к сумме примеров. Он обращал внимание на наиболее яркие случаи их проявления как на доказательство универсальности законов диалектики, и нередко, на наш взгляд, для того, чтобы специально подчеркнуть огромное значение применения диалектической логики в процессе научного познания исторических явлений. Задача последнего заключается не в том, чтобы выискивать в историческом процессе иллюстрации присущего ему диалектического характера, а в том, чтобы положить диалектику в основу подхода к исследованию исторических событий и явлений. Все творчество Энгельса как историка наглядно показывает, что применение диалектического метода заключается в умении рассматривать исторические явления в их тесной взаимосвязи, в развитии, выяснять предпосылки процесса их зарождения, их зрелые формы и формы, которые отражают стадию упадка и разложения, вскрывать внутренние противоречия, присущие тому или другому общественному процессу, отличая то, что составляет прогрессивную сторону противоречивого единства, от того, что относится к его консервативной стороне. Используя диалектику, исследователь должен выявлять природу тех или иных количественных изменений в общественном развитии, выделяя те, которые ведут к качественным скачкам, изучать причины, характер, последствия этих революционных взрывов, их роль в общественном прогрессе и т. д.

Одним словом, материалистическая диалектика с точки зрения марксизма-ленинизма есть важнейшее орудие исторического познания. Однако правильное применение его не может быть односторонним. Нельзя сводить логические средства исследования только к тем, которые вытекают из основных законов диалектики, и устранять все другие исследовательские приемы, в том числе формально-логические. Сама сложность исторического процесса, многообразие проявлений диалектических законов в истории не допускают шаблонного использования научного метода, требуют применения широкого арсенала логических исследовательских приемов,

как основных, так и вспомогательных. Марксистская теория исторического познания не ограничивает их набором раз навсегда установленных логических категорий. Она открывает возможности для его обогащения и усовершенствования, для использования самых разнообразных способов и методов исследования (в том числе методов системного, структурного и функционального анализа²⁰, математических методов и т. д.), организуя их при этом в строго научную, подчиненную общим методологическим принципам систему.

В своих работах Энгельс пользовался весьма разнообразными способами логического осмысливания исторического материала. Диалектико-материалистический метод преломляется в его творчестве в различных исследовательских приемах. Исследование велось в разных аспектах и плоскостях. Изучая те или другие стороны исторического процесса, Энгельс, как правило, стремился учесть совокупность характерных для них социальных, политических и идеологических явлений, выяснить системную связь между ними, их функциональную зависимость друг от друга, их соподчиненность и взаимодействие. Обращение к тому или иному историческому событию постоянно сопровождалось у него анализом социальной и политической организации или структуры того общества, в рамках которого это событие происходило. Энгельс ставил задачей выяснение роли действовавших в это время классов, функций существующих социальных институтов и политических учреждений. Такая многоплановость исследования обуславливала использование различных логических и аналитических средств. При этом их применение у Энгельса отнюдь не было беспорядочным, не носило характера стихийного выбора того или другого исследовательского приема. Этот выбор определялся у Энгельса как спецификой самого предмета исследования, так и подходом к этому предмету с позиций диалектического и исторического материализма, который неизменно служил у него основой применения всех других познавательных средств.

Довольно часто Энгельс пользовался методом сравнительного анализа различных исторических явлений. Он, например, сопоставлял черты общественного строя и древние обычаи у кельтов Ирландии и у древних галлов, экономическое и политическое положение Германии накануне Крестьянской войны 1525 г. с положени-

ем других стран, ход революции 1848—1849 гг. в своей родной стране с революционными процессами в других странах — Франции, Венгрии, Италии, состояние вооруженных сил в различных странах Европы и т. д.²¹ Признавая относительность повторяемости в истории, Энгельс, однако, отнюдь не склонен был абсолютизировать эту относительность. При всем своеобразии каждого исторического события в общественном развитии, считал он, весьма часто наблюдаются близкие ситуации, однотипные процессы. Если в истории и не бывает полного тождества, то близость и сходство явлений наблюдаются сплошь и рядом. Порой специфической является лишь форма проявления тех или иных закономерностей, сами же действующие по-разному в разных местах и при разных обстоятельствах закономерности представляют собой нечто однородное. Поэтому сопоставление является в историческом исследовании, с точки зрения Маркса и Энгельса, не только вполне допустимым, но и чрезвычайно важным способом установления истины.

Яркий пример подлинно научного применения сопоставления в истории представляет собой сравнение, проведенное Энгельсом в работе «Роль насилия в истории», между политикой и методами господства Луи Бонапарта и Бисмарка, между режимом Второй империи во Франции и тем, который создавал в объединяемой под эгидой Пруссии Германии «железный канцлер»²². При этом Энгельс ни на минуту не упускал из виду те специфические прусские юнкерские черты в деятельности Бисмарка, которые наложили особый отпечаток на его политику и на проведенные им преобразования.

Повторяемость в истории иногда проявляется в карикатурной форме. Известно, например, что Маркс и Энгельс оценили государственный переворот 2 декабря 1851 г. во Франции, совершенный приверженцами Луи Бонапарта, как жалкую пародию на события 18 брюмера (9 ноября) 1799 г., приведшие к власти его предшественника — генерала Наполеона Бонапарта. «Кажется, право, — писал Энгельс своему другу по этому поводу, — будто историей в роли мирового духа руководит из гроба старый Гегель, с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды: первый раз в виде великой трагедии и второй раз — в виде жалкого фарса»²³. Позднее Энгельс допускал возможность и обратной последовательности. «После фар-

са следует трагедия»²⁴, — писал он Эд. Вайяну 5 декабря 1890 г. по поводу последствий краха буланжизма во Франции — откровенно хищнического хозяйничания спекулятивных элементов крупной буржуазии, с одной стороны, и отрезвления увлеченных буланжистской демагогией демократических слоев.

Исторические совпадения могли существовать не только между событиями более или менее одновременными. Бывало так, что сходные явления Энгельс обнаруживал в разные исторические эпохи. Так, в работе «Крестьянская война в Германии» он сравнивал позиции и образ действия немецкого бюргерства XVI в. и его исторического преемника — немецкой буржуазии XIX в., находя много общего даже в условиях развития бюргерского и буржуазного движений разных столетий. Как в этой работе, так и в своих исследованиях о происхождении христианства Энгельс отмечал существенное сходство между хилиастическими мечтаниями (верой во второе пришествие Христа и установление тысячелетнего царства справедливости) первоначальных христиан на заре нашей эры и социальными чаяниями участников крестьянских и плебейских восстаний средневековья. Он указывал даже на то, что некоторые из этих многовековых традиций были унаследованы идеологами рабочего движения на ранней, незрелой стадии его развития, представителями так называемого рабочего коммунизма, среди которых наряду с талантливыми самоучками, выдвигавшими в утопической форме рациональные идеи, встречались и всякого рода «пророки», напоминавшие прорицателей древних христианских общин²⁵.

Марксистская теория исторического познания считает, следовательно, возможным проводить исторические параллели, если так можно выразиться, не только по горизонтали, но и по вертикали. Больше того, именно этот вертикальный срез, обнажающий исторические нити, которые связывают отдаленные эпохи с более поздними, помогает обнаруживать не только остатки старины в более развитом обществе, но и исторические корни позднейших явлений, зародыши того, что в дальнейшем достигло зрелости.

Методом сопоставления, однако, Энгельс учил пользоваться чрезвычайно осторожно. Для того чтобы сравнение было не поверхностным, а проведение параллели не превращалось в произвольную логическую опера-

цию, затушевывающую суть событий, для того чтобы внешнее сходство их не затемняло коренного различия между ними, необходимо было, чтобы объектом сопоставления становились действительно однотипные по своему объективному содержанию явления. Энгельс решительно осудил тенденцию к искусственному сближению разных эпох, рассматривая ее как проявление антиисторизма в буржуазной историографии. Выступал Энгельс и против затушевывания специфических особенностей и своеобразия исторического развития, нередко наблюдавшегося при неумелом, вульгаризаторском использовании сравнений. Так, например, в 1890 г. он протестовал против игнорирования упоминавшимся выше П. Эрнстом особенностей исторического развития Скандинавии (сохранение свободного крестьянства), против проведения им знака равенства между воспитанными в духе независимости норвежскими средними слоями и раблепным немецким мещанством²⁶. Для того чтобы сравнения действительно служили средством познания истории, они должны быть избавлены от всяких натяжек и модернизации, должны сочетаться с глубоким изучением и раскрытием существа сопоставляемых явлений.

Одним из приемов сравнительного изучения однотипных событий часто служит выявление не только их сходства, но и различий. Противопоставление здесь как бы диалектически дополняет сопоставление. Оно помогает, в частности, выявить часто весьма сложное и запутанное соотношение между общей закономерностью и возможными отклонениями от нее, вызванными теми или другими причинами, решать на конкретном материале вопрос об общем и особенном в истории.

Весьма наглядное представление о том, как сам Энгельс пользовался подобным приемом исследования, дают его «Заметки о Германии» и другие работы по немецкой истории. В них, в частности, не только сопоставляется, но и противопоставляется политическое развитие Франции и Германии со времени позднего средневековья вплоть до XVIII в. Проводя этот сравнительный анализ, Энгельс пришел к выводу, что одинаковые в основе своей экономические и социальные тенденции (разложение феодализма и становление капиталистических отношений) отнюдь не имели тождественных последствий в обеих странах в области их политического строя. Франция сумела сплотиться в единое национальное государ-

ство, абсолютизм здесь сыграл централизаторскую роль. Германия осталась политически раздробленной, абсолютистский режим утвердился в ней в форме мелкочужавного княжеского абсолютизма и некоего двоецентриа в виде более крупных соперничающих монархий — Австрии и Пруссии. Этот австро-пруссский дуализм только усугублял децентрализацию страны. В первом случае историческое развитие приближалось как бы к классической модели, соответствуя общим историческим тенденциям. Во втором — налицо было очевидное отклонение от нормального развития, обусловленное действием побочных с точки зрения этих главных тенденций экономических и политических факторов.

Энгельс писал Мерингу 14 июля 1893 г., что он все больше убеждался в плодотворности параллельного изучения истории Германии и Франции: «... лишь сравнение с соответствующими периодами истории Франции дает правильный масштаб, ибо там происходило как раз противоположное тому, что у нас. ... Там — редкостная объективная логика во всем ходе процесса, у нас — дикий, все усиливающийся сумбур»²⁷.

Обязанностью историка, считал, таким образом, Энгельс, является устанавливать местные отклонения, если так можно выразиться, от генерального пути исторического развития и давать этим отклонениям научное объяснение. Энгельс полагал также, что историческая наука должна уметь различать в каждом конкретном случае возможные варианты осуществления тех или иных общих исторических закономерностей, назревших изменений и преобразований, разные типы эволюции, заложенные в том или ином явлении. При этом, разумеется, она обязана раскрыть причины, по которым тот или иной тип при определенных исторических условиях брал верх над остальными. Такая задача и соответствующие приемы исследования вытекают из марксистского понимания исторической необходимости отнюдь не как фатальной силы, движущей события по заранее определенному и строгому плану. В каждом исторически обусловленном процессе содержится, как правило, несколько альтернативных тенденций для осуществления его в той или иной форме, несколько потенциальных путей развития. Победа того или другого зависит от многих реальных факторов, прежде всего от соотношения сил тех классов, которые заинтересованы в том или другом направлении эволюции. Исследова-

тель должен выявить эти возможные варианты конкретного пути истории даже в том случае, когда один из них уже прочно победил, а реальность возврата к другим полностью утрачена. Тем не менее исключать из анализа нереализованные, действительно существовавшие возможности развития того или иного процесса нельзя без ущерба для понимания всей его сложности, а также совокупности обстоятельств, которые направили его по данному, а не по другому пути.

Классическим образцом такого подхода к проблеме альтернативности в общественном развитии является анализ различных путей объединения Германии, проделанный Энгельсом в работе «Роль насилия в истории». Только всестороннее рассмотрение этой проблемы и учет всех главных обстоятельств и возможностей позволили Энгельсу дать научный ответ на вопрос о том, почему объединение Германии произошло не революционным путем, а свое политическое единство страна обрела «под прусским верховенством»²⁸.

Затронул Энгельс в своих работах и такую важную с точки зрения теории исторического познания методологическую проблему, как соотношение между субъективным восприятием исторического процесса представителями исторической науки и объективной исторической действительностью. Как и другие общественные науки, историческую науку Энгельс считал наукой партийной, отражающей, подобно другим идеологическим сферам, борьбу между противоположными общественными силами классового общества. Личные симпатии и антипатии историка, его неизбежно эмоциональное отношение к тем или другим историческим фактам и событиям, как бы ни старался он выглядеть беспристрастным наблюдателем, в конечном счете определялись классовым характером его миропонимания, сквозь призму которого он смотрел на прошлое. Энгельс с полным основанием считал глубоко фальшивым, прикрывающим апологетическую сущность буржуазной историографии стремление многих буржуазных историков отрицать партийность исторической науки, становиться в позу объективных исследователей. Буржуазный историк, как на многих примерах показывал Энгельс, может быть объективен лишь в тех пределах, в которых допускает его мировоззрение. Предубеждения эксплуататорского класса становятся препонами для подлинно научного исследования.

Однако если классовые позиции буржуазной историографии на определенной стадии ее развития не только стали препятствовать уяснению исторической правды, но и все больше толкать ее на путь фальсификации истории в угоду реакционной буржуазии, то партийность пролетарской науки, оценка ею прошлого с позиции пролетариата в принципе не противоречат объективности, а, наоборот, фактически являются ее выражением. Интересы передового класса, стремящегося к прогрессу, целиком соответствуют объективному действию исторических законов, а его классовый, партийный подход к истории совпадает с задачами их всестороннего познания и использования.

Подлинный, а не надуманный опыт истории, выяснение действительных связей между прошлым и настоящим, делающее историю особенно актуальной (а не искусственное выискивание в прошлом примеров, подтверждающих ту или иную политическую концепцию), вооружают рабочий класс и его партию в борьбе за освободительные цели. Поэтому Энгельс считал проявление всякой предвзятости, утилитарно-прагматического подхода к политической экономии и другим общественным наукам, в том числе и к исторической, всего того, что вело к натяжкам, к подгонке фактов под априорно и волюнтаристски выдвигаемые положения, вредным для дела рабочего класса, чуждым марксистской методологии. Он писал П. Лафаргу 11 августа 1884 г.: «Маркс стал бы протестовать против «политического и социального идеала», который Вы ему приписываете. Коль скоро речь идет о «человеке науки», экономической науки, то у него не должно быть идеала, он вырабатывает научные результаты, а когда он к тому же еще и партийный человек, то он борется за то, чтобы эти результаты были применены на практике. Человек, имеющий идеал, не может быть человеком науки, ибо он исходит из предвзятого мнения»²⁹. Совершенно очевидно, что под «идеалами» Энгельс имеет здесь в виду предвзятые, априорные идеи и что сказанное им в отношении «экономической науки» имеет прямое отношение и к историографии.

Важнейшим аспектом понимания всякого научно-познавательного процесса является представление о путях установления и проверки истинности или ложности достигнутых в его результате восприятий. Перед исторической наукой также стоит вопрос: где гарантия, что

добытая ею даже при соблюдении строгой научной объективности истина соответствует тому, что было в реальной исторической действительности? Как на этот вопрос отвечает марксистская теория исторического познания? Марксистская философия в противовес философам-агностикам исходит, как разъяснял Энгельс, из адекватности понятий и представлений о природных и общественных явлениях — при всей неполноте и несовершенстве этих представлений на разных стадиях познания — самим этим явлениям, из трактовки мышления как отражения бытия. При этом, учит марксизм, критерием истины является практика. Способ практического доказательства научных истин, разумеется, разный для разных наук. Весьма специфичен он для исторической науки. Для отдаленного прошлого правильность представлений о минувших эпохах может быть подтверждена, как это неоднократно показывал в своих работах Энгельс, открытием новых исторических памятников и документов, подобно тому как дарвиновская теория происхождения человека была подтверждена находками ископаемых предков человека — антропоидов, архантропов и полиантропов. Сама практика исторической науки (в том числе археологические раскопки, поиски новых источников, дешифровка документов и т. д.), ее развитие заключают в себе мерило для оценки уровня исторического познания, достигнутого на предыдущей стадии, и ведут к углублению и уточнению этого познания.

Для исторических эпох, не утративших связующих нитей с современностью, критерием истины является прежде всего общественная практика, базирующаяся на широком использовании исторического опыта. Пренебрежение уроками истории жестоко карается провалами в политике. Наоборот, правильно усвоенный опыт прошлого позволяет избежать политических ошибок, просчетов, волюнтаристских решений, усиливает научно-объективные основы политической деятельности. Энгельс неоднократно разъяснял связь между усвоением уроков истории и научным подходом к актуальным политическим проблемам, к выработке тактики пролетарских партий. В 1882 г. он подчеркивал, например, что без «понимания необходимой исторической связи и, тем самым, вероятного хода развития событий невозможна никакая успешная партийная политика»³⁰.

На научном анализе опыта истории основоположни-

ки марксизма строили и прогнозы будущего. Предвидение неизбежности социалистической революции, переходного периода и двух фаз коммунистического общества, основных черт будущей коммунистической общественной формации, ликвидации классовых противоположностей, отмирания государства при коммунизме у Маркса и Энгельса отнюдь не было результатом фантазирования, пускай даже гениального, как у социалистов-утопистов. Оно вытекало из глубокого и всестороннего анализа тенденций исторического развития, противоречий капиталистического общества. И это относится не только к их, если так можно выразиться, долгосрочным прогнозам. Прогнозирование вероятного хода текущих событий и его последствий у них было основано на аналогичном научном подходе к истории, на учете закономерностей исторического процесса. Именно на этом базировались, в частности, предсказание Марксом и Энгельсом краха бонапартистской Второй империи, их уверенность в неизбежности народной революции против царизма в России, предвидение Энгельсом последствий утраты Англией мировой промышленной монополии, назревания кризиса бисмарковского режима в Германской империи и т. д. «Пророческими словами» называл В. И. Ленин предвидение Энгельсом в 1887 г. масштабов и последствий будущей мировой войны — предвидение, опередившее события более чем на четверть века. Кое-что из этого прогноза, отмечал Ленин, осуществилось по-иному. «Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние»³¹.

Историческая наука, как показывает пример классиков марксизма, является важным инструментом для прогнозирования будущего. В этом состоит одна из ее важных познавательных функций, одно из общественных предназначений.

Практическая роль исторической науки как одного из средств научного обоснования политики передовых сил общества, пролетарских партий, по мнению Энгельса, должна усиливаться по мере общественного развития, в связи с возрастанием роли общественного сознания и науки в целом. Эффективность использования общественных наук, в том числе исторической науки, в интересах социального прогресса, считал Энгельс, осо-

бенно возрастет в будущем социалистическом обществе, когда исчезнут классовые антагонизмы, когда историческое развитие приобретет характер сознательной, планомерной деятельности членов общества, а действующие до того стихийно общественные законы будут подчинены их контролю. В таких условиях историческая наука станет служить делу не только познания общественных процессов, но и управления ими. Она будет помогать членам общества организовывать «совместную деятельность сознательно»³², определять общие цели, пути, ведущие к ним, добиваться их достижения.

Назначение исторической науки, по мнению Энгельса, таким образом, отнюдь не сводилось к тому, чтобы удовлетворять естественную любознательность людей в отношении их прошлого. Она нужна, по его мнению, прежде всего для того, чтобы лучше, всестороннее осознать настоящее, вооружаться историческим опытом, необходимым в современных классовых битвах, использовать знание законов исторического развития для активного воздействия на исторический процесс, а в будущем, при социализме, и для сознательного регулирования его.

Большое значение придавал Энгельс и воспитательной роли исторической науки, ее воздействию на формирование общественного сознания в духе восприятия прогрессивных и революционных традиций. Он довольно часто обращался к истории именно для того, чтобы воссоздать перед аудиторией, на которую были рассчитаны его произведения, прежде всего перед рабочими читателями, героические страницы прошлого, славные образы борцов за свободу. Свою работу «Крестьянская война в Германии» он, в частности, писал, имея в виду напомнить о тех временах, когда «Германия выдвигала личности, которые можно поставить рядом с лучшими революционными деятелями других стран», и воскресить в народной памяти «неладно скроенные, но крепко сшитые фигуры Великой крестьянской войны»³³. Одна из причин того большого внимания, которое уделял Энгельс истории рабочего движения, заключалась в том, что эта история изобиловала проявлениями самоотверженности, мужества и стойкости, самопожертвования во имя освободительных целей — словом, теми примерами, на которых можно было формировать качества современных ему участников освободительной борьбы. В большом обилии, считал Энгельс, содержала история

и материал для воспитания революционных убеждений и гуманных чувств на отрицательных примерах, для возбуждения отвращения и ненависти к деспотизму, произволу, вероломству, жестокости и т. д.

С точки зрения воспитательных задач исторической науки чрезвычайно важно не только как она добывает историческую истину, но и как доносит ее до сознания современников. Каждой науке присущи свои особенности в способе изложения в зависимости от того материала, которым она оперирует. История занимается жизненными явлениями, порой насыщенными подлинным драматизмом. Научная объективность здесь поэтому должна сочетаться со стремлением отобразить этот драматизм. Историческое творчество в этом смысле граничит с художественным, хотя, разумеется, не тождественно ему.

Энгельс хорошо сознавал, что исторический процесс имеет свою художественную сторону, и считал весьма существенным для историка умение ее отображать. Недаром он и Маркс так часто говорили об иронии истории³⁴. «Мировая история — величайшая поэтесса, она сумела пародировать самого Гейне»³⁵, — писал Энгельс в сентябре 1870 г. под впечатлением событий франко-прусской войны, пленения пруссаками Наполеона III под Седаном, напомнившего ему известное стихотворение немецкого поэта «Гренадеры». Он считал, что, оперируя строго объективными и проверенными фактами, не допуская приукрашивания исторической истины и идеализации исторических деятелей, историк обязан заботиться в то же время о том, чтобы не обесцвечивать историю, не передавать в тусклых и серых тонах то, что в действительности было ярким и красочным. Исторический труд должен донести до читателей колорит эпохи, передать драматизм событий, воспроизвести портреты их главных участников. Разумеется, это требует от историка известного писательского и популяризаторского мастерства, не всегда, к сожалению, уживающегося с исследовательским талантом. Однако в целом к этому историческая наука обязана стремиться. Образцом здесь опять-таки может служить творчество самого Энгельса. В его исторических произведениях глубина анализа постоянно сочеталась с поистине художественно выразительной формой изложения.

Таковы в общих чертах воззрения Энгельса на процесс исторического познания, на специфику историче-

ской науки в целом. Его взгляды на этот счет, его практический подход к решению методологических задач, встававших перед ним в процессе исторических исследований, составляют яркую сторону его творчества как историка, отражая ту выдающуюся роль, которую он сыграл в разработке методологии марксистской исторической науки.

Глава 3

Энгельс и проблемы источниковедения

В творчестве Энгельса как историка важное место занимала работа с историческими источниками разного типа. В ряде его произведений и писем содержатся характеристики тех или иных видов источников. Так, например, он дает оценку буржуазной статистике, отчетам парламентских комиссий, сообщениям санитарных врачей и т. д. в книге «Положение рабочего класса в Англии», этнографическим описаниям непосредственных наблюдателей в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», произведениям античных авторов, писавших о германских племенах, в рукописи «К истории древних германцев», источникам по истории первоначального христианства в работах на эту тему и т. д. В рукописи «История Ирландии» Энгельс сделал даже специальный источниковедческий обзор ко второй, незаконченной главе «Древняя Ирландия». Введение им такого обзора в исторический труд свидетельствует о его большом внимании к источниковедению. Чрезвычайно важны в методологическом плане и высказанные здесь мысли об источниках разного типа, о критическом подходе к ним, о принципах их использования и установления на основании их анализа достоверных фактов. Разумеется, этим далеко не исчерпывается вклад Энгельса в разработку проблем источниковедения, да и сам этот обзор охватывает источники лишь по истории ирландского средневековья¹.

Даже простой перечень использованных Энгельсом в его трудах исторических источников, приведенный в первой части настоящей книги, не оставляет камня на камне от циркулирующего до сих пор в антимарксистской литературе (в частности, в упомянутых во введении работах ревизиониста Г. Кунова и фрейбургского

историка Э. Лукаса) вымысла, будто Энгельс не утрусил себя анализом первоисточников и ограничивался пересказом результатов исследования их другими учеными.

Знание источников по многим разделам всемирной истории у Энгельса было поистине уникальным. Он сам, например, писал Зорге 3 июня 1885 г. по поводу грубых неточностей в опубликованных в немецко-американской газете «Der Sozialist» статьях относительно истории германских завоеваний: «Источники, которые мне почти все известны, говорят как раз обратное»². Многие источниковедческие издания, такие, как хрестоматии К. Цейса и Я. Гримма, были, можно сказать, настольными книгами Энгельса. Многочисленные сочинения античных и средневековых авторов, в том числе восточных, он использовал и в своих общенародных трудах, и в специальных работах по истории военного искусства. Нередко он ссылаясь на те или другие источники в своих письмах, обсуждая исторические проблемы с Марксом, различными корреспондентами. Поистине был огромен источниковедческий материал, который Энгельс привлекал для изучения истории нового времени.

Для Энгельса-историка характерно стремление не уклониться от работы с первоисточниками, как утверждают буржуазные и ревизионистские авторы, пытавшиеся принизить его роль как исследователя, а, наоборот, по возможности шире опереться на них. «Просто безобразно, что не всегда можно располагать первоисточниками, — писал он, например, Марксу 29 ноября 1869 г. в разгар работы над «Историей Ирландии», — из них можно почерпнуть бесконечно больше, чем из обработок, которые делают туманным и запутанным все, что там ясно и просто»³. Обращение Энгельса к исторической литературе помимо желания критически изучить историографию того или иного вопроса очень часто вызывались неудовлетворительным положением с публикацией источников или недоступностью их в тех условиях, в которых ему приходилось работать. Так, с большими трудностями Энгельс встретился при розыске источников по истории Ирландии. Издание древних письменных памятников ирландского права к этому времени еще только начиналось. Многочисленные рукописные источники находились, как правило, в частных руках. Публикации их в немалой степени препятствовало шо-

виннистически-пренебрежительное отношение официальной английской исторической науки к ирландской истории. То немногое, что было издано к 1870 г., было обязано своим появлением усилиям некоторых любителей древности XVII и XVIII вв. (Дж. Уэр, Дж. Харрис и др.) и ирландских патриотов-энтузиастов: в XVIII в. — Чарлза О'Конора и Дж. Керри, в XIX в. — крупнейшего ирландского историка и филолога Дж. О'Донована и некоторых других ученых. Разумеется, почти все опубликованные источники Энгельсом были изучены, но он сам считал, что наличных публикаций недостаточно для изучения ряда важных исторических проблем. Дискриминационная политика завоевателей в отношении ирландского (гэльского) языка и письменности, констатировал он, привела к тому, что сохранившаяся на этом языке литература — поэзия, исторические и историко-юридические памятники — «существует только в *рукописном виде*» и «лишь сейчас начинает издаваться». Энгельс указывал, что подобное возможно «только у угнетенного народа, например у сербов»⁴.

Весьма большую тревогу вызвало у Энгельса состояние дел с собиранием и хранением источников по истории рабочего движения. Здесь особенно сказывалось классовое предубеждение буржуазных историков, архивистов, книгохранителей к документам и литературе, исходящим от рабочего класса и отражающим его освободительную борьбу против буржуазного строя. «Мне очень жаль, что я не могу указать Вам источников по истории чартизма, — с горечью писал Энгельс П. Л. Лаврову 20 октября 1885 г. — Все мои бумаги, книги, газеты и пр., которые имели отношение к этой эпохе, пропали в буре 1848—1849 годов. Основной источник, «Northern Star», найти невозможно даже на севере Англии (ее бывший главный редактор Гарни тщетно старается достать для себя комплект)»⁵. «Исчезновение — это проклятие, тяготеющее над всей пролетарской литературой, исключенной из состава официальной литературы»⁶, — отмечал Энгельс в письме Г. Шлютеру 12 марта 1886 г. также в связи с трудностями в розыске материалов по истории рабочего движения.

Данное обстоятельство во многом объясняет тщательность и внимание, с которыми Энгельс относился к делу собирания и хранения документов пролетарских организаций.

Следует сказать, что, прибегая в ряде случаев по необходимости к историческим трудам для установления фактической стороны исторических событий или с другими исследовательскими целями, Энгельс при этом всегда отдавал предпочтение тем из них, в которых широко приводились целиком или в форме обширных извлечений различные первоисточники, в том числе и недоступные в другом виде. Именно поэтому при работе в 1850 г. над своим произведением «Крестьянская война в Германии» Энгельс избрал в качестве основного пособия трехтомный труд на эту тему В. Циммермана, насыщенный воспроизведением источников изучаемой эпохи. Обильно цитировались в трудах Г. Л. Маурера, П. Р. Рота, М. М. Ковалевского и других исследователей источники, которыми Энгельс пользовался при изучении истории общинного землевладения, раннего средневековья и других проблем.

Из работ по истории Ирландии многие также граничили по своему типу с публикацией источников. Такой характер, например, носила изданная в 1813 г. книга М. О'Конора «История ирландских католиков», в которой была использована редчайшая коллекция исторических документов, собранная дедом автора, также историком, Ч. О'Конором. Большим документальным богатством отличались книги Дж. Прендергаста «Кромвелевское устройство Ирландии» и Дж. Н. Мерфи «Ирландия, ее промышленность, политический строй и социальные отношения». В трехтомной работе английского историка Т. Кэрта «Жизнеописание герцога Ормонда» (1736 г.) часть второго тома и весь третий том состояли из публикации переписки и документов этого видного участника событий периода английской буржуазной революции. Такого рода труды изучались Энгельсом с особой тщательностью. Он делал из упомянутых книг весьма обстоятельные выписки, причем многие из них представляли собой извлечения из приводимых в них первоисточников⁷. К некоторым работам, изученным Энгельсом, даны большие документальные приложения.

Таким образом, обращение Энгельса к историческим трудам, в том числе и современных ему авторов, в ряде случаев предпринималось с прямой целью расширения источниковедческой базы его исторических исследований. Этим путем Энгельс по существу восполнял пробелы в имеющихся публикациях источников.

Многообразны были привлекаемые Энгельсом исторические источники и по своему типу, что свидетельствовало о стремлении максимально использовать все имеющиеся возможности для сбора нужных материалов. И в этом отношении Энгельс в ряде случаев, как, например, при работе над «Положением рабочего класса в Англии», «Историей Ирландии» и т. д., шел путем, не проторенным предшествовавшими исследователями, привлекая источники, которые были ими либо недостаточно изучены, либо же вообще оставлены без внимания. Творческая, формирующая роль историка в отношении определения круга источников наглядно видна на примерах исследовательской деятельности Энгельса. Из этих примеров также видно, как широко толковал он само понятие исторического источника. Он использовал материалы археологии, нумизматики, этнографии, анналы и хроники, грамоты, памятники права, фольклора, искусства и литературы, свидетельства современников, как местных, так и иностранных, государственных акты, договоры и другие документы внешней политики, парламентские дебаты, отчеты парламентских комиссий, статистические сборники, материалы судебных процессов, документы рабочих и демократических организаций, научные трактаты разных времен, памфлеты, прессу и т. д.

Разумsetся, характер источников, используемых Энгельсом, варьировался в зависимости от исследуемых проблем и той или другой изучаемой исторической эпохи. Хотя Энгельс специально и не занимался проблемами классификации источников, тем не менее те типологические характеристики, которые он в своих работах давал тому или иному источнику или однотипным группам их, а также его практический подход к анализу этих источников проливают свет на его взгляды по этому вопросу. Выдвинул он и некоторые общие критерии определения ценности различных источников с позиций марксистской исторической науки. С его точки зрения, эта ценность зависела от того, в какой степени источник того или иного типа отображал решающие стороны исторической действительности — экономический уровень развития общества, его социальную структуру. Так, например, не умаляя источниковедческого значения ирландских анналов, он подчеркивал, что они

сообщают «весьма мало о том, что относится к социальной жизни народа»⁸, и отдавал предпочтение другим древним памятникам, из которых можно было извлечь больше сведений на этот счет. Первостепенную значимость придавал Энгельс источникам, на основании которых можно было восстановить ход классовой борьбы, революционных народных и национально-освободительных движений.

Отмечал Энгельс и зависимость особенностей источниковедения по разным периодам всемирной истории от самой специфики этих периодов. Чем дальше уходит исследователь в глубь истории, писал он, тем меньше источников информации он находит об изучаемом периоде, тем ценнее становятся для него даже отрывочные, неполные сведения в различных памятниках старины. Когда имеешь дело с глубокой древностью, указывал Энгельс, источники «становятся все более скудными и охватывают лишь самое существенное». При этом в передаваемых ими данных стираются специфические отличия древних племен и народов, стоящих на одном уровне общественного развития, особенно народностей этнически родственной группы. Энгельс писал, что, «чем древнее источники, тем больше исчезают эти местные различия»⁹. Он считал, что это дает основание для универсальной интерпретации многих источников древней эпохи, для реконструкции на основании памятников того или другого народа социальных институтов, обычаев и правовых норм, общих для всей родственной группы, в частности различных германских племен, кельтского населения древней Галлии и Ирландии и т. д. Иначе обстоит дело с изучением более поздних периодов. Здесь обилие и разнообразие источников позволяют историку, извлекая из них данные об общих чертах социального развития разных стран и народов, гораздо в большей степени учитывать отраженное в них своеобразие каждого отдельного народа.

Предпочтительный интерес Энгельса к источникам, раскрывающим социальные стороны исторического процесса, сказался, в частности, в том, что в своем анализе первобытного общества в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и других произведениях он преимущественно опирался на этнографические описания обычаев и быта племен и народов, находящихся на стадии первобытности. При этом он пользовался не только трудами современных ему этногра-

фов, но и историко-этнографическими сведениями античных и средневековых авторов о так называемых «варварских» племенах и народностях древности и раннего средневековья. При всем значении данных антропологии и первобытной археологии, дававших возможность восстановить процесс становления первобытного человека и развития его материальной культуры, эти источники — следует учесть и их тогдашнее состояние — не могли в такой мере послужить изучению общественного строя первобытных людей, социальной организации первобытного общества, форм первобытной семьи, как этнографические сведения. А именно указанные проблемы больше всего интересовали Энгельса как исследователя.

При изучении социальных и политических институтов классового общества, их происхождения и развития Энгельс важное место отводил правовым источникам. В частности, его анализ возникновения государства в древних Афинах и Риме опирался в значительной мере на рассмотрение законодательства и реформ VI в. н. э. — Солона и Клисфена в Афинах, Сервия Тулия в Риме — в том виде, в каком сведения о них донесли древнегреческие и древнеримские писатели — историки и юристы. Римское право, кодификация которого получила свое завершение в Своде гражданского права восточно-римского императора Юстиниана (VI в. н. э.), Энгельс считал юридическим зеркалом социальных отношений развитого рабовладельческого строя. При этом, поскольку оно явилось, согласно характеристике Энгельса, «классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность»¹⁰, рецепция римского права в позднее средневековье отвечала интересам поднимавшейся буржуазии.

Большое внимание уделял Энгельс таким источникам по истории раннего средневековья, как записи правовых обычаев различных народов, отражавшие процесс разложения родо-племенных отношений и становление феодальных порядков. Он хорошо знал «Правды» германских племен V—VIII вв., включая Салическую и Рипуарскую правды франков, а также средневековые скандинавские судебники. Эти правовые источники были использованы им в его очерке «Марка» и упоминались в других работах. Прослеживая в рукописи «Франкский период» процесс образования крупного феодального

землевладения, Энгельс анализировал в этой связи законодательные акты императора Карла Великого и его преемников — капитулярии. ««Шенхус Мор» до сих пор является нашим главным источником для изучения древней Ирландии»¹¹, — писал Энгельс о сборнике ирландских законов, составленном в период раннего средневековья. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс обращал внимание на важность изучения средневековых правовых источников славянских народов — Правды Ярослава (первой части древнейшей редакции Русской Правды), далматинских законов, памятников польского и чешского древнего права.

В работах, посвященных истории нового времени, Энгельс также неоднократно обращался к юридическим документам. Во многих случаях он анализировал законодательные акты, например аграрное законодательство Прусского королевства XVIII и XIX вв., фабричное законодательство Англии, документы, характеризующие государственное устройство различных стран (например, «октроированную» конституцию Пруссии 1848 г., выработанную Франкфуртским национальным собранием имперскую конституцию 1849 г., конституции Северогерманского союза 1867 г. и Германской империи 1871 г. и т. д.), Кодекс Наполеона, гражданские и уголовные законы других государств. Однако с точки зрения изучения социальных отношений правовые источники утратили в новое время то универсальное и даже порой уникальное значение, какое они имели для более ранних периодов всемирной истории. Появилось много новых типов источников, — статистика, документы различных государственных ведомств, организаций, частных лиц, парламентские отчеты, описания современников, пресса и т. д., из которых можно было извлечь еще более ценные, чем из законодательных актов и юридических норм, сведения об экономическом развитии и социальной структуре общества, о положении различных слоев населения, о ходе и различных формах классовой борьбы. Такого рода источниковедческий материал наряду с законодательством и документами, отражавшими судебную практику буржуазного общества, Энгельс постоянно использовал в своих исследованиях новой истории и истории современных ему событий.

Исключительно важным для историка Энгельс считал изучение статистических материалов. Статистику он называл «необходимым вспомогательным средством»¹²

для раскрытия конечных экономических причин исторических событий. Делясь в 1885 г. мыслями с одним из своих корреспондентов относительно источников для выяснения состояния экономики России, Энгельс на первое место ставил собрания статистических данных. В этой связи он упомянул изданный в 1871 г. в Петербурге «Военно-статистический сборник», статистические сборники по Московской, Тверской и другим губерниям, книгу русского прогрессивного экономиста и статистика Ю. Э. Янсона «Сравнительная статистика России и западноевропейских государств». Отметим, что указанные Энгельсом источники хорошо знал Маркс, составивший обширный конспект «Военно-статистического сборника». Этот сборник, а также книгу Янсона и особенно материалы земской статистики по различным губерниям использовал и В. И. Ленин, работая над «Развитием капитализма в России»¹³.

Сам Энгельс нередко обращался к статистике. Наиболее наглядным примером может служить его книга «Положение рабочего класса в Англии». В ней приведены многочисленные цифровые данные, почерпнутые из разных источников (отчетов парламентских комиссий, фабричных инспекторов, санитарных врачей, переписи населения, трудов крупных статистиков, например Дж. Портера, и т. д.) о развитии английской промышленности и транспорта в результате промышленной революции конца XVIII — начала XIX в., об увеличении численности населения промышленных городов, об уровне заработной платы рабочих различных категорий в разных отраслях, о болезнях и смертности населения, в частности в результате производственного травматизма, о росте преступности и т. д.

Много статистического материала, в частности отражающего масштабы земельных конфискации у коренных ирландцев в пользу английских землевладельцев в XVII в., аграрные отношения в XIX в., процесс концентрации земель в руках лендлордов, богатых фермеров-скотоводов за счет обезземеливания мелких арендаторов, собрал Энгельс в подготовительных материалах по истории Ирландии.

Придавая большое значение статистическим источникам, Энгельс в то же время указывал на нередкие случаи фальсификации статистических данных официальными органами, а также тенденциозной обработки и истолкования их буржуазными статистиками. Так, он, на-

пример, отмечал, что опубликованные в 1844 г. в Англии по инициативе фабрикантов таблицы о численности рабочих на промышленных предприятиях (целью публикаторов было доказать, что применение машин не привело якобы к замене мужского труда трудом женщин и подростков) «пестрят фальсифицированными, искаженными, подтасованными данными и средними числами, импонирующими несведущему человеку и ничего не доказывающими человеку искушенному»¹⁴. В другой связи он писал, что нельзя доверять официальным данным о состоянии финансов Пруссии, России и других государств, правительства которых своими публикациями стремились только затушевать неблагополучие в этой области. «Русские бюджеты не стоят той бумаги, на которой они написаны, — отмечал он в 1885 г. — Сплошная ложь и вымысел еще в большей степени, чем прусские бюджеты до 1848 года»¹⁵.

Весьма показательно, что мысли Энгельса о пороках официальной статистики, о необходимости в целом осторожного и критического отношения к статистическим материалам во многом совпадают с тем, что позднее писал на этот счет В. И. Ленин, который дал глубокую характеристику статистических источников и разработал подлинно научный метод их обработки и использования. Ленин также указывал на неудовлетворительность и тенденциозность ряда статистических публикаций, особенно официальных, о манипулировании официальными и буржуазными статистиками «средними данными», создающими фиктивное представление о том или ином социальном процессе. При этом, высказываясь против абсолютизации статистики, некритического подхода к ней, В. И. Ленин, как и Энгельс, ни на минуту не проявлял нигилистического отношения к статистическим источникам, даже содержащим ошибки и неточности. Он писал, что главное в научной обработке статистических материалов — это умение выявить рациональное и отсеять тенденциозное в них, «отделение плевелов от пшеницы, отделение сравнительно годного материала от негодного»¹⁶. Именно такому подходу к статистическим и другим источникам учил и Энгельс.

Широко использовал Энгельс в своих исторических исследованиях периодическую печать. Маркс и Энгельс раскрыли роль печати в общественном развитии, ее классовую природу и партийный характер, ее функции и типичные черты. Что касается пролетарской печати, то

они не только теоретически выяснили ее особенности как могучего идейного оружия пролетарских партий в борьбе за революционное воспитание широких масс рабочего класса и трудящихся, но и внесли огромный практический вклад в ее развитие в качестве основателей, редакторов и сотрудников ряда боевых пролетарских печатных органов¹⁷. В данной связи представляется особенно важным пример обращения Энгельса к периодике с целью изучения истории, его мысли о печати как историческом источнике, причем источнике универсальном, отображающем различные стороны общественной жизни — и социальные коллизии, и политическую борьбу, и духовные устремления различных общественных слоев, идейные конфликты между ними.

Энгельс не мыслил себе изучения многих исторических периодов без использования прессы. Так, сообщая Марксу 3 апреля 1851 г. о намерении написать работу о венгерской кампании 1848—1849 гг., он отмечал, что главным источником для этого является официальный печатный орган венгерского революционного правительства коштуовский «Közlöny» («Вестник»)¹⁸. В августе 1871 г. в письме, отправленном в Париж П. Л. Лаврову, Энгельс обратился к нему с просьбой устроить ему подписку на «Gazette des Tribunaux». «Нам необходимо иметь наиболее точный текст версальских судебных процессов для наших исторических исследований, — писал он, имея в виду процессы над участниками Коммуны, — а я не знаю другой газеты, которая давала бы такой же полный отчет, как эта»¹⁹. Особенную важность придавал Энгельс материалам прессы при освещении текущих событий. Подавляющее большинство его политических и военных корреспонденций строилось на критическом анализе сообщений печати. Во время путешествия в Америку в 1887 г. Энгельс отказался дать ответ о тогдашнем положении в Европе в интервью представителю рабочей газеты «New Yorker Volkszeitung» на том основании, что у него во время поездки «не было в руках ни одной европейской газеты»²⁰. Он подчеркнул этим, что судить о происходящем можно лишь на основе регулярного и постоянного знакомства с периодической печатью.

Разумеется, Маркс и Энгельс отдавали себе полный отчет в грубой тенденциозности буржуазной печати, в ее склонности пускать в оборот недостоверные и непроверенные факты, особенно когда дело пахло сенсацией,

в ее крайнем пристрастии и враждебности к пролетарскому движению, готовности всячески исказить революционные события и обливать грязью их участников. Энгельс, например, еще в 1848 г. отмечал тенденцию либеральной прессы Германии, в частности «*Kölnische Zeitung*», воспроизводить инсинуации и злобные вымыслы французской буржуазной печати о парижских пролетарских борцах — героях июньского восстания. В октябре 1871 г. Энгельс отмечал с негодованием, что история с клеветой на французских революционных пролетариев в немецкой либеральной печати повторяется: на этот раз жертвами поношений стали парижские коммунары. Та же «*Kölnische Zeitung*» стала усердно разглашать «каждую выдумку полиции, каждое клеветническое выступление продажнейшей парижской бульварной газеты относительно Коммуны»²¹.

Тем не менее тенденциозные, проникнутые классовой злобой выступления буржуазной прессы по рабочему вопросу зачастую расценивались Марксом и Энгельсом как вынужденное признание его исторического значения, как свидетельство встревоженности буржуазного мира в связи с растущим сопротивлением рабочего класса. «Вся печать должна была единодушно признать, что Интернационал — это европейская великая держава, с которой приходится считаться и которую нельзя устранить, замалчивая ее существование»²², — писал Энгельс по поводу острой реакции английской буржуазной прессы на опубликование воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих «Гражданская война во Франции». Даже в консервативные газеты и журналы, не говоря уже о прогрессивных, проникали признания и факты, которые при их критическом анализе и отборе проливали свет на различные социальные процессы, несмотря на все старания господствующих классов либо замолчать и затушевать их, либо представить в извращенном виде. Именно поэтому Энгельс в своих работах пользовался материалами буржуазной печати как одним из важных источников не только для уяснения внутренних дел самой буржуазии и ее отношения к пролетарским массам и рабочему движению, но и для изучения условий существования самих этих масс, предпосылок и характера их борьбы.

Особенно ценным источником Маркс и Энгельс считали революционно-демократическую и пролетарскую печать, стлечавшуюся в противоположность официаль-

ной прессе того времени правдивостью и объективностью. Уже отмечалось то большое значение, которое Энгельс придавал чартистской периодике, в частности газете «The Northern Star», для изучения истории чартизма. Очерк «Революция и контрреволюция в Германии» он писал, как говорилось, в 1851—1852 гг. в значительной мере на материалах «Neue Rheinische Zeitung». Собирая в 80—90-х годах материал для истории I Интернационала, Энгельс не забывал о печатных органах этой организации. В письме Каутскому 25 марта 1895 г. он, в частности, указывал, что у него собраны комплекты главных периодических изданий Интернационала в Швейцарии: «Tagwacht», «Vorboten», «Égalité» и др.²³ По истории немецкого рабочего движения периода действия бисмарковского исключительного закона незаменимым источниковедческим подспорьем для него была нелегальная газета «Der Sozialdemokrat». Для ознакомления с положением в России и развитием русского революционного движения Энгельс очень часто пользовался русской нелегальной и легальной прогрессивной периодикой, такими газетами и журналами, как «Колокол» А. И. Герцена, «Отечественные записки», «Слово», «Народная воля», «Вперед» П. Л. Лаврова, «Социал-демократ» (орган марксистской группы «Освобождение труда») ²⁴.

Чрезвычайно важными для познания той или иной эпохи являются, по мнению Энгельса, источники идеологического характера (памфлетная и полемическая литература, публицистика и т. д.). Они, как правило, ярко отражают духовную и в целом общественную жизнь изучаемого времени, передают стремления и помыслы определенных классов и социальных слоев. Поэтому Энгельс весьма часто привлекал памфлеты, политические и другие трактаты, сочинения публицистов, в том числе революционных, работы социалистов-утопистов и т. д. для изучения тех или иных периодов, в частности при анализе идеологической борьбы времен Реформации и Крестьянской войны в Германии, английской и французской буржуазных революций и т. д. Такого рода источники нередко лучше других помогали выяснять «движущие причины, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей» ²⁵.

К источникам, из которых можно получить представление как о фактической стороне событий, так и о политических и идеологических мотивах их участников, об отражении этих событий в их сознании, Энгельс относил мемуары, дневники, литературу эпистолярного жанра, в частности письма, содержащие непосредственные впечатления очевидцев от происшедшего или их воспоминания о нем. Такого рода литературой Энгельс широко воспользовался, например, при работе над своим очерком «Германская кампания за имперскую конституцию». В то же время в этой работе и в других своих произведениях, в частности в написанном им вместе с Марксом памфлете «Великие мужи эмиграции», Энгельс показал пример весьма критического подхода к мемуарной литературе, авторы которой, например немецкие мелкобуржуазные демократы, нередко обнаруживали склонность ради самоапологии и восхваления своих друзей свободно обращаться с исторической истиной. «Мемуары» мелкобуржуазного республиканца Г. Струве, изданные в виде книги «История трех народных восстаний в Бадене», Энгельс, например, прямо характеризовал как фантастические²⁶. Образчиком поверхностного освещения военных и гражданских событий, собрания сплетен и анекдотов Энгельс считал «Мемуары» Савари, министра полиции наполеоновской Франции, которые «являлись апологией как Наполеона, так и самого автора»²⁷.

Считая, что историческая достоверность мемуаров зависит от характера их составителей, от степени их откровенности и правдивости, от политических и идеологических целей, с которыми они писались, Энгельс в целом рассматривал мемуарную литературу как весьма ценный источник, содержащий нередко такие сведения, которые отсутствовали в других источниковедческих материалах. Занимаясь различными историческими проблемами, он весьма часто обращался к воспоминаниям. В 50-х годах он, как уже говорилось, прочитал часть знаменитых мемуаров А. И. Герцена «Былое и думы» — «Тюрьма и ссылка». Судя по сохранившимся выпискам, он почерпнул некоторые важные подробности о периоде 1780—1801 гг. в истории Ирландии из книги Дж. Баррингтона «Очерки о моем времени по личным наблюдениям»²⁸. Наличие разоблачительных материалов об английской политике в воспоминаниях Баррингтона, привлечших внимание Энгельса, объяснялось тем, что

они писались после крушения служебной карьеры этого крупного судебного чиновника и его вынужденного бегства из Ирландии во Францию под угрозой привлечения к суду за злоупотребления. В библиографическом списке по истории Ирландии, составленном Энгельсом, значатся и другие мемуары — «Рассказ очевидца о восстании 1798 г.» Ч. Тилинга, близко связанного с главными организаторами восстания — руководителями революционного патриотического общества «Объединенные ирландцы»²⁹. Энгельс весьма интересовался «Дневниками и письмами» главного лидера «Объединенных ирландцев» ирландского революционера Т. У. Тона (первые были изданы его сыном в Вашингтоне в 1826 г.)³⁰.

То, какое значение придавал Энгельс мемуарам рабочих деятелей, видно из его обращений к руководителям германской социал-демократии с настойчивой просьбой создать И. Ф. Беккеру условия для того, чтобы он мог написать или продиктовать свои воспоминания. В противном случае, писал Энгельс Бебелю 8 октября 1886 г., «старый Беккер унесет с собой в могилу целую массу ценнейшего исторического материала...»³¹.

Умело и всесторонне использовал Энгельс в своих исторических работах произведения художественного творчества. В фольклоре, мифологических легендах, творениях великих художников слова он видел не просто памятники литературы, но и свидетельства реальной жизни различных народов в разные эпохи, художественное отображение многих черт их социального и духовного развития. Именно поэтому у Энгельса среди других источников постоянно фигурирует художественная литература разных времен, привлекаемая для исследования тех или иных исторических проблем. Так, для изучения семьи и родового строя древних греков он пользовался гомеровским эпосом, творениями великих греческих драматургов Эсхила, Еврипида, Аристофана. Сатиры Лукиана он привлек для исследования первоначального христианства; средневековые эпические поэмы и сказания — «Беовульф», «Гудрун», «Песнь о Хильдебранде», «Песнь о Нибелунгах», «Эдда» — служили ему для анализа быта и родовых обычаев древних германцев, ирландские и исландские саги — для раскрытия ряда сторон и событий истории Ирландии в эпоху раннего средневековья, в частности истории борьбы ирландцев с норманнскими завоевателями.

Сохранили свое значение, по мнению Энгельса, про-

изведения классической художественной литературы и как источник для изучения нового времени. Так, например, сатиры и памфлеты Дж. Свифта на ирландские темы («Письма суконщика», «Скромное предложение» и др.) он рассматривал как чрезвычайно важное свидетельство бедственного состояния Ирландии в XVIII в., социального и политического угнетения английскими господствующими классами ее народа³². В «Евгении Онегине» А. С. Пушкина помимо художественных достоинств Энгельс увидел впечатляющую картину русского дворянского общества первой половины XIX в.³³ Высоко ставил он в этом смысле «Человеческую комедию» Бальзака. «Здесь содержится история Франции с 1815 до 1848 г. в гораздо большей степени, чем у всех Волабелей, Капфигов, Луи Бланов и tutti quanti»³⁴, — писал Энгельс Лауре Лафарг 13 декабря 1883 г.

Одним из способов приобретения нужных исторических сведений Энгельс считал личные наблюдения, опрос и другие аналогичные средства, которые, если употребить современные понятия, входят в круг социологических обследований (анкета и т. д.). В предисловии к «Положению рабочего класса в Англии» он сам отмечал, что его книга в значительной мере результат 21-месячного личного общения с английскими рабочими, и при этом свои наблюдения он дополнял «сведениями из необходимых достоверных источников»³⁵. В период Интернационала, действуя в качестве члена Генерального Совета в духе решений его Женевского конгресса 1866 г. о статистическом обследовании положения рабочего класса и в духе соответствующих пунктов Устава, Энгельс неоднократно запрашивал у местных организаций Бельгии, Испании различные сведения подобного характера.

Отражены в той или иной степени в исторических работах Энгельса результаты личных наблюдений, полученных во время его путешествий. Для него посещение той или иной страны имело отнюдь не один туристский интерес. Тонкий наблюдатель, Энгельс с юношеских лет умел не только отдавать должное красотам природы, но и подмечать черты жизни, быта, культуры народа, следы традиций его прошлого. Иногда его путешествия были вынужденными, как, например, осенью 1848 г., когда, высланный из Бельгии, где он надеялся укрыться от преследований прусских властей, во Францию, почти без гроша в кармане, Энгельс пешком добирался из

французской столицы до швейцарского города Берна. Однако его путевые очерки «Из Парижа в Берн», а также последующие — иногда черновые и незаконченные — описания поездок по Скандинавским странам (июль 1867 г.) и США (август — сентябрь 1888 г.) показывают, как много извлекал Энгельс из своих путешествий для понимания специфики исторического развития той или другой страны³⁶. Он улавливал не только бытовые стороны жизни, но и особенности происходивших социальных процессов. Живые впечатления, дополняемые разносторонним исследовательским материалом, рассматривались им как один из важных каналов познания истории.

Особой глубиной отличались наблюдения Энгельса во время путешествий по Ирландии весной 1856 и осенью 1869 г. Примечательно, что в этом случае Энгельс имел возможность сопоставить свои наблюдения и отметить черты эволюции социального и политического положения страны за истекшие 14 лет. Так, в письме Марксу 27 сентября 1869 г. он отмечал, в частности, значительный рост внешней торговли по сравнению с 1856 г. и в то же время прогрессирующий не в меньших размерах процесс обезземеливания ирландского крестьянства и обезлюдения ирландской деревни, признаки которых он увидел уже во время предыдущего посещения Ирландии. Если, по его словам, Дублинскую гавань нельзя было узнать, а на набережных портовых городов раздавалась итальянская, французская, датская, норвежская, сербская и другая речь, то в целом страна производила «впечатление настоящей пустыни»³⁷.

Впечатления от обеих поездок Энгельса несомненно вписались в ту концепцию истории Ирландии как жертвы английского колониализма, которая была выработана им в ходе его исследований. Нелишне напомнить, что при изучении более ранних периодов ирландской истории он широко пользовался свидетельствами иностранных путешественников: «Топографией Ирландии» Гиральда Камбийского, посетившего страну в 1185 г., книгами путешественников XVI — XVII вв. англичанина Ф. Морисона и француза Ля Буллэ ле Гу, «Путешествием по Ирландии» английского агронома и экономиста XVIII в. А. Юнга, работой об Ирландии англичанина Э. Уэйкфилда, собранного во время поездок 1808—1810 гг. обширный статистический материал, и др. Сведения путешественников, писавших с разной степенью

наблюдательности и объективности, Энгельс, разумеется, считал, как и другие источники, подлежащими критическому анализу и проверке. Поэтому его интересовали обстоятельства написания тех или иных путевых очерков, взгляды и настроения их авторов. Интересен в этом смысле его отзыв об авторе описания Ирландии, составленного в начале 40-х годов XIX в., немце И. Г. Коле: «Коль — типичный мелкобуржуазный бременский филистер — самодовольный, легковверный, плоский. Он выставляет напоказ свою ученость, но делает промахи. Однако он много путешествовал и обладает наблюдательностью. Он — чуть ли ни последний европейский путешественник старого типа; после него — железные дороги»³⁸.

Вслед за Марксом Энгельс в 1853 г. высоко оценил в качестве источника для изучения общественного и политического строя Индии XVII в. записки французского путешественника Ф. Бернье.

Из сказанного видно, сколь широк был источниковедческий кругозор Энгельса-историка. При этом ему присуще было не только стремление мобилизовать и освоить возможно больший материал для изучения той или иной исторической проблемы, но и понимание разнотипности и разнотипности этого материала, обуславливающих помимо применения общих научных методов их обработки и специфический подход к каждому из них. Энгельс своими высказываниями о разных видах источников и своим собственным примером обращения с ними способствовал выработке научных критериев классификации источниковедческого материала, его систематизации по типологическому принципу и решению других методологических задач источниковедения, являющихся необходимой предпосылкой развития исторической науки.

* * *

Большое значение придавал Энгельс критической обработке исторических источников. Розыск и собиранье их, в его понимании, составляли лишь начальную стадию исследования. Наиболее сложная и важная сторона в работе с источниковым материалом, по его мнению, заключалась в аналитическом и критическом изучении его с целью извлечения из него действительно научно проверенных сведений. Важно было обнаружить и от-

сеять из используемых материалов все то, что было подделкой (например, подложные документы в полицейских публикациях по истории рабочего движения, фальшивки, пускаемые в ход продажной прессой с клеветническими целями и т. д.). Но главное в источниковедении заключалось отнюдь не в раскрытии этих фальсификаций, а в критическом анализе, необходимом при изучении и использовании даже самых надежных исторических документов, не говоря уже об источниках сложного состава и характера, порой сочетающих правду с вымыслом. Исследователь, считал Энгельс, должен уметь отделить достоверное от недостоверного в том или ином историческом свидетельстве и документе. Он указывал, в частности, в отношении средневековых ирландских анналов, что следует установить в них ту границу, где мифологическая часть переходит в передачу действительных фактов, да и в самой мифологической части отделить фантазию от подлинного народного предания, передающего в легендарной форме черты реального прошлого³⁹. В задачу историка входит всестороннее изучение, в том числе и текстологическое, того или иного исторического документа, установление его происхождения, выяснение классового и политического облика его автора.

В работе с источниками Энгельс, несомненно, опирался на достижения буржуазной исторической науки в области источниковедения, пользуясь многими уже сложившимися в науке приемами их критики⁴⁰. Однако и в этом отношении он проявил значительные элементы самостоятельности и новаторства, отразившие его подлинное исследовательское мастерство. Большую роль сыграли здесь и его историческая эрудированность, и его необычайная филологическая одаренность, делающая для него доступными исторические документы практически на любых древних и новых языках и дающая возможность составлять разноязычные тексты.

Одной из оригинальных сторон разработки Энгельсом проблем источниковедения было выдвижение и последовательное применение классового критерия в качестве руководящего принципа критического анализа источников. Классовый подход, отличительная черта марксистской историографии в целом, был распространен ее основателями — Марксом и Энгельсом на область источниковедения. Для Энгельса выражение определенной классовой точки зрения автором исто-

рического свидетельства постоянно было той лакмусовой бумажкой, которая позволяла определять надежность и достоверность приводимых фактических сведений, степень необходимости их критической проверки и отсеивания привнесенных в их изложение тенденций, протекающих из классовых, а также сословных, национальных и религиозных предубеждений. Так, в упомянутой «Топографии Ирландии» Гиральда Камбийского и в другом его сочинении — «Завоеванная Ирландия» острый взор Энгельса обнаружил не только свойственные тому времени дикие суеверия и религиозные предрассудки, но и предумышленную апологию завоевателей — англо-нормандских феодалов⁴¹. Придавая большое значение этнографическим и историческим сведениям об Ирландии, сообщаемым английскими писателями XVI и XVII вв. (Спенсером, Дэвисом и др.), Энгельс ни на минуту не упускал из виду, что многие из них смотрели на эту страну глазами английских колониальных администраторов и представителей тех слоев английского дворянства и буржуазии, которые видели в ней желанный объект для колониальной поживы. Поэтому он с чрезвычайной осторожностью относился к исходящим от этих писателей версиям.

Выше уже отмечалось, что фальсификаторские тенденции в статистических данных Энгельс связывал с классовыми побуждениями буржуазных статистиков. Такие же тенденции он увидел и в других документальных публикациях, в частности в отчетах парламентских комиссий, обследовавших фабричную систему Англии в связи с развернувшейся длительной борьбой за законодательное сокращение рабочего дня до 10 часов для подростков и женщин. Эти отчеты, констатировал Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии», отражали различные точки зрения представителей господствующих классов — аристократических сторонников билля о 10-часовом рабочем дне и его буржуазных противников — и в обоих случаях искажали действительность. Так, в отчете 1832 г., составленном под влиянием представителя землевладельческой аристократии торн-филантропа Садлера, заигрывавшего с рабочими, сказалось откровенно ретроградное отношение к развитию фабричной индустрии. Садлер, писал Энгельс, самой манерой ставит вопрос «добивался у свидетелей ответов, которые если и не были ложными, то выражали истину в извращенном, подтасованном виде». В свою очередь в

отчете комиссии, назначенной в противовес комиссии Садлера по настоянию фабрикантов и состоящей из либеральных буржуа, описания условий труда на фабриках были весьма приукрашены. Предприниматели, отмечал Энгельс, подсовывали членам комиссии фиктивные данные, подставляли исследователям под видом рабочих своих надсмотрщиков, которые «распространялись о гуманности фабрикантов, о благотворном влиянии труда на здоровье, о равнодушии и даже отвращении рабочих к десятичасовому биллю»⁴².

Таким образом, Энгельс умел распознавать отражение в том или другом документе не только позиций определенного класса, но подчас и точки зрения отдельных соперничающих фракций этого класса.

Важным элементом источниковедческого анализа Энгельс считал правильную датировку источника, а в случаях, когда он содержал разные компоненты, — определение времени, к которому относятся его составные части. Это помогало выяснить степень исторического развития отраженного в источнике явления. Энгельс, в частности, тщательно собрал аргументы, доказывающие, что Апокалипсис Иоанна, или Книга откровения, был составлен в 68—69 гг. н. э. Обоснованию этой даты Энгельс придавал принципиальное значение для изучения истории происхождения христианства, так как упомянутая книга, по его словам, «как в зеркале» отображала облик раннего христианства в его первоначальном виде в противоположность более поздним книгам Нового завета, в которых сказалась его дальнейшая эволюция, в том числе утрата ранее присущих ему революционных черт и приспособление к интересам власти имущих. Именно на основании изучения прежде всего Откровений Иоанна Энгельс сделал вывод, что христианство первого столетия нашей эры имело коренные отличия от последующего церковно-христианского верования. «В нем нет ни догматики, ни этики позднейшего христианства»⁴³.

Примером критико-аналитического исследования Энгельсом исторических источников сложного состава является изучение важнейшего памятника древнирландского права — сборника ирландских законов «Шенхус Мор». В то время, когда Энгельс изучал эти законы, в 1870 г., была издана (в 1865—1869 гг.) лишь часть, правда основная, этого сборника в двух книгах. Характеристика, которую Энгельс дал этому сборнику, осно-

вана на его собственном анализе текста. Издатели — ирландские ученые У. Н. Ханкок и Т. О'Махони — по существу ограничились внешним описанием этого памятника и воспроизведением полулегендарной истории его появления (по инициативе христианского миссионера V в., патрона Ирландии св. Патрика). Энгельс установил различные исторические напластования в тексте «Шенхус Мора», отделив наиболее архаические правовые формулы в стихах от более поздних прозаических вставок и еще более поздних, как в этом его убедил их язык, комментариев. Таким образом, он показал, что сохранившийся текст (древнейшие из сохранившихся списков восходят к началу XIV в.) отражает разновременные записи ирландских законов и правовых обычаев, из которых наиболее архаические относятся к дохристианским временам, к первым векам нашей эры, а другие — к разным периодам, вплоть до первых столетий после английского вторжения во второй половине XII в. Однако, поскольку эволюция ирландского права совершалась медленно, подчеркнул он, даже эти более поздние элементы могут быть использованы, «с известной осторожностью, как источник и для более древнего периода»⁴⁴.

Одним из главных принципов в работе с источниками у Энгельса был комплексный подход к их использованию. Изучая историю Ирландии, он для каждого ее периода мобилизовывал целую группу источников различного происхождения и типа: для раннего средневековья — свидетельства античных авторов, анналы, памятники фольклора, правовые источники не только древних ирландцев, но и кельтов Уэльса, английские средневековые хроники, скандинавские и исландские саги и т. д.; для более поздних периодов — различные исторические документы, законодательные акты, переписку государственных деятелей, свидетельства современников, трактаты и памфлеты, мемуары и речи участников событий, статистические данные, позднее — прессу и т. д. Комплексный характер носили источники, использованные Энгельсом при изучении первобытной истории, истории первоначального христианства, древних германцев, Реформации, положения английского пролетариата, истории военного искусства и других исторических проблем.

Своим собственным исследовательским примером Энгельс как бы учил не замыкаться при изучении истории

той или другой страны в кругу местного, локального источникового материала. Он считал необходимым привлекать источники иностранного происхождения, содержащие либо описание однотипных социальных и культурных явлений, либо прямые свидетельства иностранцев, побывавших в данной стране, особенно если эти очевидцы обладали достаточной наблюдательностью. Энгельс, например, считал вполне обоснованным использование для изучения древних обычаев и институтов ирландских кельтов наряду с местными источниками описания кельтского населения древней Галлии, оставленного Цезарем, не говоря уже о более поздних свидетельствах иноземных авторов, наблюдавших кельтские обычаи в самой Ирландии.

Совокупные данные различных источников, по мнению Энгельса, не только давали более полное представление о предмете исследования. Они позволяли выяснять туманные намеки и расшифровывать скудные сведения, неясные термины одних источников, сопоставляя их с соответствующими свидетельствами других. Так, применяя сравнительный филологический метод и сопоставляя франкские, ирландские, англосаксонские, уэльские и другие летописные источники (хроники Эйнхарда, Беды Достопочтенного, уэльского монаха Ненния, уэльские исторические «Триады» и т. д.), Энгельс установил тождество ирландских кельтов — *скоттов*, заселивших Ирландию еще до новой эры и ассимилировавших прежнее население, с фигурировавшими в уэльских исторических памятниках *гвиддиль-ффихти*⁴⁵.

Свидетельства письменных источников Энгельс считал важным дополнять сведениями, получаемыми на основании изучения вещественных памятников, данных археологии, нумизматики и т. д. Нередко эти материалы, отмечал он, восполняли существенные пробелы в письменных документах. «С Тацитом и Птолемеем прекращаются письменные источники о событиях и условиях внутренней жизни Германии, — писал Энгельс в рукописи «К истории древних германцев» о периоде после первых столкновений с римлянами до великого переселения народов (т. е. о II—III вв. н. э.). — Но зато перед нами открывается ряд других гораздо более наглядных источников — находки памятников древности, поскольку их можно отнести к эпохе, подлежащей нашему рассмотрению»⁴⁶. Интерес Энгельса к немногочисленным в то время археологическим работам об Ирлан-

дии, в частности к книге Дж. Петри «Церковная архитектура Ирландии в период, предшествовавший англо-нормандскому завоеванию», свидетельствует о том, что археологические материалы он считал существенным дополнением к письменным источникам. Незачем говорить, какое важное место отводил он первобытной археологии, особенно находкам и описанию примитивных орудий труда.

Сопоставление различных источников Энгельс считал необходимым не только для получения дополняющих друг друга исторических сведений, но и для их взаимной проверки. Сравнительный метод в источниковедении он рассматривал как эффективное средство установления истинности исторических свидетельств, преодоления односторонности в отображении событий. Ярким образцом проверки фактической стороны событий далекого прошлого путем сравнительного анализа источников, исходящих от двух враждебных сторон, — ирландских анналов и исландской «Саги о Ньяле» — является энгельсовская характеристика знаменитого сражения при Клонтарфе 1014 г. между ирландцами и объединенными силами норманнов, в котором скандинавским завоевателям был дан решительный отпор. «Сага о Ньяле» была записана в Исландии приблизительно через сто лет после битвы; ирландские анналы основаны, по крайней мере частично, на рассказах современников. Оба эти источника совершенно независимы друг от друга, и оба не только согласуются между собой в главных пунктах, но и восполняют друг друга⁴⁷, — резюмировал Энгельс результаты своего анализа.

Умение добывать истину путем сопоставления различных версий, часто почерпнутых из свидетельств представителей враждующих лагерей, составляло в принципе одну из отличительных сторон исследовательского творчества Энгельса. Выше уже говорилось, как умело обнаруживал он противоречивые тенденции в парламентских отчетах о положении в фабричной промышленности, исходящих от противников и сторонников фабричной системы среди господствующих классов Великобритании 30—40-х годов XIX в., и на этом основании отделял действительный фактический материал в этих отчетах от преувеличений и одновременно от приукрашиваний. В книге «Положение рабочего класса в Англии» признания буржуазных современников и буржуазной печати, нередко перемешанные с фальсифика-

торским изображением действительности, Энгельс корректировал с помощью более объективных свидетельств радикальной прессы, рабочей печати, личного опроса рабочих. В военных обзорах периода Крымской, Итальянской, франко-прусской и других войн Энгельс стремился учесть военные сводки командования обеих воюющих сторон, а также информацию, появляющуюся в печати нейтральных стран. Изучая историю Ирландии периода английской буржуазной революции XVII в., он, как это видно из его подготовительных материалов, обращался к свидетельствам авторов, принадлежащих и к роялистским кругам, и к приверженцам Долгого парламента, а также индипендентской республики. Занимаясь аграрным вопросом в Ирландии XIX в. — стержневой проблемой ирландской истории этого времени, Энгельс изучил работы авторов, отстаивавших разные методы его решения, начиная от откровенных защитников интересов лендлордов и кончая сторонниками радикальной аграрной реформы.

Даже когда речь шла об освещении истории рабочего движения, Энгельс считал необходимым не только всесторонне использовать программные и другие документы его марксистского направления, но и знакомство с материалами тех течений, с которыми сторонникам марксизма приходилось вести упорную борьбу. Изучение всех источников давало возможность, считал он, глубоко понять сущность и характер этой борьбы, причину выступлений марксистского революционного крыла рабочего движения против участвовавших в нем сектантских и реформистских элементов, историческую обусловленность победы марксизма над ними. Именно поэтому в своих полемических произведениях, направленных против прудонистов, лассальянцев, бакунистов, бланкистов и т. д., Маркс и Энгельс приводили большие выдержки, а иногда и полный текст документов критикуемых течений и организаций, обширные цитаты из сочинений их идеологов и лидеров. Швейцарскому социалисту Л. Эритье, выступившему в печати с тенденциозно односторонним освещением истории взаимоотношений Генерального Совета Интернационала с бакунистами, Энгельс писал в январе 1893 г.: «И я прошу Вас об одном: не высказываться по вопросам такого рода, не изучив обе стороны вопроса, документы того и другого лагеря»⁴⁸.

Свидетельствам современников событий Энгельс от-

давал предпочтение по сравнению с более поздними описаниями. Но из этого не следовало, что он во всех случаях считал обязательным большую или меньшую одновременность источникового материала с изучаемыми событиями и явлениями. Источники даже значительно более позднего происхождения могли, по мнению Энгельса, служить для изучения более ранних периодов. Так, например, этнографический материал, отражающий сохранившиеся и в новое время пережитки первобытных обычаев у ряда племен и народностей, Энгельс признавал чрезвычайно важным источником для реконструкции черт первобытнообщинного строя⁴⁹. Он сам нередко при исследовании тех или других исторических проблем пользовался методом ретроспективного истолкования источников, соблюдая при этом, разумеется, осторожность и не допуская перенесения на прошлое тех черт, которые появились в общественной жизни позднее. Так, например, свидетельство о сохранении в XIX в. общинного самоуправления среди крестьянского населения Дитмаршена (области в юго-западной части Шлезвиг-Гольштейна) он трактовал как доказательство существования пережитков древнегерманского общинного (маркового) устройства, происхождение которого, в свою очередь, восходило к первобытному родо-племенному строю⁵⁰. Для воспроизведения картины ирландского общества раннего средневековья Энгельс считал возможным использовать сообщения об Ирландии английских писателей XVI—XVII вв. в качестве материалов, «на основании которых можно было бы сделать ретроспективное заключение о более древнем строе»⁵¹.

Считая критический подход к источникам одним из непреложных требований, вытекающих из самого характера подлинного научного познания, Энгельс в то же время высказывался против излишне скептического отношения к памятникам прошлого. Особенно возмущало его, когда этот скептицизм являлся плодом шовинистического пренебрежения со стороны буржуазных историков историческими традициями угнетенного народа. Так, в частности, оценил он высокомерное отношение английских историков к средневековым историческим памятникам Ирландии, их голословные утверждения о якобы абсолютной легендарности многих сообщений ирландских анналов. Энгельс без особого труда доказал, что эти сведения подтверждаются другими источниками.

Отнюдь не считая все источники равноценными, Эн-

гельс был убежден, что даже из тех материалов, на которых в наибольшей степени лежит печать классового пристрастия, можно извлечь при умелом использовании зерна истины. Это, разумеется, требовало большого исследовательского искусства. В полной мере обладая им, Энгельс доказал, что исследователь в состоянии заставлять и такие источники вопреки целям и намерениям их составителей свидетельствовать в пользу исторической правды, что и здесь в принципе существует возможность отсеять шлак тенденциозных и апологетических наслоений. Применявшиеся Энгельсом методы критического анализа источников явились сложным и тонким инструментарием в его исследовательской деятельности в области истории, важным орудием познания исторических процессов.

Глава 4

Энгельс—критик буржуазной историографии*

Творчеству Энгельса как историка было органически присуще критическое отношение к взглядам представителей предшествующей и современной ему исторической науки. Такой подход вытекал из самой природы марксизма — теории передового, революционного класса, формировавшейся и развивавшейся на основе коренного пересмотра господствовавших в эксплуататорском обществе воззрений. Марксистское направление в исторической науке создавалось как альтернатива — в отношении методологии и мировоззренческих позиций — историографии, отражавшей чуждую пролетариату классовую идеологию. Разумеется, и в этой области марксизм воспринимал и воспринимает все ценное и рациональ-

* В произведениях Энгельса, особенно ранних, немало строк отведено критической характеристике взглядов дворянских историков, в частности представителей реакционно-романтического направления, о чем уже было сказано в первой части книги. Многие критические замечания Энгельса относятся к домарксистской историографии в целом, как буржуазной, так и мелкобуржуазной, дворянской и т. д. Но больше всего Энгельсу пришлось иметь дело именно с буржуазной исторической наукой; раскрытие ее характерных черт, достижений и порочных сторон составляло его главный вклад в разработку историографических проблем. Поэтому в данной главе внимание сосредоточено на этом основном аспекте историографического творчества Энгельса.

ное. Но это восприятие имеет характер творческого усвоения и переработки достижений немарксистской науки наряду с критикой ее узкоклассовых тенденций и порочных сторон. В процессе критического анализа складывалось марксистское понимание истории самой исторической мысли — составной части истории общественной мысли в целом.

Критика воззрений буржуазных философов, экономистов и историков сопровождала сам процесс выработки основоположниками марксизма материалистического понимания истории. Как и у Маркса, критическое рассмотрение существовавшей исторической литературы на протяжении всей теоретической деятельности Энгельса составляло неотъемлемую сторону исследования им различных вопросов всемирной истории, в том числе истории отдельных стран (например, Германии, Ирландии), важнейших событий (революций 1848—1849 гг., национально-освободительных восстаний, международных конфликтов и войн), рабочего движения. Нередко Энгельсу приходилось сопоставлять разные точки зрения буржуазных историков, например разное толкование первобытных общественных институтов, происхождения христианства, генезиса феодализма, и определять, какая из них отвечает научным требованиям и в какой мере на нее может опереться марксистская историческая наука. Его суждения на этот счет естественно отражали и разработку историографических вопросов.

Перу Энгельса принадлежат и специальные историографические работы. Как уже отмечалось, он участвовал в написании вместе с Марксом цикла рецензий для журнала «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*» (1850), посвященных преимущественно критике произведений буржуазных и мелкобуржуазных историков и публицистов. Критика типичных пороков буржуазной военно-исторической науки явилась главным предметом дошедшей до нас в виде незаконченной рукописи статьи Энгельса «Кинглек о сражении на Альме» (1863). Историографический характер носит предисловие Энгельса к 4-му изданию (1891) его книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которому при отдельной публикации автор дал заглавие «К истории первобытной семьи».

Историографические экскурсы и замечания содержатся в целом ряде других произведений Энгельса. Это, как правило, характеристики — краткие и более развер-

нутые — либо общих черт исторической науки того времени, либо трудов конкретных историков, приведенные иногда в тексте, иногда в авторских примечаниях. Подобных историографических отступлений и замечаний особенно много в таких трудах, как «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «История Ирландии» и др.

Среди подготовительных материалов Энгельса также встречаются конспекты и выписки, сделанные не столько ради собирания фактов, сколько для выяснения концепции того или иного историка. К такого рода работам, в частности, относятся недавно опубликованные замечания Энгельса на книгу либерального английского историка Г. Смита «Ирландская история и ирландский характер»¹. Критика Энгельсом взглядов на историю Ирландии других английских историков (Дж. Б. Гордона, знаменитого Т. Б. Маколея и т. д.) отражена в его выписках из их работ, а также в попутных замечаниях, сделанных им в конспектах книг более объективных авторов, в частности «Истории ирландских католиков» М. О'Конора. Оценочные и комментаторские замечания Энгельса имеются и в его подготовительных работах на другие исторические темы. Все эти работы свидетельствуют, что критико-историографическое изучение литературы по тому или другому предмету шло у Энгельса рука об руку с исследованием самого предмета.

Чрезвычайно важным источником для выяснения роли Энгельса как критика буржуазной историографии является его переписка.

Из упомянутых материалов вырисовывается впечатляющая картина разработки Энгельсом весьма широкого круга историографических проблем. При этом в его историографическом наследии особенно важным представляется то, что относится не столько к частным явлениям в буржуазной исторической науке, сколько к общим тенденциям ее развития. Нередко такие обобщающие выводы содержатся в конкретных оценках тех или иных произведений буржуазных историков либо же прямо вытекают из этих оценок.

* * *

В основе анализа историографических проблем у Энгельса, как и у Маркса, находилось диалектико-материалистическое учение о классовой природе различных

форм общественного сознания в антагонистических обществах. Классовый критерий, доказывали основоположники марксизма, является ключевым принципом изучения всех идеологических явлений, исходным пунктом для уяснения развития и содержания общественных наук (включая историографию), которые в значительно большей степени, чем естественные науки, выражают идеологию определенных классов. Еще в «Немецкой идеологии» основоположники марксизма показали, что представления и иллюзии идеологов того или иного класса — «мыслителей этого класса» — распространяются на толкование истории. И в области историографии, как и в других идеологических сферах, преобладающими, господствующими идеями являются идеи господствующего в данном обществе класса, хотя во многих случаях общественные теории, в том числе и исторические концепции, воспринимаются самими теоретиками как некие общечеловеческие. Классовая обусловленность и направленность их остается, как правило, скрытой. В применении к исторической науке это означает, что историк, рассматривая историческую действительность сквозь призму классовых представлений, субъективно убежден, что в своих выводах и наблюдениях он руководствуется исключительно поисками «чистой истины». На деле он приближается к ней лишь в той мере, в какой это позволяет ему его классово-ограниченное миропонимание.

Лишь теоретики рабочего класса, заинтересованного в полном раскрытии исторической истины, сознают, что их творчество, в том числе и в области изучения истории, опирается на мировоззрение этого наиболее прогрессивного класса и именно это делает возможным наиболее глубокое и адекватное познание ими исторического процесса.

Широкое отражение в идеологической сфере, неоднократно подчеркивали Маркс и Энгельс, находила классовая борьба. Появление новых, революционизирующих все общество идей, указывалось в «Манифесте Коммунистической партии», выражает лишь тот факт, что «внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей»². Историография является одним из чутких барометров противоборства реакционных и передовых идей, одной из арен идеологических сражений, вызванных классовыми антагонизмами.

Классовая подоплека буржуазной историографии, как неоднократно показывал Энгельс, проявлялась в попытках тех или иных ее представителей приукрасить политику эксплуататорских классов — попытках, достигающих порой до самого неприглядного сервилизма и низкопоклонства. Так, в «Истории Ирландии» Энгельс отмечал, что английские историки, в том числе либерал Г. Смит, присоединили свои голоса к корыстному хору английских лендлордов и буржуа, потребовавших после отмены в 1846 г. высоких пошлин на хлеб превращения первой английской колонии в скотоводческий придаток метрополии. Защитники английского господства в Ирландии прибегали ко всевозможным — агрономическим, географическим, историческим и т. п. — аргументам, для того чтобы оправдать процесс превращения пахотных участков в Ирландии в пастбища и массовый сгон с земли мелких ирландских арендаторов, вынужденных эмигрировать из страны. Эти апологеты доказывали, как с возмущением писал Энгельс, что «ирландскому народу самой судьбой, дескать, предназначено перемещение за океан, дабы в Ирландии освободилось пространство для коров и овец!»³.

Апологетическое изображение политики господствующих классов не только дворянскими, юнкерскими, но и буржуазными историками сказалось в их стремлении представить половинчатые, проведенные сверху во избежание революционных потрясений крестьянские реформы в прусской монархии в 1807—1811 гг. и в царской России в 1861 г. актами исключительного великодушия и государственной мудрости. Энгельс писал по этому поводу в статье «Вильгельм Вольф»: «И подобно тому, как русский выкуп во всех официальных и либеральных описаниях изображается как огромное благодеяние для крестьян, как величайший шаг вперед в русской истории, точно так же официальная и национал-рабочая история изображает нам старопрусское вымогательство у крестьян как всемирно-освободительное событие, перед лицом которого великая французская революция, бывшая ведь причиной всего этого выкупа, отступает на задний план!»⁴

Аналогичными классовыми побуждениями объяснял Энгельс превознесение немецкой буржуазной историографией «объединительной миссии» Пруссии, участие буржуазных историков в создании пруссофильских легенд и культа Бисмарка, в нагнетании шовинистического

угара, особенно во время и после франко-прусской войны 1870—1871 гг. В работе «Роль насилия в истории» Энгельс указывал, что представители либеральной историографии уже в конце 30-х—начале 40-х годов чутко реагировали на желание значительных слоев немецкой буржуазии объединить Германию под главенством юнкерской Пруссии. «Но что задумают буржуа, то скажут профессора, — отмечал он. — Если в Берлине гегельянцы философски обосновывали призвание Пруссии стать во главе Германии, то в Гейдельберге то же самое доказывали с помощью исторических ссылок ученики Шлоссера, в особенности Гейсер и Гервинус»⁵. При этом если немецкие буржуазные философы и историки 40-х годов сохраняли еще прогрессивные традиции (Гегеля, Шлоссера), то последующее развитие этих наук в Германии происходило под знаком еще большего приспособления к интересам власти имущих и раболопного прислужничества по отношению к контрреволюционному режиму. Энгельс следующими словами характеризовал состояние общественных наук в бисмарковской Германской империи 70—80-х годов: «Что же касается исторических наук, включая философию, то здесь вместе с классической философией совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли скудоумный эклектизм, боязливая забота о местечке и доходах, вплоть до самого низкопробного карьеризма. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, но в такое время, когда оба открыто враждебны рабочему классу»⁶.

Энгельс не раз убеждался в том, что буржуазные историки переносили на прошлое глубокую антипатию своего класса к народным движениям. Описание ими революционных событий часто отличалось особым пристрастием. Наоборот, представители контрреволюционного лагеря нередко изображались в весьма идеализированном виде. В «Крестьянской войне в Германии» Энгельс отмечал, в частности, стремление протестантских историков Реформации окружить ореолом «благочестия» ландграфа Филиппа Гессенского — вероломного и жестокого усмирителя крестьянского восстания в Тюрингии⁷. Английский либерал Г. Смит не мог скрыть своей ненависти не только к ирландским повстанцам, пытавшимся сбросить английское иго, но и к народным массам других стран, поднимавшимся на

революционную борьбу. По поводу крайне тенденциозной характеристики, которую он давал французской революции конца XVIII в., называя ее взрывом «нелепости, жестокости и, в конце концов, военного тщеславия и алчности», Энгельс замечал: «Здесь прекращается всякая объективность»⁸.

Разумеется, влияние классовой идеологии по-разному отражалось и трансформировалось во взглядах и концепциях буржуазных историков. Сама буржуазная идеология в целом претерпела значительную эволюцию в ходе становления и развития капитализма, не говоря уже о столкновении в ней разных течений, о местных и национальных веяниях и оттенках. Если на ранних стадиях буржуазная историография оплодотворялась передовыми революционными идеями, то на последующих этапах на нее все большее воздействие оказывали ретроградные идеологические тенденции. Но и их влияние не было абсолютным и однозначным. В ряде случаев ему в той или другой степени противодействовали различные обстоятельства, в том числе обнаружение историками очевидных фактов, противоречащих ходячим представлениям, логика исследования, известная научная добросовестность. Поэтому Энгельс никогда не пользовался классовым критерием как каким-либо стереотипом без конкретного анализа трудов и взглядов того или иного историка. Однако этот критерий, умело применяемый, служил ему надежным инструментом, позволявшим разбираться в тех или иных исторических концепциях, определять степень их научности, разоблачать и опровергать те из них, которые выражали реакционные поползновения эксплуататорского класса.

Главную методологическую слабость буржуазной историографии Маркс и Энгельс видели в идеалистическом понимании общественного развития, свойственном в целом всей домарксовской общественной мысли, в том числе и тем философам, которые придерживались материалистических взглядов на природу. Критика идеалистического истолкования исторического процесса в развернутом виде была дана Марксом и Энгельсом уже в «Немецкой идеологии». «Все прежнее понимание истории, — говорилось в этом произведении относительно основного порока предыдущей историографии, ее неумения увидеть в смене способов материального производства главную пружину исторического развития, — или совершенно игнорировало эту действительную основу

истории, или же рассматривало ее лишь как побочный фактор, лишенный какой бы то ни было связи с историческим процессом... Эта концепция могла видеть в истории поэтому только громкие политические деяния и религиозную, вообще теоретическую, борьбу, и каждый раз при изображении той или другой исторической эпохи она вынуждена была *разделять иллюзии этой эпохи*⁹.

Весьма важной была мысль авторов «Немецкой идеологии» и о том, что формы проявления идеалистической концепции могут быть различными в зависимости от того, что — политика или идеи — представляется историку-идеалисту определяющим фактором. «В то время как французы и англичане держатся по крайней мере политической иллюзии, которая все же наиболее близка к действительности, немцы вращаются в сфере «чистого духа» и возводят в движущую силу истории религиозную иллюзию»¹⁰.

В последующих произведениях Энгельс неоднократно показывал, что этот основной методологический изъян буржуазной историографии весьма ограничивал ее познавательные возможности, делал ее совершенно беспомощной перед лицом сложных социальных процессов, служил источником прямых заблуждений и ошибок. Идеалистическая концепция, указывал Энгельс, затрудняла исследование подлинных причин общественного развития «из-за того, что связи этих причин с их следствиями были запутаны и скрыты...»¹¹. В «Анти-Дюринге» он отмечал, что господствовавшее идеалистическое представление долгое время отвлекало буржуазных ученых от серьезного исследования экономической и социальной истории. Это представление, писал Энгельс, «было главной причиной того, что у нас сохранилось так мало сведений о том развитии народов, которое происходит в тиши, на заднем плане этих шумных выступлений и является действительной движущей силой»¹².

Ограничиваясь, как правило, изучением политической и духовной жизни общества, буржуазные историки пренебрегали главной подоплекой исторических событий — борьбой классов. Энгельс указывал, что идеалистическое понимание истории «не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах, и вообще никаких материальных интересов; производство и все экономические отношения упоминались лишь

между прочим, как второстепенные элементы «истории культуры»¹³. Из этого недостатка проистекало непонимание значения узловых, поворотных этапов всемирной истории — революций, наивное и искаженное их истолкование. В «Крестьянской войне в Германии» Энгельс с полным основанием иронизировал по поводу «наших отечественных знатоков истории», которые в Реформации — первой из ранних буржуазных революций — увидели «одни только яростные богословские перебранки», а существо последующих революционных потрясений (французских революций 1789—1794, 1830 и 1848 гг.) свели к политическим спорам о формах правления¹⁴. Даже искренне сочувствовавший угнетенным массам историк-демократ В. Циммерман, автор «Всеобщей истории Великой крестьянской войны», которая, по словам Энгельса, представляла собой «похвалькое исключение из немецких идеалистических исторических произведений», не смог выйти за пределы идеалистической концепции. И ему не удалось воспринять религиозно-политические контрверзы эпохи «как отражение классовой борьбы того времени»¹⁵.

Большинство других представителей домарксовской историографии были еще дальше от понимания сущности революционных эпох и их места в развитии общества, а среди наиболее консервативных из них, по характеристике Энгельса, долгое время господствовал «суеверный взгляд, приписывающий возникновение революции злонамеренности кучки агитаторов»¹⁶. И хотя этот примитив в целом буржуазные историки отбросили, немногие из них сумели возвыситься до уяснения закономерности революционных процессов и особенно их подлинных экономических и социальных причин. Даже в 1886 г. Энгельс констатировал, что «ходячая историография уже достаточно затемнила нам, особенно в Германии, понимание великих исторических классовых битв»¹⁷.

В «Немецкой идеологии» указывалось, что идеалистическое понимание истории нередко вообще порождает крайне поверхностный подход к историческим явлениям. Этим в значительной мере объясняется распространенность среди буржуазных историков тенденции подменять анализ и объяснение событий их чисто внешним описанием, а иногда и просто сводить историю к собранию анекдотов. Примером такой поверхностной беллетризации истории Энгельс считал творчество французского историка Э. Ренана. Он писал по поводу его

работы о происхождении христианства: «Ею можно пользоваться как историческим источником примерно так же, как можно использовать романы Александра Дюма-отца для изучения эпохи Фронды»¹⁸.

От внимания Энгельса не укрылся и тот факт, что результаты научных изысканий наиболее проникательных буржуазных историков, их научного поиска, побуждавшего обращаться к социальной и экономической сторонам развития общества, приходили в противоречие с доминирующей идеалистической методологией, хотя сами эти историки далеко не всегда это сознавали. Многие серьезные научные достижения в области истории по существу подрывали эту методологию — обстоятельство, которое особенно подчеркивало противоречивый характер эволюции буржуазной исторической науки. Еще в домарксовский период, как отмечал Энгельс в «Анти-Дюринге», идеалистическое понимание истории было поколеблено французскими буржуазными историками периода Реставрации, признавшими решающую роль классовой борьбы в ниспровержении феодализма. И в последующие годы при изучении различных исторических эпох отдельные исследователи приходили к материалистическим выводам, противоречащим общепринятой в буржуазной историографии точке зрения. Ярким примером этого Маркс и Энгельс считали труды американского этнографа и историка Л. Г. Моргана. И в то же время в рамках буржуазной исторической науки, несмотря на стихийное тяготение отдельных ее представителей к материалистическому объяснению ряда исторических явлений, идеалистическое понимание истории не могло быть опрокинуто. Господствующее влияние идеалистических концепций, в том числе и в толковании социально-экономических процессов, к изучению которых буржуазным историкам все чаще приходилось обращаться, наоборот, возрастало по мере усиления реакционных тенденций в буржуазной идеологии, присущих ей ограниченности и эклектизма. Противостоять этому влиянию могла только марксистская историческая наука, вооруженная последовательно научной методологией — методом диалектического и исторического материализма.

Классовое пристрастие и методологические пороки явились той почвой, на которой произрастали и другие негативные качества буржуазной историографии. Главным из них Энгельс считал искажение исторических

фактов во имя оправдания политики господствующих классов. Энгельс отчетливо понимал, что само преломление исторической действительности в буржуазном сознании чревато неадекватным ее восприятием, той аберрацией, которая ведет к ложному истолкованию исторических событий. Однако этот недостаток усугубляется, когда примешиваются апологетические соображения, интересы карьеры, служебной и коммерческой выгоды, реакционные политические, националистические, расистские и тому подобные мотивы. Тогда искажение истории становится преднамеренным, превращается в сознательную ее фальсификацию в порядке прямого выполнения социального заказа правящих кругов. «Буржуазия все превращает в товар, а, следовательно, также и историю, — писал Энгельс в одном из фрагментов к «Истории Ирландии». — В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то историческое сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии. Свидетельство этому — Маколей, который потому-то и является недостижимым идеалом для менее ловкого Голдуина Смита; его лживые выдумки предназначались именно для этой цели»¹⁹.

Нарушение исторической правды в угоду предвзятым концепциям, констатировал Энгельс, стало характерным явлением среди буржуазных историков. «...Они *лгут прямо и сознательно* также и в научных вопросах»²⁰. Это резкое высказывание относилось к датскому археологу Й. Я. А. Ворсо, отдавшему в работе «О датчанах и норвежцах в Англии, Шотландии и Ирландии» дань реакционным идеям панскандинавизма. Однако отзыв Энгельса касался отнюдь не одной только датской буржуазной историографии. Фальсификацию истории он обнаруживал и у авторов других национальностей, в работах на другие темы, в частности в военно-исторических трудах. В серии статей «Армии Европы» Энгельс указывал на необходимость освободить военно-историческую науку от глупого и предвзятого бахвальства, «которым длительное время отличались произведения, именовавшиеся историческими лишь на том основании, что в них намеренно извращался каждый факт, о котором рассказывалось»²¹. Грубое искажение военно-исторических фактов Энгельс еще в 1851 г. обнаружил

в книге А. Тьера «История Консульства и Империи». «Этот маленький Тьер — один из самых бесстыдных лжецов, какие только существуют»²², — отзывался он об авторе книги.

Особенно бесцеремонно фальсифицировалась буржуазными авторами история рабочего движения. Недаром часто в роли его историков выступали прямые правительственные агенты, полицейские и судебные чиновники, стремившиеся, с одной стороны, очернить его участников, а с другой — создать что-то вроде справочного пособия для борьбы с ним. Именно такой характер носил вышедший в 1843 г. в Цюрихе отчет реакционного юриста И. К. Блюнчли о деятельности вейтлингианцев в Швейцарии, который, по словам Энгельса, больше напоминал «пристрастный донос, нежели хладнокровный официальный доклад»²³. Еще более ярким образчиком подобной литературы была «черная книга» Вермута и Штибера о Союзе коммунистов «Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия» (издана в 2-х частях в 1853—1854 гг.). «Эта лживая, изобилующая сознательными подлогами стряпня двух подлейших полицейских негодяев нашего столетия и теперь еще служит первоисточником для всех некоммунистических изданий, посвященных тому периоду»²⁴, — писал Энгельс в 1885 г.

Список буржуазных историков I Интернационала открывал префект Лиона бонапартист О. Тестю; в этом списке фигурировали также и экс-комиссар полиции в Париже А. Тенай, немецкий юрист и полицейский чиновник Г. Цахер. Неудивительно, что их сочинения изобиловали ложью и вымыслами. Однако искажением истории пролетарской борьбы занимались не одни официальные блюстители порядка. Тем же отличались и работы многих представителей либеральной, а также реформистской и анархистской историографии. Недаром рядом с Цахером как фальсификатором истории Интернационала Энгельс ставил бельгийского либерального историка Лавеле и правого прудониста Фрибура²⁵.

Либерал Г. Адлер, автор книги по истории раннего немецкого рабочего движения, в изобилии воспроизвел, как отмечал Энгельс, на ее страницах плоские выдумки Вермута и Штибере. Энгельс помог К. Каутскому опубликовать в феврале 1886 г. в журнале «Die Neue Zeit» резко критическую рецензию на эту книгу²⁶. По поводу истории чартизма «буржуа нагородили много злостной

лжи»²⁷, — писал Энгельс в 1886 г., имея в виду в первую очередь работу о чартистском движении катедер-социалиста Л. Brentano.

Буржуазные историки восприняли и такую черту мировоззрения своего класса, как воинствующий национализм. Энгельс, в частности, с негодованием писал о том, с каких узконационалистических позиций подходили военные историки к описанию войн, в которых участвовали армии их стран, всячески старались превозносить их доблесть и очернить противника, а нередко и умалить заслуги союзников. Эти историки, иронически писал Энгельс, как бы продолжали окончившуюся войну «своими средствами, безопасно бомбардируя бывшего противника грязью, после того как заключение мира не позволяло им больше бомбардировать его металлом»²⁸. Подобным ура-патриотизмом была проникнута книга английского историка Кинглека о Крымской войне. В отношении националистического чванства и бахвальства она немногим уступала сочинениям Тьера и К^о о наполеоновских войнах. Разница заключалась лишь в том, указывал Энгельс, что англичане «свое хвастовство преподносят более умело, чем французы». В описании сражения на Альме 20 сентября 1854 г. роль французской армии Кинглек низводил «до минимума», зато англичане выглядели у него как «своего рода полубоги»²⁹.

В Германии, отмечал Энгельс, усилению шовинистических настроений, порождаемых бисмарковской политикой объединения страны «железом и кровью», немало способствовали юнкерско-буржуазные историки так называемого малогерманского направления (Г. Трейчке, Г. Зибель и др.) — сторонники главенства Пруссии в Германии, всячески оправдывавшие прусский милитаризм и агрессию. В начале 1870 г. Энгельс в письмах Марксу обратил внимание на националистическую подоплеку спора, который Зибель вел с австрийскими историками по поводу сепаратного Базельского мира 1795 г., заключенного Пруссией с Францией за спиной своих тогдашних союзников по антифранцузской коалиции. На Энгельса произвело отталкивающее впечатление то усердие, с которым пруссофил Зибель ради того, чтобы обелить политику прусской монархии, копался в «грязном нагромождении надувательств, нарушений договоров и низостей»³⁰.

Энгельс констатировал, что националистические пред-

убеждения буржуазных историков не только сказывались на оценках исторических событий, но зачастую проявлялись и в их отношении к коллегам по науке. В 1891 г. он с возмущением отмечал, что «шовинистически настроенная английская школа первобытной истории по-прежнему делает все возможное, чтобы замолчать переворот во взглядах на первобытную историю, произведенный открытиями Морганя, несколько не стесняясь, однако, при этом присваивать себе полученные Морганом результаты. Да и в других странах кое-где слишком усердно следуют этому английскому примеру»³¹. При этом националистическое высокомерие английских и других европейских буржуазных историков, в глазах которых дерзкий американец совершил святотатство, опрокинув своим учением о групповом браке и родовой организации древнего общества догмы признанных национальных авторитетов (Мак-Леннана и др.), было единственной причиной их неприязни к Моргану. Их раздражали, указывал Энгельс, и его демократизм, и его кощунственные, с их точки зрения, критические высказывания о буржуазной цивилизации, напоминавшие социалистические взгляды Фурье, а возможно, и Маркса. Шовинистическое пристрастие переплеталось здесь с классовой антипатией к «отступнику» Моргану.

В особенно неприглядном виде проявлялся шовинизм в форме апологии колониального господства и третирования угнетенного народа как низшей расы. Именно это больше всего возмущало Энгельса во многих английских работах по истории Ирландии. Он с негодованием писал о расистском пренебрежении их авторов к историческому прошлому Ирландии, о проникнутом шовинистическим чванством грубо фальсификаторском изображении ирландских кельтов отсталым народом, неспособным к самостоятельному развитию и якобы приобретшим цивилизацию, государственность и культуру только из рук нормандских и английских завоевателей. «Ледвич — низкий лжец, который стремится лишь изобразить дело так, будто ирландцы были неисправимыми варварами и всю цивилизацию получили извне» — так отзывался Энгельс о вышедшей в конце XVIII в. книге английского историка Эд. Ледвича «Ирландские древности»³².

Националистически-расистскую окраску носили попытки английских буржуазных историков затушевать колонизаторскую сущность политики английских господ-

ствующих классов в Ирландии, представить ее в розовом цвете. Пальму первенства в этом отношении Энгельс отдавал Г. Смиту, который ради изображения английских завоевателей радетелями о благе ирландского народа, пекущимися лишь о том, чтобы исправить якобы врожденные недостатки ирландской расы, готов был прибегать к любому извращению фактов. Этот историк, писал Энгельс, «выдвигает поэтому недепейские утверждения, стремясь изобразить англичан в приукрашенном виде»³³. Разоблачая расистские и апологетические взгляды Смита и других английских историков-шовинистов, Энгельс вскрыл и заклеил типичные черты проявления идеологии колониализма в буржуазной историографии.

Не прошел Энгельс мимо националистических тенденций и у ирландских историков, проявлявшихся в романтическом приукрашивании прошлого, в крайнем преувеличении самобытности кельтского общества, идеализации клановых вождей, а позднее умеренных либеральных лидеров ирландской оппозиции, в некритическом отношении к средневековым легендам и мифам. «С чисто кельтским энтузиазмом и с характерной ирландской наивностью вера в эти анекдоты была провозглашена существенной составной частью ирландского патриотизма»³⁴, — писал Энгельс. Разумеется, отношение Энгельса к проявлению национализма у представителей угнетенного народа было иным, чем к шовинистической апологетике колониального режима английских буржуазных авторов. Но и на примере ирландской историографии он убеждался в том, что националистические предрассудки спячат историческую мысль, мешают выявлению подлинно освободительных традиций народа, препятствуют уяснению основных пружин исторического развития, в первую очередь скрывавшегося за религиозными столкновениями католиков и протестантов в Ирландии социального антагонизма между ирландскими трудящимися массами и лендлордами чужеземного и местного происхождения.

К порочным чертам буржуазной историографии, прораставшим из ограниченности буржуазного мировоззрения, Энгельс относил и ее модернизаторские тенденции. Перенесение привычных для буржуазии представлений на прошлые эпохи, искусственное сближение, если не отождествление, экономических, политических, правовых обычаев этих эпох с соответствующими институ-

тами и нормами более позднего времени, особенно буржуазного общества, превращение этих буржуазных институтов в надысторические, вечные, естественные категории — эти и другие проявления антиисторизма Маркс и Энгельс неоднократно отмечали у современных им философов, экономистов, юристов, у мелкобуржуазных социологов Прудона и Дюринга. Антиисторизм историков, как ни парадоксально это звучит, они также подвергли критике, считая его довольно типичным для представителей буржуазной историографии. Так, в 1850 г. Энгельс указывал, что в реакционном сознании Карлейля, претендовавшего на то, что ему как некое откровение открылась вечная истина, происходило смешение и нивелирование всех эпох и периодов. «При таком воззрении все реальные классовые противоречия, столь различные в различные эпохи, сводятся к одному великому и вечному противоречию между теми, которые познали вечный закон природы и поступают согласно ему — мудрыми и благородными, и теми, которые его ложно понимают, искажают и поступают наперекор ему — глупцами и мошенниками»³⁵. На поверку выяснилось, что под видом этого вечного закона Карлейль прилагал ко всему историческому развитию эталон капиталистического общества.

С применением к древности несвойственных ей понятий Энгельс столкнулся при изучении упоминавшейся выше публикации памятника ирландского права «Шенхус Мор». «Ирландские термины переводятся как правило совершенно неверными современными»³⁶, — замечал он по поводу этой публикации. В других подготовительных работах Энгельс критиковал безоговорочное употребление английскими историками и юристами, а также ирландскими авторами (поэтом и историком Т. Муром и др.) терминов и понятий, отражавших нормы феодального права Англии, для обозначения гораздо более архаических, дофеодальных обычаев ирландцев, которые восходили к родовому строю³⁷.

Модернизаторский подход буржуазных ученых к истории первобытного и античного обществ Энгельс неоднократно отмечал в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Господствовавшее длительное время в исторической науке заблуждение, будто «моногамная отдельная семья, которая едва ли древнее эпохи цивилизации, была тем ядром, вокруг которого постепенно кристаллизовалось общество и государство»³⁸,

явилось прямым плодом антиисторического перенесения на древность обыденных представлений о семейных отношениях нового времени. Употребление мерск и моральных критериев, свойственных буржуазной среде, которая привыкла к ханжескому осуждению «нарушений святости брака» и отступлений от единобрачия, сильнейшим образом препятствовало изучению первобытной семьи, основанной на полигамии. Энгельс писал, что «никакого понимания первобытных условий не может быть до тех пор, пока их рассматривают через очки дома терпимости»³⁹. Между тем буржуазные историки первобытного общества долгое время оставались в плену этих предубеждений, рассматривая полигамию как проявление распущенности.

Модернизаторское представление о древних семейных отношениях, отмечал Энгельс, порождало ошибочное истолкование греческого и римского рода даже у таких видных исследователей, как Дж. Грот, Б. Г. Нибур и Т. Моммзен. «Как ни верно обрисовали они многие его признаки, — писал Энгельс, — они всегда видели в нем *группу семей* и в силу этого не могли понять природу и происхождение рода»⁴⁰. Антиинициализм обнаружили буржуазные историки и в толковании формирующихся политических институтов древнего общества, в частности роли племенных вождей и военачальников архаических периодов истории Греции и Рима. Энгельс в своей книге приводит по этому поводу следующее высказывание Маркса из его конспекта работы Моргана: «Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают басилея в монарха в современном смысле слова». Ниже сам Энгельс критикует попытку Моммзена изобразить древнеримского рекса, соответствовавшего по своим функциям басилею гомеровской Греции, «почти абсолютным монархом»⁴¹.

Раскрывая классовые черты буржуазной историографии, Энгельс разоблачал и ту показную нейтральную форму, в которую ее представители облакали порой свои концепции. Заслугой великого пролетарского ученого явилось выявление подлинного характера буржуазного объективизма. Его высказывания на этот счет связаны главным образом с разоблачением объективистской маскировки шовинистических и колониалистских взглядов английских историков, писавших об Ирландии. Эти высказывания примечательны в том отношении, что вполне согласуются не только с соответствующим отзывом

Маркса о «так называемых объективных историках», но и с глубокой характеристикой буржуазного объективизма, которую на рубеже 1894—1895 гг. давал В. И. Ленин, не знавший рукописей Энгельса об Ирландии. «Объективист, — писал Ленин в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», — доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов»⁴².

Именно эту апологетическую сторону объективизма буржуазных историков показал Энгельс на примере писаний об Ирландии упомянутого Г. Смита. «Английский буржуазный профессор, под маской объективности занимающийся апологетикой» — такими словами начинает Энгельс свои замечания на книгу этого историка, пытавшегося с помощью целого набора софизмов доказать, будто Ирландия «предназначена для покорения Англией»⁴³.

Объективистская видимость, даже показной отказ от каких-либо моральных и прочих оценок событий, камуфлировавший тенденциозное освещение истории, предвзятые отбор и толкование исторических источников и фактов были типичными для многих направлений буржуазной историографии XIX в., начиная от юнкерско-буржуазной школы Л. Ранке, весьма консервативной по своим убеждениям. Недаром Маркс причислял этого «объективного» историка к «прирожденным «камердинерам истории»»⁴⁴. Еще в большей степени эта черта была присуща либеральным историкам. «При чтении этой книги, — писал Энгельс опять-таки о работе Г. Смита, — в которой под маской «объективности» оправдывается английская политика в Ирландии, не знаешь, чему больше удивляться: невежеству ли профессора истории или лицемерию либерального буржуа»⁴⁵.

Таким образом, как это вытекает из приведенных высказываний Энгельса, объективизм он считал лицемерным прикрытием классового пристрастия буржуазных историков, их идеологических и политических тенденций. Мнимая независимость их от партийной точки зрения была насквозь фальшивой. Их конечной целью и главенствующим мотивом была идеологическая защита капиталистического строя. Именно в этом Маркс и Энгельс видели сущность партийности буржуазной историографии, как бы ни вуалировали это ее представители. В противовес ей марксистская историческая

наука не становится в позу показного беспристрастия. Она открыто заявляет о своем подходе к истории с позиций передового класса, в чьих интересах как можно глубже познать законы общественного развития и освоить исторический опыт. Поэтому партийность марксистской исторической науки органически сочетается с научной объективностью. Ей одинаково чужды как нарочитый «нейтрализм», так и какая-либо предвзятость, подгонка фактов под заранее сложившиеся схемы. Историк-марксисту присуще стремление добиваться всемерного использования в интересах рабочего класса и его партии результатов строго объективного научного исследования.

* * *

Рассматривая критику буржуазной историографии как важную задачу, Энгельс отнюдь не встает на путь нигилистического отрицания научных результатов, достигнутых ею за столетия ее развития. В собственных трудах, притом что ему нередко приходилось идти наперекор укоренившимся в литературе представлениям, он во многих случаях опирался на лучшие достижения буржуазных историков, на собранный ими фактический материал, их рациональные выводы и наблюдения. Энгельс часто обращал внимание своих друзей и соратников на важные явления в историографии. Историк-марксист, считал он, обязан следить за исторической литературой не только ради полемики, но и с точки зрения использования того ценного материала, который она могла содержать. Критика буржуазных историков подразумевала умение отделять в их трудах все, что было в них прогрессивного и рационального, от тенденциозных концепций и антинаучных элементов, отражавших мировоззренческие и методологические пороки.

Творчество Энгельса как историка изобилует образцами подлинно диалектического подхода к буржуазной историографии. Такой подход базировался на понимании общих закономерностей развития буржуазной исторической науки, прошедшей через фазы становления, расцвета и начавшегося упадка, и тех тенденций, которые преобладали на той или другой из этих фаз. Это развитие Энгельс воспринимал в целом как сложный, противоречивый процесс познания исторической действительности в тех пределах, которые допускало буржуаз-

ное мировоззрение, процесс, испытавший на себе различные влияния — борьбы идеологов буржуазии против феодализма, столкновения различных идеологических и политических течений внутри самого капиталистического общества, реакционных сдвигов в сознании буржуазии под влиянием углубления классовых противоречий. Не сбрасывал со счетов Энгельс и другие, в известной степени независимые от мировоззрения тенденции, свойственные историко-познавательному процессу, такие, как накопление исторических знаний, расширение источниковедческой базы исследования, совершенствование исследовательской техники, археологические, этнографические и другие открытия, успехи смежных наук.

Переплетение всех этих факторов, диалектическое взаимодействие их на разных стадиях развития исторической науки определяли ее прогресс, а также попятное движение, сочетание успехов в конкретных исследованиях с ретроградными тенденциями в отношении толкования исторических явлений. Даже свойственное в основном буржуазной историографии и ущербное в целом идеалистическое понимание истории Энгельс отнюдь не считал плодом одних заблуждений. Это понимание отражало не только искаженное и поверхностное представление о всемирной истории, но и поиск в мистифицированном виде законов, ею управляющих. В ходе развития исторической мысли идеалистическая концепция принимала разные формы: крайне фантастические, вроде средневековой телеологической «теории» божественного промысла, сменялись более рациональными, как, например, учение о человеческом разуме, определявшем исторический прогресс. Вершиной этого развития была гегелевская философия истории. Несмотря на то что в идеалистическом представлении Гегеля действительный мир предстал как бы в перевернутом виде, его взгляд на историю как на выражение единого закономерного, диалектического развития был исключительно прогрессивным и плодотворным. «Гегелевский способ мышления, — писал Энгельс в 1859 г., — отличался от способа мышления всех других философов огромным историческим чутьем, которое лежало в его основе»⁴⁶.

Великой заслугой немецкого философа Энгельс считал преодоление — правда, в идеалистической форме — метафизического взгляда на общество, превращение историзма в универсальный принцип познания, в том числе и всемирной истории. Исключительным достиже-

нием Гегеля Энгельс считал диалектическое толкование развития. Прогресс во всех сферах, в том числе и в истории, в понимании Гегеля, совершается зигзагообразно и скачкообразно, через борьбу и преодоление противоположностей, путем перехода количественных изменений в качественные, «отрицания отрицания». Этим процессам Гегель, правда, придавал абстрактный и мистический характер, сводя диалектическое движение к саморазвитию некой абсолютной идеи — абсолютной, по остроумному замечанию Энгельса, «лишь постольку, поскольку он абсолютно ничего не способен сказать о ней»⁴⁷. Тем не менее, несмотря на мистификацию реальных исторических явлений, несмотря на наличие консервативных черт в толковании истории (деление народов на «исторические» и «неисторические», апология войн, идеализация прусской монархии и т. п.), диалектический метод Гегеля чрезвычайно плодотворно сказался на прогрессе исторической мысли. Недаром, например, успехи в изучении происхождения христианства Энгельс непосредственно связывал с влиянием Гегеля, с работами его учеников — младогегельянцев Д. Штрауса и особенно Б. Бауэра.

Констатируя, что взгляды Гегеля, сознательным или бессознательным путем, в изобилии проникали в самые различные науки»⁴⁸, Энгельс имел в виду и историографию. В то же время он отмечал, что наследие Гегеля усваивалось буржуазными историками неполностью и по-разному: одни заимствовали у него историзм и рациональные идеи, другие догматически перенимали его недостатки — искусственное конституирование закономерностей, абстрагирование от действительных отношений. Так, в военно-теоретическом и военно-историческом труде последователя Гегеля прусского генерала и историка В. Виллизена «Теория большой войны», по мнению Энгельса, получила воплощение характерная для ортодоксального гегельянства манера умозрительно выводить общие правила военного искусства и военно-исторические построения путем абстрактных логических рассуждений. В этой работе, писал он Марксу 7 мая 1852 г., «больше философствования, чем военной науки»⁴⁹.

Диалектические воззрения Гегеля на историю, по мнению Маркса и Энгельса, явились вершиной буржуазного историзма. Другим крупным достижением буржуазной исторической мысли они считали взгляды французских историков периода Реставрации — О. Тьерри,

Ф. Гизо, Ф. Минье и др. Главная заслуга этих историков состояла в том, что основное содержание многовекового развития французского общества они видели в противоборстве двух общественных сил, разделяемых имущественными интересами, — феодальной аристократии и третьего сословия. При этом они признавали применимость указанной точки зрения и к истории других стран. Маркс и Энгельс высоко ценили представителей этого направления также за трактовку буржуазных революций как закономерного этапа в борьбе против феодализма, за их критику реакционного романтизма (в частности, теоретиков легитимной монархической власти Бональда, Ж. де Местра и др.), предававшего анафеме французскую буржуазную революцию конца XVIII в. и воспевавшего средневековый сословный строй.

Взгляды Тьерри, Гизо и их коллег на классовую борьбу Маркс и Энгельс рассматривали как объективную тенденцию к преодолению идеалистического понимания истории. В письме В. Боргиусу 25 января 1894 г. Энгельс указывал: «Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие *должно* было быть сделано»⁵⁰.

Однако, подходя к этому направлению буржуазной историографии, как и ко всякому другому, диалектически, различая в нем и сильные, и слабые стороны, основоположники марксизма видели в концепциях Тьерри и его школы также черты либеральной ограниченности и непоследовательности. В письме Энгельсу 27 июля 1854 г. Маркс указывал, что Тьерри отнюдь не был склонен распространить свою теорию классовой борьбы на современное общество, ограничивая ее эпохой выступлений третьего сословия против феодализма и не замечая социальной неоднородности последнего, наличия внутри него эмбрионов будущего антагонизма между буржуазией и трудящимися классами. Либеральное толкование классовой борьбы отличалось от марксистского и в отношении объяснения происхождения классов. Если марксизм связывал их происхождение с определенными фазами развития производства, то Тьерри и Гизо сводили его к внешнему фактору — завоеванию, что возвращало их к идеалистическому толкованию истории. Энгельс в письме Марксу 22 декабря

1882 г. подчеркивал поверхностность такого объяснения становления классовой структуры феодального общества, и в частности возникновения крепостничества, делая при этом ссылку на Тьерри⁵¹.

Тем не менее сознание серьезных изъянов в воззрениях французских историков периода Реставрации не помешало Марксу и Энгельсу постоянно относить их к числу своих предшественников в выработке материалистической концепции исторического процесса. Об этом со слов Энгельса свидетельствовал Г. В. Плеханов. Говоря в своей статье «М. П. Погодин и борьба классов» (1911 г.) о критическом отношении основоположников марксизма к взглядам Гизо на завоевание, Плеханов замечал: «Впрочем, пишущий эти строки из личных бесед с Энгельсом знает, что как сам Энгельс, так и Маркс считали себя во многом обязанными трудам того же Гизо и других французских историков времен реставрации»⁵².

Эволюция буржуазной историографии с середины XIX в. в целом характеризовалась отходом от прогрессивных позиций. На нее все сильнее влияли реакционные сдвиги в буржуазной идеологии, происходившие под воздействием крупных вспышек классовой борьбы, роста рабочего движения, Парижской коммуны, распространения марксизма. В работах буржуазных историков все резче проявляются отмеченные Энгельсом вульгарная апологетика, фальсификаторские, шовинистические и колониалистские побуждения. Буржуазные историки стали все чаще пользоваться эклектическими философскими концепциями или реакционными идеями вошедших в моду философских течений (агностицизм, иррационализм и т. д.). Все чаще наблюдался прямой отказ от философского осмысления истории, узкопрагматический подход к ее изучению. Во многих случаях отбрасывались даже либеральные теории классовой борьбы, отрицалась роль революций, выдвигалась фальшивая идея гармонии классов.

Как уже отмечалось, Маркс и Энгельс чутко уловили многие из этих тенденций. Они, в частности, сразу же после революционных событий 1848 г. отметили изменение под их влиянием взглядов на революцию одного из буржуазных теоретиков классовой борьбы — Гизо, а также Карлейля, который ранее, несмотря на дань реакционному романтизму, в субъективистско-идеалистической форме культа Кромвеля и Дантона оправды-

вал английскую и французскую революции XVII и XVIII вв. В «Современных памфлетах» Карлейля Энгельс отмечал усиление реакционного характера культа героев, выродившегося теперь в апелляцию к сильным личностям как защитникам от революции, восхваление буржуазной полицейско-террористической системы подавления революционных масс.

Попытки умалить значение революций, отрицать их закономерность, противопоставить им эволюционистский процесс постепенного перехода от старых порядков к новым, вызревающим в лоне прежнего режима, а особенно очернить революционные действия масс и радикальные течения стали особенно интенсивно предприниматься в правобуржуазной историографии второй половины XIX в. В этом отношении буржуазные историки как бы возрождали антиреволюционные традиции прежней дворянской романтической историографии. Подобными идеями были пронизаны книги А. Токвиля «Старый порядок и революция» (1856 г.) и И. Тэна «Происхождение современной Франции» (издана в двух томах в 1876 и 1885 гг.). Для Энгельса была очевидна не только реакционность концепций этих историков, но и явная переоценка научной ценности их трудов буржуазной публикой. В письме Каутскому 20 февраля 1889 г., указывая на пробелы в освещении социальной структуры предреволюционной Франции, Энгельс подчеркивал неудовлетворительность с этой точки зрения работ «боготворимых филистером Тэна и Токвиля»⁵³.

К пересмотру прогрессивных при всей их либеральной ограниченности взглядов на историческое значение революций буржуазных историков побуждала получившая широкое распространение во второй половине XIX в. позитивистская социология с ее эволюционистскими концепциями и отрицанием роли качественных скачков в общественном развитии. Позитивистская методология, несмотря на то что она прививала известный интерес к социальной жизни народов, в общем и целом мешала историкам выйти за пределы идеалистического толкования истории. Она сдерживала прогрессивные тенденции к материалистическому объяснению исторических процессов или направляла эти тенденции в русло вульгарного биологического или географического детерминизма.

Таким образом, в позитивистском направлении, главенствовавшем в буржуазной исторической науке начи-

ная с середины XIX в. и вплоть до конца столетия, Маркс и Энгельс также увидели симптомы ее общего упадка. И тем не менее они отнюдь не считали, что ее познавательные возможности уже исчерпаны. Сложный процесс эволюции буржуазной исторической мысли продолжался, сопровождаясь как усилением в ней реакционных тенденций, так и успехами в исследовании конкретных исторических явлений, научными поисками, приводившими к важным открытиям. Как и на предыдущих стадиях, продолжалось столкновение разных точек зрения, прогрессивные идеи пробивали себе дорогу в борьбе с консервативными взглядами, нередко отвергались официальным ученым миром. Распространение марксизма заставляло не только буржуазных философов и экономистов, но и историков обращаться к той сфере, которой марксизм придавал особое значение, — экономике, экономической истории. В этом сказалось влияние марксистской мысли на буржуазную науку.

И на стадии, когда развитие буржуазной историографии шло в целом уже по нисходящей линии, Энгельс считал необходимым выделять в буржуазной исторической литературе труды, отличающиеся теми прогрессивными, демократическими чертами и реалистическим подходом к истории, которые он так высоко ценил в книге В. Циммермана о Крестьянской войне в Германии. Так, достоинство работ 50—70-х годов А. Бужара, Ж. Авенеля, Э. Амеля, Р. Шевремона по истории французской буржуазной революции Энгельс видел прежде всего в правдивом освещении периода якобинской диктатуры и деятельности вождей якобинцев — Марата, Робеспьера, Сен-Жюста, а также представителей более левых течений (эбертистов). О Бужаре Энгельс, в частности, писал, как об авторе, опровергнувшем тенденциозные вымыслы консервативных историков о Марате и восстановившем подлинный облик «друга народа»⁵⁴.

Научную интуицию, исследовательский талант, способность к важным открытиям Энгельс находил и у буржуазных историков, отличавшихся часто даже не только умеренно-либеральными, но и консервативными политическими взглядами. С таким критерием он подходил как к более ранним, так и к написанным в его время историческим трудам. Так, Энгельсу весьма импонировал здравый смысл и верный взгляд на полководческое искусство Наполеона английского военного историка У. Нейпира, автора солидного труда о войне на Пире-

нейском полуострове 1807—1814 гг., хотя он и отдавал себе отчет в том, что Нейпир не свободен от националистического преувеличения роли английского командующего Веллингтона. В письме Вейдемейеру 19 июня 1851 г. Энгельс причислил книгу Нейпира к лучшим произведениям «из области военно-исторической литературы»⁵⁵.

Критическое направление мысли, которое с 30-х годов XIX в. стало распространяться в ирландской буржуазной историографии, Энгельс связывал с именами Дж. О'Донована и Дж. Петри. Важные исторические данные, разоблачающие английское господство в Ирландии, Энгельс обнаружил в англо-ирландской литературе умеренно-буржуазного направления, в частности у таких авторов, как либералы Дж. Н. Мерфи и Дж. Прендергаст, а также тори Дж. Фицгibbon, хотя сами эти авторы пытались смягчить картину колониальной эксплуатации Англией ирландского народа. Энгельс видел в этих работах пример, когда концепции историков опровергаются приводимыми ими самими фактами⁵⁶.

Не разделяя протекционистских взглядов немецкого историка-экономиста Г. Гюлиха, Энгельс считал, что в его книге «Историческое описание торговли, промышленности и земледелия» собран ценнейший материал «для объяснения бесчисленного множества политических фактов...»⁵⁷. Весьма рациональные элементы содержало, по мнению Энгельса, исследование немецкого буржуазного историка и юриста П. Р. Рота по проблемам феодализма во франкском государстве Кароллингов, хотя феодальные отношения Рот узко трактовал как чисто государственно-правовые. Тем не менее его труд «История бенефициальной системы» Энгельс характеризовал как одну «из лучших книг домауреровского периода»⁵⁸. Консервативные взгляды Р. Мейера, современника Энгельса, не помешали ему положительно отнестись к фактическому содержанию ряда работ этого экономиста, историка и публициста, в частности к его вышедшей в 1877 г. книге о грюндерстве в Германии.

Одним из крупнейших достижений буржуазной исторической науки Маркс и Энгельс считали марковую теорию Г. Л. Маурера, разработанную им в ряде трудов, начиная с изданной в 1854 г. книги «Введение в историю маркового, подворного, сельского и городского устройства и публичной власти». Эти труды, которые подтверждали научное представление о первич-

ности коллективной собственности на землю, сохранявшейся в виде различных форм общинного землепользования на протяжении почти всех средних веков, Энгельс называл превосходными, несмотря на крайне тяжело-весную форму изложения⁵⁹.

Заслугу Маурера Энгельс видел в том, что он вновь открыл подлинный аграрный строй древних германцев, который «на протяжении всего средневековья служил основой и образцом всякого общественного устройства»⁶⁰. Между тем это открытие было сделано историком с несомненно консервативными убеждениями. Маурер, как указывал Энгельс, считал, что в условиях жизни средневековых крестьян Германии происходил непрерывный прогресс, не замечал усиления крепостной зависимости в период позднего средневековья, игнорировал роль внешнеэкономического принуждения в процессе закрепощения. В своей работе «Марка» (1882 г.) Энгельс не только опирался на выводы Маурера, но и косвенно подвергал критике его взгляды. Тем не менее значение трудов Маурера в глазах Энгельса было так велико, что он счел нужным специально упомянуть о них — наряду с открытиями Моргана — в примечаниях к изданиям «Манифеста Коммунистической партии» 1888 и 1890 гг.⁶¹

Научную значимость того или иного выдающегося исторического открытия в глазах Энгельса не могло умалять и то обстоятельство, что некоторые из этих открытий облекались буржуазными историками в идеалистическую форму, затушевывающую их сущность. Это относилось, в частности, к труду И. Я. Бахофена «Материнское право» (1861 г.). Установление Бахофеном подлинного характера так называемого матриархата, проистекающего из древней полигамии (сам Бахофен обозначал ее неудачным термином «гетеризм») и естественного для нее счета родства по женской линии, Энгельс считал важной вехой в изучении первобытных общественных институтов. В то же время он отмечал: «В высшей степени важные открытия Бахофена повсюду до невероятия мистифицированы его фантастическим представлением, будто источником исторически возникавших отношений между мужчиной и женщиной были всегда соответствующие религиозные представления людей, а не условия их действительной жизни»⁶². Это был как раз тот случай, когда прогрессивные научные идеи буржуазного ученого следовало освобождать

от иррациональной оболочки, рациональное содержание отделять от мистической формы.

Энгельс с удивительной точностью определил революционизирующую роль в науке учения Моргана о гентильной организации древнего общества. Морган, указывал он, «открыл и восстановил в главных чертах... доисторическую основу нашей писаной истории... книга его — одно из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху»⁶³.

Примечательно, что Энгельс рассматривал работу Моргана «Древнее общество» в связи с общим развитием исторической науки, как его определенный итог, открывающий одновременно новый этап в исследовании первобытности. Открытия Моргана венчали собой, подчеркивал он, усилия историков, стремившихся разобраться в социальной структуре первобытного общества. В то же время Морган проложил путь для дальнейших изысканий, которые, как проницательно предвидел Энгельс, неизбежно должны были не только углубить его теорию, но и внести в нее серьезные поправки. Такова диалектика развития науки.

Если и в прошлом наиболее прогрессивные буржуазные историки приближались к материалистическому толкованию истории, то и в дальнейшем прогресс науки побуждал передовых ученых, часто вопреки их мировоззрению, стихийно становиться на материалистические позиции. Моргана, пришедшего в границы своего предмета к материалистическому пониманию истории, его стихийный материализм (несмотря на то, что его общие взгляды носили черты идеалистического эволюционизма) привел даже к антибуржуазной точке зрения на будущее человечества. «Он мастерски раскрывает картину первобытного общества и его коммунизма, — писал Энгельс о Моргане. — Он самостоятельно вновь открыл марксову теорию истории и заканчивает свой труд коммунистическими выводами по отношению к современности»⁶⁴. Пример Моргана показывает, считал Энгельс, что подлинные научные тенденции в буржуазной исторической науке либо подводят отдельных ученых к материалистическому пониманию истории, либо, если они не в состоянии порвать с буржуазными взглядами, побуждают совершать открытия и вводить в научный оборот факты, подтверждающие правоту марксистского понимания исторического процесса.

Высоко оценивал Энгельс известные ему достижения

русской исторической науки. Появление в 1890 г. книги М. М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» Энгельс рассматривал как важный шаг вперед в науке после открытия Моргана. Это была одна из фундаментальных работ, которые дали Энгельсу основание внести существенные уточнения и дополнения во взгляды американского ученого на эволюцию семейных и родовых отношений в древности. Энгельс отмечал успешное применение Ковалевским историко-сравнительного метода, указывая и на некоторые недостатки его работы — «юридические заблуждения», чрезмерное преклонение перед авторитетами⁶⁵. Сильное впечатление на Энгельса произвела упоминавшаяся в первой части книга Н. И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». Эта «лучшая работа о крестьянах», по мнению Энгельса, проливала свет на социальные предпосылки революции 1789—1794 гг., оставляемые в тени французской буржуазной историографией⁶⁶.

Принципиально критическим и в то же время разборчивым отношением к буржуазной историографии Энгельс наметил путь не только к преодолению влияния ее порочных сторон при разработке исторических проблем, но и к усвоению ее позитивных достижений.

Многие тенденции, подмеченные Энгельсом, получили развитие в современной буржуазной исторической науке, проявляясь с еще большей, чем раньше, силой в методологических блужданиях буржуазных историков, в их фальсификаторской трактовке истории как прошлого, так и особенно новейшего времени, в апологетической защите империалистической реакции, в антимарксистской, антикоммунистической направленности. Критика Энгельсом буржуазных историков, так же как критический анализ исторических работ буржуазных авторов в произведениях К. Маркса и В. И. Ленина, помогает вскрывать социальные и гносеологические корни современных явлений в буржуазной историографии. Историографическое наследие классиков марксизма-ленинизма является одним из важных видов идейного оружия в борьбе против современных противников социального и духовного прогресса.

Часть III

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭНГЕЛЬСОМ УЗЛОВЫХ ПРОБЛЕМ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Глава I

Разработка научной периодизации истории

Маркс и Энгельс рассматривали всемирную историю как закономерный процесс общественного развития. Они раскрыли стадийный характер этого процесса и тем самым определили важнейшие принципы его научной периодизации. Ее теоретическим фундаментом послужило выдвинутое основоположниками марксизма учение об общественно-экономических формациях, об их смене как решающей вехе, отделяющей одну стадию исторического процесса от другой, более прогрессивной.

Решающая роль в обосновании понятия общественно-экономической формации как совокупности экономических отношений, покоящихся на исторически определенном способе производства и определяющих все остальные стороны — социальные, политические, идеологические — жизни общества, в разработке учения о закономерном революционном переходе от одной формации к другой, принадлежала Марксу. «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними, — отмечал В. И. Ленин, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-эконо-

мической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹.

Большой вклад в разработку теории общественно-экономических формаций внес Энгельс. Он был соавтором Маркса в создании «Немецкой идеологии», где впервые были сформулированы контуры этой теории, и в дальнейшем развивал различные ее стороны в собственных теоретических и исторических трудах. В этой теории Энгельс неизменно видел ключевую предпосылку познания исторических явлений. В письме Конраду Шмидту 5 августа 1890 г., сетуя по поводу упрощенного и поверхностного подхода к истории многих представителей интеллигенции, вступивших в ряды социал-демократической партии, он указывал на то, что они не дают себе труда изучать главное — «политическую экономию, историю политической экономии, историю торговли, промышленности, земледелия, общественных формаций»². О том, насколько глубоко он сам понимал сущность общественно-экономических формаций как комплекса общественных отношений определенного исторического типа, свидетельствуют его рассуждения в послесловии 1894 г. к работе «О социальном вопросе в России» о недопустимости приписывать той или иной формации несвойственные ей черты, отрывать ее от той исторической почвы, на которой она сложилась. «Каждая данная экономическая формация, — писал Энгельс, — должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей»³.

Методологические основы научной периодизации всемирной истории были впервые заложены Марксом и Энгельсом именно в «Немецкой идеологии». Здесь был обрисован общий ход исторического процесса, ступенями которого явились первоначальная, первобытная стадия развития общества, отличавшаяся общей («племенной») собственностью и отсутствием классового деления, рабовладельческая стадия, феодализм и капитализм. Каждой стадии, отмечалось в этой работе, соответствовал определенный уровень развития разделения труда и определенная форма собственности, обусловившая господствующий тип общественных отношений. Высшей ступенью развития человеческого общества должен стать коммунизм, к установлению которого

с исторической неизбежностью ведет общественное развитие⁴.

Эта общая картина служила ее авторам постоянным ориентиром при осмысливании отдельных сторон исторического процесса, членения его на определенные периоды, уяснения характерных для определенных стадий истории черт, общих для всех стран и народов, проходивших через эти стадии. В частности, в «Анти-Дюринге» Энгельс оперирует понятиями первобытное, рабовладельческое, феодальное и буржуазное общество, обозначая ими основные этапы, через которые прошло в своем развитии человечество. Коммунизм рассматривается как формация, идущая на смену капитализму, как будущее человечества. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс, говоря о трех великих формах порабощения — рабстве, крепостничестве и наемном труде, характерных «для трех великих эпох цивилизации», также по существу рассматривает всю историю с позиций пятичленного ее деления⁵. Здесь речь шла о трех основанных на классовом антагонизме, господстве и подчинении формациях, противопоставляемых двум формациям, не знающим эксплуатации, — первобытному строю и будущему коммунистическому обществу.

Разработанная Марксом и Энгельсом общая периодизация исторического процесса явилась отправной методологической предпосылкой и для установления главных этапов в развитии отдельных стран и народов. Однако Маркс и Энгельс никогда не превращали эту периодизацию в некую жесткую и непреложную схему, шаблон, который можно безоговорочно прикладывать к истории в любом случае, не считаясь со своеобразием исторического процесса у народов разных стран и континентов. Общая периодизация выражала как бы генеральное направление исторического процесса, само же конкретное осуществление его было у разных народов связано со значительными модификациями, отклонениями от общего пути, даже зигзагами.

В необходимости дальнейшего углубления общей периодизации убеждались и сами основоположники марксизма. В 1859 г. Маркс наряду с покоящимся на рабстве античным способом производства отметил особый тип производственных отношений — азиатский способ производства, господство которого составило целую полосу в экономической истории человечества, наступив-

шую после первобытных времен. В представлении Маркса, как это явствует из его работы «Критика политической экономии» (главная часть «Экономических рукописей 1857—1858 гг.» — первоначального варианта его «Капитала»), это была первая форма антагонистических отношений, выражавшихся в подчинении деспотической правящей верхушке, которая сосредоточила в своих руках управление ирригационными работами, полупервобытных, патриархально замкнутых сельских общин. Об обособлении общественных функций как пути образования господствующей верхушки, возвысившейся над совокупностью прежде независимых общин, писал Энгельс в «Анти-Дюринге». На основе этого процесса сложились общественные отношения, отмечал он, характерные, в частности, для восточных деспотий⁶.

Историческая эволюция многих народов, полагал Энгельс, происходила по ряду причин отнюдь не в строгом соответствии с общей периодизацией всемирной истории. Некоторые из них по существу не знали рабовладельческой стадии развития. Так, отмечая наличие рабства у кельтов древней Ирландии, Энгельс своими исследованиями установил, что оно не оказало у них заметного влияния на общественный строй. Про древних германцев он писал, что они не довели зависимость низших слоев общества «до вполне развитого рабства: ни до античной формы рабского труда, ни до восточного домашнего рабства»⁷. Таким образом, Энгельсу было ясно, что значительная часть человечества перешла от первобытнообщинного строя к феодализму, минуя если не рабство как общественный институт, то во всяком случае рабовладельческую формацию. Энгельс, как и Маркс, допускал возможность некапиталистического пути развития для ряда народов при условии победы социализма в передовых странах⁸.

Общественное развитие разных народов совершалось далеко не одинаковыми темпами. В 1853 г., обмениваясь письмами по поводу особенностей истории стран Азии, Маркс и Энгельс отмечали застойный и замедленный характер, которые приобрели здесь в определенное время существенные социальные процессы по сравнению со странами Европы. Переход стран Восточной Европы от феодализма к капитализму, как неоднократно отмечали Маркс и Энгельс, значительно задержался по сравнению со странами Европейского Запада. Нередки были примеры переплетения разных общественно-эко-

номических укладов, сосуществовавших в рамках той или иной социальной структуры. Подобную многоукладность, в частности сочетание феодальных и капиталистических элементов при наличии пережитков и более архаических социальных форм, например сельской общины, Энгельс подметил в экономике и общественном строе царской России. На это же он указывал, характеризуя положение в Австрийской империи, Пруссии и других германских государствах в первой половине XIX в.

Одним словом, рассматривая смену общественно-экономических формаций как решающий фактор, определяющий главные рубежи и в историческом процессе каждой страны, Маркс и Энгельс учитывали, что этот процесс протекал в разных местах не однолинейно и не однозначно, с разной продолжительностью его отдельных стадий, а нередко и с «выпадением» некоторых из них (например, рабовладельческой ступени). Поэтому периодизация истории отдельных стран не могла механически совпадать и неизбежно должна была отражать своеобразие местного национального исторического процесса. Именно из этого диалектического соотношения общего и особенного исходил Энгельс при разработке истории ряда стран, в частности Германии и Ирландии. Выделяя важнейшие периоды в их развитии, он при этом принимал во внимание и особенности перехода от одной формации к другой в данных исторических условиях, и влияние на это развитие важнейших привходящих экономических и политических обстоятельств. В истории Германии, например, такими обстоятельствами он считал перемещение путей мировой торговли в XVI в., в результате которого страна оказалась «отесненной в какое-то захолустье»⁹, а также поражение немецкой ранней буржуазной революции — Реформации. Оба этих события на столетия задержали здесь переход от феодализма к капитализму. Для Ирландии важнейшей исторической вехой Энгельс считал вторжение английских завоевателей во второй половине XII в., положившее начало длительному процессу ее колониального покорения Англией, в результате которого полуфеодальные формы эксплуатации крестьянского населения чужеземными лендлордами сохранились и в эпоху, когда в метрополии прочно утвердился капиталистический способ производства.

Однако, несмотря на всю региональную и национальную специфику проявления общих исторических законов,

выдвинутые Марксом и Энгельсом основы ее научной периодизации имели огромное, универсальное значение для глубокого понимания исторического процесса как в целом, так и в его конкретных местных формах. Если и уподоблять данную Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» характеристику основных этапов, через которые прошло человечество, определенной социологической модели, то следует сразу сказать, что эта модель отнюдь не была априорно выведенной, чисто умозрительной логической схемой. Она с самого начала строилась на постижении реального процесса развития общества и в обобщенном виде отражала этот процесс. В целом эта общая модель независимо от возможных уточнений и усовершенствований оказалась глубоко верна в основных своих чертах.

Большое методологическое значение имело выделение Марксом и Энгельсом различных этапов в рамках развития каждой общественно-экономической формации, если так можно выразиться, вторичное членение всемирно-исторического процесса. Это членение также носило универсальный характер, отражая всеобщие закономерности общественного развития, но аналогично общему учению о формациях при изучении конкретного хода истории должно было применяться с учетом его местной и национальной специфики.

Общественно-экономические формации Маркс и Энгельс никогда не воспринимали как нечто статичное и неизменное. Они постоянно рассматривали их диалектически, в процессе становления, расцвета и упадка. Энгельс, исследуя, например, историю средних веков, четко различал времена генезиса феодализма, его существования в развитом виде и его разложения. В историческом развитии капиталистического способа производства он вслед за Марксом также усматривал разные стадии, в частности мануфактурный период (предшествовавшая ему стадия простой кооперации соответствовала еще эмбриональным формам зарождения капитализма), и период крупной машинной промышленности.

Таким образом, согласно диалектико-материалистическому пониманию законов самого внутриформационного развития, Маркс и Энгельс учили различать в истории формаций определенные фазы, варьирующие по продолжительности и по проявлению присущих им признаков в разных конкретных случаях, но тем не менее

отличающиеся однозначными чертами для различных стран и народов.

Особенно важным для разработки методологических принципов периодизации было толкование основоположниками марксизма самого перехода от одной формации к другой. Согласно учению Маркса и Энгельса, он происходил революционным путем, в результате вызревания материальных предпосылок нового общества в недрах старого, а также формирования тех общественных сил, которые должны были осуществить революционную ломку прежних отношений, препятствующих развитию новых, и добиться утверждения нового социального строя. Эти социальные революции, воплощающие качественные скачки в развитии общества, отнюдь не представляют собой неких единовременных актов. Основоположники марксизма рассматривали их как сложные исторические процессы, занимавшие целые исторические полосы в жизни народов, иногда довольно длительные по времени. Несмотря на разнотипность, социальные революции отличаются и общими чертами, в частности поэтапным и поступательным характером. Охватывая целую цепочку крупных событий, революционных выступлений, столкновений сил прогресса и реакции как внутри отдельных стран, так и на международной арене, социальные революции образуют промежуточные, переходные стадии от одного общественного строя к новому, более прогрессивному, в течение которых новые формы организации общества могут и сосуществовать с прежними, пока новые общественные отношения окончательно не вытеснят старые. Эти важные этапы всемирной истории переплетаются с периодами разложения одной формации и генезиса другой, не всегда целиком совпадая с ними¹⁰.

Для обозначения определенных фаз в развитии общественно-экономических формаций, а также стадий перехода от одной формации к другой, стадий социальной революции, в марксистской литературе применяется понятие «эпоха».

Эпоха — понятие емкое, употребляющееся основоположниками марксизма в разных смыслах, применительно к природоведению («геологические эпохи»), к истории промышленности и других сторон хозяйственной жизни, науки, культуры, мышления и т. д. Нередко в произведениях Маркса и Энгельса можно встретить и употребление этого термина в значении, идентичном обознача-

нию самих общественно-экономических формаций (первобытная эпоха, эпоха средних веков, буржуазная эпоха). Но основоположники марксизма пользовались терминами «историческая эпоха», «экономическая эпоха» и в менее широком смысле, для характеристики дробных стадий общественного развития в пределах той или иной формации и переходных этапов от одной из них к другой. Именно в таком употреблении термина «эпоха» выражено его главное понятийное содержание и его функциональное значение для периодизации исторического процесса.

В указанном смысле Маркс и Энгельс понимали под эпохой определенный исторический отрезок, отличающийся устойчивыми общими признаками, прежде всего определенной ступенью эволюции способа производства того или иного типа и обусловленными этим особыми чертами социальных отношений на данной ступени развития той или иной формации.

Понятие эпохи вытекало, таким образом, у основоположников марксизма из представлений о стадильном характере не только всего исторического процесса, но и внутрiformационного развития. Они раскрывали существо этого понятия как определенной исторической категории в ходе прежде всего конкретного анализа тех или иных исторических явлений. Так, исследуя, в частности, процесс упадка родового строя и становления классового общества, Энгельс пришел к выводу, что этот процесс образует определенную ступень в становлении рабовладельческого строя, а в других условиях, у тех народов, у которых рабство не получило развития, как, например, у древних германцев, в формировании феодального общества. Он образно называл эту ступень «геронческой эпохой», подразумевая архаический период в истории Древней Греции, отраженный в поэмах Гомера, «эпохой так называемых царей» в истории Рима, а у других народов времен железного века — «эпохой железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора»¹¹.

Как особую эпоху Энгельс рассматривал время начавшегося в XV в. кризиса феодальных отношений. Он связывал его с Возрождением, которое понимал шире, чем период революционных сдвигов в мировоззрении, в развитии науки, культуры и искусства. Эпоха Возрождения, отмечал он, вызвала к жизни не только мощный духовный подъем, но и социальные процессы, подгото-

вившие ту социальную революцию, в ходе которой был опрокинут феодализм¹².

Особенно часто пользовались Маркс и Энгельс термином «эпоха» для обозначения различных стадий развития капитализма. Маркс, в частности, писал об эпохе его «образования и возникновения»¹³. Он имел в виду прежде всего время первоначального накопления, когда, по его словам, «эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев»¹⁴.

Соответствующие высказывания Энгельса о различных эпохах в развитии капиталистической формации свидетельствуют о том, что он вкладывал такое же, как и Маркс, содержание в это понятие. Характерно, в частности, что появление в средние века таких зародышевых элементов капиталистического способа производства, как простая кооперация, Энгельс вслед за Марксом не считал признаком наступления новой эпохи. Резюмируя положения «Капитала» на этот счет, он писал, что кооперация в своей простой форме «не образует никакой прочной, характерной формы особой эпохи капиталистического производства»¹⁵. Зато процесс первоначального накопления, начавшийся на исходе XV в. и ознаменованный появлением в результате массовой экспроприации трудящихся свободных наемных рабочих, Энгельс, солидаризуясь со своим другом, рассматривал как эпоху генезиса капиталистического общества. Он указывал, что этим процессом, «вместе с начавшимся в ту же эпоху созданием мировой торговли и мирового рынка, была дана основа, на которой масса наличного движимого богатства должна все в больших и больших масштабах превращаться в капитал, а капиталистический способ производства, направленный на создание прибавочной стоимости, должен становиться все более и более исключительно господствующим»¹⁶.

В эволюции сложившегося капиталистического строя Маркс, как уже говорилось, различал «мануфактурный период», равнозначный особой эпохе, и «эпоху крупной промышленности»¹⁷. Энгельс, как это видно уже из его работ 40-х годов — «Положение рабочего класса в Англии», «Принципы коммунизма», — также считал ману-

фактурную стадию особой эпохой в развитии капитализма. Границей, отделяющей ее от следующей стадии, указывал он, явилась промышленная революция конца XVIII — начала XIX в. Современное ему время Энгельс позднее называл «эпохой крупной промышленности и железных дорог»¹⁸.

Высказывая проницательную догадку о наступлении в будущем новой стадии капиталистического развития, Маркс писал в 1856 г., что «применение формы акционерных компаний в промышленности знаменует новую эпоху в экономической жизни современных народов»¹⁹.

Считая характерной особенностью всемирно-исторического процесса перерастание эволюционного развития в революционное, Маркс и Энгельс особенно выделяли эпохи перехода от одной формации к другой, которые прямо обозначали как революционные. В предисловии к работе «К критике политической экономии» Маркс указывал, что, когда на определенной стадии общественного развития возникает глубокий конфликт между развившимися производительными силами и существующими производственными отношениями, «наступает эпоха социальной революции»²⁰. Неоднократно пользовался он и термином «революционные эпохи». В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» он называл их «эпохами революционных кризисов»²¹.

Энгельс также употреблял понятие революционной эпохи в указанном значении, а самый термин встречается еще в его публицистике накануне революции 1848 г.²² В одном из фрагментов «Диалектики природы» он ссылается на такие «критические эпохи», когда в истории «движение путем противоположностей выступает особенно наглядно»²³. Целую переходную эпоху, по его мнению, в частности, составил процесс революционного ниспровержения феодализма.

Нет необходимости указывать, что будущей пролетарской революции и переходному периоду от капитализма к социализму Маркс и Энгельс придавали всемирно-историческое, эпохальное значение, рассматривая их как величайшую переломную эпоху из всех когда-либо пережитых человечеством.

Таковы были методологические принципы и критерии для периодизации всемирной истории, введенные Марксом и Энгельсом и применяемые ими в конкретном исследовании исторического процесса. В совокупности они

составляют целую научную систему, являясь важнейшим элементом марксистской методологии изучения закономерностей общественного развития.

Глава 2

Освещение истории докапиталистических формаций и капитализма

Учение об общественно-экономических формациях было конкретизировано Марксом и Энгельсом исследованьем конкретной структуры и эволюции каждой формации. Понятие «формация» в их трудах наполнилось живым, историческим содержанием. Особенно это относится к капиталистической формации. Недаром, по меткому выражению В. И. Ленина, Маркс в «Капитале» показал «всю капиталистическую общественную формацию как живую»¹. Немало ярких штрихов нашлось у Маркса и Энгельса для характеристики различных конкретных сторон докапиталистических формаций. Исключительно много в этом плане было сделано Энгельсом, исследовавшим в своих исторических произведениях основные этапы всемирной истории, начиная от глубокой древности и кончая современными ему событиями.

Развитие материалистических взглядов на первобытное общество

Еще задолго до появления книги Моргана «Древнее общество» (1877 г.) у Маркса и Энгельса складывались представления об общественном устройстве первобытных народов, в некоторой степени предвосхитившие выводы американского ученого и эволюцию передовой научной мысли в этой области в целом. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, как отмечалось, рассматривали первобытное состояние как стадию, в которой общественные отношения покоились на коллективистских началах, на совместной собственности племени, представляя собой своего рода племенной коммунизм. Подчеркивали они и первостепенное значение на этой ступени естественных родственных связей, скреплявших первобытные племенные или родовые коллективы (ясного представления о соотношении между родом и пле-

менем в тогдашней науке не существовало). Правда, в понимании первобытных форм семьи они не отошли тогда еще от общераспространенного отождествления их с семьей более позднего времени.

Для уяснения структуры первобытного общества важную роль сыграло изучение Марксом и Энгельсом азиатской, в частности индийской, общины в 50-х годах XIX в.

Мнение о принципиальном различии между семейными отношениями в первобытную эпоху и последующей моногамной, индивидуальной семьей у Маркса определилось уже в 1859 г. Энгельс высказался в том же духе в 1870 г. Он писал в рукописи по истории Ирландии, что существовавшие у ирландских кельтов формы брака, допускавшие гораздо большую свободу половых отношений, чем при моногамной семье, «имели место у всех диких народов...»². Из подготовительных материалов Энгельса по истории Ирландии видно, что самое серьезное его внимание привлекали многочисленные свидетельства в источниках о той крупной роли, которую играли в общественном строе ирландцев родовые и клановые отношения, общинные обычаи, общинное владение землей.

Важным этапом в развитии взглядов на первобытное общество явились его занятия — до знакомства с трудом Моргана — историей древних германцев в начале 80-х годов. В ходе этих занятий Энгельс, так же как и при изучении древнеирландского общества, убедился в том, что социальная организация германских племен на первобытной стадии покоилась на «союзе, основанном на кровном родстве...»³. В дальнейшем в результате развития земледелия, ремесленных промыслов, обмена, появления имущественного неравенства, чему способствовали и контакты с римлянами, а также переселения, эти родовые союзы распались, сменились соседскими, территориальными, в которых длительное время господствовали, однако, общинные порядки, устойчивые формы общинного землевладения и самоуправления — пережиток родовых отношений. Эти наблюдения Энгельс частично обобщил в то время в очерке «Марка» (1882 г.). Таким образом, результаты этих новых исследований еще более укрепили Энгельса в тех выводах, которые были сделаны им независимо от Моргана и потом уточнены и конкретизированы на основании материалов его книги и работ других ученых. Да и самый выход в

свет моргановского «Древнего общества» не стал для Энгельса пределом в его дальнейших занятиях проблемами первобытности. Он продолжал, как уже было сказано в первой части данной книги, изучать все новую литературу и источники и развивать сложившуюся у него концепцию первобытной истории.

Научные заслуги Морганов, признанные Энгельсом, поэтому отнюдь не умаляют его собственного вклада в разработку истории первобытного общества. Интерпретация Энгельсом фактического материала, собранного Морганом, и его выводов в свете исторического материализма, а также результатов собственного изучения истории, прежде всего на кельтских и германских данных, представляли собой глубокий синтез достижений передовой этнографической науки и марксистского понимания исторического процесса.

О самостоятельной роли Энгельса в разработке первобытной истории говорит и тот факт, что еще в 1876 г. в статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» им была поставлена на научные рельсы сама проблема происхождения первобытного общества. Эта работа после ее публикации в 1896 г. на многие годы вперед определила основные пути развития научного антропогенеза и социогенеза. Великой заслугой Энгельса является то, что он доказал преобразующее влияние трудовых процессов на формирование самого физического типа человека. Буржуазные современники Энгельса — представители позитивистской историографии, социал-дарвинисты и т. д., — как правило, сводили это формирование либо к действию меняющейся географической среды (Бокль, Рсклю и др.), либо к чисто биологическим процессам (Спенсер, Фогт и т. д.).

Энгельс доказал, что предпосылкой возникновения человека и человеческого общества могло стать только определенное сочетание этих процессов с трудовыми и усиливавшееся влияние последних. Труд, писал Энгельс, «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»⁴. Только соединенное действие социального фактора — труда, производства орудий труда, добывания с их помощью пищи и т. д. — с естественным, биологическим привело к появлению человеческого общества.

Социальные и биологические процессы в ходе антропогенеза, в понимании Энгельса, взаимодействовали по-

разному. Так, влияние успехов в добывании и приготовлении пищи на физиологическую эволюцию предка человека закреплялось естественным отбором. С другой стороны, животные инстинкты, в том числе ревность самцов, зоологический индивидуализм, тенденция наиболее сильных особей к доминированию над остальными, препятствовали сплочению первобытного стада как первоначального общественного коллектива, стояли на пути социогенеза и должны были преодолеваться. «Ревность самца, одновременно скрепляющая и ограничивающая семью животных, — писал Энгельс в дополнении к 4-му изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства», — приводит ее в противоречие со стадом; из-за этой ревности стадо, более высокая форма общения, в одних случаях прекращает свое существование, в других утрачивает сплоченность или распадается на время течки, а в лучшем случае задерживается в своем дальнейшем развитии»⁵.

Характерной чертой трудовой концепции Энгельса было рассмотрение всех основных факторов физического формирования человека и становления его общественного бытия в неразрывной взаимосвязи и взаимодействии. Эта концепция отличалась с самого начала удивительной цельностью и оказалась, как продемонстрировало последующее развитие науки, правильной не только в общих чертах, но и во многих деталях. В настоящее время ряд ее положений воспринимаются как элементарные истины, хотя в свое время Энгельс мог их высказать лишь в порядке гипотезы. Ведь в его распоряжении не было тогда почти никаких данных о древнейших предках человека (архантропах), о самом времени зарождения человеческого общества. Тем не менее, установив, что процесс очеловечения обезьяноподобных предков начался с изготовления примитивных орудий, он указал на чрезвычайную длительность этого процесса, исчисляемого сотнями тысяч лет. Современные находки заставили ученых продлить этот срок до нескольких миллионов лет. Весьма плодотворными были мысли Энгельса о роли в антропогенезе перехода к прямохождению обезьяноподобных существ, развития руки, употребления мясной пищи, использования огня. Отнеся последнее к древнейшим открытиям архантропов, Энгельс в данном случае оказался более точным, чем Морган, в схеме которого — позднее ее принял и Энгельс — использование огня было ошибочно, как выяснилось

позднее, отнесено в целом к средней ступени дикости. В коллективных процессах труда, с развитием которых становились необходимыми более совершенные формы коммуникации, Энгельс справедливо увидел главный источник происхождения членораздельной речи, формирования человеческих органов чувств и мышления. Трудовая деятельность, подчеркивал Энгельс, привела к известной эмансипации первобытного человека от климатических условий, расширила географическую сферу обитания.

В развернутом виде взгляды Энгельса на первобытное общество были изложены в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Здесь Энгельс дал цельную сводку наиболее передовых воззрений на первобытность, достигнутых исторической наукой в XIX в., и наметил пути дальнейшего научного поиска в этой области. В своей работе он вскрыл основные особенности социальной структуры первобытного общества, показал главные черты его эволюции. Важное научное значение имело различие двух стадий его развития: первоначальной, дородовой (согласно более поздней терминологии, эпохи первобытного стада) и родовой. Как особую ступень рассматривал Энгельс и период разложения родовых отношений, переход к классовым общественным структурам. Род у Энгельса — категория историческая, имеющая корни не только в естественных связях, эволюционировавших под влиянием развития первобытной семьи, но и в определенных социальных условиях жизни общества. Происхождение рода Энгельс связывает с ограничением промискуитетных половых отношений первоначальных коллективов первобытных людей путем родовой экзогамии (запрещение брака внутри рода) под влиянием инстинктивного стремления устранить отрицательные последствия кровосмешения и добиться большей жизнеспособности, организованности и сплоченности этих коллективов, которые сообща вели домашнее хозяйство и для которых кровнородственные отношения служили на первых порах единственной формой общественной связи. Именно эти сдвиги в жизни примитивного коллектива вызвали появление родового устройства как характерной формы определенного общественного порядка.

Непреходящее значение имеет и положение Энгельса о первобытном общем домашнем хозяйстве, о коллективистских началах, пронизывающих всю жизнь об-

щества на этой ступени его развития. Энгельс видел в таком коллективном хозяйстве экономическую основу первобытной общественной структуры как на ее дородовой, так и на родовой стадии, отдавая себе отчет в том, что форма ведения этого хозяйства на разных ступенях видоизменялась: хозяйственной ячейкой общества с появлением парной семьи становилась домашняя община, объединяющая несколько семейств, большая семейная община и т. д.⁶ Господство на ранних стадиях группового брака, эволюция брачных отношений от полигамии к парной семье и моногамии, матриархальная система родовых отношений, сменившаяся постепенно менее древней патриархальной, отсутствие частной собственности, равно как и прибавочного продукта, присваиваемого одними за счет других, а также обособившейся от общества публичной власти — таковы особенности этой ранней эры развития человечества, очерченные Энгельсом с большим мастерством.

К этому следует еще добавить и высказанные в «Анти-Дюринге» мысли о характере религиозных верований первобытных людей, проливающие свет на идеологические стороны их жизни. В основе первобытной религии, указывал Энгельс, лежали проявившиеся в разных формах фантастические представления о господствовавших над людьми таинственных силах природы. Вслед за тем, на более высокой ступени развития, возникла тенденция к обожествлению и социальных сил⁷.

Насколько эта картина соответствует современным представлениям, основанным на значительно более богатом историческом, археологическом и этнографическом материале по сравнению с тем, которым располагал Энгельс? Разумеется, новые данные заставляют существенно уточнить ряд конкретных воззрений, сложившихся в свое время у Морган и Энгельса. Во многом устарела периодизация истории древнего общества, предложенная Морганом и условно принятая в то время Энгельсом. Добывание огня современная наука относит к более древним ступеням, чем это делал Морган, рыболовство, наоборот, появилось позднее, чем полагал он. Классовое общество возникло, согласно данным археологических находок, еще в эпоху бронзы и меди, а не в железный век. Исследователи XX в. (У. Риверс и др.) доказали, что семья пуналуа у гавайцев, которую Морган, введенный в заблуждение отчетами миссионе-

ров, считал весьма архаичной формой семьи, является разновидностью патриархальной семьи и относится к более поздней стадии. Отпала в связи с этим и гипотеза о кровнородственной семье как первоначальной — после промискуитетных отношений — форме брака, а также концепция происхождения рода и родовой экзогамии из кровнородственной и пуналуальной семьи. Генезис рода в современной науке стал связываться с распадением первобытного стада, в котором, согласно мнению одних ученых, господствовал промискуитет, согласно мнению других, что-то вроде «гаремного брака», на два экзогамных первобытных коллектива, превратившихся в дуально-родовую организацию. Значительно изменилась со времени Моргана классификация различных племен и народностей с точки зрения определения достигнутой ими исторической стадии развития.

Нужно, однако, сказать, что границы необходимых уточнений, которые следует внести в концепцию Моргана и Энгельса, в настоящее время еще не поддаются точному учету ввиду отсутствия единства мнений даже среди современных ученых-марксистов по ряду конкретных вопросов. Был ли род хозяйственной единицей, совпадали ли на первоначальной стадии развития родовые отношения с производственными, или родовая организация выполняла только нехозяйственные социальные функции, существовала ли с самого начала наряду с родом и другая, уже производственная ячейка — домашняя община, семейная община, локальная группа и т. д., столь ли универсальна эта родовая организация вообще, является ли материнский род первичным по сравнению с отцовским, какие формы семьи и брака преобладали на разных стадиях и какова была последовательность их смены — по этим и другим вопросам давно ведутся серьезные споры⁸.

Следует все же сказать, что значительная часть советских ученых разделяет предположение Энгельса о том, что первоначальный род был хозяйственной ячейкой древнего общества, формой его производственных отношений, что лишь на последующих стадиях родовая община утратила хозяйственные, сохранив бракорегулирующие и другие общественные функции и продолжая оставаться субъектом, постепенно все более номинальным, родовой собственности. В современном этнографическом и историческом материале эти ученые находят убедительные подтверждения правоты положений Мор-

гана и Энгельса о первичности материнского и вторичности отцовского рода. Вслед за Энгельсом они относят распространение патриархальных родов и семей, патриархата в целом к стадии разложения родового общества. Отказ от признания существования семьи кровнородственного и пуналуального типов, по мнению этих ученых, не колеблет той общей последовательности смены форм семейных отношений, которая была установлена Энгельсом, — от изначального промискуитета, понимаемого как неупорядоченность, нерегулируемость обществом половых отношений, к групповому браку, а от группового брака к парной, а затем моногамной семье. Наличие различных форм и пережитков группового брака с избытком доказывается этнографическими и фольклорными данными.

Итак, от научного решения дискуссионных вопросов (дискуссионность здесь порождается самим характером предмета) зависит объем тех коррективов, которые должны быть внесены в конкретные представления о развитии первобытного общества, сложившиеся у Энгельса. Эти уточнения, каковы бы они ни были, не являются ни в коей мере ревизией основных, кардинальных положений, выдвинутых Энгельсом, — о коллективистских началах хозяйственной жизни первобытного общества, о родовой структуре как важнейшей социальной черте первобытного строя после распада или трансформации первобытного стада, о бесклассовом характере этого строя об отсутствии государства на первобытной стадии, об эволюции от полигамии к моногамии в области семейных отношений. Многие положения и выводы Энгельса остаются незабываемым и непреходящим достоянием науки. Общепризнана и его роль как одного из основоположников подлинно научной, материалистической концепции первобытной истории. Речь может идти не о пересмотре этой концепции, а о ее дальнейшем развитии, уточнении, новом осмыслении в свете последних научных данных.

Сам Энгельс постоянно стремился формулировать свои выводы таким образом, чтобы направлять научную мысль на дальнейшие изыскания и не давать повода воспринимать выдвинутые положения как абсолютную догму, сковывающую движение науки вперед. Так, в 4-м издании своей книги он сознательно ограничил представление об универсальности семьи пуналуа, заменив во многих случаях термин «пуналуальная семья»

более широким и точным термином «групповой брак»⁹. Не располагая достаточным материалом, Энгельс категорически не высказался по вопросу о соотношении между родом и домашней общиной. Касаясь социального строя древних германцев, он писал: «Еще долго можно будет спорить о том, был ли хозяйственной единицей род, или ею была домашняя община, или какая-нибудь промежуточная между ними коммунистическая родственная группа, либо же, в зависимости от земельных условий, существовали все три группы»¹⁰. Многие первобытные институты он вообще рассматривал как такую область исследования, в которой предстоит еще сделать много новых открытий и уточнений.

Одной из крупнейших заслуг Энгельса как историка явилось выяснение причин разложения первобытнообщинного, родового строя и перехода к классовому обществу. Общими чертами, присущими процессу классовообразования, Энгельс считал рост производительности труда (отделение скотоводства от земледелия, выделение ремесла как самостоятельной отрасли и т. д.), появление избыточного продукта, присваиваемого главами семейных общин и отдельными лицами, усиление имущественного неравенства внутри рода, возникновение и развитие передающейся по наследству частной собственности, которая длительное время сосуществовала с общинным владением. Все это привело к тому, что в отношениях между людьми все больше стали развиваться элементы господства и подчинения, которых не знал родовой строй. Возникло рабство военнопленных, а затем появились и другие его формы (долговое рабство). На ранних ступенях оно носило характер домашнего, патриархального рабства. Эти имущественные и социальные перемены превратили родо-племенную организацию в анахронизм, не соответствовавший новым условиям и потребностям. Раскол общества на враждебные классы вызвал необходимость в государстве — орудии господства эксплуататоров над эксплуатируемыми. Государственно-территориальная организация с обособившейся публичной властью вытеснила прежнюю родо-племенную структуру¹¹.

Этот процесс, подчеркивал Энгельс, отличался, однако, большим своеобразием в разных исторических условиях. Даже более или менее однотипные примеры Афин и Рима давали представление о его разных вариантах: в первом случае из разлагающегося родового

общества возникла разновидность рабовладельческого демократического города-государства, во-втором — на государстве с самого начала лежал отпечаток господства рабовладельческой патрицианской знати, которая растворилась позднее в нобилитете — новом аристократическом классе, образовавшемся из высших, привилегированных слоев патрициата и плебейства. Однако и в Афинах, и в Риме промежуточной ступенью от безгосударственной к государственной структуре общества явилась так называемая военная демократия. Этот термин, употребленный в аналогичном смысле и Марксом в его конспекте книги Моргана, Энгельс считал удачным, поскольку он, с одной стороны, подчеркивал преемственность демократических традиций родо-племенного устройства, унаследованных этой переходной формой, а с другой — показывал связь ее с превращением войны в постоянный общественный институт. Эпизодические межплеменные войны знало и доклассовое общество. Но эти войны не велись с целью захвата военной добычи, в том числе рабов, что явилось одним из источников процесса классовобразования, и для их ведения не существовало особой организации. На стадии же формирования военной демократии, отмечал Энгельс, «война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»¹². Одним из крупных достижений Энгельса в области исторической науки является установление широкой распространенности и переходного характера военной демократии у народов, проделавших в разное время эволюцию от родового к классовому обществу.

Классовое общество и в Древних Афинах, и в Древнем Риме при всех различиях имело одинаковую социальную основу: и там и здесь оно покоилось на рабстве. Рабство Энгельс считал первой формой эксплуатации, присущей древнему миру¹³. Однако формы рабства и степень его распространенности, подчеркивал он, не были одинаковыми у всех народов. В античном мире, охватывающем сферу греческой и римской цивилизации, рабство составило базу господствующего способа производства. У многих же народов оно существовало лишь в неразвитом, даже зачаточном виде.

Энгельс допускал также наличие иных форм подчинения и эксплуатации одной части общества другой, присущих, в частности, развитию восточных народов. Как уже говорилось, он отмечал, что процесс возникно-

вения классов мог проходить по линии обособления наиболее важных общественных функций (надзор за ирригационными работами и т. д.) и превращения осуществлявших их должностных лиц в привилегированную верхушку, господствовавшую над обществом.

Ко времени Энгельса социально-экономическая история стран Древнего Востока была изучена еще крайне слабо. Мало было известно об эпохах в истории народов Средиземноморья, предшествовавших классическому периоду Греции (крито-микенская культура и т. д.), о древних государственных образованиях в Южной Африке, на Американском континенте до вторжения европейцев. Обитателей Перу и Мексики доколониального периода Энгельс вслед за Морганом относил по уровню развития к средней ступени варварства (позднее было установлено, что они находились на стадии перехода к классовому обществу). Поэтому об упомянутой форме эксплуатации, стадияльно предшествовавшей рабству, Энгельс в то время мог говорить в значительной мере только гипотетически, как о предполагаемой переходной ступени и одном из возможных каналов классовобразования. Тем не менее он не обошел этого вопроса, сделал как бы заявку на этот счет в исторической науке.

Отмечал Энгельс, как указывалось, и такой путь общественной эволюции, при котором разложение первобытнообщинного строя привело к образованию не рабовладельческого строя, а феодальных отношений (кельты, германцы).

Таким образом, Энгельс показал, что процесс классовобразования и возникновения государства происходил хотя и под влиянием общих причин, но не по единому шаблону, что он отличался существенным своеобразием у разных народов. На нем сказывались различия в условиях их жизни и в окружающей их исторической среде, преобладание того или иного типа хозяйства (кочевого скотоводства, ирригационного или простого земледелия и т. д.) и многие другие обстоятельства¹⁴.

Основные черты истории античного общества в освещении Энгельса

Проблемы рабовладельческого способа производства были исследованы Энгельсом с большой тщательностью. Это исследование базировалось преимущест-

венно на материалах истории Греции и Рима. Энгельс отмечал географическую ограниченность античного мира, развивавшегося в пределах «узкой культурной полосы вдоль побережья Средиземного моря» и прилегающих материковых территорий¹⁵. Но в социальной и культурной истории, указывал Энгельс, античная стадия занимала важнейшее место, оставив после себя прочные следы в жизни человечества.

Изучая античность, Энгельс внес существенный вклад в разработку вопросов структуры и развития рабовладельческого общества, причин его упадка и гибели. Чрезвычайно глубоко подошел он к самой кардинальной проблеме — проблеме рабства и рабского труда. Рабовладение и эксплуатацию рабского труда Энгельс рассматривал как экономический фундамент античного общества, развитие которого неизменно сопровождалось все большим распространением рабства и увеличением числа рабов. Принудительный труд рабов, указывал он, «служил основанием, на котором возвышалась надстройка всего общества»¹⁶. В противоположность вульгарным представлениям о рабстве только как о форме внеэкономического принуждения Энгельс раскрыл экономические основы рабовладельческого способа производства, базировавшегося, как он показал, на господстве эксплуататорского класса не только над людьми, но и над вещами, «над покупной ценой рабов, над средствами их содержания и средствами их труда»¹⁷.

Энгельс показал прогрессивность рабовладельческого строя по сравнению с примитивными и застойными формами хозяйства первобытного общества. «Только рабство, — писал он, — сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи»¹⁸.

В то же время Энгельс отмечал внутреннюю противоречивость рабовладельческой формы хозяйства, сравнительно узкие пределы, в которых могло развиваться общественное производство на базе рабского труда. Низкую производительность рабского труда Энгельс рассматривал как главную причину процесса изживания античного рабства. Но проявление главного проти-

воречия рабовладельческого общества Энгельс видел не только в этом. Оно, по его мнению, не только приобрело форму антагонизма между рабами и рабовладельцами, но и нашло свое выражение в отношении всей свободной части общества к производительному труду вообще. Рабство позволило античному обществу достигнуть значительных высот цивилизации, но оно наложило на него заклятие «в виде презрения свободных к производительному труду»¹⁹. Это было не только моральным фактором или элементом социальной психологии, но и определенным характерным для античной истории социально-экономическим явлением.

Распространение рабства и концентрация богатства в руках горстки рабовладельцев неизбежно сопровождалась разорением свободных городских и сельских производителей, а в античных условиях с порожденным рабством пренебрежением к физическому труду создание новых устойчивых форм производительной деятельности свободных было крайне затруднено. Поэтому разоряемые массы в значительной своей части превращались в непроизводительные, пробавающиеся государственными подачками и случайными заработками социальные слои — процесс, который составляет одну из черт упадка и деградации античного общества. Энгельс указывал, что ко времени упадка Римской республики (I в. до н. э.) экспроприруемым итальянским крестьянам не оставалось другого выхода, кроме как образовывать паразитический «класс «белых бедняков», подобный тому, какой был в южных рабовладельческих штатах до 1861 года», и это явилось одним из обстоятельств, обусловивших «распад древнего мира»²⁰.

В подготовительных материалах к «Анти-Дюрингу» Энгельс, указав на важнейшую черту рабовладельческого способа производства — ограниченную производительность рабского труда и бесперспективность широкого развития каких-либо других форм производительного труда, раскрыл одну из существенных особенностей истории античного мира. Его внутреннее развитие, отмечал он, происходило не столько путем перехода от одной фазы к более высокой, связанного с модификацией способа производства, сколько путем смены однотипных общественных структур, воспроизводивших по сути, хотя часто и в более крупных масштабах и с известными видоизменениями, прежние производственные отношения на том же уровне. Происходило это главным

образом посредством завоевания — «насильственного порабощения гибнущего общества другим, более сильным (Греция была покорена Македонией, а позже Римом)»²¹. Стадиальность в античной истории (переход от греческих городских республик к монархии Александра Македонского и эллинистическим государствам, а затем к Римской империи) носила в известном смысле характер повторяемости — в иных размерах и сравнительно на более высокой ступени — тех же социальных процессов, с тем же лежащим в их основе противоречием, свойственным рабскому труду. Все это продолжалось до того исторического момента, когда в условиях крайне обострившегося кризиса рабовладельческой системы вообще исчезла возможность дальнейшего перемещения географических центров этих процессов и, таким образом, их повторения. Тогда наступил час окончательной гибели античного общества.

Неоднократно обращал Энгельс внимание на сложный социальный состав самой свободной части населения античных государств, на процессы классовой дифференциации в этой среде, на глубокие антагонизмы между имущими и малоимущими и разорявшимися слоями, вызывавшие острые социальные и политические конфликты. Существенную роль, в частности, играла борьба за распределение городской земельной собственности греческих полисов и государственных земельных владений Рима (*ager publicus*), сохранявшихся в качестве пережитка общинной, родо-племенной собственности, между разбогатевшими рабовладельцами и мелкими свободными крестьянами, чей труд в отличие от ремесленного на ранней стадии не считался позорным. Маркс в письме Энгельсу 8 марта 1855 г. указывал, что вся внутренняя история Рима до периода Августа «явно сводится к борьбе мелкой земельной собственности с крупной, разумеется, в той специфически видоизмененной форме, которая обусловлена рабством»²².

Углублению имущественного неравенства, процессу социальной поляризации среди свободного населения античного мира, складыванию отношений зависимости беднейших слоев свободных от разбогатевшей знати в немалой степени, отмечал Энгельс, способствовало развитие товарно-денежных отношений, в частности ростовщичества, получившего особенно широкое распространение в Риме. Энгельс писал, что по части ростовщичест-

ва римляне «превзошли все, что было до и после них»²³.

Концентрация богатств, сосредоточение земель в руках небольшого слоя крупных рабовладельцев привели к распространению такой развитой формы рабовладельческого хозяйства, как римская латифундия — комплекс обрабатываемых рабским трудом имений, преимущественно скотоводческого профиля. Преобладание латифундий, по мнению Энгельса, отражало крайнее обострение социальных противоречий античного общества. Владельцы латифундий противостояли не только армии рабов, но и массе обездоленных свободных. Энгельс прямо указывал, что в Италии латифундии «вытеснили мелких крестьян и заменили их рабами»²⁴. Латифундии Энгельс считал хозяйственной формой, типичной для эпохи заката рабовладельческого общества, для времен Римской империи. Упадок латифундий знаменовал собой начало разложения рабовладельческого способа производства в целом. В то же время, считая вытеснение мелких свободных производителей и частичное их подчинение рабовладельцами-латифундистами общей тенденцией, Энгельс отмечал известную пестроту хозяйственных условий и положения различных слоев населения на территории империи. Наряду с неимущими свободными пенсионерами государства в Риме, писал он, «в провинциях были еще крестьяне — свободные владельцы земли (местами, пожалуй, еще связанные с общинной собственностью) или, как в Галлии, крестьяне, находившиеся в долговой кабале у крупных землевладельцев»²⁵.

Социальную дифференциацию свободного населения отражало неравенство в правовом отношении различных категорий свободных, на что указывал Энгельс как на характерную черту рабовладельческого общества и государства. «У греков и римлян неравенства между людьми играли гораздо большую роль, чем равенство их в каком бы то ни было отношении, — писал он в «Анти-Дюринге». — Древним показалась бы безумной мысль о том, что греки и варвары, свободные и рабы, граждане государства и те, кто только пользуется его покровительством, римские граждане и римские подданные (употребляя последнее слово в широком смысле), — что все они могут претендовать на равное политическое значение»²⁶.

Социальное расслоение свободных наложило отпеча-

ток на развитие классовой борьбы в античном обществе, главной формой которой были восстания рабов. Маркс и Энгельс внимательно изучали историю этих восстаний, особенно в Древнем Риме. Им, в частности, чрезвычайно импонировала личность предводителя самого крупного из них, происшедшего в 73 — 71 гг. до н. э., — Спартака. Маркс называл его «самым великолепным парнем во всей античной истории»²⁷. Но помимо восстаний рабов основоположники марксизма большое значение в истории античного мира, в первую очередь в римской истории, придавали постоянным столкновениям античного плебса с аристократией, немущих с зажиточными слоями, — столкновениям, нередко переплетавшимся с острым соперничеством между различными группировками рабовладельцев. В обстановке этих углублявшихся классовых противоречий, отмечал Энгельс, развивалась «вся история Римской республики со всей ее борьбой между патрициями и плебеями за доступ к должностям и за участие в пользовании государственными землями, с растворением в конце концов патрицианской знати в новом классе крупных землевладельцев и денежных магнатов, которые постепенно поглотили всю земельную собственность разоренных военной службой крестьян, обрабатывали возникшие таким образом громадные имения руками рабов, довели Италию до обезлюдения и тем самым проложили дорогу не только империи, но и ее преемникам — германским варварам»²⁸.

Время упадка и крушения рабовладельческой системы было изучено Энгельсом с особой тщательностью. Он не только раскрыл социально-экономические причины кризиса античного общества, но и нарисовал впечатляющую картину заката греко-римской цивилизации, дав яркую характеристику Римской империи, этого очага тягчайшего гнета для многоплеменной массы рабов, обездоленных и бесправных. Экономический упадок, вызванный хищническим хозяйничаньем крупных рабовладельцев, непомерное военное бремя, растущие налоговые вымогательства, злоупотребления наместников провинций и чиновников, постоянные внутренние смуты, осложняемые нашествием варварских племен, военные бунты, борьба за престол — эти и другие черты упадка общества, шедшего навстречу краху, были запечатлены Энгельсом в его работах на эту тему. «Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину

исключительно для высасывания соков из подданных»²⁹, — писал он, в частности, о характере функционирования на этой стадии необычайно разбухшего чиновничье-бюрократического государственного аппарата.

Процесс разложения античного общества Энгельс отметил и в статьях, посвященных истории армии. Он указал, в частности, на ослабление римской военной системы в результате вытеснения рабовладельческими латифундиями крестьянской парцеллы, что привело к ухудшению социального состава армии, набравшейся первоначально из свободных римских граждан. Правители империи вынуждены были открыть в нее широкий доступ наемникам из вольноотпущенников, жителей завоеванных провинций неримского происхождения и варваров. «Пополнение войска сыновьями свободных итальянских крестьян прекратилось вместе с исчезновением самих свободных итальянских крестьян, — подчеркивал Энгельс в рукописи «К истории древних германцев». — Каждое новое пополнение легионов малопригодными контингентами ухудшало качество войска»³⁰. В результате вынужденного перехода империи от завоевательных походов к обороне ее границ от нашествий варваров сузился источник пополнения рабской рабочей силой крупного римского землевладения, что существенно обострило кризис рабовладельческого хозяйства³¹.

В работах о первоначальном христианстве Энгельс показал, как процесс разложения античного мира проявился в идеологической сфере. Первоначальное христианство он рассматривал как религию «рабов, изгнанников, отверженных, гонимых, угнетенных»³², возникшую в недрах римского мирового рабовладельческого государства, которое покорило сотни племен и народов, разрушило их традиционные условия жизни, их родовые и племенные связи, смешав и низведя эти племена и народы до жалкого состояния. Это было религиозное движение, возникшее на почве стихийного протеста против грубой эксплуатации, вопиющего социально-политического неравенства и невыносимых жизненных условий и отражавшее стремление обездоленных и угнетенных найти утешение от страданий хотя бы в виде религиозных мечтаний об избавлении. Разношерстность и разноплеменность социальных элементов, искавших выход в новой религии, обусловили ее космополитическую природу и превращение в мировую религию.

Предпосылки для появления христианства создава-

лись не только усилением эксплуатации и социальными бедствиями, которые несли народам римские завоевания, но и неудачными попытками вооруженного сопротивления, поражениями восстаний рабов. Отводя значительную роль борьбе рабов и вообще народным движениям в истории древнего мира, Маркс и Энгельс, однако, справедливо считали, что при всем их прогрессивном значении как фактора, ускорявшего общественное развитие, они сами по себе не могли разрушить рабовладельческую систему. Маркс еще в 1853 г. писал о невозможности для рабов Древней Греции и Рима добиться «освобождения собственными силами». Энгельс констатировал, что «уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает», а в другом месте отметил, что к угнетенным классам античного общества, неспособным освободить себя, следует отнести не только рабов, но и неимущих свободных бедняков³³. Одной из сторон объективной бесперспективности освободительного движения рабов и других категорий обездоленных и было распространение настроений безысходности среди тогдашних угнетенных, порождавших фантастические надежды на избавление.

Первоначальное христианство поэтому выражало не только чувства протеста против гнета, но и бессилие бороться против него земными средствами. Оно содержало в себе с самого начала элементы примирения с действительностью уже в силу того, что переносило идею социального переустройства в потусторонний мир. Поэтому в ходе эволюции официальной христианской церкви не получили своего дальнейшего развития те стихийно революционные тенденции, которые имелись в ранней христианской идеологии, — мотивы сопротивления злу, ненависть к существующему миру, стремление к социальному равенству, хилиастические мечтания. Заложенные с самого начала в этой идеологии противоречия между бунтарскими началами и тенденциями к пассивности во имя ожидания небесного избавления сделали неизбежным трансформацию христианства из религии угнетенных в религию, санкционирующую господство эксплуататорских классов, призывающую к покорности, к повиновению земному произволу и превратившую идею воздаяния за зло и за добро в деморализующую иллюзию, в средство отвлечения от реальной борьбы. Энгельс, однако, всегда подчеркивал различие между ранним и более поздним христианством. Он писал, что

христианство периода своего зарождения «как небо от земли отличалось от позднейшей, зафиксированной в догматах мировой религии Никейского собора»³⁴.

Выяснение исторических обстоятельств гибели античной цивилизации было тесно связано с освещением одного из узловых вопросов исторической науки — проблемы перехода от античного общества к феодализму, генезиса феодальных отношений. Этот переход Энгельс, подобно смене родового строя классовым, рассматривал как глубокую социальную революцию. Его взгляды коренным образом разошлись здесь с господствовавшими взглядами буржуазных историков. Последние видели в переходе от античности к средневековью либо синтез римской государственности и права с правовыми обычаями германских народов, основанными на принципе личной свободы (Тьерри, Гизо), либо результат эволюции римских, прежде всего правовых, начал, определившей якобы социально-политический строй средневековой Европы (Фюстель де Куланж и другие «романисты»), либо последствие завоевания Римской империи германскими племенами, приведшее якобы к полному вытеснению римских традиций и направившее социальное и правовое развитие средневековой Европы по особому, германскому пути (представители так называемой «германистской теории»).

Точка зрения Энгельса отличается от всех указанных концепций прежде всего выдвинутым на первый план изменений в самой социально-экономической структуре общества, а не в правовых обычаях и институтах. Суть проблемы Энгельс увидел в смене одного общественно-го строя другим в результате, с одной стороны, внутреннего кризиса рабовладельческой формации, а с другой — столкновения римского государства с народами, которые находились на стадии разложения первобытно-общинного строя. Социальную революцию, происшедшую во многих странах Европы в первые столетия новой эры, Энгельс считал следствием некоего исторического синтеза. Внешне он здесь как бы сходил с теми буржуазными историками, в том числе Тьерри и Гизо, которые признавали подобный синтез, но сводили его к симбиозу этнических черт римлян и германцев или романских и германских правовых институтов. В отличие от этого Энгельс считал, что в нем воплощается взаимодействие прежде всего двух разных социальных систем. Это взаимодействие сыграло роль фактора, ускоривше-

го разрушение рабовладельческого общества. Толчком к ускорению указанных социальных процессов, считал Энгельс, послужило вторжение в Римскую империю германских племен, переходивших от родового строя к классовому обществу, великое переселение народов, возникновение варварских государств на территории бывших римских провинций да и в самой Италии. Вторжение варваров, считал Энгельс, способствовало разрушению устаревших рабовладельческих порядков и дало толчок для вызревания тех ростков новых феодальных отношений, которые зарождались в самой империи.

Эти зародыши новых феодальных отношений, полагал Энгельс, возникали в процессе разложения рабовладельческих форм хозяйства. Энгельс отмечал, что уже в первые столетия империи в Италии хозяйство многих рабовладельческих* латифундий перестало приносить достаточный доход. Оно побуждало владельцев дробить свои поместья (виллы) на мелкие участки, возвращаться к parcelльному хозяйству. Но теперь эти участки обрабатывали уже не свободные мелкие крестьяне, а рекрутируемые во многих случаях из рабов и вольноотпущенников кабальные арендаторы — колонны, которые «уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей parcelлой». Возникновение колоната — промежуточной формы между рабством и крепостничеством — было важным социальным явлением. Энгельс называл колоннов «предшественниками средневековых крепостных»³⁵.

Однако развитию этих новых форм производственных отношений мешали продолжавшие еще жить рабовладельческие традиции и порядки, наличие сохранявшегося рабовладельческого уклада, социальные и политические институты Римской империи. На самих новых формах зависимости лежал отпечаток неизжитого рабства. Для уничтожения этих преград у существующего общества не хватало достаточных ресурсов. Германские завоевания, таким образом, в известной мере послужили орудием той социальной революции, которая подготавливалась развитием противоречий античного общества, но внутри самого рабовладельческого мира даже в лице возмущавшихся рабов не могла обрести общественную силу для своего осуществления.

Однако германские племена сыграли эту прогрессивную роль по отношению к населению Западной Римской империи отнюдь не в силу факта завоевания. Маркс

и Энгельс еще в «Немецкой идеологии» показали, что никакое завоевание не может привести к коренным изменениям социального строя, если для этого нет внутренних предпосылок в общественном развитии народов. И не по причине особых выдающихся этнических и расовых качеств, которые склонны были усматривать у германцев буржуазные историки-германисты, отдавая дань национализму, они стали орудием социального прогресса. Европу омолодили не специфические национальные особенности германцев, отмечал Энгельс, «а просто их варварство, их родовой строй». Ввиду этого германское завоевание смогло стать переходной ступенью от античного рабства (даже в смягченной и переходной форме колоната) к отношениям феодальной зависимости. «Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»³⁶.

Следует сказать, что соприкосновение и взаимное влияние общественного строя германцев и римлян Энгельс рассматривал как двусторонний процесс. Он подчеркивал, что германцы не только разрушали рабовладельческие порядки империи, но в ходе ее завоевания и основания так называемых варварских королевств сами проделали значительную общественную эволюцию. У них ускорились разложение первобытнообщинного строя, образование классов, рост имущественного неравенства, складывание собственной знати. От родо-племенной организации они перешли к государственности в форме феодализирующихся раннесредневековых государств. Возникли королевская власть, зачатки феодальной иерархии. Взаимодействие с гибнущей Римской империей в значительной мере стимулировало эти процессы, которые интенсивно продолжались и в годы существования варварских королевств.

Синтез разлагающихся отношений рабовладельческого общества с общинными порядками народов, переходящих от первобытного к классовому строю, Энгельс отнюдь не считал общеобязательным условием генезиса феодализма. Он был характерен для определенной части Европы, где становление феодального общества происходило на основе распада рабовладельческой системы. Но история далеко не всюду шла таким путем. Даже в Западной Европе были страны, где из-за неразвитости рабства складывание феодализма происходило непосредственно на почве разложения первобытнообщинного строя³⁷. Этот процесс Энгельс, в частности,

проследил в средневековой Ирландии, в период до завоевания ее восточной части англо-нормандскими баронами. Социальное развитие и здесь шло, хотя и более медленными темпами, в том же направлении, что и в странах, завоеванных германцами.

Энгельс об общих проблемах феодализма

Весьма основательно исследовал Энгельс феодальное общество. Наряду с Марксом он внес значительный вклад в выяснение его социальной структуры, характера производственных отношений при феодализме, феодальной собственности, форм эксплуатации непосредственного производителя³⁸.

Энгельс рассматривал феодальную систему отнюдь не как нечто неподвижное. Он постоянно изучал ее в развитии. На примере истории франков периода Меровингов и Каролингов он стремился проследить сам процесс формирования основ феодального строя: концентрацию земельной собственности в руках светской знати, церкви и монастырей, разорение свободных общинников, рост аллодиальной, более или менее свободно отчуждаемой собственности за счет общинных владений, распространение бенефиция — земельного пожалования, передающегося в пользование за определенную службу, закрепощение прежде свободного франкского крестьянства. Указывая на роль внеэкономического принуждения в этом процессе, в частности влияния на него внутренних смут, усобиц, возраставшего бремени военных повинностей и других обстоятельств, часто приводивших к утрате личной свободы низшими слоями населения, Энгельс с полным основанием делает акцент на экономических сдвигах. Политические средства, подчеркивал он, «только содействуют усилению и ускорению необходимого экономического процесса»³⁹.

Для понимания особенностей и внутренних закономерностей эволюции феодального общества весьма большое значение имело выяснение Энгельсом судеб крестьянской соседской общины — марки. В работе «Марка» он показал, что с утверждением феодального строя общинные, марковые порядки не исчезают. Разорение и закрепощение свободных общинников не влекло за собой полного исчезновения общины. Община просуществовала почти до конца средневековья, приспособляясь к феодальным условиям, подвергаясь зна-

чительной трансформации. В некоторых странах пережитки ее уцелели и позднее.

Таким образом, в средние века, как подчеркнул Энгельс, крестьянская община, подчиненная в разных странах в различной степени феодальному хозяйству, явилась универсальной, существовавшей повсеместно формой социальной организации низшего класса, важным фактором производственных отношений феодального общества, влиявшим также на его правовые обычаи и политические порядки. Организация общины-марки в известном смысле послужила исходным пунктом при складывании структуры самой феодальной вотчины, или феодального поместья. Элементы общинного строя в той или другой форме воспроизводились и в городском, а также цеховом устройстве.

С появлением феодального поместья, во многих случаях как бы поглотившего крестьянскую общину и подчинившего ее, последняя, однако, не исчезла, не растворилась в нем. Сохраняя некоторые важные хозяйственные и общественные функции, она продолжала существовать наряду с вотчинными институтами. Община и поместье находились в антагонистических отношениях. Энгельс вскрыл внутреннюю диалектику действия этого антагонизма. Укрепление поместья происходило за счет узурпации прав общины, подчинения ее власти феодала. В то же время община до некоторой степени играла роль оплота противодействия феодальному гнету. Опиравшемуся на общинные порядки крестьянству в ряде случаев удавалось сохранить личную свободу, ограничивать произвол и узурпаторские поползновения феодалов и в определенных случаях, когда действовали и другие благоприятные для крестьянства обстоятельства (участие крестьян в крестовых походах, их усилившееся общее сопротивление и т. д.), добиваться ослабления феодальной зависимости. Даже попав под пяту феодальных сеньоров, община оставалась известной организационной формой проявления активности сельского населения, побуждая феодальных господ в какой-то мере считаться с общинными правилами.

Окончательная ликвидация общины в значительной части Европы произошла лишь с наступлением капиталистической эпохи. На Западе сохранившиеся формы общинного землевладения были уничтожены в результате расхищения общинных земель, «огораживания» и применения других методов первоначального накопле-

ния. В Восточной Европе ломка общинных традиций была связана с крепостнической реакцией, с расширением барщинного хозяйства за счет сгона крестьян с земли и захвата общинных владений помещиками, интенсификацией этого хозяйства и приспособлением его к складывавшемуся капиталистическому рынку. «Капиталистический период, — писал Энгельс о последствиях развития раннего капитализма для указанного региона, — возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»⁴⁰.

Придавая чрезвычайно важное значение анализу феодального аграрного строя, Энгельс не сводил изучение феодализма только к исследованию аграрных отношений. Его интересовало не только сельское хозяйство, но и другие отрасли производства, развитие ремесла, торговли, городов, технический прогресс при феодализме, сложный клубок социальных и классовых отношений феодального общества, его политическая и идеологическая надстройки.

Энгельс не разделял исходившего от французских просветителей представления о средних веках как времени сплошного застоя. В «Диалектике природы» он показал, в частности, что даже при медленных темпах общественной эволюции в средневековую эпоху было сделано немало успехов в области производства. Он отмечал, что уже с XI—XIII вв. «промышленность колоссально развилась и вызвала к жизни массу новых механических (ткачество, часовое дело, мельница), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь) и физических фактов (очки), которые доставили не только огромный материал для наблюдений, но также и совершенно иные, чем раньше, средства для экспериментирования и позволили сконструировать *новые* инструменты»⁴¹. Смена стадий в феодальном обществе носила иной, чем в рабовладельческом обществе, характер. За каждым новым этапом развития феодализма, по мнению Энгельса, скрывался серьезный сдвиг в производительных силах, видоизменения в производственных отношениях, разумеется в тех пределах, которые допускали рамки феодальной формации, в классовой структуре общества.

Энгельс различал три больших периода, или эпохи: период раннего средневековья, охватывавший в целом время становления феодальных отношений, период сло-

жившегося феодализма и период его разложения. Рубежом между первым и вторым он считал X и XI вв., когда под влиянием роста производительных сил происходит в широком масштабе отделение ремесла от земледелия и развитие средневековых городов. Признаки упадка феодализма, углубления его противоречий, приведших к ранним буржуазным революциям, по мнению Энгельса, появляются в XV в. В «Крестьянской войне в Германии» Энгельс констатировал, что в этот период «положение сохранившихся от средних веков классов существенно видоизменилось, и рядом со старыми классами образовались новые»⁴². Этим временем он и датирует начало периода разложения феодального строя⁴³.

Раскрывая характерные стороны экономики феодального общества, Энгельс подчеркивал, что на его ранней стадии доминировало, а в эпоху расцвета феодализма преобладало натуральное хозяйство замкнутого типа. «В образцовом феодальном хозяйстве раннего средневековья, — писал он, — для денег почти вовсе не было места. Феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда или в виде готового продукта... Каждое феодальное хозяйство само удовлетворяло свои нужды целиком, даже военные поставки взыскивались продуктами»⁴⁴. Изъятие феодалами прибавочного продукта у крестьян, преимущественно крепостных, являлось главной формой эксплуатации. Энгельс еще в «Принципах коммунизма» показал, что ее особенностью было то, что «во владении и пользовании крепостного находится орудие производства, клочек земли, и за это он отдает часть своего дохода или выполняет ряд работ»⁴⁵. Экономической основой эксплуатации крепостных служила крупная земельная собственность феодалов; широко применялись ими и различные методы внеэкономического принуждения.

Однако господство натурального хозяйства и связанного с ним присвоения продукта труда крестьян в форме отработочной ренты и ренты продуктами было не абсолютным даже в классическую пору феодального общества. Его производственные отношения были, как показал Энгельс, сложнее и менялись по мере развития товарно-денежных отношений.

Важное место в экономической истории средневековья Энгельс отводил развитию торгового обмена. Товарное производство Маркс и Энгельс в противополож-

ность вульгарным и упрощенческим представлениям некоторых историков никогда не отождествляли с капиталистическим. После выхода в свет первого тома «Капитала» Маркса, подчеркивал Энгельс, законы капиталистической экономики нельзя уже будет «без дальнейших околичностей переносить на отношения древности или на средневековые цехи...»⁴⁶. Товарно-денежные отношения получили значительное развитие еще до возникновения капиталистического производства. Разумеется, средневековое товарное производство носило специфические черты, было сковано феодальными рамками, цеховыми и другими регламентами, относительной узостью рынка. Оно в целом отличалось локальной замкнутостью. И тем не менее на почве выделения ремесла в обособленную отрасль производства, развития разделения труда и обмена возникли и расцвели феодальные города — могучий фактор прогресса в средние века. Развитие товарно-денежных отношений, приводившее и в поместье к переходу от отработочной ренты к денежной, подтачивало основы натурального хозяйства в деревне, разъедало, как кислота, феодальную систему, способствовало появлению зародышей нового способа производства.

Энгельс принял участие в разработке материалистической концепции происхождения средневековых городов, впервые изложенной основоположниками марксизма в «Немецкой идеологии». В противоположность типичному для буржуазной историографии перенесению истоков их возникновения в правовую сферу (образование «городского права») в этом произведении были вскрыты экономические и социальные причины, которые привели к их образованию: отделение ремесла от земледелия и концентрация ремесленного производства в особых центрах, роль беглого крепостного населения в образовании городов, в постоянном пополнении их жителей и т. д. Здесь же получило научное объяснение происхождение цехового строя и его характер. Цеховые корпорации, построенные на иерархии мастеров, подмастерьев и учеников, авторы «Немецкой идеологии» считали распространенной формой феодальной организации ремесла, соответствующей феодальной структуре землевладения. «Необходимость объединения против объединенного разбойничьего дворянства, — писали они, — потребность в общих рыночных помещениях в период, когда промышленник был одновременно и куп-

цом, рост конкуренции со стороны беглых крепостных, которые стекались в расцветавшие тогда города, феодальная структура всей страны — все это породило цехи»⁴⁷.

С тех пор Энгельсом в ряде его работ было сделано очень многое для выяснения исторической эволюции феодального города, значения борьбы его с феодальными сеньорами, союза с королевской властью. Показал Энгельс и основные черты конфликтов между различными социальными слоями городского населения.

Феодальный характер средневекового города Энгельс видел в корпоративной организации торговли и ремесла, в наличии аристократической, эксплуатирующей крестьян городской округи на чисто феодальных началах патрицианской верхушки, оспаривавшей власть у цехов, в сословной градации населения и привилегиях ее различных социальных групп. Однако он считал, что социальное развитие городов отличалось бóльшим динамизмом, чем деревни.

Процессы разложения феодализма протекали здесь быстрее. В отличие от натурального хозяйства феодальных землевладельцев городское хозяйство с самого начала было основано на товарно-денежных отношениях. В городах более быстрыми темпами происходило накопление богатств, развивались кредит и ростовщичество. Из торгово-ремесленного бюргерства начал складываться класс буржуазии. Не исключая других источников его формирования (деревенское ростовщичество и скупка продуктов кустарных промыслов, рост капиталистического землевладения), Маркс и Энгельс считали именно города колыбелью этого класса, который в дальнейшем стал стремиться избавиться от феодально-сословных, в том числе и цеховых, преград для свободного предпринимательства, основания мануфактур и т. д. В «Коммунистическом Манифесте» они прямо указывали, что из «сословия горожан развились первые элементы буржуазии», а в «Анти-Дюринге» Энгельс образно писал, что «буржуазия вылупляется из феодального бюргерства»⁴⁸. В городах же возникли первые зачатки наемного труда, существовавшие в период феодализма «в виде исключения, побочного занятия, подсобного промысла, переходного положения»⁴⁹, а также эмбрионы будущего промышленного пролетариата. Именно города становились средоточием помимо ремесленных подмастерьев и учеников того неимущего и бесправного

слоя плебеев, который рекрутировался из «выброшенных из своих насиженных мест крестьян и уволенных слуг» и других деклассированных элементов и находился вне общины-марки, вне феодальной структуры и цехового союза. Этот слой в первую очередь Энгельс и называл «зародышем пролетариата», «предшественником позднейшего пролетариата», «предтечей будущего пролетариата», «предпролетариатом»⁵⁰.

Значителен был вклад Энгельса в исследование общей социальной структуры средневекового общества. Анализируя изменения в положении различных классов и сословий, происшедшие со времени расцвета феодализма до начала XVI в., Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» как бы воспроизвел профильный разрез структуры развитого феодального строя и одновременно выявил главные черты его социальной динамики. Он показал процесс эволюции различных слоев светских феодалов, духовенства, городского сословия, выяснил тенденции развития и низших классов: крестьянства, городского плебса, зарождавшегося предпролетариата.

Энгельс сумел не только показать роль классовой борьбы как основной пружины исторического развития также и в средние века, но и раскрыть ее специфическое проявление в эпоху феодализма. Ему принадлежат классическая характеристика Крестьянской войны в Германии 1524—1525 гг. (в некоторых австрийских землях восстание продолжалось до 1526 г.), а также ключевые положения для понимания сущности крестьянских и плебейских движений феодальной эпохи в целом. Не прошел он и мимо проблем внутрifeодальной борьбы, в частности борьбы рыцарства против средних и крупных феодалов, типическим примером которой было восстание Зиккингена 1522 г.

Пристальное внимание уделил Энгельс анализу идеологических форм, в которые облекалась оппозиция феодальному строю и одной из его главных опор — официальной церкви. обстоятельно осветил Энгельс характер и классовые основы средневековых еретических течений. Он различал два направления в средневековых ересь — бюргерское, отражавшее недовольство бюргерства привилегиями, которыми пользовались высшее духовенство и феодальная знать, и более радикальное, плебейское, выражавшее в религиозно-фантастической форме враждебность низших слоев всему феодальному

строю. Этот вывод был основан на изучении многих еретических течений средневековья: альбигойцев Южной Франции; лоллардов и последователей Уиклифа в Англии, таборитов и каликстинцев в Чехии. Выяснил Энгельс и идейные истоки ранних социалистических идей, связав их с формированием предпролетариата.

Глубоко раскрыл Энгельс и сущность реформаторского движения и его различных форм (учение Гуса, лютеранство, кальвинизм и т. д.). Весьма пронизательные мысли высказал Энгельс также о религиозной борьбе внутри мусульманства как отражении племенных и классовых противоречий средневекового Арабского Востока⁵¹.

Энгельс проследил основные стадии эволюции политических институтов феодального общества, начиная от раннефеодальных монархий, складывавшихся либо в процессе завоевания германцами Римской империи, либо непосредственно в результате разложения первобытнообщинного строя (Ирландия и некоторые другие страны Европы). Проблемы феодального государства в период сложившегося феодализма Энгельс изучил в значительной мере под углом зрения выяснения роли королевской власти в преодолении политической раздробленности, которая была в целом свойственна этому периоду. В общем хаосе и феодальной анархии, писал он, королевская власть «была представительницей порядка в беспорядке»⁵². Целиком сохраняя свою эксплуататорскую сущность, являясь орудием подавления угнетенных, прежде всего крестьянских, масс в интересах класса феодалов, феодальная монархия, по мнению Энгельса, в этот период явилась одновременно выразительницей исторически прогрессивных тенденций к национальной консолидации, к объединению раздробленных земель. Прогрессивен был и союз королевской власти с городским бюргерством, хотя он не носил характера прочного блока, часто нарушался и осложнялся различными конфликтами.

На стадии разложения феодализма преобладающей формой государства сделалась абсолютная монархия. Энгельс показал, что углубление классовых конфликтов в условиях распада феодальной системы, всеобщее социальное брожение, рост плебейских и деклассированных элементов, усиление сопротивления крестьянства в ответ на попытки феодалов поправить свои дела за его счет порождали децентрализаторские, сепаратистские

тенденции. Это вызвало потребность в сильной монархической власти, в абсолютной монархии «как в силе, скрепляющей национальности»⁵³.

Характерной особенностью абсолютизма Энгельс считал лавирование между классами. Он указывал, что абсолютная монархия возникла на почве известного компромисса между находившимся в упадке феодальным дворянством и крепнувшей, но недостаточно еще сильной для того, чтобы претендовать на государственную власть, буржуазией, что абсолютизм в силу этого должен был защищать интересы обеих сторон, выступать в роли их покровителя. «При этом на долю дворянства, отстраненного от политических дел, выпадает грабеж крестьян, государственной казны и косвенное политическое влияние через двор, армию, церковь и высшую администрацию; на долю буржуазии — покровительственные пошлины, монополии и относительно упорядоченное управление и судопроизводство»⁵⁴. Опорой абсолютной монархии, отмечал Энгельс, является необычайно разросшаяся бюрократия, каста военных и гражданских чиновников.

На определенной стадии развития и в определенных условиях абсолютная монархия, отмечал Энгельс, играла централизующую роль. Она осуществляла меры, отвечавшие потребностям формировавшейся буржуазии (пресечение внутренних смут, поощрение развития мануфактуры, протекционизм и т. д.). Однако Энгельс постоянно подчеркивал, что устои феодального общества — феодальное землевладение, сословные привилегии — не были поколеблены абсолютизмом. Абсолютистское государство, писал он, следует «обозначать скорее как *сословную* монархию (все еще феодальную, но разлагающуюся феодальную и в зародыше буржуазную)»⁵⁵. Прогрессивность абсолютизма была весьма относительна и исторически оказалась довольно быстро исчерпанной с развитием капиталистического способа производства. Абсолютная монархия, как и вся феодальная система в целом, стала величайшей преградой на пути утверждения этого способа производства и была сметена буржуазными революциями.

Обращал внимание Энгельс и на другие формы феодального государства: городскую республику разного типа (во главе с узкоолигархическим патрицианским управлением, или во главе с представителями торгово-ремесленной цеховой верхушки), дворянскую рес-

публику с избираемым королем (средневековая Польша).

С образованием централизованной монархии был тесно связан процесс складывания наций. Хотя решающее значение в формировании наций имел генезис капиталистических отношений, само оно, как показал Энгельс, началось задолго до капиталистической эры на основе происходившего еще в недрах феодального общества развития производства, экономических связей, торгового обмена, складывания территориальной, культурной и языковой общности. Важнейшую роль в образовании наций играли народные массы. Их трудом были созданы экономические условия для национального развития. Народные обычаи, язык, нравы служили главным источником становления национального языка и культуры⁵⁶.

Процесс возникновения наций и особенно национальных государств отличался, отмечал Энгельс, значительным своеобразием в разных местах. В одних странах (Англия, Франция и др.) он продвинулся вперед еще в докапиталистическую эпоху, в других (Германия, Италия) — затянулся вплоть до середины XIX в. Ускорение или замедление его Энгельс объяснял действием ряда побочных исторических факторов как экономического, так и надстроечного порядка. Преграды для национальной централизации нередко преодолевались неэкономическим путем, политическими средствами (подавление королевской властью зачинщиков феодальных смут, истребление сепаратистской высшей знати, как это было в Англии во время войны Роз), притом даже в тех случаях, когда экономические условия для этого еще недостаточно созрели. «Во Франции и Испании, — писал Энгельс, — тоже существовала экономическая раздробленность, но там она была преодолена с помощью насилия»⁵⁷.

В большой степени национальной консолидации способствовала, подчеркивал Энгельс, необходимость отпора иноземным захватчикам. Одной из главных причин сохранения феодальной раздробленности Германии, по мнению Энгельса, было то обстоятельство, что в период, когда в Европе повсеместно происходило образование национальных государств, эта страна была избавлена от иноземных вторжений и в ней «не ощущалось вследствие этого такой сильной потребности в национальном единстве, как во Франции (Столетняя война), в Испании, которая только что была отвоевана у мавров, в

России, недавно изгнавшей татар»⁵⁸. Главной силой, дававшей отпор захватчикам, были народные массы. И в этом смысле им принадлежала решающая роль в процессе национального объединения.

Среди разрабатывавшихся Энгельсом проблем средневековой истории значительное место занимает проблема феодальной колонизации. Средневековые изобиловали колонизационными движениями, завоевательными войнами, основаниями феодальных колоний на захваченной территории. Достаточно вспомнить набеги норманнов, крестовые походы и основание крестоносцами феодальных княжеств на Ближнем Востоке, «Drang nach Osten» («натиск на Восток») немецких рыцарей, завоевание ими земель полабских славян и Прибалтики, колониальную политику итальянских городских республик — Венеции и Генуи. Энгельс уделял внимание многим из этих исторических событий. В работе по истории Ирландии он дал характеристику разбойничьим набегам норманнов на Ирландию и другие страны Европы, в очерке «Марка» он специально остановился на колонизации немецкими феодалами земель к востоку от Эльбы, заселявшихся колонистами-крестьянами из Западной Германии, которых привлекали туда менее тяжелые условия феодальной зависимости. Крестовые походы он рассматривал как широкое военно-колонизационное движение, в котором помимо крупных феодалов, рыцарства, торговых итальянских городов участвовали и крестьянские массы, движимые религиозным энтузиазмом и надеждой на освобождение. Это движение, причинившее «страшные кровопускания», способствовало в то же время крупным социальным и культурным сдвигам в Европе, в частности ослаблению, а кое-где и ликвидации крепостного права⁵⁹.

Особенно детально исследовал Энгельс указанную проблему на примере завоевания Ирландии англо-нормандскими феодалами и истории английской средневековой колонии в этой стране (так называемого Пейла), просуществовавшей с 70-х годов XII в. до 30-х годов XVI в. и сыгравшей роль форпоста в дальнейшем колониальном подчинении всего острова Англией. На этом примере Энгельс выяснил некоторые общие черты истории колониальных завоеваний в эпоху феодализма. Не касаясь случаев, когда колонизация служила как бы отводным каналом для угнетенных, искавших путей избавления от феодального гнета, или вызывалась пере-

населением, Энгельс увидел в завоевании англичанами Восточной Ирландии типичный пример феодальной колониальной экспансии, основной причиной которой была жажда захвата новых земель и ограбление коренных жителей. Покорение завоеванных стран отличалось крайней жестокостью и изобиловало кровавыми эпизодами. Так, господство английских феодалов на соседнем острове отмечено истребительными войнами, закрепощением местного населения, грубыми мерами расовой дискриминации по отношению к коренным жителям, третированием их обычаев, запрещением браков с ними и т. д. Английская средневековая колония в Ирландии была типичной и с точки зрения ее внутренней организации. Как и многие другие колонии подобного рода, она воспроизводила феодальную структуру метрополии с той лишь разницей, что суровая эксплуатация крестьян здесь сопровождалась и усугублялась этнической рознью и жестоким обращением с побежденными иноплеменниками. В ирландском Пейле, как и в феодальной Англии, среди самих завоевателей непрерывно велась междоусобная борьба.

Отмечая эти черты, Энгельс в то же время подчеркивал, что феодальное общество не располагало внутренними ресурсами, достаточными для того, чтобы осуществить колониальные захваты в масштабах, в которых они будут совершаться в эпоху капитализма. Несмотря на суровость колониальной политики того времени, она не могла идти ни в какое сравнение по размаху, интенсивности колониального грабежа, расхищения природных ресурсов покоренных стран и эксплуатации населения с колониальными «подвигами» капиталистической эры. Даже превосходство в военной технике не позволило английским средневековым завоевателям овладеть всей Ирландией, несмотря на их многочисленные попытки. Английская колония охватывала сравнительно узкую полосу Юго-Восточной Ирландии, основная же часть страны вплоть до XVI в. оставалась под властью местных клановых вождей, лишь номинально подчиненных английской короне. Только с наступлением эпохи первоначального накопления англичане сумели покорить всю Ирландию и произвести массовую экспроприацию ирландских кланов.

Вклад в разработку проблем генезиса и развития капитализма

Раскрытием экономических основ происхождения и развития капитализма, созданием предпосылок для всестороннего изучения всей его истории марксистская наука в первую очередь обязана исследовательскому гению Маркса. Но и Энгельсу принадлежала немалая роль как исследователю истории буржуазного общества, его экономической эволюции, его классовых противоречий, его политической и духовной жизни.

Еще в своей ранней экономической работе «Наброски к критике политической экономии» (конец 1843 г.) Энгельс, разумеется пока в несовершенных формулировках, поставил задачу выяснения возникновения капиталистической частной собственности — основы капиталистического производства, рассматривая ее как историческую категорию. Он уже тогда увидел контуры самой проблемы: изучение обстоятельств, приведших к концентрации средств производства в руках определенных владельцев, появление класса капиталистов, с одной стороны, и класса лишившихся средств производства наемных рабочих — с другой. Генезис капитализма трактовался им как процесс «первоначального отделения капитала от труда» и «завершающего это отделение раскола человечества на капиталистов и рабочих»⁶⁰. В зародышевом виде Энгельс, таким образом, охватил существо того переходного этапа от феодализма к капитализму, который позднее Маркс всесторонне охарактеризовал в «Экономических рукописях 1857—1858 гг.» и особенно в «Капитале» как период первоначального накопления капитала.

Дальнейшие исторические и конкретно-экономические исследования Энгельса пролили свет на отдельные стороны первоначального накопления. Он характеризовал ряд экономических и социальных явлений, послуживших предпосылками этого процесса, указав на концентрацию богатств в руках бюргерской верхушки, появление слоя деклассированных бедняков, явившегося одним из источников формирования пролетариата, зачатков наемного труда. Обстоятельно эти явления были рассмотрены им, в частности, в дополнении к третьему тому «Капитала» — «Закон стоимости и средняя норма прибыли». Говоря здесь о роли купеческого капитала в средние века, Энгельс обращал внимание на связанные

с его эволюцией эмбриональные формы капиталистического предпринимательства и зародыши образования капиталистической прибавочной стоимости. «Начало существованию промышленного капитала, — писал он, — было положено уже в средние века, а именно в трех областях: судоходстве, горной промышленности и текстильной промышленности»⁶¹. Однако, отмечал далее Энгельс, в судоходстве ганзейских и итальянских городов-республик (Венеция, Генуя и т. д.) наемный труд матросов сочетался с рабским трудом невольников и поэтому не получил развития. В горнорудных промыслах этому развитию препятствовал замкнутый монопольно-корпоративный характер их организации. Зато в текстильной промышленности, где купец все больше превращался в раздатчика сырья и скупщика готовой продукции, зачатки рассеянной домашней мануфактуры, когда для этого созрели общие условия производства и обмена, получили широкое распространение. Эта форма предприятия уже капиталистического типа, способного производить дешевле средневековых ремесленников и обслуживать более широкий рынок, сыграла, подчеркивал Энгельс, важную роль в становлении капиталистического уклада.

Для понимания характера первоначального накопления важна и нарисованная Энгельсом в работе «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» общая картина эпохи рождения капиталистического общества. Для этой эпохи, подчеркивал он, были характерны всеобщая неустойчивость и брожение, распад традиционных отношений, повсеместное распространение пауперизма, с одной стороны, а с другой — охватившая верхушечные и средние слои общества жажда обогащения, которая породила целую плеяду отчаянных авантюристов и рыцарей наживы. «Золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»⁶².

Генезис капитализма основоположники марксизма считали не только результатом решающих экономических сдвигов. Они принимали во внимание в этом процессе и роль общих социальных перемен, и всю атмосферу эпохи, ее социальную психологию.

Важным фактором первоначального накопления

Маркс, как известно, считал колониальный грабеж. Энгельс проиллюстрировал это на примере распространения английского владычества на всю Ирландию в XVI—XVII вв. Он показал, что одним из средств накопления богатств в руках английской буржуазии и «нового дворянства» был произведенный в огромных масштабах захват ирландских земель. При этом ограбленная английскими колонизаторами и превращенная в цитадель лендлордизма Ирландия была лишь источником первоначального накопления, не пожав тех его плодов, которые обусловили создание капиталистической промышленности. Она в течение столетий оставалась экономически неразвитой, крестьянской страной с полуфеодальным аграрным строем, в то время как доходы от эксплуатации полунищих ирландских арендаторов английскими земельными магнатами служили важным ресурсом для промышленного развития Англии. За счет обезземеленных и лишенных средств существования ирландских трудящихся в значительной мере пополнялся английский пролетариат.

Процесс первоначального накопления создавал экономические предпосылки для утверждения капиталистического способа производства. Но на его пути стояли еще многочисленные социальные, политические, юридические преграды в виде сохранившихся феодальных форм собственности и привилегий, цеховых ограничений и регламентов, феодального по своей природе абсолютистского режима и т. д. Уничтожить эти препятствия была призвана буржуазная революция. В своих ранних формах в наиболее передовых странах она исторически более или менее совпала с периодом первоначального накопления.

Проблема буржуазных революций получила самое широкое отражение в творчестве Энгельса. Он затрагивал историю ранних буржуазных революций, французской буржуазной революции конца XVIII в. и буржуазных революций XIX в. в Европе. Касался он и Гражданской войны в США 1861—1865 гг., польских восстаний 1830—1831 и 1863—1864 гг., революционной кампании Гарибальди в Сицилии и в Южной Италии 1860 г. и других революционных событий аналогичного характера, Маркс и Энгельс по существу заложили основы научного толкования истории буржуазных революций на разных исторических ступенях смены феодального общества капиталистическим, наметили кон-

туры типологии буржуазных революций и буржуазных революционных движений.

Энгельс рассматривал буржуазные революции не изолированно, а как звенья единого революционного процесса, на который влияли неравномерности генезиса и развития капитализма и другие обстоятельства, делавшие в разные периоды ту или иную страну средоточием наиболее острых противоречий между рождавшимся буржуазным обществом и средневековыми порядками. Однако каждый новый этап в этом процессе — при всех неизбежных неудачах революционного движения, «зигзагах истории» и т. д. — наносил мощный удар феодальной системе и приближал победу капитализма. Буржуазные революции принимали и форму национально-освободительной борьбы. Таковой была, в частности, война североамериканских колоний Англии за независимость 1775—1783 г., народный и революционный характер которой, как указывал Энгельс, проявился уже в самом способе ведения военных действий американскими повстанцами⁶³.

Длительная борьба европейской буржуазии против феодализма, отмечал Энгельс в введении к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке», достигала кульминации в разное время в трех крупных восстаниях: Реформации, потерпевшей — в той форме, в какой она отвечала интересам зарождавшейся буржуазии, — поражение в Германии, но зато в ряде стран, в частности в Голландии, победившей уже в XVI в. в форме кальвинизма, английской буржуазной революции середины XVII в. и французской буржуазной революции конца XVIII в. Каждая из этих трех великих битв буржуазии, подчеркивал Энгельс, отражала определенную степень зрелости как самой буржуазии, так и тех социальных и классовых условий, которые породили конфликт ее с феодальной системой.

Важнейший вывод Энгельса, раскрывавший закономерности буржуазных революций, касался роли в них народных масс. Крестьянство и плебейские элементы городов, подчеркивал Энгельс, являлись подлинными движущими силами этих революций. Там, где этим силам удавалось оказать значительное влияние на общественный процесс, буржуазная революция приобретала буржуазно-демократический характер. Революционные преобразования в этих случаях оказывались настолько прочными и глубокими, что никакое попятное движение

«отрезвевшей» буржуазии, никакие политические реставрации не могли уже вернуть к жизни прежние социальные порядки. Только активное вмешательство народных масс «способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию», передавал мысль Энгельса В. И. Ленин, раскрыв и другую сторону этой мысли, а именно что «революцию надо довести *значительно дальше* ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей, для того, чтобы действительно осуществить эти цели, чтобы бесповоротно закрепить минимальные буржуазные завоевания»⁶⁴.

Для всех буржуазных революций Энгельс считал характерным внутреннюю борьбу различных течений, отражавшую расстановку классовых сил в ходе революционных событий. Чем больший перевес получали левые силы, тем глубже и энергичнее осуществлялись буржуазно-демократические преобразования. Наиболее радикальные течения (сторонники Томаса Мюнцера в период Реформации и Крестьянской войны в Германии, «истинные левеллеры» в английской революции, эбертисты, «бешеные» и бабувисты во французской революции) нередко выражали выходящие за рамки буржуазного миропорядка утопическо-коммунистические чаяния плебейских масс. Преобладание умеренных и правых означало установление господства крупной буржуазии, открывало простор ее реставраторским поползновениям, проявлявшимся уже на этих стадиях, притом что в целом буржуазия еще была революционным классом. «В «Долгом парламенте», — писал Энгельс еще в 1844 г. о закономерной смене разных этапов в английской и французской буржуазных революциях в зависимости от перевеса тех или других течений, — легко различить три ступени, которым во Франции соответствовали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный конвент; переход от конституционной монархии к демократии, военному деспотизму, реставрации и революции *juste-milieu* резко выражен в английской революции. Кромвель совмещает в одном лице Робеспьера и Наполеона; Жиронде, Горе и эбертистам с бабувистами соответствуют пресвитериане, индипенденты и левеллеры...»⁶⁵

Вместе с тем Энгельс видел не только аналогию, но и несходство французской буржуазной революции конца XVIII в. с предшествовавшими буржуазными революциями. Сопоставляя эти события, он по существу

поставил проблему особенностей ранних буржуазных революций, их отличия от буржуазных революций, совершившихся в условиях более развитых капиталистических отношений и более четкой расстановки классовых сил. Ранние буржуазные революции — Реформация и Крестьянская война в Германии, а также нидерландская революция 1566—1609 гг., отчасти английская революция середины XVII в. — носили на себе, показывает Энгельс, еще отпечаток средневековья, отличались известной непоследовательностью, неполнотой социальных и политических результатов, сравнительно ограниченным влиянием на мировое развитие. Незрелость этих революций нашла выражение и в религиозном характере идеологии движения. Лишь во время Великой французской революции, гораздо более радикальной и масштабной по своим историческим последствиям, религиозные идеологические одежды были сброшены. Мирозрение передового класса — буржуазии не облеклось в форму более рациональной, чем католичество, религии (лютеранство, кальвинизм), а выступило в виде передовых философских и политических идей.

Сравнение английской и французской революций убеждало Энгельса в том, что блок левых сил в революционной Франции был прочнее и действеннее, чем соглашение индипендентов и левеллеров во время гражданской войны с роялистами в Англии. Якобинская диктатура, опиравшаяся на народные массы, явилась вообще венцом революционности буржуазии. Она пользовалась плебейскими методами в борьбе с феодализмом, гораздо радикальнее, чем в Англии, решила аграрный вопрос, была в целом свободна от тех колонизаторских притязаний, которые обнаружили Кромвель и его соратники, в частности в отношении Ирландии. В выписках из «Истории Ирландии» ирландского историка и поэта Томаса Мура Энгельс следующими словами охарактеризовал эти различные черты революций XVII в. в Англии и XVIII в. во Франции: «Французская революция конфисковала земли дворянства в пользу народа! Англичане упразднили право земельной собственности как дворян, так и крестьян (речь идет об ирландцах. — Л. Г.), искоренив как тех, так и других, и создали новое дворянство. Франция во всяком случае не приобрела колоний и не удержала своей власти над теми, какие у нее были. Только после 18-го брюмера была направлена экспедиция на Сан-Доминго»⁶⁶.

Значительно повлияли на изменение расстановки сил в буржуазных революциях перемены, происшедшие в экономике и классовой структуре общества в XIX в. Буржуазные революции XVI—XVIII вв. происходили на стадии генезиса капитализма и мануфактурного периода его развития, в условиях, когда еще шло формирование основных классов буржуазного общества и на исторической арене выступал еще не рабочий класс, как таковой, а его исторический предшественник — предпролетариат (городской плебс и рабочие мануфактур). В XIX в. эти революции, направленные на устранение оставшихся преград для окончательного утверждения капиталистического способа производства и установления политического господства буржуазии, совершались в иной исторической ситуации. Возникла и получила развитие крупная фабрично-заводская промышленность, завершилось складывание классовой структуры буржуазного общества.

Классовые антагонизмы между буржуазией и пролетариатом, в более или менее зародышевых формах проявлявшиеся и в прежних буржуазных революциях, достигли в XIX в. большой остроты. Это способствовало постепенной утрате буржуазией способности претворять в жизнь нерешенные задачи буржуазно-демократических преобразований революционным путем. Общественные тенденции вели к тому, что эти преобразования превращались в составную часть программы пролетарского движения. Если раньше пролетарские, социалистические требования являлись как бы побочным продуктом буржуазных революций, то, как показала уже Парижская коммуна и последующее историческое развитие, решение ее оставшихся невыполненными задач в конечном счете становилось попутным делом пролетарской революции.

Переориентация буржуазии на компромиссное решение ее споров с силами старого режима, ее сползание на контрреволюционные позиции наложили отпечаток и на самый ход революционных событий. Если в прошлые столетия развитие буржуазных революций происходило по восходящей линии, каждый новый этап знаменовал ее углубление, то для революций XIX в. стало характерным, как правило, развитие по линии нисходящей. Кульминационный пункт в демократических преобразованиях достигался не по мере развертывания революционных событий, как это было в прошлом, а в самый

начальный период, после чего начиналась сдача завоеванных народом позиций одной за другой, переход власти с каждым поворотом в руки все более правых партий. Энгельс показал это на примере буржуазно-демократических революций 1848—1849 гг. в Пруссии и ряде других германских государств. Маркс увидел классический образец развития революции по нисходящей линии во Франции периода Второй республики (1848—1851 гг.).

Однако эта общая закономерность могла в отдельных случаях и не получить развития в силу местных и национальных особенностей и других исторических причин. Так, еще в 1848—1849 гг. в отдельных государствах Италии (Тоскана, Римская область, Венеция), в Венгрии, Южной Германии (Баден, Пфальц) своего высшего пункта революция достигла, констатировал Энгельс, не на раннем, а на заключительном этапе. Позднее, изучая ход испанской буржуазной революции 1868—1874 гг., он также не усматривал в нем аналогию с затухающей кривой, а, наоборот, считал, что события приобрели наиболее революционный характер только незадолго до ее окончания, в 1873 г., когда была провозглашена республика⁸⁷.

Анализ буржуазных революций составил существенную сторону исследования Энгельсом процесса становления капиталистического общества. Другой особенно важной стороной этого исследования было изучение им одновременно с Марксом и на основе экономических трудов своего друга внутренней эволюции самого капиталистического способа производства, двух периодов его развития — мануфактурного и машинного. Первый из них длился в течение нескольких столетий вплоть до промышленной революции, которая даже в наиболее передовой стране — Англии завершилась не раньше первых десятилетий XIX в.

Мануфактуру Энгельс считал формой капиталистического производства, характерной для раннего капитализма. Появление и распространение мануфактуры, особенно централизованной, объединившей работников в одной мастерской, были необходимым этапом в образовании капиталистической собственности на орудия и средства производства, используемой для присвоения прибавочной стоимости — главного экономического источника накопления капитала формирующегося класса буржуазии. Энгельс еще в 1847 г. указывал, что, «когда в конце средних веков в виде мануфактуры возник но-

вый способ производства, не укладывавшийся в рамки тогдашней феодальной и цеховой собственности, эта мануфактура, уже переросшая старые отношения собственности, создала для себя новую форму собственности — частную собственность»⁶⁸.

Мануфактура знаменовала собой существенный сдвиг в развитии производительных сил. Главный прогресс здесь заключался, отмечал Энгельс, не в технических новшествах, а в новой системе разделения труда по сравнению со средневековым ремеслом, в котором каждый производитель изготовлял тот или иной продукт целиком. «Мануфактура, — писал Энгельс, — разлагает ремесло на его отдельные частичные операции, отводит каждую из них отдельному рабочему как его пожизненную профессию и приковывает его таким образом на всю жизнь к определенной частичной функции и к определенному орудю труда»⁶⁹. Таким образом, Энгельс указывал и на изменения в худшую сторону в условиях и характере труда непосредственных производителей с введением мануфактуры — превращение его в однообразные, утомительные операции. Уже на заре капитализма прогресс в производстве имел негативные последствия для трудящихся.

Развитие мануфактуры, отмечал Энгельс, с самого начала происходило в борьбе с теми многочисленными препонами, которые ставили свободному капиталистическому предпринимательству феодальные порядки. «Переход от ремесла к мануфактуре имеет своей предпосылкой существование известного числа свободных рабочих», — отмечал Энгельс, подчеркивая, что уже в силу этого мануфактурное производство противостояло феодальной системе, связывавшей работника и в городе и в деревне крепостническими и полукрепостническими путями. Он писал далее: «...цеховые привилегии всюду и всегда стояли поперек дороги развитию мануфактуры»⁷⁰. Эти барьеры преодолевались либо экономическим путем, благодаря значительной конкурентоспособности мануфактуры, либо социально-политическими мероприятиями первых буржуазных революций. Таким образом, мануфактура экономически способствовала утверждению капиталистической системы и устранению устаревшего феодального строя.

В то же время Энгельс отчетливо сознавал ограниченные потенции мануфактуры. Основанная на ручном труде, она не давала простора для технического прогресса.

ва и бурного, динамичного развития производительных сил, которыми была отмечена последующая, машинная стадия капитализма. Энгельс указывал на «вялый ход развития времен мануфактуры» по сравнению с периодом «бури и натиска в производстве», наступившим на машинной стадии⁷¹. Мануфактурное производство, имевшее сравнительно узкие рамки и во многих случаях не выходявшее за локальные пределы, не в состоянии было до конца вытеснить докапиталистические формы хозяйства в экономике и полностью подчинить себе мелкое ремесло. В большинстве стран капиталистические отношения, базировавшиеся на мануфактуре, смогли развиться лишь в уклад, существовавший в рамках феодального общества. «Если даже в Англии и во Франции мануфактура вызвала к жизни немногочисленную крупную буржуазию, то в слабо населенной и отдаленной Австрии она могла создать в лучшем случае скромное среднее сословие, да и то лишь местами»⁷², — писал Энгельс, и этот вывод можно отнести ко многим другим странам Восточной и Южной Европы.

В период мануфактуры не приобрела доминирующего значения ее наиболее развитая форма — централизованная мануфактура. Наряду с ней продолжали существовать рассеянная мануфактура, покоившаяся на эксплуатации кустарных домашних промыслов, мануфактура смешанного типа, сочетавшая эти промыслы с производством в крупных мастерских. Энгельс в 1887 г. отмечал наличие даже в фабричную эпоху в Германии широкой сети этой сельской домашней кустарной промышленности. Между тем только в централизованной форме мануфактура могла до конца выполнить свою миссию концентрации собственности на орудия и средства производства в руках капиталиста за счет полной экспроприации ее у мелких ремесленников и кустарей. В других формах мануфактуры эта мелкая собственность частично еще сохранялась. «Мануфактурный рабочий XVI—XVIII веков, — писал Энгельс, имея в виду рассеянную мануфактуру, — почти повсюду владел еще орудиями производства: своим ткацким станком, прялкой для своей семьи и маленьким участком земли, который он возделывал в свободные от работы часы»⁷³.

Таким образом, несмотря на крупную роль, которую мануфактура сыграла в становлении капиталистических отношений, только с переходом от нее к машинному производству эти отношения достигли зрелости, а капи-

талистический способ производства стал господствовавшим, окончательно вытеснив предшествующие формы хозяйства или приспособив к себе их пережитки.

Еще в середине 40-х годов в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс показал, что происшедшая в этой стране промышленная революция, в результате которой осуществился переход капиталистической общественно-экономической формации из мануфактурной в машинную стадию развития, имела отнюдь не только технический аспект (изобретение машин, коренные перемены в технологии и организации производства), но прежде всего исключительно важное социальное значение. Переход от мануфактуры к фабрике повлек за собой глубокие структурные изменения в обществе. Крупное машинное производство составило подлинную материально-техническую базу для капиталистических отношений. Внедрение его привело к окончательному вытеснению докапиталистических форм труда, к разорению мелких производителей — ремесленников и значительной части крестьянства (в Англии крестьяне-собственники исчезли по существу полностью). С формированием современного промышленного пролетариата четко обозначилось деление общества на два главных класса: буржуазию и наемных рабочих. Крупная промышленность становилась одновременно материальной основой для концентрации рабочего класса и для его организации, для развертывания его борьбы за более прогрессивный строй — социализм.

Позднее Энгельс отмечал особенности и социальные последствия промышленной революции и в других странах, в частности в Германии и США ⁷⁴.

Широко опираясь на «Капитал» Маркса, Энгельс выявил общие черты развития капиталистической экономики после повсеместного утверждения системы крупного промышленного производства. Он отмечал циклический характер этого развития, неизбежность периодических кризисов, рост концентрации капиталов, все большую классовую поляризацию общества в силу действия всеобщего закона капиталистического накопления, углубление противоречий капитализма, и прежде всего основного — между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Внимательно следя за экономическим развитием разных стран, Энгельс подметил некоторые новые тенденции в экономике и политике мирового капитализма в

последнюю треть XIX в. Не только как проникательный экономист, но и как историк он с пристальным вниманием отнесся к таким явлениям, как бурный рост акционерных компаний, создание картелей и трестов, в том числе международных, монополизирующих зачастую целые отрасли производства, возрастающее влияние банковского капитала, расширение сферы приложения капитала за границы, в том числе в форме финансовой экспансии в колонии ⁷⁵. Новой чертой, по мнению Энгельса, явилось все большее участие буржуазного государства в экономической жизни, переход в его руки ряда отраслей народного хозяйства, различных видов транспорта и средств связи. Эту тенденцию, как и образование трестов, а также растущий паразитизм класса капиталистов, для которых «не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже», Энгельс рассматривал как показатель прогрессирующего банкротства капиталистической системы и все более назревающей потребности в замене ее посредством пролетарской революции социалистической организацией производства ⁷⁶.

Не укрылось от Энгельса и изменение соотношения сил между капиталистическими странами на мировом рынке. Опережающие темпы развития капиталистической промышленности США и Германии, констатировал он в 1892 г., подорвали мировую промышленную монополию Великобритании. Это нарушение прежнего относительного равновесия было чревато еще большим обострением капиталистических противоречий, ужесточением конкурентной борьбы. Отметил Энгельс и деформацию прежних циклов капиталистического производства. Более или менее равномерная смена кризисов и подъемов уступила место, в частности в той же Англии, длительному хроническому застою ⁷⁷.

Во всех перечисленных новых явлениях Энгельс увидел не только признаки структурных и функциональных изменений в капиталистической экономике, но и новые черты в самом развитии буржуазного общества. Однако до империалистической эпохи Энгельс не дожил. Поэтому он не мог воспринять указанные перемены как признаки перерастания домонополистического капитализма в империализм — новую, высшую стадию капиталистического развития.

Важнейшие штрихи в характеристику эволюции капитализма Энгельс внес своими исследованиями истории

колониального закабаления капиталистическими государствами отсталых стран (Индии, Алжира, Китая, Ирландии). Он раскрыл место и роль колониальных захватов и колониального соперничества, складывания и функционирования системы колониального владычества в развитии буржуазного общества, охарактеризовал формы и методы колониальной эксплуатации угнетенных народов. При этом Энгельс проследил историческую эволюцию колониализма, видоизменение его методов на разных стадиях, от хищнического грабежа периода первоначального накопления до превращения колоний в аграрно-сырьевые придатки метрополий в эпоху утверждения капиталистического строя. Типичным для колониализма, подчеркивал Энгельс, было консервирование и использование докапиталистических форм эксплуатации коренного населения, расхищение природных ресурсов угнетенной страны и приспособление ее экономики к потребностям метрополии, в результате чего ее экономическому развитию придавался однобокий, уродливый характер. Ярко обрисовал Энгельс политический гнет, расовую и национальную дискриминацию, тяготевшие над народами колоний и зависимых стран. Тщательно изучал он историю национально-освободительной борьбы угнетенных народов против колониального рабства.

Исключительно много сделал Энгельс для выяснения не только процесса формирования, но и исторического развития пролетариата — главного угнетенного класса капиталистического общества. Его положение на разных исторических стадиях, структурные сдвиги в его составе (процентный рост фабрично-заводских рабочих по сравнению с полуремесленными пролетариями, образование верхушечного слоя — «рабочей аристократии» и т. д.), различные формы его эксплуатации, эволюция их, в том числе под влиянием организованного сопротивления рабочих (отказ капиталистов от системы оплаты труда товарами, законодательное ограничение рабочего дня и т. п.), и другие аналогичные историко-социологические проблемы были постоянно предметом анализа Энгельса. Особенно показательными в этом плане являются написанные им в 1892 г. предисловия к английскому и второму немецкому изданиям «Положения рабочего класса в Англии»⁷⁸. Во многих работах, посвященных истории отдельных стран, Энгельс раскрывал особенности пролетариата той или другой страны (со-

став, положение, степень организованности, уровень классового сознания и т. д.). Отмечал он и постоянное возрастание роли рабочего класса во многих сферах общественной жизни — в экономике, социальном развитии, в области политики.

К пролетариату Энгельс неизменно относился как к могучей революционной общественной силе, главному участнику классовых битв буржуазного общества, как к классу, которому принадлежит будущее. В соответствии с этим в истории рабочего класса у Энгельса на первом плане всегда были различные ступени его сопротивления буржуазии: становление и развитие освободительного пролетарского движения, его воздействие на остальные общественные процессы, его перспективы.

Интересовало Энгельса и положение промежуточных, средних слоев буржуазного общества, процесс их разложения и пролетаризации. Его внимание к этим проблемам было обусловлено социологической задачей раскрытия источников формирования и последующего пополнения рабочего класса, а также потребностью обосновать важнейшее положение тактики революционного пролетариата — необходимость для него в борьбе с буржуазией вступать в союз с непролетарскими массами трудящихся. К этой категории, в частности, относилась и мелкая городская буржуазия — ремесленники и мелкие торговцы. Понимание условий существования этого класса и его политических и идейных позиций было чрезвычайно важно с точки зрения критики пролетарскими революционерами мелкобуржуазной идеологии, в том числе различных течений мелкобуржуазного социализма.

В работах «Конституционный вопрос в Германии», «Революция и контрреволюция в Германии», «К жилищному вопросу» Энгельс отмечал неустойчивость экономического положения мелкой буржуазии, локальную ограниченность ее экономических связей и соответствующую узость кругозора. Он ясно видел двойственную природу мелкой буржуазии, проявлявшуюся, с одной стороны, в антикапиталистической тенденции, поскольку конкуренция крупного капитала постоянно разоряет этот класс, а с другой стороны, в стремлении сохранить частную собственность, приковывавшую его к буржуазному строю, реакционность и утопизм его идеалов возврата к мелкому производству, наконец, постоянные колебания и нерешительность в политике. Привлечение ре-

волюционных элементов мелкой буржуазии к участию в освободительном движении требует от рабочего класса большой гибкости и принципиальности, умения раскрывать несостоятельность мелкобуржуазных иллюзий, подчинять мелкобуржуазных союзников в отношении идеологии и тактики выдержанному пролетарскому руководству.

Объектом постоянного изучения Энгельса были исторические судьбы крестьянства при капитализме. Рассматривая трудящееся крестьянство как главного союзника рабочего класса, Энгельс на протяжении всей своей деятельности занимался изучением различных сторон крестьянского вопроса как в теоретическом, так и в историческом аспектах. В поле его зрения были исторические особенности таких аграрных стран, как Россия, Польша, Венгрия, Ирландия, страны Балканского полуострова. Много внимания уделяя он аграрным проблемам Дании и Италии. Значительное место в исследованиях и наблюдениях Энгельса занимали эволюция немецкого крестьянства в XIX в., положение французских мелких крестьян, фермерство и фермерские движения в США. В написанной в конце жизни работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (1894 г.) Энгельс как бы подвел итог своему разностороннему изучению этой проблемы.

Как в этой, так и в других работах Энгельс выявил наиболее существенные черты процессов, отличавших историю крестьянства в эпоху промышленного капитализма. Энгельс показал типичные варианты путей, по которым в XIX в. в ряде стран Европы происходила эмансипация крестьянских масс от уцелевших еще тенет феодальной зависимости. В работах «Марка», «К истории прусского крестьянства» и др. он раскрыл причины затягивания во многих странах Восточной Европы процесса расчистки аграрного строя от пережитков феодализма, а в ряде случаев сохранения этих пережитков. Вместе с тем он показал губительные последствия, которые несет мелкому крестьянству прогресс крупного капиталистического производства: деградацию и упадок крестьянской парцеллы, расслоение крестьянства, разорение и пролетаризацию значительной его массы при одновременной концентрации земельной собственности в руках зажиточных, буржуазных элементов деревни. «Развитие капиталистической формы производства перерезало жизненный нерв у мелкого производства в сель-

ском хозяйстве, и это мелкое производство гибнет и приходит в упадок неуждимо»⁷⁹.

Важнейшее теоретическое положение Энгельса о том, что само развитие капитализма подготавливает почву для вовлечения крестьянских масс в борьбу против буржуазного строя, для преодоления проявленных в ряде случаев крестьянством политической инертности, а иногда даже и консервативных побуждений, опиралось на глубокое знание и обобщение истории крестьянства многих стран.

К общим проблемам истории капитализма, исследованным Энгельсом, относится вопрос о природе и эволюции буржуазного государства. Энгельс исследовал различные типы буржуазного государства в многочисленных очерках и статьях. Он показал специфические черты конституционной монархии — на примере политического строя Англии, Бельгии, Франции периода Июльской монархии, буржуазной республики — на примере США, Швейцарии, республиканского строя во Франции, установленного в 1870 г. Энгельс много занимался изучением такой формы буржуазного государства, как бонапартистская монархия.

Как и Маркс, он считал причиной ее возникновения контрреволюционные поползновения буржуазии в условиях известного равновесия классовых сил, того неустойчивого положения, которое создавалось в обстановке буржуазных революций XIX в. или при осуществлении назревших буржуазных преобразований (например, объединения Германии). Он отмечал, что в условиях, когда государственная власть, защищая интересы контрреволюционной буржуазии и других реакционных сил, пользуется грубыми военно-полицейскими средствами подавления революционного движения и одновременно прибегает к демагогическому заигрыванию с различными классами, она приобретает некую внешнюю самостоятельность, как бы становится над всем обществом и подчиняет его. Особенно большая заслуга принадлежит Энгельсу в выявлении прусско-бисмарковского варианта бонапартизма (работы «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», «Роль насилия в истории» и др.). Здесь Энгельс не только наглядно проиллюстрировал мысль Маркса о том, что буржуазия наследует у своего исторического предшественника — класса феодалов — бюрократическую, милитаристскую государственную машину, но и показал, что вообще сл-

ним из возможных путей развития буржуазной государственности является постепенная трансформация дворянско-абсолютистского государства в буржуазное, в том числе бонапартистского толка.

Велика роль Энгельса и как историка духовного развития буржуазного общества. Он дал глубокую оценку развития науки и культуры в буржуазную эпоху, выявил общие черты буржуазной идеологии, направление ее эволюции. Будучи противником схематизации сложных исторических процессов, особенно в идеологической области, не раз — особенно в 90-х годах — предупреждая о недопустимости упрощенного подхода к этим явлениям, он все же считал возможным писать об общих тенденциях, присущих развитию буржуазной идеологии. В целом она отразила общие исторические судьбы буржуазии, превращение ее из революционного класса, борца против феодализма, в контрреволюционную общественную силу. От идейного восстания против средневекового мракобесия, схоластики, теологических оков, от гигантского культурного взлета эпохи Возрождения через усиление прогрессивных рационалистических и материалистических тенденций к идеологической реакции, духовному упадку и оскудению — таков в целом путь буржуазного мировоззрения. Проявление этого упадка Энгельс усматривал в забвении научных традиций классической буржуазной философии, а также политической экономии и историографии, в отказе от материалистического объяснения законов природы и переходе буржуазной философии на позиции агностицизма, в ретроградных поползновениях идеологов буржуазии и вульгаризации ими общественной мысли, в усилении религиозности в буржуазной среде и в других аналогичных явлениях.

Наблюдая общие процессы в идейной жизни буржуазного общества, Энгельс приходил к убеждению, что в противовес буржуазии, отрекавшейся от лучших достижений прогрессивной общественной мысли самой же буржуазной эпохи, роль подлинного наследника духовных ценностей прошлого все больше переходит к рабочему классу, призванному их воспринять, сохранить и приумножить. Недаром его научное мировоззрение — марксизм — впитало в себя все наиболее ценное, что было в предшествовавших науке и культуре, и, вооружив человеческую мысль передовой методологией, открыло широкий простор для ее развития.

Энгельс—историк освободительного движения народных масс

Выяснение решающей роли народных масс в общественной жизни занимает ключевое место в марксистской социологии и историографии. Марксизм впервые показал, что трудящиеся массы являются подлинными творцами истории, обеспечивающими в качестве производителей материальных благ развитие производительных сил и тем самым создающими основные условия для общественного прогресса. Велико их воздействие на общественное развитие и как главных участников классово-вой борьбы, как решающего фактора социальных революций, разрушающих отжившие общественные порядки и открывающих простор для становления более прогрессивного общественного строя. Марксистская мысль установила при этом, что сила этого воздействия масс на исторический процесс возрастает в соответствии с ростом их активности, организованности и сознательности в революционной борьбе, по мере того, как ее результаты все в большей степени отвечают их собственным интересам, а не только приводят к удовлетворению потребностей эксплуататорского меньшинства.

Разумеется, возрастающее влияние освободительной борьбы народных масс основоположники марксизма отнюдь не воспринимали как некое механическое непрерывное усиление их революционной энергии, отмеченное сплошными победами. В их понимании это был сложный процесс, характеризующийся приливами и отливами революционной активности трудящихся, разнообразием форм ее проявления, не только успехами, но и многочисленными поражениями, особенностями в каждую историческую эпоху, не говоря уже о местных и локальных своеобразных чертах, различием в непосредственных результатах. Даже рабочему движению было свойственно чередование подъема и застоя, преобладание в разные периоды тех или иных тенденций. В еще большей степени это относится к борьбе народных масс на предшествующих капитализму стадиях.

И тем не менее в революционной борьбе трудящихся масс против гнета и эксплуатации Маркс и Энгельс видели могучий стимул исторического прогресса. Даже

тогда, когда эта борьба не увенчивалась победой или вообще не имела перспективы на победоносный исход, как это было, по убеждению Маркса и Энгельса, с восстаниями рабов в античном обществе, она расшатывала основы эксплуататорского строя, подготавливала почву для смены его более прогрессивной общественно-экономической формацией. Какими бы противоречивыми тенденциями ни отличалось первоначальное христианство, как бы деморализующе ни действовали те черты христианской идеологии, которые порождали настроения пассивности в ожидании потустороннего избавления, движение народных масс, рабов и обездоленных, идейным знаменем которого оно было, в немалой степени способствовало разложению рабовладельческой империи. Недаром Энгельс отмечал бесплодность попыток рабовладельческой верхушки империи насильственно подавить это движение, путем гонений и запретов пресечь распространение христианства¹.

Исключительную роль сыграла борьба крестьянских и плебейских масс в переходе от феодализма к капиталистическому строю. Энгельс, как уже говорилось, считал народные массы главным фактором, обеспечивавшим радикальную ломку феодальных порядков. Из них формировались революционные армии, преодолевавшие сопротивление контрреволюционных сил в гражданских войнах и защищавшие завоевания революции от внешнего врага. «Буржуазия — класс, в лучшем случае лишенный героизма, — писал Энгельс о роли различных классов в буржуазных революциях. — Даже наиболее блестящие ее достижения, в Англии XVII века и во Франции XVIII века, не были ею самой завоеваны для себя, а их завоевали для нее плебейские народные массы, рабочие и крестьяне»². Под рабочими здесь понимаются тогдашние доиндустриальные пролетарские слои (подмастерья, ученики, рабочие мануфактур).

И в революциях более позднего времени их главные задачи — устранение сковывающих общественное развитие политических режимов и устаревших социальных порядков — осуществлялись руками трудящихся, в первую очередь рабочего класса. В частности, говоря в 1878 г. о парижских рабочих, Энгельс отмечал: «В течение уже почти девяноста лет они являлись боевой армией прогресса. При каждом крупном кризисе французской истории они выходили на улицы, вооружались чем только могли, воздвигали баррикады и вступали в бой. И их

победа или поражение определяли судьбу Франции на последующие годы. С 1789 по 1830 г. буржуазные революции решались борьбой парижских рабочих; это они в 1848 г. завоевали республику, ошибочно считая, что эта республика означает освобождение труда, они получили жестокий урок в июньском поражении того же года; они сопротивлялись на баррикадах луи-наполеоновскому *coup d'état* [государственному перевороту] 1851 г. и снова потерпели поражение; они смели в сентябре 1870 г. изжившую себя империю, к которой буржуазные радикалы не имели смелости и прикоснуться³.

Характерной чертой революционного движения народных масс Энгельс считал то обстоятельство, что в течение длительного времени объективно плоды их революционных усилий доставались прогрессивному в те времена, однако тем не менее эксплуататорскому меньшинству. В буржуазных революциях трудящиеся массы, не исключая и пролетариата на ранних ступенях его развития, действовали не столько в своих интересах, сколько в интересах этого меньшинства, увлекаемые его лозунгами и идеалами «свободы, равенства и братства», которые, по словам Энгельса, на деле оказывались «лживыми приманками». Движение народных масс на этом этапе он характеризовал как «инстинктивное, стихийное, неудержимое»⁴. И тем не менее, указывал Энгельс, уже в эту пору у масс, особенно предпролетариата, под влиянием зарождавшегося классового антагонизма с буржуазией пробуждались и собственные идеалы и требования, свое толкование свободы и равенства, противоположное буржуазному пониманию.

В глазах Маркса и Энгельса уже эти ранние признаки зарождения самостоятельного движения трудящихся масс свидетельствовали о заложенных в нем революционных потенциях. Дальнейшее развитие революционного рабочего движения, активное участие рабочих в буржуазных революциях XIX в., собственные революционные выступления пролетариата, потрясшие буржуазный мир, всемирно-исторический подвиг парижских коммунаров все больше убеждали основоположников марксизма в способности рабочего класса проявлять беспримерный героизм и революционную инициативу, увлекать за собой непролетарские массы трудящихся в борьбе против эксплуататорского строя, направляя усилия не только на его разрушение, но и на преобразование всей общественной системы, на созидание нового

общественного порялка. Условием решающих успехов пролетарских масс Маркс и Энгельс считали их сплочение, формирование их классового сознания, распространение идей научного коммунизма, освещающего путь к победе. «Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, — писал Энгельс, — массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью»⁵.

Таковы были исходные принципы подхода Энгельса к изучению истории революционных движений. Энгельс не только формулировал теоретические положения, но и подверг обстоятельному анализу различные этапы развития революционного процесса, многие типичные его стороны. Эти исследования дают ясное представление о вкладе Энгельса в марксистскую разработку истории освободительной борьбы народных масс.

Разработка истории революционной борьбы крестьянства и городских низов

В течение всех средних веков не прекращалась борьба угнетенных крестьянских масс против феодального гнета. Крестьянское движение наряду с выступлениями горожан против власти феодальных сеньоров было главным проявлением той революционной оппозиции феодализму, которая, по словам Энгельса, «проходит через все средневековье» и выступает «соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»⁶.

Сам процесс складывания феодальных отношений, закрепощения свободных общинников вызывал, как указывал Энгельс, обстановку в Западной Европе времен Каролингов, «многочисленные заговоры и восстания несвободных и даже вассалов из числа крестьян»⁷. Такой характер носило, отмечал он, в частности, восстание в 841—843 гг. свободных и полусвободных крестьян Саксонии, которых пыталась закрепить франкская и саксонская знать, — так называемое восстание «Стеллинга». Сопrotивлявшимся крестьянам, разумеется, не удавалось затормозить процесс феодализации и вернуться к патриархальному общинному строю. Однако в ряде случаев они добивались известного смягчения феодальной зависимости, в частности сохранения личной

свободы. Приведа в одном из произведений 60-х годов в собственном переводе стародатскую народную песню, отражавшую один из эпизодов «средневековой крестьянской войны» свободных крестьян (эделингов) с феодальным дворянством, Энгельс отмечал, что опиравшееся на общинные обычаи и сплоченное общинной солидарностью крестьянство находило действенные средства, с помощью которых ему удавалось «положить конец дворянским домогательствам»⁸.

Различные формы приобрела освободительная борьба крестьян в период расцвета феодализма, отмеченного возникновением и ростом средневековых городов и развитием товарно-денежных отношений. В «Принципах коммунизма» Энгельс указывал, что крепостной крестьянин может освободить себя «либо тем, что убегает в город и становится там ремесленником, либо тем, что доставляет своему помещику вместо работы или продуктов деньги, становясь свободным арендатором, либо тем, что он прогоняет своего феодала, сам становясь собственником»⁹. Разумеется, указанные способы избавления от крепостнических пут не были равнозначны ни по характеру и форме протеста против феодальной эксплуатации, ни по своим результатам. Так, переход от натуральной ренты и ренты продуктами к денежной ренте открывал путь к освобождению лишь для небольшого слоя разбогатевших крестьян. Основной массе такая коммутация ренты принесла только небольшое и временное облегчение, выразившееся главным образом в частичной отмене личной зависимости, но к XV в., наоборот, в связи с ростом потребностей феодалов в деньгах привела к усилению феодальной эксплуатации. Увеличивались и налоги в пользу феодального государства и церкви, судебные и чиновничьи вымогательства и т. д.

И в городе с его цеховыми привилегиями беглого крестьянина, превращавшегося в ремесленника, не ожидало полное избавление от тягот феодальных производственных отношений. По мере роста населения городов и складывания их сословно-цеховой структуры беглецы из деревни стали пополнять лишь низший слой бесправных и обездоленных горожан — городской плебс. В этих условиях поток беглых все больше направлялся на колонизуемые земли, на пограничные территории, где пришлое население нередко основывало вольные поселения с общинными порядками. Существование таких поселений допускалось феодальными правительствами в инте-

ресах защиты границ. Но возможности для колонизации были ограничены, а в ряде стран и вообще не существовали.

Таким образом, общественные условия все больше оставляли крестьянину единственное средство сопротивления — борьбу против феодального строя с оружием в руках.

В идейном отношении протест народных масс против феодального гнета нередко принимал форму радикальных религиозных ересей. В деятельности и идеологическом арсенале еретических сект даже в период сложившегося феодального общества в ряде случаев, указывал Энгельс, сохранялись и свойственные крестьянскому движению раннего феодализма тенденции к защите архаических общинных порядков, как, например, у вальденсов в конце XII и в XIII в. — южнофранцузской секте, получившей распространение в горной Швейцарии и Савойе. Однако в целом в радикальных еретических течениях средневековья, в их обращении к первоначальному христианству нашли отражение не столько помыслы крестьян вернуться к патриархальным отношениям, сколько стремление народных низов освободиться, в том числе путем открытого восстания, от крепостничества и других форм зависимости, избавиться от бремени, накладываемого феодализмом на мелкое крестьянское и ремесленное производство. «Уравнение дворянства с крестьянами, патрицнев и привилегированных горожан с плебеями, — писал Энгельс, — отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего христианства»¹⁰.

Значительной интенсивности и силы достигла антифеодальная борьба крестьянских и плебейских масс на стадии начавшегося разложения феодализма и зарождения буржуазных отношений. Эта ступень крестьянского движения была особенно обстоятельно проанализирована Энгельсом на примере Великой крестьянской войны в Германии начала XVI в. В «Крестьянской войне в Германии» Энгельс, однако, вышел за рамки анализа только событий 1524—1526 гг., которые рассматривал как кульминационный пункт, «критический эпизод» самой ранней из буржуазных революций — Реформации в Германии¹¹. Он дал характеристику крестьянского дви-

жения и на предыдущих этапах, указав на такие важные вехи в его развитии, как восстание «пастушков» во Франции в 1251 г. (знаменитую Жакерию 1358 г. Энгельс не упоминает в этой работе, но ссылки на нее встречаются в «Немецкой идеологии» и других произведениях), восстание Уота Тайлера 1381 г. в Англии, гуситские войны в Чехии первой половины XV в. Существование гуситского движения Энгельс раскрыл еще раньше, указав в 1849 г., что это была «национально-чешская крестьянская война против немецкого дворянства и верховной власти германского императора, носившая религиозную окраску»¹². В «Крестьянской войне в Германии» он углубил свою характеристику этого движения, подчеркнул роль в нем радикального течения таборитов, отметил преемственность некоторых традиций гуситских войн, в частности выработанной таборитами военной тактики.

Особое внимание уделил Энгельс непосредственным предшественникам 1525 г. — крестьянским восстаниям и заговорам («Башмака», «Бедного Конрада» и т. д.), ареной которых становились не только разные местности Западной и Южной Германии, но и Нидерланды, Эльзас, Венгрия, славянские земли Австрии (Каринтия, Штирия и Крайна). Да и анализируя сами события восстания 1524—1526 гг., Энгельс вскрыл многие традиционные черты крестьянского движения, выявив в то же время в нем и отличительные признаки приближавшейся капиталистической эпохи.

В работе Энгельса, таким образом, показаны типические черты антифеодальной борьбы крестьян. Обобщающими были и его выводы о социальных предпосылках крестьянского движения, его объективном содержании, идеологических формах, естественно носивших, как и все идеологические течения того времени, религиозное облачение, об образе действий, уровне сознания и психологии участников движения, о причинах их поражения. Все, что было высказано Энгельсом на этот счет, относится не только к перипетиям Крестьянской войны 1525 г., но и к крестьянским восстаниям в целом.

В своей работе Энгельс показал, что революционная борьба крестьян и городских низов против феодального строя является закономерным следствием и характерным выражением социальных противоречий феодального общества. Целая волна восстаний крестьян, предшествовавшая их общему выступлению в 1525 г., свидетельст-

вовала, подчеркивал Энгельс, что эта общая вспышка борьбы давно назревала. Включение в нее столь широких слоев крестьянства, притом что ему были свойственны инертность, разобщенность и привычка к повиновению, было вызвано длительным действием глубоких антагонизмов, жесточайшим гнетом, которому оно подвергалось со стороны всех стоявших над ним феодальных сословий и который все больше усиливался в период разложения феодализма. Если в целом взрыв народного гнева был обусловлен общими суровыми формами эксплуатации непосредственных производителей в феодальную эпоху, то его размах и мощь в начале XVI в. в Германии Энгельс связывал именно с усилением этой эксплуатации в пору начавшегося упадка феодализма и зарождения буржуазных отношений. Этим он объяснял и то обстоятельство, что движение 1524—1526 гг. вышло за пределы обычных локальных крестьянских выступлений, что оно распространилось на территорию от Эльбы до Рейна и прилегающих земель, приобрело масштабы, приближающиеся к общенациональным.

В такой повсеместности и известной одновременности крестьянских выступлений, несмотря на то что этому крайне препятствовала политическая раздробленность страны, а также в довольно широком вовлечении в борьбу других общественных слоев Энгельс усмотрел признаки перерастания крестьянской войны в революцию раннебуржуазного типа в отличие от прежних крестьянских движений. Энгельс отмечал, что «в средние века, встречаясь с большим количеством местных восстаний крестьян, мы — по крайней мере в Германии — до Крестьянской войны не обнаруживаем ни одного общенационального крестьянского восстания»¹³.

Борьба крестьян в 1524—1526 гг. объективно была направлена на уничтожение феодального строя. Однако, разрушая феодальные замки и монастыри, участники восстания в массе своей не возвысились до осознания полной противоположности своих интересов существующей феодальной системе в целом, феодальному государству. Выдвинутые крестьянами требования, выраженные в знаменитых «Двенадцати статьях» швабско-франконских крестьян, и даже в более радикальных документах (например, в «Двенадцати статьях» эльзасских крестьян), были в целом, по характеристике Энгельса, умеренными, ограничиваясь по существу отменой крепостничества и некоторых наиболее одиозных феодальных

Повинностей и привилегий, возвращением захваченных феодалами общинных земель, сокращением палогов, податей и барщины, устранением произвола в судах и управлении.

Лишь наиболее радикальное течение в крестьянско-плебейском лагере требовало действительного сокрушения основ феодальных порядков. В вышедшем из их среды «*Статейном письме*», указывал Энгельс, «речь шла прежде всего о революции, о достижении полной победы над еще господствующими классами»¹⁴. Основная же масса крестьян, как показал Энгельс, даже в своем самом мощном восстании, действовала под влиянием стихийного протеста и на каждом шагу обнаруживала идейную и политическую отсталость, неспособность до конца осознать и выразить объективные потребности борьбы и добиться конечного освобождения собственными силами. Энгельс недаром указывал, что «крестьяне одни не в состоянии были произвести революцию, пока им противостояла объединенная и сплоченная организованная сила князей, дворянства и городов» и что «некоторые шансы на победу мог им дать только союз с другими сословиями»¹⁵.

Отмечал Энгельс и другие характерные слабости крестьянского движения. Чрезвычайно вредила ему, подчеркивал он, провинциальная, даже локальная ограниченность крестьян, помешавшая преодолеть децентрализованность и распыленность их борьбы, несмотря на то что она вспыхнула повсеместно. Крестьянам так и не удалось добиться сколько-нибудь прочного объединения своих местных отрядов, что позволило карательной армии феодалов разгромить их по частям. К востоку от Эльбы, где феодальная зависимость в те годы была менее суровой, чем в Западной Германии, крестьяне вообще оставались в целом пассивными. Местнические интересы, привязывавшие крестьянина к его родному селу, к его хозяйству, вызывали текучесть в крестьянском войске, значительно уступавшем в отношении дисциплины и боевой выучки своему противнику — армии ландскнехтов, наемной армии феодалов. Общего руководства всем движением крестьяне так и не смогли создать. Их вожаки во многих случаях проявляли недалекость, легковерие, становились жертвами обмана и вероломства феодалов, давали себя им одурачивать, а нередко и подкупать. Все эти обстоятельства обрекали крестьян на поражение.

И тем не менее революционные восстания крестьян в средние века и особенно в период перехода к новому времени не были, по убеждению Энгельса, исторически бесплодными. Освободительная борьба крестьянских масс не просто расшатывала феодальный строй. Она создавала устойчивые традиции сопротивления феодальной эксплуатации, передававшиеся от поколения к поколению, подготавливала крестьянство к участию вместе с другими революционными классами общества и под их идейным и политическим руководством в победоносных революциях против феодализма.

Крестьянская война в Германии, несмотря на ее трагический исход, являлась важной вехой в процессе превращения крестьянских масс — главных участников антифеодальных движений средневековья — в ударную силу буржуазных революций. Энгельс недаром писал об этой войне как о «самой величественной революционной попытке немецкого народа»¹⁶. Глубокий след оставила она в истории страны. Хотя следствием поражения крестьян и было усиление власти крупных светских феодалов, утверждение на длительный срок режима княжеского мелкoderжавия — карликового абсолютизма и углубление раздробленности Германии, восстание тем не менее нанесло ощутимый удар части феодального класса, поколебав в целом феодальную структуру тогдашнего немецкого общества. Была подорвана сила церковных феодалов и дворянства. Секуляризация церковных владений в пользу князей и подчинение ими имперского сословия дворян явились в значительной мере результатом Крестьянской войны. Наступившее после нее длительное господство реакции в Германии Энгельс отнюдь не был склонен целиком приписывать поражению крестьян. Он объяснял это и другими — экономическими, социальными и политическими — причинами, в частности тяжелыми для страны, и особенно для крестьянских масс, последствиями религиозных войн, Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. и т. д. Зато уроки революционных событий начала XVI в., указывал он, не были забыты, и опыт их вошел в то революционное наследие прошлого, которое стало достоянием немецких трудящихся масс, немецкого рабочего класса на последующих стадиях революционной борьбы.

Энгельс считал события в Германии начала XVI в. важными еще и потому, что в ходе их стала намечаться та расстановка классовых сил — разумеется, в зароды-

шевой форме, — которая более четко обозначилась в последующих буржуазных революциях в Англии XVII в. и во Франции XVIII в. Крестьянская война в Германии прежде всего способствовала складыванию блока восставших крестьян и плебейских масс городов — того классового союза, который должен был стать важнейшим из факторов, обеспечивших успех антифеодальной борьбы в будущем. Тенденция к объединению крестьян и городских низов проявилась уже в прошлых крестьянских восстаниях. Но в те времена пестрая по составу, пополнявшаяся из обедневших бюргеров, деклассированных крестьян и ремесленников и бывшей феодальной челяди плебейская масса в городских движениях нередко плелась «в хвосте у бюргерской оппозиции», а во время крестьянских восстаний почти всегда следовала в своих требованиях и выступлениях за крестьянами. Энгельс видел в этом «яркое доказательство того, насколько город тогда зависел еще от деревни»¹⁷.

В Германии конца XV — начала XVI в. городские плебеи, по крайней мере те их элементы, которые являлись предшественниками будущего пролетариата, впервые сыграли самостоятельную, чрезвычайно революционную роль и сумели увлечь за собой часть крестьянства. Их представители, Томас Мюнцер и его соратники, выдвинули смелые политические и религиозные доктрины, в которых решительное осуждение существующего общественного порядка сочеталось с идеями, предвосхитившими в фантастической форме утопическое учение о коммунистическом преобразовании общества. Накануне и во время Крестьянской войны они возглавили наиболее радикальное плебейско-крестьянское крыло движения, противопоставив умеренной бюргерской церковной реформе принципы подлинно народной реформации. В тех местах, где идеологи и вожди этого течения оказались во главе движения, как, например, в центре восстания в Тюрингии имперском городе Мюльхаузене, была сделана практическая попытка, субъективно воспринимавшаяся как утверждение социальной справедливости, разрушения феодальной системы и «преждевременного установления позднейшего буржуазного общества»¹⁸. Такое изменение роли городских низов в народном движении по сравнению с предшествовавшими крестьянскими восстаниями явилось предвестником будущей консолидации массовых революционных сил

в ходе дальнейшей борьбы против феодального строя, призванной уже не только поколебать его, но и окончательно уничтожить.

Революционный блок сельских и городских трудящихся масс во время Крестьянской войны в Германии складывался при тогдашних условиях еще в эмбриональных, непрочных формах. По словам Энгельса, «крестьяне и плебеи в большинстве районов Германии не смогли объединиться для совместных действий»¹⁹. Тем не менее Энгельс констатировал, что такое объединение зарождалось и уже выявлялись те широкие революционные возможности, которые были заложены в подобном союзе. Однако другого важного условия успеха буржуазной революции — совместной борьбы крестьян и плебеев вместе с революционной буржуазией против феодализма — в Германии того времени достигнуто не было.

Исторический предшественник буржуазии — немецкое бюргерство заняло, по характеристике Энгельса, колеблющуюся позицию по отношению к народному восстанию, а вскоре и прямо выступило на стороне князей, призвав устами своего идеолога Лютера к жестокой расправе с «кровожадными и разбойничьими шайками крестьян». Эту измену зарождавшейся буржуазии делу антифеодальной борьбы, послужившую одной из основных причин поражения восстания, а вместе с тем и всей ранней буржуазной революции в Германии, Энгельс объяснял незрелостью самой бюргерской оппозиции, участием бюргерства в феодальной эксплуатации крестьян, классово-сословными противоречиями между ним и крестьянством, а также плебейскими массами городов. В результате такого поведения бюргеров буржуазная, в своей первоначальной основе лютеранская, реформация была выхолощена и приспособлена к интересам крупных феодалов.

Наметившийся процесс образования революционного блока крестьян и плебеев, который в потенции, если бы к этому блоку присоединилась и его использовала в целях борьбы с феодализмом зарождавшаяся буржуазия, мог бы привести к созданию общенационального антифеодального лагеря, в Германии XVI в. был прерван в его начальной стадии. Зато он получил свое развитие, как отмечал Энгельс, в английской и французской революциях XVII и XVIII столетий. Благодаря этому в этих революциях руками крестьян и городских низов была

осуществлена ломка отживших общественных отношений и расчищены пути для новых, хотя самим этим классам буржуазная революция не принесла освобождения от эксплуатации, а английское крестьянство в результате ее даже ожидала экспроприация. «Сто лет спустя после Кромвеля, — писал Энгельс, — английское йоменри почти совершенно исчезло. А между тем и исключительно благодаря вмешательству этого йоменри и *плебейского* элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца и Карл I угодил на эшафот, чего одна буржуазия никогда не смогла бы сделать»²⁰.

Во многих своих высказываниях Энгельс подчеркивал и решающее значение антифеодальной борьбы крестьянских и плебейских масс для судеб французской буржуазной революции конца XVIII в. Так, в одном из фрагментов к «Анти-Дюрингу» он, в частности, отмечал, что решение Учредительного собрания 4 августа 1789 г. об отмене феодальных повинностей «лишь санкционировало насильственные действия крестьян»²¹. Маркс еще в 1854 г. в письме Энгельсу по поводу книги О. Тьерри «Очерк происхождения и успехов третьего сословия» высказал аналогичную мысль, которая следующим образом была резюмирована В. И. Лениным: «Французская буржуазия победила, *когда решила* идти вместе с крестьянами»²². О городских плебейх Франции Энгельс писал, что без их вмешательства старый порядок «неизменно одерживал бы победу над буржуазией». Во все критические моменты, подчеркивал он, их энергия «только и спасала революцию»²³.

Энгельс указывал и на значительную активность крестьян в буржуазных революциях XIX в. В работе «Революция и контрреволюция в Германии» он писал, в частности, что после мартовских восстаний 1848 г. в Вене и Берлине австрийские и прусские крестьяне «использовали революцию, чтобы сразу избавиться от феодальных оков». Принимая или поддерживая меры против крестьянского движения, отмечал он, немецкая либеральная буржуазия в середине XIX в. повторила тот трусливый акт отречения от союза с революционными крестьянскими массами, какой совершило бюргерство в начале XVI в. «Еще никогда в истории ни одна партия не совершала подобного предательства по отношению к своим лучшим союзникам, по отношению к самой себе...»²⁴ Энгельс считал, что революционные воз-

возможности крестьянства как антифеодальной силы и во второй половине XIX в. далеко не были исчерпаны. Он, в частности, надеялся, что назревавшую в России революцию против царизма, которая, по мнению основоположников марксизма, должна была дать огромный толчок прогрессивному развитию всей Европы, крестьяне продвинут дальше и «быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса»²⁵.

В XIX в. перед крестьянскими массами, отмечал Энгельс, открылась новая революционная перспектива — совместных действий с крепнувшим рабочим классом и под его руководством. Этот союз создавал условия не только для успешного завершения антифеодальной борьбы, невзирая на отказ от нее буржуазии, но и для выведения крестьянского движения за рамки антифеодальных целей. Благодаря союзу с рабочим классом широкие трудящиеся слои деревни, особенно сельская беднота, отмечал Энгельс в предисловии ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» (1870 г.), указав в нем на далеко зашедшую классовую дифференциацию сельского населения, вовлекаются в могучий освободительный и преобразовательный революционный процесс, призванный избавить человечество от всех видов эксплуатации, не только феодальной, но и капиталистической. Они становятся участниками движения, которое ведет к утверждению основ нового, коммунистического общества.

Изучение истории национально-освободительных движений

История национально-освободительной борьбы была одной из ведущих проблем, которой Энгельс занимался и как теоретик национального вопроса, и как историк. Национально-освободительное движение ирландцев, поляков, итальянцев он изучал досконально. Революционной войне за независимость Венгрии 1848—1849 гг. и индийскому национальному восстанию 1857—1859 гг. он посвятил специальные серии статей. Затрагивал он различные эпизоды освободительной борьбы и других угнетенных народов как Европы, так и Азии, Африки, Америки. Работы и высказывания Энгельса на данную тему отражают большой вклад, который внес он в марксистскую разработку истории национально-освободительной борьбы, в выяснение ее роли в историческом процессе

как одного из проявлений творческой активности народных масс и их революционной энергии.

К анализу и оценкам национальных движений Энгельс подходил конкретно-исторически, рассматривая их с классовых, революционных позиций, в связи с общими тенденциями общественного развития. В истории, отмечал он, случаются ситуации, когда в силу определенных причин то или другое национальное движение вступает в противоречие с задачами объединения революционных сил, приобретает сепаратистский характер или прямо используется контрреволюционными классами для подавления революции. Однако в целом в борьбе за национальную самостоятельность Энгельс видел величайший исторический фактор, призванный устранить с пути общественного прогресса такое препятствие, как национальный гнет, тормозящий поступательное движение не только угнетенных, но и угнетающих наций. Энгельс неоднократно подчеркивал, что национальное порабощение является оковами и для прогресса народов, и для развития нормальных отношений между ними. «Без установления независимости и единства каждой отдельной нации невозможно ни интернациональное объединение пролетариата, ни мирное и сознательное сотрудничество этих наций для достижения общих целей»²⁶, — указывал он в предисловии к итальянскому изданию 1893 г. «Манифеста Коммунистической партии».

Таким образом, национальное движение, какими бы специфическими чертами оно ни отличалось в разное время и в разных странах, как правило, носило освободительный характер, вливаясь в общее русло революционной борьбы народных масс против угнетения.

Национально-освободительные движения выступали в истории в разных формах, отличаясь и по социальному составу их участников, и по задачам и целям борьбы, и по результатам. В произведениях Энгельса содержатся отправные положения общей типологии и классификации этих движений. Одной из их форм он считал борьбу против вторжений иноземных захватчиков. Примерами такой борьбы изобиловала история средневековья, когда процесс формирования наций еще только начинался. Тем не менее сопротивление народов завоевателям уже на ранней стадии этого процесса в известном смысле приобретало черты национально-освободительной борьбы. К ней Энгельс отнесил, в частности,

войны сельского населения горной Швейцарии с посягавшими на его свободу австрийскими и бургундскими феодалами, а также вооруженное сопротивление вольных фламандских городов французской феодальной монархии, пытавшейся их подчинить. Оба этих движения, развернувшиеся в XIV—XV вв., увенчались победой, обеспечив независимость Швейцарского Союза и временное избавление Фландрии от иноземного владычества. «Французское рыцарство, — писал Энгельс, — не устояло против ткачей и сукновалов, золотых дел мастеров и кожевников бельгийских городов, а бургундское и австрийское дворянство — против крестьян и пастухов Швейцарии»²⁷. В восстании гуситов в Чехии Энгельс, как уже отмечалось, увидел сочетание антифеодальной борьбы крестьян с защитой свободы и независимости чешского народа от посягательств немецкого рыцарства и германского императора. В «Хронологии Ирландии» и других подготовительных материалах по истории этой страны Энгельс отмечал неухвавшую со времени вторжения англо-нормандских баронов во второй половине XII в. борьбу ирландских кланов с завоевателями, результатом которой явилось сохранение вплоть до начала XVI в. фактической самостоятельности значительной части острова.

Народное сопротивление вторгшемуся неприятелю, угрожавшему покорением и ограблением страны, отторжением части ее территории, занимало, констатировал Энгельс, важнейшее место в истории нового времени. Так расценивал Энгельс борьбу европейских стран против господства Наполеона, когда его войны из продолжения войн французской революции стали превращаться в завоевательные, направленные на установление мирового господства буржуазной Франции. Противодействие наполеоновскому гнету приобрело характер национально-освободительной борьбы, несмотря на то что во многих противостоящих Франции странах господствовали отсталые феодально-абсолютистские порядки. Подъем национальных чувств народных масс был характерной чертой антинаполеоновских кампаний. Так, упорное и героическое сопротивление испанского народа оккупировавшей Испанию французской армии Энгельс объяснял ненавистью к захватчикам, «фанатическим национальным воодушевлением», охватившим испанский народ²⁸. Те же чувства воодушевляли действия русской армии и партизан во время нашествия Наполеона на

Россию в 1812 г., вызывали «восстания русских крестьян на пути отступления французов из Москвы»²⁹.

Освободительная борьба русского народа во время Отечественной войны 1812 г. сыграла, подчеркивал Энгельс, важнейшую роль в освобождении не только России, но и всей Европы от наполеоновского господства. «Уничтожение огромной наполеоновской армии при отступлении из Москвы послужило сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе»³⁰, — писал он в 1890 г. В Германии организаторы освободительной войны — Блюхер, Гнейзенау, Шарнхорст — стремились придать ей характер «непримиримого народного сопротивления, для которого оправданы все средства, и самое эффективное средство является наилучшим»³¹. При этом они встречали противодействие прусского короля и его придворного окружения, весьма опасавшихся последствий такой активизации вооруженных действий народных масс. В то же время перенос в 1814 г., после освобождения Германии, войны во Францию и появление на французской земле войск союзников, намеревавшихся восстановить на троне Бурбонов, указывал Энгельс, пробудили патриотические чувства и французского народа, заставили его прибегать к методам народной войны. Энгельс писал, что «в 1814 г. французские крестьяне вооружались и убивали патрули и отставших солдат союзников»³².

Ярким примером превращения войны из династической, завоевательной в национально-освободительную со стороны Франции является франко-прусская война 1870—1871 гг. До капитуляции Наполеона III при Седане и падения Второй империи (2 и 4 сентября 1870 г.) она велась французскими правящими кругами фактически с целью противодействия прогрессивному процессу преодоления национальной раздробленности Германии и захвата прирейнских земель. Положение резко изменилось после 4 сентября. Война приобрела характер защиты Франции от посягательств прусских юнкеров и немецкой буржуазии, борьбы против вражеской военной оккупации, за заключение справедливого мира. «И как только война перешла в грабеж Франции (аннексия Эльзаса и Лотарингии), Маркс и Энгельс решительно осудили немцев»³³, — писал В. И. Ленин.

Борьба за национальную независимость угнетенных народов нередко являлась составной частью буржуазных и буржуазно-демократических революций. Энгельс

видел в этом весьма распространенный тип национально-освободительных движений. Таковыми он считал, например, войну народных масс и буржуазии Бельгии и Голландии против гнета абсолютистской испанской монархии, сочетавшуюся с выступлениями против феодализма во время нидерландской буржуазной революции 1566—1609 гг., войну американцев за независимость 1775—1783 гг. В XIX в. слияние национально-освободительной и антифеодальной борьбы стало характерной чертой многих движений за буржуазно-демократические преобразования. В. И. Ленин отмечал, что главными целями возникавших на этой почве в период с 1789 по 1871 г. революционных войн «было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета»³⁴. Эта черта, в частности, проявилась в войне латиноамериканцев против испанского владычества в первые десятилетия XIX в., один из завершающих эпизодов которой — сражение при Аякучо (Перу) в декабре 1824 г. Энгельс описал в статье на эту тему для «Новой американской энциклопедии». Он констатировал в ней, что это сражение, закончившееся победой повстанческой армии, «окончательно обеспечило независимость испанской Южной Америке»³⁵.

К аналогичным категориям национально-освободительных движений Энгельс относил польские восстания 1830—1831, 1846 (в вольном городе Кракове), 1863—1864 гг., бельгийскую революцию 1830—1831 гг., приведшую к отделению Бельгии от Голландии, революционные события в Италии в XIX в., сопровождавшиеся выступлениями против австрийского господства в северной и центральной части страны.

Революции 1848—1849 гг., по характеристике Энгельса, везде, кроме Франции, были направлены «на удовлетворение национальных требований наряду с требованиями свободы»³⁶. Он подчеркивал, что историческая потребность в национальном освобождении и единстве, являясь важнейшей предпосылкой многих революций XIX в., была настолько настоятельна, что даже в случаях поражения революций удовлетворить ее вынуждены были сами господствующие классы, осуществляя это, разумеется, в пригодных для них формах, антиреволюционным путем.

Ярко выраженный вид национально-освободительной борьбы представляло собой, как многократно отмечал Энгельс, сопротивление угнетенных народов колониаль-

ному гнету. Антиколониальные движения, которым он уделял пристальное внимание, направлялись не только против системы угнетения, поддерживавшейся колонизаторами в покоренных странах, но и против самой капиталистической системы в метрополиях, одним из оплотов и рычагов функционирования которой был колониализм. Антиколониальный характер, отмечали Маркс и Энгельс, носили ирландские восстания 1641—1652, 1689—1691 и 1798 гг., ирландское национально-освободительное движение XIX в., война афганцев с английскими захватчиками 1838—1842 гг., закончившаяся их изгнанием из Афганистана, сопротивление арабских и кабилских племен Алжира французским колонизаторам. «Великим восстанием» называл Энгельс начавшиеся с возмущения бенгальской армии сипаев революционные события 1857—1859 гг. в Индии, потрясшие британское владычество в этой стране³⁷.

Признаки вооруженного сопротивления народных масс колониальным захватчикам Энгельс усмотрел в ходе так называемой второй опиумной войны Англии и Франции против Китая 1856—1858 гг. Он подчеркивал, что развитие этого сопротивления могло бы превратить сопротивление колонизаторам в «войну pro aris et focis [за алтари и очаги]», в «народную войну за сохранение китайской национальности»³⁸. На примере разгрома мексиканским народом французских интервентов в 1867 г. Энгельс подчеркивал, что «раз пробудился этот дух народного сопротивления, то даже армии в 200 000 человек не могут добиться многого в оккупации враждебной страны»³⁹. Широкий размах и сила антиколониальной борьбы проявились в направленном против английских завоевателей махдистском восстании в Судане 1881 г.⁴⁰

Изучение национально-освободительных движений разного типа позволило Энгельсу выявить ряд общих для них особенностей и закономерностей. Прежде всего Энгельс отмечал исключительную жизнестойкость национально-освободительных движений. Неиссякаемые силы национального сопротивления, приходил он к заключению, коренятся в самих условиях национального угнетения, задевавшего жизненные интересы самых широких слоев и нередко усугублявшегося социальным гнетом, особенно нестерпимым, когда в роли эксплуататоров выступают чужеземцы — господствующие классы угнетающей нации. Никакие репрессии и ассимилятор-

ские попытки английских завоевателей Ирландии не могли, указывал Энгельс, заставить ирландский народ отказаться от борьбы за самостоятельность. «После свирепейшего подавления, после каждой попытки истребления ирландцы, спустя короткий срок, снова поднимались с еще большей силой, чем когда-либо прежде; они словно черпали свою главную силу в чужеземном гарнизоне, который сажали им на шею для их угнетения»⁴¹.

Сказанное выше Энгельс считал характерным не для одной Ирландии. О борьбе итальянцев против австрийского владычества он писал, в частности, в 1859 г. следующее: «Национальное движение в Италии, начиная с 1820 г., выходит из каждого поражения обновленным и все более сильным... Способы, которыми вынуждена пользоваться Австрия, чтобы удержать свое господство в Италии, служат лучшим доказательством того, что это господство не может быть длительным...»⁴².

Социальный состав национально-освободительных движений, как показывал Энгельс, различался в зависимости от условий места и времени. Нередко, особенно в момент вражеских нашествий, в нем участвовали самые широкие слои, включая патриотические круги дворянства и буржуазии. В освободительных движениях докапиталистической эпохи и в антиколониальных восстаниях, как об этом свидетельствовала история Ирландии, Индии, Афганистана, Алжира и других стран с патриархальным общественным строем, в борьбу включались и часто ее возглавляли местные аристократические элементы — клановые и племенные вожди, представители феодальной знати.

Однако ударной силой движения были народные массы, прежде всего крестьянство, поскольку и в более позднее время очагами национального движения были преимущественно аграрные страны. Важную роль в нем играло и городское торгово-ремесленное население, а с появлением капиталистической промышленности наиболее активным и стойким борцом за национальную независимость становится рабочий класс. И все же в XIX в., не говоря уже о более ранних периодах, решающим условием интенсивности национально-освободительного движения было участие в нем крестьянских масс. В связи с этим национальный вопрос, особенно когда он являлся составной частью буржуазно-демократической революции, переплетался с аграрным, приобретая социальную окраску. Борьба за национальное

освобождение сливалась с борьбой за эмансипацию крестьян угнетенной нации от бремени феодальной эксплуатации. Успех национального движения стал зависеть от удовлетворения социальных потребностей крестьян. Там, где дворянские или буржуазные руководители движения не считались с этим, их отказ учитывать интересы крестьянства становился источником слабости движения, одной из главных причин его поражения.

Энгельс неоднократно указывал на эту закономерную связь между борьбой за освобождение народов от национального угнетения и радикальным решением аграрной проблемы в революционном духе. «Великие земледельческие страны между Балтийским и Черным морем, — писал он в 1848 г. в серии статей «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте», — могут избавиться от патриархально-феодального варварства только посредством аграрной революции, превращающей крепостных или обязанных повинностями [frohnpflichtigen] крестьян в свободных землевладельцев, — революции, вполне аналогичной с французской революцией 1789 г. в деревне»⁴³. Большим преимуществом руководителей венгерской революционной войны 1848—1849 гг. Энгельс считал проведение ряда антифеодальных мер в пользу крестьянских масс, превративших их в горячих защитников национального дела. «Революция в общественных отношениях внутри, уничтожение феодализма было первым мероприятием в Венгрии»⁴⁴, — отмечал он в 1849 г. Венгерская революция 1848—1849 гг., указывал Энгельс, пробудила к активному выступлению против феодализма и крестьянские массы ряда национальных окраин Австрийской империи — польских крестьян Галиции, украинских крестьян Буковины. Энгельс считал их прямыми союзниками борцов за независимость Венгрии. «Кобылица открыто присоединяется к мадьярам»⁴⁵, — писал он о предводителе гуцульских (украинских) крестьян Лукьяне Кобылице.

Игнорирование крестьянского вопроса Маркс и Энгельс считали порочной стороной программы и тактики такого видного руководителя и идеолога итальянского национального движения, как Дж. Мадзини. Отвечая 23 сентября 1853 г. на письмо Маркса от 13 сентября, в котором решительно осуждалось пренебрежительное отношение вождя итальянской буржуазной демократии и его сторонников к материальным интересам итальянских крестьян-испольщиков, к назревшей исторической

задаче превращения их в свободных земельных собственников, Энгельс выразил полное согласие с мнением друга. Как и Маркс, он считал, что тем самым Мадзини тормозит процесс вовлечения крестьян в борьбу за национальное освобождение и объединение Италии⁴⁶.

Связывая силу национального сопротивления с участием в нем крестьянства угнетенной нации, Энгельс при этом не идеализировал национальных движений. Он отдавал себе отчет в том, что этим движениям, главной массовой базой которых являлось крестьянство, во многом присущи ущербные черты, характерные для революционной борьбы крестьян в целом, — низкий уровень сознания и политическая несамостоятельность, расплывчатость и децентрализованность, локальная ограниченность (в данном случае она проявлялась и в националистической узости взглядов). Крестьянские участники национальных движений легко воспринимали националистические настроения и предрассудки своих феодальных, а потом и буржуазных руководителей. Энгельс отмечал, что проявлявшиеся даже у радикальных ирландских течений националистические предубеждения и классовая ограниченность препятствовали их согласованным действиям с представителями английского и европейского рабочего класса, с Интернационалом, несмотря на то что Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих энергично поддержал требование независимости Ирландии. В декабре 1869 г. Энгельс писал по этому поводу: «...крестьянская нация всегда вынуждена брать себе литературных представителей из среды городской буржуазии и ее идеологов... А для этих господ всякое рабочее движение — чистейшая ересь, и ирландский крестьянин даже знать не должен, что социалистические рабочие являются его единственными союзниками в Европе»⁴⁷.

Таким образом, Энгельс не проходил мимо негативных явлений в национальных движениях, свойственных им противоречий. Он обращал внимание не только на их внутреннюю социальную неоднородность, но и на наличие в них в соответствии с этим различных политических течений, расходившихся в понимании и целей, и методов борьбы. Правое, умеренное крыло, выражавшее интересы эксплуататорской верхушки угнетенной нации — крупных землевладельцев и буржуазии, старалось, как правило, удержать движение в конституционных рамках, ограничивалось требованиями автономии

или частичных уступок, обнаруживало готовность к компромиссу с верхами господствующей нации. Стремясь использовать трудящиеся массы для достижения выдвинутых ею целей, оно в то же время сдерживало их революционную энергию, отказывалось удовлетворять их социальные нужды. Представители радикального лагеря, к которому принадлежали революционные элементы буржуазии и мелкой буржуазии (а в ряде случаев — в ирландских восстаниях XVII в., в польском движении — и низших слоев дворянства), широкие массы крестьян и городской бедноты, добивались полной национальной независимости, стремились к разрешению социальных проблем и готовы были действовать революционно.

Наличие различных течений указанного толка Энгельс констатировал, например, в польском национальном движении. Он выделял радикальные буржуазно-шляхетские круги борющейся Польши — Лелевеля и его сторонников в восстании 1830—1831 гг., революционных демократов, возглавивших Краковскую республику в 1846 г., партию «красных» в восстании 1863—1864 гг. Энгельс отмечал не только их революционный подход к национальному вопросу, но и их интернационализм, их участие в революционной борьбе других народов, в международном рабочем движении. Именно этому течению, подчеркивал он, принадлежала историческая заслуга в том, что в 1846 и 1863—1864 гг. оно выдвинуло задачу освобождения крестьян и передачи земли в их собственность, а в 1871 г. «многочисленная польская эмиграция во Франции предоставила себя в распоряжение Коммуны»⁴⁸.

Демократическое крыло польского национального движения Энгельс противопоставлял его аристократическому течению, политически преобладавшему в восстании 1830—1831 гг. Именно поэтому Энгельс называл это восстание консервативной революцией, указывая на стремление его руководителей сохранить крепостнические порядки. От аристократических элементов польской эмиграции исходила и ориентация на поддержку Польши со стороны правящих кругов западных держав, которую Маркс и Энгельс считали губительной для дела польского национального возрождения. Осуждал Энгельс и шовинистические вождедения шляхетско-аристократических польских политиков, скрывавшиеся под лозунгом восстановления Польши в границах 1772 г., притязания на белорусские и украинские земли. «Что

касается бывших польских провинций по эту сторону Двины и Днепра, — писал он Вейдемейеру 12 апреля 1853 г., — то я о них и слышать не хочу с тех пор, как узнал, что все крестьяне там украинцы, поляками же являются только дворяне и отчасти горожане, и что для тамошнего крестьянина, как и в Украинской Галиции в 1846 г., восстановление Польши означало бы восстановление старой дворянской власти во всей ее силе»⁴⁹.

Разграничение классовых сил Энгельс четко установил и в ирландском движении XIX в. (в известной мере его выводы относились и к предыдущим его этапам). Самым ранним по своему происхождению, указывал он, было аграрное течение, которое начиная с XVII в. «постепенно развилось в организованное по местностям и провинциям естественно возникшее сопротивление крестьян захватчикам земель — английским лендлордам». Эта форма социального и национального протеста при всей ее живучести, при том, что ее невозможно было подавить, пока существовали породившие ее причины, отличалась «местным, разрозненным характером» и не могла «стать общей формой политической борьбы»⁵⁰. В противовес стихийным революционным действиям крестьян умеренное, либеральное крыло, представлявшее преимущественно городскую буржуазию, стремилось достигнуть национальной автономии конституционным путем. Однако если либералы 30—40-х годов, возглавляемые О'Коннелом, прибегали к народным массам лишь как к орудию, с помощью которого они надеялись вырвать уступки для ирландской буржуазии у правящей английской верхушки, не выдвигая при этом никаких социальных требований, то либералы 70—80-х годов — партия гомруля под руководством Парнелла — в интересах укрепления своей массовой базы пошла на блок с крестьянской Земельной лигой. Эта массовая крестьянская организация, продолжавшая в более организованных формах традиции крестьянской борьбы с лендлордизмом, политически шла за либералами, однако в социальной области, по характеристике Энгельса, преследовала «более революционные (и достижимые в Ирландии) цели — полное устранение захвативших земли лендлордов»⁵¹.

На левом фланге ирландского движения действовало и другое, еще более радикальное политическое течение, охватывавшее революционные элементы мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции и в той или

другой степени выражавшее интересы крестьянства и городских трудящихся масс. В 60-х годах мелкобуржуазные революционеры — фении играли ведущую роль в национально-освободительной борьбе, провозгласив ее целью установление независимой ирландской республики посредством вооруженного восстания. Однако их заговорщические и террористические тенденции, к которым Маркс и Энгельс относились весьма неодобрительно, привели к тому, что организация фениев оказалась оторванной от массы и в 70-х годах отодвинутой на задний план.

Размах и направленность национально-освободительного движения, его успехи и неудачи, его результаты в значительной мере, считал Энгельс, определялись тем, какое течение в нем преобладало, в чьих руках находилось руководство. Когда во главе движения оказывались реакционно-монархические или умеренно-либеральные элементы, стремившиеся использовать его в корыстных целях, в династических интересах и всячески препятствовавшие его развитию по революционному пути, ход событий часто приобретал для народных масс, для всего дела национального освобождения трагический оборот. Так, в 1848—1849 гг. борьба итальянцев против австрийского господства потерпела неудачу именно потому, что ее возглавила пьемонтская буржуазно-дворянская монархическая клика, стремившаяся укрепить и расширить власть короля Карла-Альберта, которому либералы создали фальшивую репутацию защитника общетальянских национальных интересов, «меча Италии» («spada d'Italia»).

Энгельс замечал, что если бы итальянцы отшвырнули подальше этот «spada d'Italia», «если бы они распростились с королем, его системой и всеми его приверженцами и объединились в демократический союз, то, вероятно, в Италии теперь не осталось бы ни одного австрийца»⁵². Осторожный и трусливый способ ведения военных действий, которым пользовался пьемонтский монарх и его генералы, подчеркивал Энгельс, обусловил поражение его армии. «Огромной ошибкой пьемонтцев с самого начала было то, что они противопоставили австрийцам только регулярную армию, что они хотели вести самую обычную, буржуазную, добропорядочную войну. Народ, который хочет завоевать себе независимость, не должен ограничиваться *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная

война, партизанские отряды повсюду — вот единственный способ, при помощи которого малый народ может одолеть большой, при помощи которого менее сильная армия может противостоять более сильной и лучше организованной»⁵³.

Мысль о том, что в национально-освободительной борьбе самым эффективным способом является революционный образ действия, что залогом успеха в ней является отстранение и изоляция контрреволюционной монархической верхушки и обеспечение энергичного и решительного руководства, буквально пронизывает работы и высказывания Энгельса на эту тему. «Против измены и трусости правительства имеется только одно средство: революция»⁵⁴, — писал Энгельс в связи с анализом австро-итальянской войны 1848—1849 гг.

Примером подлинно революционной, национально-освободительной войны со стороны угнетенной нации была в глазах Энгельса война венгров против Австрии в 1848—1849 гг. Успехи венгерской армии весной 1849 г. он объяснял народным характером этой войны, высокой маневренностью революционных войск, их смелой тактикой, сочетавшей гибкую оборону со стремительностью наступления, всеобщей поддержкой населения, широким развертыванием партизанской борьбы в тылу врага. Воодушевленная патриотическими чувствами и применяющая революционный способ ведения войны, венгерская армия одерживала одну победу за другой над войсками габсбургской империи. «Императорским войскам, — писал Энгельс, — теперь вновь приходится в Венгрии на своем горьком опыте убеждаться в правильности уроков 50-летней давности, полученных ими при Жемапе и Флёрюсе: вести войну с революцией не так-то легко!»⁵⁵

Традиции героической борьбы народных масс за свободу и независимость угнетенных наций Энгельс рассматривал как важную часть того революционного наследия прошлого, которое рабочему классу надлежит критически воспринять и продолжить. Именно этим в первую очередь объясняется пристальное внимание Энгельса к истории национально-освободительной борьбы, его стремление проанализировать ее слабые и сильные стороны. Однако такой анализ важен не только с точки зрения усвоения исторического опыта. Он необходим был в первую очередь для выработки тактики рабочего класса и его политических партий по отношению к на-

ционально-освободительным движениям капиталистической эпохи, для обоснования интернационалистской позиции революционного пролетариата в национально-колониальном вопросе. Этой задаче Маркс и Энгельс всегда придавали первостепенное значение, считая национально-освободительную борьбу угнетенных и колониальных народов составным элементом общего революционного процесса, ведущей силой которого становился пролетариат. Рабочий класс все больше делался активным участником и знаменосцем борьбы за независимость угнетенных наций, могучей опорой их усилий сбросить иго национального и колониального рабства. Ему предстояло, по словам Энгельса, в результате победоносной пролетарской революции навсегда избавить их от гнета и «как можно быстрее привести к самостоятельности»⁵⁶.

Энгельс — историк рабочего движения

В освободительном движении рабочего класса — самого революционного класса в истории — Энгельс увидел высшую форму сопротивления трудящихся масс их угнетателям, завершающую фазу развития классовой борьбы народных масс против социального и национального порабощения, которая должна наконец увенчаться коренным революционным преобразованием существующего общественного строя и созданием бесклассового общества, не знающего никаких форм эксплуатации человека человеком. Энгельс постоянно интересовался проявлением классовой активности пролетарских масс, с напряженнейшим вниманием следил за их выступлениями, не упуская из виду ни одного сколько-нибудь значительного события в истории пролетарской борьбы. В этой борьбе основоположники марксизма видели выражение главного антагонизма капиталистического строя — противоречия между буржуазией и пролетариатом, изучение конкретных форм проявления которого давало ключ к уяснению социальных закономерностей капиталистической эпохи, основных тенденций в развитии капитализма и перспектив его революционной замены новым общественным строем.

Только такая интерпретация освободительной борьбы рабочего класса, раскрывающая ее подлинное место в историческом процессе, выдвигала настоящий научный критерий для понимания истории рабочего движения как определяющего фактора всемирной истории в капи-

талистическую эпоху и эпоху революционного перехода от капитализма к социализму. В трудах Маркса и Энгельса рабочее движение, его история впервые получили свое подлинно научное объяснение.

Совершив революционный переворот в общественных науках, Маркс и Энгельс одновременно осуществили и коренной пересмотр бытовавших взглядов на рабочее движение. Никто из их идейных предшественников — социалистов-утопистов не смог возвыситься до правильного уяснения исторической роли рабочего класса. Буржуазные и мелкобуржуазные авторы, писавшие о его положении, в лучшем случае подходили к нему с сентиментально-филантропической меркой, будучи бесконечно далеки от понимания природы и социальных корней пролетарской борьбы. С нескрываемой враждебностью относились к рабочему движению представители господствующих классов, которые наподобие Л. фон Штейна, автора книги «Социализм и коммунизм современной Франции» (1842 г.), сознавали остроту «рабочего вопроса» и даже подмечали связь его с распространением социалистических доктрин. Такое отношение порождало если не прямую фальсификацию истории пролетарской борьбы, то тенденциозное изображение ее как явления, грозящего всякому общественному порядку. Порождало оно и поиски средств противодействия рабочему движению, иногда в виде прямых полицейских мер, иногда в виде политики «умиротворения» сверху («социальная монархия» Штейна и т. п.)⁵⁷. Основоположникам марксизма приходилось иметь дело также и с реформистским истолкованием истории рабочего движения в духе фальшивой теории сглаживания классовых противоречий и возможности решения социального вопроса на базе «улучшенных» капиталистических отношений.

К истории пролетарского движения Энгельс обращался, однако, не только как ученый, стремившийся постичь закономерности общественного развития, но и как непосредственный участник революционных действий рабочего класса. Выводы, сделанные на основании изучения классовых битв пролетариата, постоянно использовались Энгельсом для обогащения идейно-теоретического арсенала пролетарских организаций и партий. Сознвая большое значение революционных традиций, Энгельс видел в их выявлении и популяризации одно из важных средств революционной закалки новых по-

полнений армии пролетарских борцов, воспитания их в духе научного коммунизма и пролетарского интернационализма. Научное освещение истории рабочего движения, в понимании Маркса и Энгельса, должно было стать формой освоения опыта прошлых битв рабочего класса последующими поколениями пролетарских революционеров, превращения опыта его отдельных национальных отрядов в достояние всего международного пролетариата.

Взгляды Энгельса на рабочее движение развивались на протяжении всего его научного творчества. На каждом новом этапе Энгельс расширял и обогащал марксистскую концепцию революционного процесса. Уже в годы формирования материалистических и коммунистических взглядов Энгельс внимательно следил за выступлениями пролетарских масс. Он был, в частности, как уже указывалось, одним из первых революционных публицистов в Европе, откликнувшихся наряду с Марксом на восстание силезских ткачей в Германии, происшедшее в начале июня 1844 г. В двух корреспонденциях, опубликованных в чартистской газете «The Northern Star», Энгельс, как и Маркс, охарактеризовал эти события как акт революционного протеста пролетариата против существующего эксплуататорского строя, знаменовавший собой пробуждение его к активной борьбе с капитализмом⁵⁸.

Истории рабочего движения была посвящена значительная часть труда Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Можно без преувеличения сказать, что это было вообще первое произведение социально-экономической литературы, в котором борьба английского пролетариата была рассмотрена под углом зрения одного из главных положений научного коммунизма — признания рабочего класса решающей общественной силой, призванной ниспровергнуть капиталистический строй. Рабочее движение в изображении Энгельса — это не социальная аномалия, как пытались представить его буржуазные вульгарные экономисты и публицисты, не естественное порождение, с одной стороны, злоупотреблений буржуазии, а с другой — отчаяния, невежества трудящихся масс, как полагал автор брошюры «Чартизм» Т. Карлейль. Энгельс показывал, что нарастающая борьба пролетариата является закономерным результатом развития буржуазного общества, формирования и роста промышленного пролетариата, постепенного

осознания им глубокой противоположности его классовых интересов интересам буржуазии. «Энгельс, — подчеркивал В. И. Ленин, — *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе*»⁵⁹.

В своей книге Энгельс дал характеристику различных стадий развития рабочего движения в Англии, начиная от таких первоначальных стихийных форм пролетарской борьбы, как разрушение машин, кончая образованием и деятельностью тред-юнионов и развертыванием чартистского движения. Это был, по существу, первый очерк истории английского рабочего движения, и в частности чартизма, написанный с материалистических и революционно-коммунистических позиций. Недаром марксистская историография чартистского движения начинается именно с книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»⁶⁰. Не прошел Энгельс и мимо развития социалистической мысли в этой стране, дав оценку оуэнистскому социализму.

Книга Энгельса, таким образом, утвердила научный подход к рабочему движению как к закономерному процессу. Для понимания этого процесса чрезвычайно важны высказанные в этом труде положения о стадийном характере развития рабочего движения, о зависимости степени его интенсивности и организованности от определенных исторических условий, прежде всего от той или другой стадии развития самого капиталистического способа производства, формирования и концентрации пролетариата, а также уровня его классового сознания, одним словом, от различных объективных и субъективных факторов, определяющих конкретные формы классовой борьбы. С неотразимой убедительностью прозвучала в этом произведении мысль о глубокой прогрессивности и освободительном характере рабочего движения, о его нарастающей силе и неизбежном торжестве. Энгельс высказал твердое убеждение, что развитие пролетарской борьбы приведет рабочих к пониманию необходимости революционного социалистического преобразования общества. «Чем больше обостряется антагонизм между рабочими и капиталистами, — писал он, — тем больше развивается, тем больше проясняется в рабочем пролетарском сознании»⁶¹. Будущее рабочего движения лежит

на пути соединения с социализмом, пророчески предсказывал Энгельс в 1845 г., когда социалистические идеи, да и то еще в утопической форме, имели сравнительно мало приверженцев в рабочей среде.

Значительный вклад внес Энгельс в развитие методологии исследования рабочего движения и в освещение новых фактов классовой борьбы пролетариата в произведениях, написанных накануне революции 1848 г. и в период самой революции. В частности, в работе «Принципы коммунизма» он выяснил специфические черты, отличающие характер и цели революционной борьбы рабочего класса от освободительного движения угнетенных классов докапиталистических эпох. Показав, что только пролетариат способен покончить с частной собственностью на средства производства — основой всякой эксплуатации — и таким образом избавить не только себя, но и всех трудящихся от угнетения, Энгельс тем самым выявил особенности пролетарской революционности как революционности высшего типа.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса была не только начертана программа и общие тактические принципы рабочего движения, доказана неизбежность пролетарской революции и установления политического господства рабочего класса как необходимого условия коммунистического переустройства общества, но и в обобщенной форме охарактеризован тот исторический путь, который проходит борьба пролетариата от своего зарождения до окончательной победы. Авторы «Манифеста» отметили основные фазы, которые пролетарское движение к этому времени уже прошло в главных капиталистических странах, и гениально предсказали те, которые ему еще предстояло пройти. От выступлений против отдельных эксплуататоров-буржуа и разрушения самих орудий производства через создание местных и профессиональных объединений, которые организуют сопротивление рабочих предпринимателям в отдельных отраслях производства, до объединения сил пролетариата в национальном масштабе и установления интернационального единства действий пролетариев разных стран для борьбы против капиталистического строя в целом — такова общая линия развития пролетарской борьбы, четко выявленная в «Манифесте Коммунистической партии». Величайшей заслугой его творцов было указание на то, что в ходе этой борьбы неизбежен этап, когда происходит «организация пролета-

риев в класс, и тем самым — в политическую партию»⁶². Только партия, владеющая знанием законов общественного развития, пониманием конечных целей борьбы пролетариата и условий его освобождения, подчеркивалось в «Манифесте», может играть роль его подлинного авангарда и привести его к победе. Формулируя основы учения о политической партии пролетариата как руководителе и организаторе его классовой борьбы, Маркс и Энгельс тем самым выяснили одну из важнейших закономерностей развития рабочего движения, один из главных показателей его зрелости и боеспособности.

Период революции 1848—1849 гг. во Франции, Германии и других европейских странах был отмечен не только выступлениями рабочих масс в защиту буржуазно-демократических требований, но и острыми классовыми схватками пролетариата с буржуазией. Наиболее показательным событием в этом отношении было июньское восстание парижских пролетариев 1848 г. По характеристике В. И. Ленина, это была «первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией»⁶³. Энгельс осветил ход июньского восстания на страницах «*Neue Rheinische Zeitung*». В специальной серии статей он раскрыл историческое значение героического подвига парижских рабочих, проанализировав и военную сторону восстания. Он и Маркс, также выступавший в печати с оценкой этой крупнейшей из классовых битв, были первыми историками этого события. Откликнулись они в «*Neue Rheinische Zeitung*» и на другие проявления классовых конфликтов между рабочими и буржуа в годы революции.

Выяснению роли рабочего класса в буржуазно-демократической революции в германских государствах была посвящена значительная часть работы Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии». На примерах активного участия рабочих в решающих событиях революции в Германии и Австрии — в мартовских баррикадных боях в Берлине и Вене, в восстаниях во Франкфурте-на-Майне в сентябре и в Вене в октябре 1848 г., в вооруженной борьбе в Саксонии, Рейнской Пруссии, Бадене и Пфальце весной и летом 1849 г. и т. д. — Энгельс наглядно показал, что пролетариат является самым решительным и стойким участником борьбы за революционно-демократические преобразования, наиболее заинтересованным в их последовательном проведении. В то же время он отмечал недостаточную еще идейную

зрелость и организованность немецкого пролетариата, что помешало ему в достаточной мере проявить классовую самостоятельность, стать политическим руководителем движения, повести за собой своих союзников — крестьянство и другие категории трудящихся.

В это же время Энгельс впервые обратился к истории первой международной коммунистической организации — Союза коммунистов, одним из основателей и руководителей которого он был. В статье «Недавний процесс в Кёльне» (1852 г.) он в общих чертах охарактеризовал деятельность Союза, сосредоточив главное внимание на борьбе против коммунистического движения сил реакции, организовавших кёльнское судилище над его участниками. Коснулся Энгельс и разногласий внутри Союза коммунистов между сторонниками революционной, пролетарской линии и мелкобуржуазной сектантско-авантюристической фракцией Виллиха — Шаппера. Статья Энгельса примыкает по своему содержанию к изданной вскоре после этого брошюре Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов».

В 50-х годах, а также в начале 60-х годов Энгельс продолжал следить за рабочим движением разных стран, которое после временного спада в условиях европейской реакции с конца 50-х годов стало вновь набирать силу. Рабочий класс обнаруживал стремление к созданию самостоятельных политических организаций, к избавлению от политической и идеологической опеки либералов и установлению прочных интернациональных связей, но одновременно проявлял еще во многих отношениях идейную незрелость, сохраняя веру в утопические социальные рецепты мелкобуржуазного социализма, в частности в распространившиеся в эти годы в Германии и Австрии идеи Лассаля, во Франции — Прудона и т. д. В Англии и США умами рабочих еще владели антисоциалистические традиции и доктрины либерального тред-юнионизма. Проблемам рабочего движения были посвящены многие страницы переписки Маркса и Энгельса того времени. Особое внимание уделялось в ней идейной стороне движения, в частности критическому рассмотрению и оценке различных форм реформистской идеологии: прудонизму, лассальянству, а также порочной тактики Лассаля и его приверженцев, их попыток приспособиться к политике, проводимой Бисмарком.

Чрезвычайно важным с точки зрения теоретического осмысления истоков влияния реформистской идеологии

на английский рабочий класс был обмен мнениями между Марксом и Энгельсом осенью 1858 г. по поводу колебаний, проявленных наиболее стойким из чартистских революционных лидеров — Эрнстом Джонсом, борьбу которого за возрождение чартизма основоположники марксизма всячески поддерживали. Отвечая 7 октября 1858 г. на письмо Маркса от 21 сентября этого года, в котором сообщалось об уступках Джонса буржуазным радикалам, Энгельс писал: «Судя по этой истории, действительно приходится почти верить, что английское пролетарское движение в его старой традиционно-чартистской форме должно окончательно погибнуть, прежде чем сможет развиться в новую, более жизнеспособную форму»⁶⁴. Энгельс связал упадок революционного чартизма и временное возобладание реформистских тенденций в английском рабочем движении с расколом пролетариата, с образованием в нем обуржуазивавшегося привилегированного слоя (позднее, в частности в письме Л. Лафарг 10 мая 1890 г., он назовет его «рабочей аристократией»), фактически пользующегося подачками английской буржуазии за счет ее гигантских колониальных барышей. Комментируя это письмо, В. И. Ленин указывал, что в нем были подмечены черты экономического развития Англии, предвосхитившие некоторые отличительные стороны империализма, — ее колониальная монополия и монопольное положение на мировом рынке, позволявшие английской буржуазии получать сверхприбыли и делиться крохами от них с верхушкой рабочего класса. «В обеих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали связь его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении»⁶⁵.

С основанием в 1864 г. I Интернационала деятельность Энгельса не только как руководителя международного рабочего движения, но и как его теоретика и историка становится еще более интенсивной. Он развивает выдвигавшийся им ранее тезис о первостепенной важности теоретического уяснения характера и целей пролетарского движения, о революционной теории как факторе, необходимом для превращения этого движения из стихийного процесса в сознательную и организованную борьбу за социализм. В одной из рецензий на вышедший в 1867 г. первый том «Капитала» Энгельс

охарактеризовал появление этого великого труда как веку в истории освободительной борьбы рабочего класса. «С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих, как та, которая лежит перед нами. Отношение между капиталом и трудом, — та ось, вокруг которой вращается вся наша современная общественная система, — здесь впервые исследовано научно...»⁶⁶ Величие научного подвига Маркса, его роль как основоположника научного коммунизма Энгельс показал и в биографическом очерке «Карл Маркс» (1869 г.).

Весьма важным методологическим принципом для исследования истории рабочего движения явилось выдвинутое Энгельсом в 1874 г. в добавлении к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии» положение о единстве экономической, политической и теоретической борьбы рабочего класса. Оно явилось предупреждением против узкореформистского истолкования истории рабочего движения, сводящего его к борьбе за улучшение положения рабочего класса в рамках капитализма. Чрезвычайно плодотворными были и мысли Энгельса о взаимодействии между различными национальными отрядами международного пролетариата. Исходя из интернационального характера пролетарского движения, из единства интернациональных и национальных задач рабочего класса, из признания международной пролетарской солидарности необходимым условием освобождения трудящихся, Энгельс указывал, что на различных ступенях развития рабочий класс той или другой страны может выдвинуться в авангард общей пролетарской борьбы, занять «почетное место в линии борцов»⁶⁷.

Таким образом, марксизм исходит из понимания универсального характера рабочего движения, отнюдь не игнорируя при этом его национальные особенности, из трактовки его как всемирно-исторического процесса. Однако этот процесс не протекает равномерно во всех странах. В зависимости от исторических условий, от идейного и организационного уровня рабочего движения в разных странах в различные периоды центры освободительной пролетарской борьбы могут перемещаться.

Разработка истории I Интернационала, как уже отмечалось, была начата его основателями и руководителями Марксом и Энгельсом фактически еще в период

его существования. В написанных вместе с Марксом произведениях, направленных против бакунистских сектантов, — «Мнимые расколы в Интернационале» (1872 г.), «Альянс социалистической демократии и Международные Товарищества Рабочих» (1873 г.), в статьях 1872 и 1873 гг.: «Интернационал в Америке», «Конгресс в Гааге» и др., в письмах К. Кафьеро 1—[3], 16 и 28 июля 1871 г., П. Лафаргу 30 декабря 1871 г., Т. Куно 24 января 1872 г., А. Бебелю 20 июня 1873 г., Ф. А. Зорге 12—[17] сентября 1874 г. и т. д. Энгельс закладывал основы марксистской историографии Международного Товарищества Рабочих. Он показал историческое значение его деятельности, раскрыв влияние Интернационала на рост классового сознания пролетариата, в частности его идейное воздействие на героический пролетариат Франции, который совершил в марте 1871 г. пролетарскую революцию и провозгласил Парижскую коммуну. Освещал Энгельс и деятельность Интернационала в отдельных странах. Особенно обстоятельно охарактеризовал он трудности в развитии Международного Товарищества Рабочих, борьбу в его рядах между революционным марксистским направлением и сектантскими, а также реформистскими течениями, причины, обусловившие торжество марксизма в противоборстве с ними. Освещая историю этой борьбы, Энгельс вскрыл социальные и идеологические корни сектантства в рабочем движении. Как в упомянутых работах, так и в крупном теоретическом труде «К жилищному вопросу» (1872—1873 гг.) он выяснил характерные формы проявления мелкобуржуазной идеологии в социалистическом движении и показал необходимость преодоления ее деморализующего влияния на пролетарские массы.

Дал Энгельс и научное объяснение причин прекращения деятельности Интернационала, увидев их в наступлении нового этапа в развитии пролетарской борьбы, на котором главной задачей стало создание пролетарских партий в отдельных странах.

В статье «Европейские рабочие в 1877 году», в корреспонденциях в итальянскую социалистическую газету «La Plebe» (1877—1879 гг.), в серии статей, опубликованных в 1881 г. в английском тред-юнионистском органе «Labour Standard», Энгельс нарисовал картину развития пролетарской борьбы после ухода Интернационала с исторической арены. Он охарактеризовал рост профсоюзного движения, в частности в Англии, выявив

в то же время черты реформистской ограниченности, присущие английскому тред-юнионизму, показал значение пролетарских партий и важность борьбы за их создание. Некоторые из этих статей («Бисмарк и германская рабочая партия» и др.) были посвящены борьбе господствующих классов с рабочим движением, характеристике полицейского исключительного закона против социалистов, с помощью которого «железный канцлер» вознамерился уничтожить немецкую социал-демократию. Тщетность этих реакционных попыток, подчеркивал Энгельс, свидетельствовала о неодолимой силе пролетарского движения, о том, что его развитие является непреложным историческим законом.

Многих проблем теории и истории рабочего движения Энгельс касался в своих письмах. Так, в письме А. Бебелю 18—28 марта 1875 г. он показал не только сектантскую ограниченность и теоретическую несостоятельность лассальянства, но и историческую неизбежность его разложения. В письмах Бернштейну от 25 октября 1881 г., от 20 октября 1882 г. и других он осветил историю создания французской Рабочей партии, борьбу между революционным (гедистским) и оппортунистическим (поссибилистским) направлениями во французском социалистическом движении.

В эти годы Энгельс, как уже говорилось, приступил к созданию биографий видных деятелей рабочего движения — соратников Маркса. Он опубликовал очерк о Вильгельме Вольфе, памяти которого Маркс посвятил первый том «Капитала», статьи-некрологи о жене Маркса и его старшей дочери Женни, в которых отмечалась активная общественная роль первых пролетарских революционеров.

В 1877 г. Энгельс написал новый очерк о Карле Марксе, в котором показал не только его великие достижения в области теории, но и заслуги как организатора и руководителя практической борьбы пролетариата. Социальные и идейные предпосылки зарождения марксизма — научного мировоззрения рабочего класса — были выяснены Энгельсом в «Анти-Дюринге» и в брошюре «Развитие социализма от утопии к науке». Когда 14 марта 1883 г. скончался Карл Маркс, Энгельс на правах его самого близкого друга и соратника в надгробной речи раскрыл всемирно-историческое значение его научного творчества и практической деятельности для освобождения трудящегося человечества.

Значителен был в творчестве Энгельса последних 12 лет его жизни удельный вес проблем, касавшихся истории рабочего движения, разрабатывать которые было особенно важно в связи с усиливавшимися попытками буржуазных и реформистских авторов фальсифицировать историческое прошлое пролетарской борьбы. Энгельс хорошо сознавал эту растущую потребность в марксистском освещении прошлых этапов рабочего движения и делал все, что было в силах, для того, чтобы ее удовлетворить. Он намеревался, как уже отмечалось, написать большую биографию Маркса. Этот план ему удалось реализовать лишь в небольшой степени — в новой биографической статье о Марксе, написанной в 1892 г. Ранний период деятельности Маркса, его роль во время революции 1848 г. он осветил в двух работах, являющихся классическими образцами марксистской историографии рабочего движения. Речь идет о написанных Энгельсом в 1885 г. статьях «К истории Союза коммунистов» и «Маркс и «Neue Rheinische Zeitung»». В них Энгельс ярко охарактеризовал место, которое принадлежит первой партии немецкого и международного пролетариата в истории пролетарского движения. В статьях показана специфика деятельности Союза коммунистов в период революции, его роль как школы пролетарских революционеров, как предшественника I Интернационала.

В предисловиях к английскому и немецкому изданиям «Манифеста Коммунистической партии» 1888 и 1890 гг. Энгельс вскрыл преемственную связь между этими двумя организациями. Он выяснил роль Интернационала в создании предпосылок для утверждения идей марксизма в рабочем движении, в результате чего «Манифест» стал «общей программой, признанной миллионами рабочих от Сибири до Калифорнии»⁶⁸.

Продолжал Энгельс разработку биографий пролетарских борцов. Его перу принадлежат написанные в эти годы очерки о Георге Веерте и об Иоганне Филиппе Беккере. Неоднократно обращался Энгельс и к истории героической Парижской коммуны. Во введении к изданию 1891 г. работы Маркса «Гражданская война во Франции» он дополнил Марксов анализ всемирно-исторической роли этого первого в истории пролетарского государства рядом важных исторических обобщений. Он раскрыл, в частности, характер борьбы течений в Коммуне, показал, что отсутствие пролетарской партии, яс-

но сознающей цели борьбы, роковым образом сказалось на ее судьбе.

В предисловиях и послесловиях к переизданиям других работ Маркса и собственных произведений, в статьях для рабочей печати, в приветствиях партийным съездам, различным социалистическим организациям Энгельс давал оценки важнейшим фактам, отражавшим рост рабочего движения в последней трети XIX в. Общую картину его развития, охватывающую также и более ранние периоды, он дал во введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции» (1895 г.). Освещал Энгельс и деятельность II Интернационала, отдельные яркие эпизоды классовой борьбы 80—90-х годов, в частности крупные стачки, происходившие во Франции, Германии и Англии, избирательные и другие успехи германской социал-демократии, заставившие правящие круги отказаться от продления исключительного закона, первые первомайские демонстрации пролетарской солидарности. Работа Энгельса «Социализм в Германии» (1892 г.) содержала обобщающую характеристику истории немецкого рабочего движения⁶⁹. Затрагивал он и важнейшие сдвиги в английском и американском рабочем движении, появление новых тред-юнионов в Англии, массовых рабочих организаций в США, вроде Рыцарей труда (предисловия к американскому 1887 г. и к английскому изданию 1892 г. «Положения рабочего класса в Англии»). Специальное внимание, особенно в работах, посвященных Англии, уделял Энгельс социальным истокам реформизма, проблеме «рабочей аристократии», формирование которой было замечено им еще во второй половине 50-х годов⁷⁰. Успехи и трудности в развитии пролетарской борьбы, в жизни социалистических партий разных стран были постоянным предметом обмена мнениями между Энгельсом и его многочисленными корреспондентами. Круг этих корреспондентов расширялся по мере роста рабочего движения. В него теперь, в частности, входили первые русские марксисты, а также чешские, румынские и болгарские социалисты⁷¹.

С историей рабочего движения тесно соприкасаются работы этого периода, в которых Энгельс рассматривал различные проблемы генезиса и развития марксистской теории. В первую очередь сюда относится брошюра «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

Большое внимание уделял Энгельс разоблачению

буржуазных и реформистских концепций истории рабочего движения. Так, написанная им в 1890—1891 гг. брошюра «Брентано contra Маркс», посвященная опровержению клеветнических утверждений катедер-социалиста Л. Брентано о якобы научной недобросовестности автора «Капитала» и его будто бы произвольном обращении с цитатами, содержала и весьма острую критическую характеристику катедер-социалистической, либеральной интерпретации истории борьбы рабочего класса, сводившей его цели к улучшению охраны труда. Брентано и его коллеги, замечал Энгельс, хотели бы отвлечь рабочих от самой мысли о ликвидации капиталистических отношений, «сделать наемного раба *довольным* наемным рабом»⁷².

Таким образом, изучением различных аспектов истории рабочего движения Энгельс занимался систематически, на протяжении всей своей жизни. Каковы же были результаты его исследований? Постараемся кратко суммировать то, что представляется главным в этом разделе его наследия как историка.

Прежде всего, как уже отмечалось, Энгельс вместе с Марксом заложили методологические основы научной истории рабочего движения. Предпосылками для этого явилась не только разработанная Марксом и Энгельсом общая материалистическая теория исторического процесса, не только выяснение экономических законов развития капитализма, но и выдвинутые основоположниками марксизма важнейшие положения научного коммунизма. Учение о всемирно-исторической миссии рабочего класса, о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о пролетарской партии, о ее стратегии и тактике, о формах классовой борьбы пролетариата, о союзе его с крестьянством и другими слоями трудящихся, с борцами за национальное освобождение — все это вошло в научный фундамент марксистской концепции истории освободительной борьбы пролетариата.

В произведениях Энгельса было охарактеризовано в общих чертах развитие рабочего движения вплоть до конца XIX в., выяснены основные стадии этого развития. Тем самым было положено начало разработке научной периодизации истории пролетарской борьбы как важнейшей составной части мирового исторического процесса. Исходным пунктом при этом Энгельс считал промышленную революцию конца XVIII в., породившую промышленный пролетариат. Однако он отмечал

активную роль, которую играли в революционной борьбе, в ранних буржуазных революциях предшественники современного пролетариата — низшие, плебейские слои горожан, указывал на необходимость выявлять преемственную связь между борьбой пролетариата и предшествующим революционным движением народных масс.

Если выступления городского плебса, хотя его представители в мечтах, в сугубо фантастической форме, выходили, по словам Энгельса, «за пределы едва только нарождавшегося тогда современного буржуазного общества»⁷³, были объективно направлены против феодализма, то объектом собственно пролетарской борьбы являлся уже буржуазный строй как таковой. В истории этой борьбы Маркс и Энгельс различали несколько фаз или этапов. Переход от одного этапа к другому означал не только наращивание сил, расширение масштабов движения и возрастание степени его влияния на общественную жизнь, но и качественно новый уровень сплоченности и организованности его участников, глубокие прогрессивные сдвиги в их классовом сознании.

В работах Энгельса, особенно в его введении 1895 г. к «Классовой борьбе во Франции» Маркса, показано, что на ранних стадиях рабочее движение развивалось в незрелых, если так можно выразиться, эмбриональных формах, носило в целом стихийный характер. Свою противоположность буржуазному обществу пролетариат воспринимал скорее пробуждающимся классовым инстинктом, чем сознанием: к идее необходимости организации своих сил, устройству стачек, созданию профессиональных и даже политических объединений он приходил эмпирическим путем, а не на основе ясного понимания путей и условий своего освобождения.

В то же время Энгельс показал, что уже на этих ранних стадиях борьба пролетариата достигала весьма внушительного размаха. Кульминационными пунктами его развития на этом этапе он считает чартистское движение в Англии и июньское восстание парижских рабочих 1848 г.

В форме чартистской агитации и деятельности Национальной чартистской ассоциации — первой массовой рабочей партии (насчитывала до 50 тыс. членов), основанной в 1840 г., подчеркивал Энгельс в своих работах, пролетариат впервые преодолел локальную замкнутость предшествовавшего движения трудящихся масс и придал ему общенациональные масштабы. Величай-

шей исторической заслугой чартистов было перенесение борьбы с буржуазией на политическую арену, благодаря чему сопротивление рабочего класса впервые оказалось направленным против всего класса капиталистов, против его политической власти. Недаром вслед за Энгельсом В. И. Ленин рассматривал чартизм как «первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение», которое во многих отношениях было «предпоследним словом» к марксизму⁷⁴. Не прошел Энгельс и мимо слабостей чартистского движения — его теоретической незрелости, отсутствия ясного понимания связи между борьбой за политическую власть и задачами социалистического преобразования общества. Хотя, как подчеркивал Энгельс, чартистское движение объективно и имело социальный характер, большинство чартистов не осознало социалистических целей борьбы.

Июньское восстание парижских рабочих, так же как и чартизм, продемонстрировало в целом еще незрелость классового сознания участников пролетарской борьбы и слабость руководства этой борьбой. Однако всемирно-историческое значение этого события, как показал Энгельс, заключалось в том, что оно наглядно раскрыло колоссальные революционные возможности, таившиеся в рабочем классе, продемонстрировало его небывалый массовый героизм и самоотверженность, выдержку и дисциплину в вооруженной борьбе. Все это свидетельствовало, что в лице пролетариата на арену истории выступает класс, способный революционным путем преобразовать общество.

Рубежной вехой, открывшей новую, более высокую стадию в истории рабочего движения, является возникновение марксизма — научной теории пролетариата. С этого начинается превращение стихийной борьбы в сознательный процесс, хотя потребовались еще значительные усилия, чтобы внедрить принципы научного мировоззрения в умы революционных пролетариев. Пролетариат, употребляя выражение Маркса, из «класса в себе» постепенно становится «классом для себя».

Начало распространения среди рабочих научного коммунизма связано с деятельностью Союза коммунистов. На примере истории этой организации Энгельс показал, что только на идейной основе марксизма рабочее движение могло освободиться от препятствовавшего развитию классового сознания пролетариата влияния

буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, преодолеть тенденцию к национальной узости и ограниченности. Союз коммунистов был первой пролетарской партией, которая избрала своим знаменем принципы научного коммунизма и пролетарского интернационализма. Эта организация воплотила в себе, как подчеркивал Энгельс, и первую форму рабочего движения, вышедшего за национальные рамки. От Союза коммунистов берет свое начало подлинно международное рабочее движение как движение, в котором реально, на практике осуществляются интернациональные связи и находят выражение солидарность передовых рабочих разных стран, их общая интернациональная платформа борьбы. Поэтому Энгельс видел в основании и деятельности Союза коммунистов не только венец предшествующего развития рабочего движения в Германии и на международной арене, но и переходную ступень к новой, качественно более высокой фазе этого развития.

При этом Энгельс ясно сознавал, что в то время процесс сплочения в пролетарскую партию, ставшую на позиции научного коммунизма, — Союза коммунистов охватил еще очень незначительные передовые элементы рабочего класса. Союз не смог приобрести прочного влияния на массовое рабочее движение, развивавшееся в целом стихийно. Только последующие структурные изменения, происходившие в рабочем классе по мере развития капитализма, рост удельного веса в его составе промышленных рабочих создали объективные условия для того, чтобы формирующаяся революционная пролетарская партия и ее идейная основа — марксизм приобрели массовую базу.

Главную заслугу I Интернационала Энгельс видел именно в решении этой исторической задачи. Выдающееся место этой международной организации в освободительной пролетарской борьбе определяется, как показал Энгельс, прежде всего тем, что в ее рядах и под ее влиянием к идеям научного коммунизма и пролетарского интернационализма приобщились широкие массы пролетариата разных стран. Поэтому деятельность Интернационала составила новый этап в истории рабочего движения. Она способствовала победе марксизма над различными формами мелкобуржуазного сектантского социализма, подготовила почву для окончательного вытеснения их к 90-м годам XIX в.

Величайшим результатом деятельности Междуна-

родного Товарищества Рабочих была первая попытка установления диктатуры пролетариата, предпринятая французскими рабочими, — Парижская коммуна 1871 г. Энгельсу принадлежит известная формула: Коммуна была духовным детищем Интернационала⁷⁵. Эта формула показывает, что подвиг парижских рабочих мог быть совершен лишь в условиях, когда рабочее движение в Европе в целом достигло более высокого идейного уровня по сравнению с 1848 г., когда в результате деятельности Интернационала и благодаря его влиянию идея социалистической революции стала овладевать умами рабочих разных стран, в том числе и во Франции. С другой стороны, и сама Коммуна рассматривалась Энгельсом как переломный момент в истории Международного Товарищества Рабочих и всего международного рабочего движения. Уроки Парижской коммуны, ее сильные и слабые стороны вплотную поставили перед рабочим движением вопрос о выборе теоретической и тактической ориентации, резко обозначили перед ним альтернативу: научный коммунизм или не выдержавшие испытания различные формы мелкобуржуазного социализма.

В упомянутом введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции» Энгельс отмечал, что Коммуна была рубежным событием, которое помогло рабочему классу увидеть в научном коммунизме теоретическое выражение своих интересов и чаяний и встать на путь организации на его основе социалистических партий. В известной мере Энгельс подошел здесь к пониманию Коммуны как поворотного пункта, открывшего собой новый период в истории капитализма в целом, — понимание, которое позднее нашло свое четкое воплощение в периодизации истории нового времени, разработанной В. И. Лениным.

Характерные черты развития рабочего движения последней трети XIX в. Энгельс видел в формировании рабочих и социалистических партий, в усилении их влияния на массы, в росте интернациональных связей между ними, в распространении марксизма, в его окончательной победе над домарксовским утопическим социализмом.

Таким образом, в освещении Энгельса, успехи в деле сплочения пролетарских сил и создания политических пролетарских организаций, прогресс рабочего движения в целом были обусловлены прежде всего утверж-

дением в нем принципов марксистского учения, установлением гегемонии марксизма. В этом Энгельс видел важнейший показатель зрелости рабочего класса, залог победы его великого дела.

Таковы общие закономерности, общие исторические тенденции в развитии рабочего движения, раскрытые Энгельсом. Он, однако, отнюдь не считал, что эти тенденции проявляются в одинаковой форме во всех странах. Рабочее движение в каждой из них, неоднократно указывал он, имеет свои национальные особенности, свои специфические черты. Сам Энгельс сделал очень многое для выявления специфики развития пролетарской борьбы в Англии, Германии, Франции, США, Бельгии, Италии, Испании и других странах.

Заслугой Энгельса как историка при этом являлось то, что он всегда избегал односторонности в анализе конкретных явлений и в данной области. Как подлинный диалектик, он точно определял соотношение действия общих закономерностей и особых условий, влиявших на развитие рабочего движения той или другой страны. Ему был чужд как вульгарный схематизм, стиравший всякие национальные различия, так и чрезмерное выпячивание национальных особенностей и традиций, к которому нередко прибегали и прибегают по сей день различные немарксистские авторы, особенно реформисты, во имя умаления значения общих, универсальных закономерностей. В какой бы форме ни проявлялось действие этих общих законов в разных исторических условиях, какие бы местные препятствия ни встречали они на своем пути, Энгельс был убежден, что в силу объективной необходимости они неизбежно проложат себе дорогу. Он ни на минуту не сомневался в том, что революционные принципы повсеместно восторжествуют в рабочем движении.

Большой вклад в понимание объективных условий развития пролетарской борьбы внес Энгельс работами, раскрывающими социальные и идейные корни реформизма и сектантства: незрелость рабочего класса, наличие в его рядах прослойки недавних выходцев из других классов, воздействие на него буржуазной и мелкобуржуазной среды, образование в такой стране, как Англия, «рабочей аристократии», игравшей роль проводника буржуазного влияния на пролетариат. В столкновении между революционными и реформистско-сектантскими тенденциями Энгельс видел определенную исто-

рическую закономерность, выражением которой являлись и внутрипартийные противоречия.

В условиях классового общества, в обстановке сложного переплетения классовых интересов партия пролетариата, по мнению Энгельса, «может развиваться только во внутренней борьбе в полном соответствии с законами диалектического развития вообще»⁷⁶. Разумеется, эта закономерность проявляется по-разному на различных ступенях развития рабочего движения и в различных условиях. До последней трети XIX в. она носила прежде всего характер борьбы марксизма с различными течениями домарксовского социализма: вейтлингианством, прудонизмом, лассальянством, бакунизмом и т. д. В последние десятилетия XIX в. центр тяжести этой борьбы переместился в плоскость идейных разногласий внутри социалистических и рабочих партий, между революционным марксистским направлением и носителями различных оппортунистических взглядов. Энгельс и как непосредственный участник этой борьбы, разоблачавший оппортунизм немецких правых социал-демократов, французских POSSИБИЛИСТОВ, ФАБИАНЦЕВ и реформистских лидеров английских тред-юнионов и т. д., а также сектантско-анархистские ошибки Моста и его сторонников, представителей оппозиции «молодых» в германской социал-демократии и других группировок, и как историк рабочего движения неоднократно доказывал, что без идейного разгрома правых и «левых» оппортунистов пролетарское движение не может по-настоящему упрочиться.

В задачу разработки истории рабочего движения Энгельс постоянно включал исследование его идеологической стороны, развития социалистической мысли. Если в прошлом главной социальной средой, порождавшей фантастические социалистические стремления, были плебейские массы, то с конца XVIII в. развитие социалистической мысли, пока еще в утопической форме, отражало процесс формирования рабочего класса и его первые выступления против капиталистической эксплуатации.

Вершиной развития утопического социализма было творчество А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна. Энгельсу принадлежит глубокая характеристика наследия этих великих социалистов-утопистов. Он сумел выявить то, что составляет непреходящую ценность в их воззрениях, и то, что относится к области иллюзий, соответ-

ствуем незрелым ступеням самой пролетарской борьбы. Заслугой Энгельса является доказательство закономерности перехода от утопии к науке в развитии социалистической мысли, обусловленного глубокими объективными причинами, и прежде всего обострением классовой борьбы пролетариата. Выяснение исторических предпосылок указанного перехода, глубокого качественного отличия научного коммунизма от утопического социализма относится к высшим достижениям Энгельса как историка социалистических учений и рабочих движений. Энгельс показал, что с появлением научного мировоззрения пролетариата — марксизма, теоретического оружия рабочего класса, между социалистической мыслью и рабочим движением устанавливается тесная, неразрывная связь. Развитие марксистского учения и пролетарской борьбы становится выражением единого революционного процесса. История марксизма, как показал Энгельс, является органической составной частью истории пролетарского движения.

В проблеме формирования марксизма Энгельс различал две стороны: выяснение объективных общественных потребностей, сделавших необходимым появление революционной теории, и выявление идейных, гносеологических предпосылок ее возникновения. «Как всякая новая теория, социализм, — писал он, — должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах»⁷⁷. Материальными причинами возникновения марксизма, указывал Энгельс, явились углублявшиеся капиталистические противоречия, стимулировавшие усиление сопротивления пролетариата, который нуждался в теоретическом обосновании целей и способов своей борьбы. В идейном отношении возникновение марксизма было подготовлено результатами, достигнутыми домарксовской научной мыслью. В этой связи Энгельс выдвинул важные положения о теоретических источниках марксизма, впоследствии с еще большей четкостью и систематичностью разработанные В. И. Лениным.

Энгельс показал, на какие достижения в области философии, политической экономии и социалистического учения опирался марксизм. Выяснил он и характер революционного переворота, совершенного во всех этих областях в результате создания марксистской теории, качественно новый характер всех составных частей

марксизма по сравнению с теми теориями, которые служили главными источниками при разработке составных элементов этого учения.

Энгельс раскрыл роль Маркса как создателя нового революционного учения, гениального мыслителя и революционера, указав на ведущее место, которое занимают во всей системе взглядов Маркса два его великих открытия — разработка материалистического понимания истории и создание теории прибавочной стоимости. Этим самым Энгельс выдвинул научный критерий для изучения генезиса самого марксистского учения. Охарактеризовал он и роль Маркса как организатора пролетарской борьбы, основателя и руководителя Союза коммунистов, I Интернационала, стратега и тактика пролетарского движения. В деятельности Маркса, подчеркивал Энгельс, воплотилось единство революционной теории и практики. Показывая, как конкретно происходило проникновение марксистских идей в рабочее движение, как марксистская теория овладевала массами и шло образование пролетарских партий на марксистской основе, Энгельс пролил свет на важнейшие стороны истории марксизма, на процесс возрастания его общественной роли, его влияния на судьбы человечества. Именно таким путем, показал он, марксизм становился не только великим орудием познания мира, но и могучим рычагом его революционного преобразования.

Таков в общих чертах вклад Энгельса в изучение истории рабочего движения и социалистической мысли. Его научные достижения в этой области трудно переоценить. Разработка ее явилась важной частью проделанного Марксом и Энгельсом гигантского труда по созданию общего научного фундамента марксистской историографии, главным предметом которой — в отличие от историографии буржуазной — стала история народных масс, трудящихся классов, их жизни и борьбы. В работах Энгельса о пролетарском движении были заложены первые камни той важнейшей отрасли марксистской исторической науки, которая позднее оформилась как ее специальная отрасль, занимающаяся проблемами международного рабочего и коммунистического движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со всеми сочинениями Энгельса»¹, — писал В. И. Ленин о великом соратнике Маркса, одном из основоположников марксизма. Эта характеристика охватывает и его роль в разработке марксистской исторической науки. Вклад Энгельса в создание ее теоретико-методологических основ и в исследование различных сторон исторического процесса поистине огромен.

Дарование Энгельса-историка выразилось не только в исследовательском мастерстве и глубине исторического анализа. Оно проявилось в подлинно универсальном подходе его к изучению истории, в энциклопедическом характере его исторических знаний, в необычайной широте научных интересов. Разносторонний ученый, совместивший в одном лице историка, экономиста, философа, филолога, военного специалиста, знатока других общественных и естественных наук, Энгельс обладал колоссальной научной эрудицией, позволявшей ему в короткие сроки распутывать самые сложные исторические проблемы, проникать в существо разнообразных исторических явлений.

Сложные задачи, которые ставил себе Энгельс как историк, соответствовали грандиозной цели, выдвинутой основоположниками марксизма еще в «Немецкой идеологии», — коренным образом пересмотреть все прежнее понимание истории, которое игнорировало ее действительную материальную основу². На практике это означало переосмысление под углом зрения исторического материализма всего всемирно-исторического процесса, как в целом, так и в подробностях, исследование его с совершенно новых позиций. «Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения»³ — так формулировал Энгельс на склоне своих лет, в 1890 г., программу развития марксистского направления исторической науки. Для того чтобы дать этому направлению правильную

ориентацию, необходимо было не только вооружить его методологическим ключом для исследования исторических явлений, но и доказать действенность нового метода конкретными исследованиями, положить начало, используя этот метод, разработке цельной научной концепции исторического процесса, его отдельных этапов и сторон. Этому и было посвящено творчество Энгельса в области исторической науки.

Главной чертой этого творчества, как и всей деятельности Энгельса-теоретика, идеолога передового революционного класса, было сочетание высокой научности с пролетарской партийностью. Партийные обязанности в области науки Энгельс всегда понимал как бескомпромиссную борьбу за научную истину и за использование ее в интересах пролетариата. Он считал, что подлинной научной объективности и глубины проникновения в исторические процессы может достигнуть лишь исследователь, который смотрит на события глазами класса, являющегося знаменосцем социального прогресса, передовым борцом за счастливое будущее человечества.

Оставленное Энгельсом наследие в области истории, как и других областях науки, отличается исключительным богатством оценок, наблюдений, выводов. Оно изобилует классическими примерами анализа исторических проблем и содержит фундаментальные положения, служащие отправными пунктами для дальнейших марксистских исследований во многих областях истории. Ценность этого наследия носит непреходящий характер. Больше того, она возрастает по мере все новых успехов марксистской исторической науки. Ее поступательное развитие все больше подтверждает не только жизненность и научную эффективность применяемого Энгельсом метода, но глубокую правильность и проницательность его оценок тех или иных явлений и событий, плодотворность и перспективность разработанных им исторических концепций и выдвигавшихся гипотез. Историки-марксисты разных поколений постоянно обращались и будут обращаться к произведениям и высказываниям Энгельса-историка. Они будут вновь и вновь черпать из его наследия важнейшие мысли по самым разнообразным вопросам, учиться на неустаревающих образцах его научного творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения, т. I. М., 1979, с. 5.

² Fueter Ed. Geschichte der neueren Historiographie. München und Berlin, 1911, S. 442.

³ Gooch G. P. History and Historians in the Nineteenth Century. Boston, 1959, p. XXIV.

⁴ Barns H. E. The New History and the Social Studies. New York, 1925, p. 431—432, 461. — A History of Historical Writing. New York, 1963 (первое издание вышло в 1937 г.), p. 204, 359.

⁵ Below G. Die deutsche Geschichtschreibung von den Befreiungskriegen bis zu unseren Tagen. München und Berlin, 1924, S. 109—110, 183—188.

⁶ Cunow H. Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts- und Staatstheorie, Bd. I. Berlin, 1920, S. 287, 291; Lucas E. Die Rezeption Lewis H. Morgan durch Marx und Engels. — Saeculum, Bd. 15, Heft 2. Freiburg-München, 1964, S. 157—160; Henderson W. O. The Life of Friedrich Engels, V. I—II. London, 1976, V. I, p. 72; V. II, p. 606 (В указанной работе, написанной в целом с прогрессивных позиций, автор принижает значение исторического содержания не только «Положения рабочего класса в Англии» Энгельса, но и — вслед за Куновым и Лукасом — его труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

⁷ Levine N. The Tragic Deception: Marx contra Engels. Oxford (California), 1975; Krader L. The Works of Marx and Engels in Ethnology compared. — International Review of Social History, 1973. V. XVIII, pt. 2. Автор выпустил также монографию на данную тему: Krader L. Ethnologie und Anthropologie bei Marx. Übersetzt von H. Ritter. München, 1973.

⁸ Steinberg H.-J. Friedrich Engels. — In: Deutsche Historiker, Bd. III. Göttingen, 1972, S. 29, 39.

⁹ Harris M. The Rise of Anthropological Theory. New York, 1969. Автор считает даже, что взгляды Энгельса отличались большей последовательностью и четкостью, чем воззрения Моргана.

¹⁰ Engels F. The German Revolutions. Edited and with an Introduction by Leonard Krieger. Chicago and London, 1967, p. V—VII, XII—XXI, XXXVII—XLVI.

¹¹ Engels as Military Critic. Introduction by W. H. Chaloner and W. O. Henderson. Manchester, 1959, p. XVIII.

¹² Howard M. The Franco-Prussian War. London, 1962, p. 77.

¹³ См. доклад Вернера Хальвега, опубликованный в кн.: Friedrich Engels 1820—1970. Referate. Diskussionen. Dokumente. Internationale wissenschaftliche Konferenz in Wuppertal vom 25—29 Mai. Hannover, 1971.

¹⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40—48.

¹⁵ См. Ленин В. И. Маркс, Энгельс, марксизм. Изд. 7. М., 1974.

¹⁶ См. Степанова Е. А. Фридрих Энгельс. Краткий биографи-

ческий очерк. Изд. 3. М., 1980; Фридрих Энгельс. Биография. Изд. 2. М., 1977; Фридрих Энгельс. Биография (перевод с немецкого). М., 1972; Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность (перевод с немецкого), т. 1—3. М., 1959—1968; Энгельс-теоретик. М., 1970; Энгельс и проблемы истории. Сборник статей. М., 1970.

¹⁷ См. *Застенкер Н. Е.* Материалистическое понимание истории — великий революционный переворот в исторической науке. Исторические взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса. — В кн.: *Историография нового времени стран Европы и Америки.* М., 1967.

Часть I

Глава I

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304.

² В литературе о молодом Энгельсе, как правило, специально не выделялся вопрос об изучении им в этот период истории, хотя большинство авторов касались этого вопроса в связи с рассмотрением его общих воззрений. См. *Серебряков М. В.* Фридрих Энгельс в молодости. Л., 1958; *Федосеев П. Н.* Философские взгляды молодого Энгельса. — Под знаменем марксизма, 1940, № 11; *Сазонов В. В.* Публицистика молодого Ф. Энгельса и формирование его материалистического мировоззрения. — В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977; *Крылов Б. А.* Революционные идеи в поэзии молодого Энгельса. — В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973; *Mayer G.* Friedrich Engels in seiner Frühzeit. Berlin, 1920; *Ulrich H.* Der junge Engels. Eine historisch-biographische Studie seiner weltanschauliche Entwicklung in den Jahren 1834—1845, Bd. 1—2. Berlin, 1961—1966.

Одна из первых попыток проследить формирование исторических воззрений молодого Энгельса была предпринята автором данной работы. См. *Гольман Л. И.* Об исторических взглядах молодого Энгельса. — В сб.: Энгельс и проблемы истории. М., 1970.

³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 503, 504, 520—522.

⁴ См. там же, с. 507—519.

⁵ Там же, с. 526.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 466.

⁷ См. Marx—Engels Gesamtausgabe (далее — MEGA). Abt. IV, Bd. 1, S. 437—510.

⁸ MEGA. Abt. IV, Bd. 1, S. 511—532, 536—545.

⁹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 528—529.

¹⁰ См. там же, с. 365—366, 394, 477, 493.

¹¹ Западногерманские исследователи М. Книрим и Г. Пельгер недавно выявили пять корреспонденций Фридриха Энгельса из Бремена, которые были напечатаны в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» в августе 1840 — феврале 1841 г.; они обнаружили также рукопись неизвестного ранее заявления в редакцию «Morgenblatt für gebildete Leser» (апрель 1841 г.), проливающего дополнительный свет на его борьбу против религиозного ханжества. См. *Pelger H. und Knieriem M.* Friedrich Engels als Bremer Korrespondent des Stuttgarter «Morgenblatt für gebildete Leser» und der Augsburger «Allgemeine Zeitung». — In: Schriften aus dem Karl-Marx-Haus. Heft 15. Trier, 1975. На русском языке эти работы

опубликованы в: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 50, с. 305—318, 349—350.

¹² См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 303.

¹³ Там же, с. 127.

¹⁴ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 50, с. 314—315; т. 1, с. 455—456; т. 41, с. 96.

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Багатурия Г. А.* Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М., 1972, с. 11—17.

¹⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 441—443, 459. Маркс в 1865 г. едко высмеял свойственную Раумеру противоречивость в оценках, отмечая, что этот историк как бы составлен из «с одной стороны» и «с другой стороны» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 31).

¹⁷ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 421—422.

¹⁸ Там же, с. 416.

¹⁹ Там же, с. 439. Впоследствии Энгельс, отмечая заслуги Д. Штрауса в критике христианских легенд, указывал и на непоследовательность этой критики, его стремление сохранить в христианских мифах все, что поддавалось рациональному объяснению (см. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 473).

²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 436, 440.

²¹ Там же, с. 46.

²² Там же, с. 441. О сильных и слабых сторонах взглядов Гегеля на всемирную историю см. «Философские тетради» В. И. Ленина (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 281—290).

²³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 27.

²⁴ Там же.

²⁵ См. там же, с. 214.

²⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 478.

²⁷ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 418.

²⁸ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 495.

²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 443—444.

³⁰ Там же, с. 142.

³¹ Там же, с. 414. Спустя некоторое время Энгельс разобрался в ограниченном характере буржуазной Июльской революции, как видно из его статьи «Централизация и свобода», написанной в августе 1842 г. (см. там же, с. 321—326).

³² Рукопись была обнаружена упомянутым М. Книримом среди бумаг немецкого поэта А. Шультса, уроженца Эльберфельда, принадлежавшего к кружку молодых писателей и любителей искусств, среди которых было много соучеников Энгельса по Эльберфельдской гимназии. Энгельс поддерживал связи с ними и в последующие годы. Один из них, К. де Хаас, писал Шультсу 30 сентября 1840 г. из Берлина о том, что Энгельс обещал принадлежавшему к этому же кружку пианисту и композитору Г. Хойзеру написать либретто для задуманной оперы. Это свое обещание он позднее и выполнил в виде наброска текста музыкальной драмы «Кола ди Риенци». М. Книрим осуществил первую публикацию этой рукописи. См. *Kniერი M. Friedrich Engels: Cola di Rienzi. Ein unbekannter dramatischer Entwurf.* Herausgegeben vom Friedrich-Engels-Haus, Wuppertal, und Karl-Marx-Haus, Trier, Wuppertal, 1974. Русский перевод, выполненный Л. В. Гинзбургом, см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 50, с. 319—348. Анализ драмы см. в статье: *Егоров А. Г.* О драме молодого Ф. Энгельса «Кола ди Риенци». — Контекст. Литературно-теоретические исследования. 1976.

М., 1977; *Bravo G. M.* Un «dramma» giovanile di Engels: «Cola di Rienzi». — *Studi storici*, 1974, N 3.

³³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 80.

³⁴ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 53.

³⁵ *Rottek C.* Allgemeine Weltgeschichte. Zweiter Band. Stuttgart, 1833, S. 494.

³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 126.

³⁷ Там же, с. 121.

³⁸ Там же, с. 47.

³⁹ Там же, с. 268.

⁴⁰ Там же, с. 176.

⁴¹ *MEGA. Abt. IV, Bd. 1, S. 387—433.* В 80-х годах в статье «Книга откровения» Энгельс вспоминал о лекциях Бенари (см. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 10).

⁴² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 306.

⁴³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 41, с. 323—325.

⁴⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 220.

⁴⁵ В работах «Успехи движения за социальные преобразования на континенте» (осень 1843 г.) и «Быстрые успехи коммунизма в Германии» (конец 1844—весна 1845 г.) Энгельс еще не выделил свои в Маркса взгляды из других социалистических систем, причисляя к тому же направлению Фейербаха и будущих «истинных социалистов» Гесса и Грюна, а в 1843 г. даже радикалов Руге и Гервега (см. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 539—540; т. 2, с. 521—525). Фейербахианство рассматривалось и Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» как философская основа коммунизма, хотя он уже видел ряд его слабостей. Несовместимость непоследовательного материализма Фейербаха, его идеалистических взглядов на общество с новым учением не была еще ясна Марксу и Энгельсу даже при написании осенью 1844 г. «Святого семейства».

⁴⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 603.

⁴⁷ Там же, с. 525.

⁴⁸ Об интересе к французскому стачечному движению говорит, например, корреспонденция Энгельса «Из Франции», написанная для «*The Northern Star*» в июне 1844 г. (см. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 195).

⁴⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 497.

⁵⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 200—204.

⁵¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 626.

⁵² См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 12—14.

⁵³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 589, 594—595.

Глава 2

¹ См. Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 75. См. также: *Гольман Л. И.* Сотрудничество Маркса и Энгельса в разработке исторической науки. — В сб.: Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М., 1982.

² См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 251; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 9.

³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 238.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 10.

⁵ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 272, 302.

⁶ Подробнее см.: *Косминский Е. А.* Об источниках книги

Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». — В сб.: Чартизм. М., 1961.

⁷ См. Венсрова И. В. Из истории социальной гигиены в Англии XIX века. М., 1970.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 504, 300, 395, 514.

⁹ MEGA, Abt. IV, Bd. 2, S. 583—591 (русский перевод см. в сб.: Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения, с. 342—350).

¹⁰ Сам Энгельс ссылается в своей книге на «The Northern Star» всего на трех-четыре страницы. Однако, как показали английские комментаторы книги У. О. Хендерсон и У. Х. Челонер, он обращался к материалам этой газеты гораздо чаще (*Engels F. The Condition of the Working Class in England. Translated and edited by W. O. Henderson and W. H. Chaloner. Oxford, 1958, p. 36, 39, 50, 207—208, 250, 257, 284, 288—289, 291, 293, 302—303, 320, 325—327, 332*). Отметим попутно, что, много сделал для уточнения круга источников Энгельса, Хендерсон и Челонер в целом предвзято отнеслись к его книге. В предисловии и комментариях они заявляют, что «Энгельса вряд ли можно считать историком», совершенно необоснованно обвиняют его в поверхностном знании Англии, в неумении использовать источники (поводом служат некоторые мелкие описки в книге: это естественно, если учесть, что для ее написания Энгельс располагал лишь 5—6 месяцами и что, находясь в Германии, он не имел возможности дополнительно проверить сделанные в Англии записи), повторяют уже предпринимавшиеся в антимарксистской литературе (в частности Ш. Андлером, В. Черкезовым, утверждавшими, будто труд Энгельса — переработка книги Бюре) попытки приписать автору заимствование чужих взглядов, то либерала Гаскелла, то торийских писателей (*Ibid.*, p. XV, XX, XXXII и др.).

Об использовании Энгельсом чартистской прессы см. также: Шиканян И. Н. Ф. Энгельс и чартистская газета «Норзерн стар». — В сб.: Из истории социальных движений и общественной мысли. М., 1981.

¹¹ Об этом говорят письма Энгельса Марксу 19 ноября 1844 г., 22—26 февраля, 7 марта 1845 г. (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 12, 21).

¹² См. там же, с. 11.

¹³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 545—586.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57—58. О месте «Немецкой идеологии» в развитии исторического материализма см.: Багатурия Г. А. Первое великое открытие Маркса (Формирование и развитие материалистического понимания истории). — В кн.: Марксисторик. М., 1968.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 220.

¹⁶ «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности...» — указывал В. И. Ленин в 1905 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 208).

¹⁷ См. Описание этих эксцерптных тетрадей Энгельса в Marx/Engels Gesamtausgabe (MEGA¹ — в отличие от издающейся в настоящее время MEGA). Erste Abteilung, Bd. 4. Berlin, 1932, S. 503—515.

¹⁸ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 259.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 630, 767.

²⁰ MEGA¹, Erste Abteilung, Bd. 4, S. 508.

²¹ Упомянутые работы опубликованы в: Маркс К., Энгельс Ф.

Соч., т. 4 и 42. О намерении Энгельса напечатать работу «К истории английской буржуазии» см.: *Deutsche-Brüsseler-Zeitung*, 1847, N 91.

²² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 566.

²³ Упомянутые работы см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4.

²⁴ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4 и 42.

²⁵ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 373—375.

²⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 354—360; т. 4, с. 322—339.

²⁷ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 424—436.

²⁸ Там же, с. 234.

²⁹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 306—308, 338—341.

³⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 83. О деятельности Маркса и Энгельса в этот период см.: *Гуревич С. М.* «Новая Рейнская газета» Маркса и Энгельса. М., 1958; *Левиова С. З.* Маркс в германской революции 1848—1849 годов. М., 1970; *Becker G. Karl Marx und Friedrich Engels in Köln 1848—1849.* Berlin, 1963; *Strey J., Winkler G.* Marx und Engels 1848/49. Die Politik und Taktik der «Neuen Rheinischen Zeitung» während der bürgerlich-demokratischen Revolution in Deutschland. Berlin, 1972.

³¹ Произведения Энгельса периода революции опубликованы в: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, 6 и 43.

³² См. *Роотс Л. К.* Маркс и Энгельс о шлезвиг-гольштейнском вопросе. — В сб.: *Энгельс и проблемы истории.*

³³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 378—379.

³⁴ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 176—181.

³⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 38.

³⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 111—112; т. 14, с. 363—364.

³⁷ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 336—338, 348—349, 352—353.

³⁸ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 180.

³⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 43, с. 439.

⁴⁰ Там же, с. 404.

⁴¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 299.

⁴² См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 68.

⁴³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 43, с. 295.

Глава 3

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 29. См. также: *Ойзерман Т. И.* Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 г. М., 1955; *Парижская Коммуна и марксизм.* М., 1973, гл. I.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 1. См. также: *Hundt M.* Zur Geschichte der «Neuen Rheinischen Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». — In: *Marx-Engels-Jahrbuch*, Bd. 1. Berlin, 1978.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 44, с. 27.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 436. Подробнее о работе Энгельса см.: *Сказкин С. Д. и Лавровский В. М.* Энгельс как историк Крестьянской войны в Германии 1525 г. — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 5. М., 1947; *Смирин М. М.* Ф. Энгельс о значении Крестьянской войны 1524—1525 в истории Германии. — *Средние века*, вып. 21. М., 1962; *его же.* Фридрих Энгельс о характере народных движений в Германии в

эпоху раннебуржуазной революции XVI в. — В сб.: Энгельс и проблемы истории.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 377.

⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 188—189, 214—217; т. 8, с. 249, 284, 307, 331. О месте работы Энгельса в исследовании данной проблемы см.: Кан С. Б. Немецкая историография революции 1848—1849 гг. в Германии. М., 1962, с. 16—25.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 18.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 7.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 44, с. 24.

¹⁰ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 341.

¹¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 238—243.

¹² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 5—6, 411.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 245.

¹⁴ Там же, с. 278; см. также с. 268.

¹⁵ Там же, с. 442.

¹⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 44, с. 150—177.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256. Говоря о еще не созревшей социалистической революционности пролетариата, В. И. Ленин, разумеется, имел в виду не его идеологов и передовых представителей, а массу тогдашних пролетариев, еще не освободившихся в то время от иллюзий мелкобуржуазного домарковского социализма и не приобщившихся к идеям научного коммунизма.

¹⁸ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 209—210, 222—223.

¹⁹ См. там же, с. 30—31.

²⁰ См. там же, с. 487.

²¹ Подробную характеристику этих и других выписок по истории России см. в статье: Румянцева Н. С. Изучение Ф. Энгельсом русской истории и русской культуры в 50-х годах XIX века. — В сб.: Энгельс и проблемы истории.

²² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 16, 23.

²³ См. статью «Русская армия» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 44, с. 192—197), раздел о русской армии в очерке «Армии Европы» (т. 11, с. 471—483), статьи «Барклай-де-Толли», «Беннингсен», «Бородино» для «Новой американской энциклопедии» (т. 14, с. 92—94, 113—116, 256—261), статью «Европа в 1858 году», значительная часть которой посвящена России (т. 12, с. 671—672) и др.; отзыв Энгельса о Петре I см. в т. 12, с. 615.

²⁴ Соответствующий отзыв Маркса об авторе этой книги см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 295.

²⁵ См. словарные записи Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику» А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Всесоюзной пушкинской конференции. М. — Л., 1953. См. также: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 244—247.

²⁶ Часть этих выписок, относящихся к М. В. Ломоносову, опубликована в кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов. М. — Л., 1951.

²⁷ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 176, 188; т. 29, с. 297—298; Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса, с. 50—51, 48.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 284.

²⁹ Эти заметки, возможно, послужили основанием для характеристики сербского князя, которую Энгельс дал в одной из своих статей 1853 г. (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 35).

³⁰ Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels. Schicksal und Verzeichnis einer Bibliothek. Berlin, 1967, S. 67.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 205.

³² Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels, S. 126, 143.

³³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 406; т. 31, с. 4—5.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 424. См. также: Кедров Б. М. Энгельс и естествознание. М., 1947.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 483. О военных занятиях Энгельса см. подробнее: Бабин А. И. Формирование и развитие военно-теоретических взглядов Ф. Энгельса. М., 1975, с. 93—112.

³⁶ Это и упомянутые ниже письма опубликованы в: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27 и 28.

³⁷ Среди использованных им книг Энгельс в одном из писем упоминает также работу австрийского генерала Ф. Х. Хельвальда «Зимняя кампания 1848—1849 гг. в Венгрии под верховным командованием фельдмаршала Виндишгреца». Сохранился экземпляр с его пометками (см. Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels, S. 92).

Помимо упомянутого «Итальянского дневника» Г. Хофштеггера Энгельс прочитал книгу В. Виллизена (автора «Теории большой войны») «Итальянский поход 1848 г.», а также работу А. Лютгена «Поход шлезвиг-гольштейнской армии и флота в 1850 г.».

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 506, 507—508, 509, 512.

³⁹ Из ряда военных трудов — С. Базанкура «Крымская экспедиция», Дж. У. Кея «История войны в Афганистане», Ф. В. Рюстова «Военное дело и полководческое искусство Гая Юлия Цезаря», У. Нейпира «История кампании 1815 г.» — Энгельс делал выписки (см., например, его конспект книги Кея в: Marx Karl, Engels Friedrich. Collected works, v. 18, p. 379—390). Сохранились книги А. Шиммельпфеннига «Война между Россией и Турцией» (о кампании 1853 г.), а также несколько работ А. Жюмини с пометками Энгельса (Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels, S. 110, 179). О многих прочитанных работах (неаполитанца Дж. Уллоа, англичанина А. У. Кинглека и др.) Энгельс отзывался весьма критически (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 61, 291, 295).

⁴⁰ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 261; т. 15, с. 610—611, 617.

⁴¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 374—375.

⁴² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 526—528, т. 44, с. 360—367.

⁴³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 433—507.

⁴⁴ Ленин В. И. Заметки и выписки из брошюры Ф. Энгельса «Савойя, Ницца и Рейн». — Ленинский сборник XIV, с. 41.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 243.

⁴⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 111—119. В настоящее время обнаружено и опубликовано продолжение этой статьи. См. т. 44, с. 247—251.

⁴⁷ Основная часть этих статей опубликована в 14-м томе второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, небольшая часть — в 44-м дополнительном томе (с. 280—295). Упомянутые ниже статьи для «Volunteer Journal» и «Allgemeine Militär-Zeitung» содержатся в 15-м томе.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 154.

⁴⁹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 90—97.

⁵⁰ См. там же, с. 3—15, 31—36.

⁵¹ Разбор этого плана был дан Г. Майером во втором томе

его биографии Энгельса (*Mayer G. Friedrich Engels. Eine Biographie. Zweiter Band. Der Haag, 1934, S. 53—60.*)

⁵² См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 27, с. 241.

⁵³ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 11, с. 206—208.

⁵⁴ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 28, с. 209—210, 214—216, 221—223, 228—230; ср. также т. 9, с. 130—136.

⁵⁵ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 29, с. 43—45.

⁵⁶ См. Архив Маркса и Энгельса, т. X. М., 1948, с. 43—58; а также: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 23, с. 764—767.

⁵⁷ См. *Колпинский Н. Ю. Деятельность Ф. Энгельса в годы I Интернационала. М., 1971.*

⁵⁸ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 32, с. 41.

⁵⁹ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 30, с. 284; т. 31, с. 215—216.

⁶⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 33, с. 231, 242. В этих и других письмах Энгельса упоминаются и другие труды по всеобщей истории, в том числе Г. Бокля «История цивилизации в Англии», У. Э. Лекки «История европейской морали», Г. Вутке «История письма и письменности» и др. (см. там же, с. 231, 248, 406).

⁶¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 32, с. 188.

⁶² См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 32, с. 224; т. 33, с. 225.

⁶³ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 32, с. 291, 342; т. 33, с. 204.

⁶⁴ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 31, с. 145; т. 32, с. 92, 361.

⁶⁵ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 33, с. 81. См. также: *Бах И. А. К истории установления связей Маркса с представителями русского революционного движения.* — В кн.: Институт марксизма-ленинизма. Москва. Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, 1966, № 13.

⁶⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 32, с. 302—304, 357—358, 360, 363—364, 398, 413; см. также: *Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 29—32.*

⁶⁷ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 32, с. 107—108, 182—183; т. 33, с. 516—517.

⁶⁸ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 16, с. 56—59, 66—78.

⁶⁹ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 16, с. 412—420; т. 18, с. 254—256, 494—500.

⁷⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 16, с. 169—193; т. 17, с. 7—267. Историей обеих войн Энгельс продолжал заниматься и позднее. Так, он прочитал книгу известного военного историка Рюстова «Война 1866 г. в Германии и Италии», отчеты австрийского и прусского генеральных штабов и другие работы (см. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 31, с. 249; т. 32, с. 5, 96, 256). К опыту франко-прусской войны Энгельс неоднократно обращался, в том числе в таком произведении, как «Анти-Дюринг».

⁷¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 16, с. 161.

⁷² Рукопись «История Ирландии» и некоторые подготовительные материалы к задуманной книге впервые были опубликованы в Архиве Маркса и Энгельса, т. X. М., 1948, с. 58—263. «История Ирландии» и некоторые фрагменты к ней позднее были перепечатаны во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (см. т. 16, с. 479—524). Сюда же вошла недавно обнаруженная «Заметка для предисловия к сборнику ирландских песен» (см. там же, с. 525—526). В дополнительном 45-м томе Сочинений впервые напечатаны «Замечания на книгу Голдуина Смита «Ир-

ландская история и ирландский характер» и воспроизведен в уточненном виде текст другой подготовительной работы Энгельса — «Varia к истории ирландских конфискаций» (см. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 45, с. 82—107). Большая часть подготовительных материалов Энгельса по истории Ирландии пока еще не опубликована и хранится в ЦПА ИМЛ.

Об исследованиях Энгельса по истории Ирландии см.: *Равдоникас В. И.* Маркс и Энгельс и основные проблемы доклассового общества. — В кн.: Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. М. — Л., 1934; *Андреев Н. Н.* Как работал Энгельс над вопросами средневековой истории. — Историк-марксист, 1940, № 10; *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955; *Осипова Т. С.* Труды Ф. Энгельса по истории Ирландии в советской медиэвистике. — В сб.: Энгельс и проблемы истории. Серия статей посвятил этой проблеме и автор данного труда (Ирландский вопрос в Первом Интернационале и борьба Маркса и Энгельса за принципы пролетарского интернационала. — В кн.: Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию. М., 1955; Фридрих Энгельс — исследователь истории древних ирландцев. — Средние века, вып. 19. М., 1961; Маркс и Энгельс о колониальном закабалении Ирландии Англией в период английской буржуазной революции. — В сб.: Из истории марксизма. М., 1961; Маркс и Энгельс о важнейших проблемах истории Ирландии в XVIII веке. — В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1963; Ф. Энгельс о проблемах истории Ирландии в XIX в. — В сб.: Проблемы британской истории, вып. 1. М., 1972).

На публикацию рукописей Энгельса по истории Ирландии откликнулись и зарубежные прогрессивные исследователи. См., в частности, *Greaves C. D.* Marx and Engels and the Irish Question. — Marx Memorial Library. Quarterly Bulletin (London), 1969, N 52; *O'Gráda C.* Рецензия на книгу *K. Marx, F. Engels. Ireland and the Irish Question.* — Science and Society (New York), 1973, N 1; *Dautry J.* Marx et l'indépendance de l'Irlande. — Cahiers internationaux (Paris), 1960, N 110; *Carasso I.-P.* La rumeur irlandaise. Paris, 1970; *Manuzzato N.* Marx e la questione irlandese, imperialismo e internazionalismo proletario. Milano, 1975; *Sperl R.* Предисловие к сборнику Karl Marx. Friedrich Engels. Ireland — Insel in Aufbau. Berlin, 1975; Marx and Engels: On Ireland. An annotated checklist by Ellen Hazellkorn. New York, 1981.

⁷³ См. Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969, с. 237. Сохранились пометки Энгельса на некоторых книгах об Ирландии, имевшихся в его библиотеке, в том числе на втором томе публикации древних ирландских законов (существует его конспект с анализом этих законов), на книгах И. Батта «Земельная аренда в Ирландии», Дж. Фицгиббона «Земельные затруднения в Ирландии» (из другой его книги — «Ирландия — поле битвы английских партий» — Энгельсом были сделаны выписки). См. Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels, S. 40, 69, 124—125.

⁷⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 516.

⁷⁵ Там же, с. 377—382. К концу деятельности Интернационала у Энгельса возник замысел новой работы о Марксе, как это видно из недавно опубликованных двух его писем — за вторую половину февраля и вторую половину марта 1873 г. — издателю французского перевода I тома «Капитала» Морису Лашатру (см.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 50, с. 447, 448). Последний еще 19 октября 1872 г. писал Марксу о своем желании поместить его биографию в конце последнего выпуска издания (оно публиковалось отдельными выпусками) и в качестве предполагаемого автора называл Энгельса. Письма Энгельса Лашатру свидетельствуют, что он готов был отложить в сторону все свои дела ради того, чтобы написать биографический очерк о Марксе. Однако, узнав из письма Лашатра от 16 марта 1873 г., что речь идет о небольшой заметке, он посоветовал издателю воспользоваться для этих целей краткой биографией Маркса из литературного журнала «Illustration» (№ 1498, 11 ноября 1871 г.; по последним данным к этой публикации Энгельс также имел прямое отношение). Большой интерес представляют высказывания Энгельса о том, какой он сам представлял себе будущую биографию Маркса. Он мыслил ее по существу как органическую составную часть истории общественной мысли и освободительной борьбы рабочего класса.

⁷⁵ Упомянутые здесь и ниже работы опубликованы в: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, 18 и 44; см. также; **Первый Интернационал** в исторической науке. М., 1968, с. 9—15.

⁷⁷ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 457—474; т. 45, с. 115—119.

Глава 4

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 337; см. также: Тартаковский Б. Г. Фридрих Энгельс — советник и учитель международного пролетариата (1875—1895). М., 1966.

² «Анти-Дюринг» и «Диалектике природы» Энгельса посвящено большое количество статей и брошюр, изданных в СССР и за рубежом. См., в частности: Ильичев Л. Ф. О произведении Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг». М., 1953; Дырин А. И. Проблемы исторического материализма в книге Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». М., 1975; Кедров Б. М. О «Диалектике природы» Энгельса. М., 1973; Хагер К. «Диалектика природы» Ф. Энгельса и современность. — Вопросы философии, 1976, № 6—7; Cogniot G. La dialectique de la nature. Une oeuvre géniale de Friedrich Engels. Paris, 1953; Bruschlinski W. Zur Geschichte der Entstehung und Veröffentlichung von Friedrich Engels «Dialektik der Natur». — In: Marx-Engels-Jahrbuch, Bd. 2. Berlin, 1979.

Много работ об «Анти-Дюринге» появилось в 1978—1979 гг. — в связи со 100-летним юбилеем со времени издания этого труда. Среди них: «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и современность. М., 1978; Володин А. И. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль России XIX века. М., 1978; статьи Г. Гейдена, Л. Ф. Ильичева, И. С. Нарского, В. С. Семенова и других авторов, опубликованные в «Вопросах философии», 1978, № 5; Грушевой Г. В., Клевченя А. С. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и методологические проблемы истории философии. — В сб.: Философия и научный коммунизм. Минск, 1978; статьи В. С. Выгодского, Л. И. Гольмана, М. Д. Дворкиной, Б. Г. Тартаковского, Н. П. Французовой. — В сб.: Теория марксизма и рабочее движение в XIX веке (посвящен 100-летию «Анти-Дюринга», фотопринт). М., 1978; статьи Г. Гейдена и Ф. Рихтера, А. Малыша. — В кн.: Marx-Engels-Jahrbuch, Bd. 2. Berlin, 1979.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 11.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 278.

⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 26—27; см. также: Гольман Л. И. Фридрих Энгельс — историк социалистической мысли. — В сб.: История социалистических учений. Вопросы историографии. М., 1977.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 163.

⁷ Часть упомянутых выписок опубликована в журнале «Вопросы истории естествознания и техники», 1970, вып. 3(32); см. также: *Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels*, S. 38—39, 44, и указатель цитируемой и упоминаемой литературы в: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 20, с. 778—796.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 354.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 137.

¹⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 20, с. 486—495, а также с. 343, 357—359. Об указанном очерке см.: *Андреев И.* Диалектико-материалистическая концепция происхождения человека и общества. — *Коммунист*, 1976, № 10; *Тер-Акопян Н. Б.* Фридрих Энгельс о проблеме становления человека. — *Советская этнография*, 1976, № 6.

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 33, с. 517.

¹² См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 18, с. 571—576; т. 45, с. 121—126.

¹³ См. *Архив Маркса и Энгельса*, т. X, с. 303—342. О конспекте книги Лангеталы см. сб.: *Из истории марксизма*, с. 339—340. Сохранились и некоторые книги по истории Германии и Пруссии (Х. В. Дома, Л. Хойссера, Э. Ф. Келлера, О. Клоппа, Г. А. Х. Штенпеля) с пометками Энгельса, возможно сделанными в связи с работой над данной темой (*Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels*, S. 54—55, 90, 113, 115, 189). Точная датировка этих пометок, однако, пока не установлена.

¹⁴ См. *Архив Маркса и Энгельса*, т. X, с. 279—302.

¹⁵ Отзывы Энгельса об этой книге см. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 34, с. 337; т. 35, с. 374.

¹⁶ Эти и другие упомянутые ниже в главе работы опубликованы в: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19.

¹⁷ Из письма Энгельса Марксу 16 декабря 1882 г. видно, что он познакомился также с изданной в Петербурге работой Г. Хансена «Уничтожение крепостничества и преобразование отношений между помещиками и крестьянами вообще в герцоствах Шлезвиг и Гольштейн» (см. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 35, с. 107).

¹⁸ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 35, с. 95. Экземпляр первого тома этой серии с пометками Энгельса сохранился в его библиотеке (*Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels*, S. 77).

¹⁹ Первоначальный черновой набросок этого очерка: *Engels F. Markverfassung der Urzeit*. — In: *Friedrich Engels. 1820—1970. Referate. Diskussionen. Dokumente*. Hannover, 1971.

²⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 466, 495—498; см. также: *Сизова М. Г.* О значении работы Энгельса «К истории древних германцев» для древнейшей истории Германии. — *Ученые записки Горьковского государственного университета*, вып. 88, ч. I, 1968.

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 45, с. 124.

²² См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 35, с. 133—136, 280—283.

²³ См. там же, с. 99, 232.

²⁴ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 18, с. 546; см. также:

Котов В. Н. Вопросы истории России в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Харьков, 1961.

²³ См. Архив Маркса и Энгельса, т. XI. М., 1948, с. 157—167. Автор статьи — украинский ученый и публицист — был близок к народническому движению.

²⁵ См., например, Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 93, 188, 336.

Глава 5

¹ О роли Маркса в развитии исторической науки см.: Покровский М. Н. Маркс как историк. — Вестник Социалистической Академии, 1923, № 4; Лукин Н. М. Маркс как историк. — В кн.: Лукин Н. М. Избранные труды, т. III. М., 1963; Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм. М. — Л., 1933; Маркс-историк. М., 1968.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 12.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 97.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 45, с. 242.

⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 103, 362, 378.

⁶ См. там же, с. 362, 376—377.

⁷ Понски книги увенчались успехом, как это видно из писем Энгельса (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 113) и из сохранившегося экземпляра «Древнего общества» с карандашными отчеркиваниями, вероятно всего принадлежащими Энгельсу (*Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels*, S. 147).

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 123.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67. О книге Энгельса существует обширная литература. Укажем лишь на некоторые работы: Тартаковский Б. Г. Из истории создания и публикации работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — В сб.: Из истории марксизма; Косвен М. О. Л. Г. Морган. Жизнь и учение. М. — Л., 1935; Токарев С. А. Энгельс и современная этнография. — Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1946, т. III, № 1; его же. История зарубежной этнографии. М., 1978; Семенов Ю. И. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современные данные этнографии. — Вопросы философии, 1959, № 7; Ковалев С. И. Значение «Происхождения семьи» Ф. Энгельса для изучения античного общества. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 7-8; К 75-летию работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — Вестник древней истории, 1959, № 4.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 28.

¹¹ См. Ольдерогге Д. А. Некоторые вопросы изучения систем родства (к 80-летию выхода в свет книги Л. Г. Моргана «Древнее общество»). — Советская этнография, 1958, № 1; Семенов Ю. И. Учение Моргана, марксизм и современная этнография. — Советская этнография, 1964, № 4; Suret-Canale J. Lewis Morgan et l'anthropologie moderne. — La Pensée, 1973, N 171.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 47.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 98; см. также: Винников И. Г. Четвертое издание книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — В сб.: Вопросы истории доклассового общества. М. — Л., 1936.

¹⁴ Почти на все упомянутые книги Энгельс сделал ссылки в

4-м издании своего труда (см. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 38—41, 54—56 и др.).

¹⁵ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 139, 60—61, 63, 130, 134, 140. В библиотеке Энгельса сохранилась книга М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (*Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels*, S. 120). Упомянутый выше подробный конспект Маркса книги Ковалевского «Общинное землевладение» см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 45, с. 153—226.

¹⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 214—225.

¹⁷ Там же, с. 365.

¹⁸ Эти и другие произведения данного периода опубликованы в: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, 22; см. также: *Петрова А. Г.* Основоположники марксизма о первоначальном христианстве.— Ученые записки Рязанского государственного педагогического института, т. 37, 1966.

¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 227.

²⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 406—418; т. 39, с. 85, 287, 369, 399—400. Фрагмент введения опубликован под редакционным заглавием «О разложении феодализма и возникновении национальных государств».

²¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 495—498.

²² См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 307—312.

²³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 372—389; т. 22, с. 234, 346—348; т. 25, ч. I, с. 133—134, 480—481; т. 25, ч. II, с. 13, 32, 484—486.

²⁴ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 203—204, 321—322; т. 22, с. 468.

²⁵ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 215—216.

²⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 481—483.

²⁷ См. Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 360—392, а также: *Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels*, S. 108.

²⁸ *Marx e Engels. Corrispondenza con italiani 1848—1895.* Milano, 1964, p. 466—470.

²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 490.

³⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 52.

³¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 45, с. 450—462. Ср. [Schlüter H.] *Die Chartistenbewegung in England.* Göttingen-Zürich, 1887.

³² О планах относительно биографии Маркса и некоторых других замыслах Энгельса см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 17, 24, 38; т. 39, с. 287, 368—369, 385, 387.

³³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 246. Эпистолярное наследство Энгельса за 1883—1895 гг. опубликовано в 36—39-м и 50-м томах данного издания.

³⁴ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 397—398.

³⁵ Указанные письма Энгельса опубликованы в 37—39-м томах Второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Пометки Энгельса на упомянутой книге П. Барта см.: *Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels*, S. 29. См. также публикацию: Письма Ф. Энгельса по вопросам исторического материализма (первая половина 90-х гг. XIX в.).— В сб.: Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения.

³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 260.

³⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 229.

³⁸ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 126—127, 266—267.

- ³⁹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 179, 464, 472; т. 39, с. 250, 252, 259.
- ⁴⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 370; т. 37, с. 109, 125, 266—267.
- ⁴¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 243, 369, 396—397; т. 38, с. 223.
- ⁴² См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 125; т. 38; с. 23, 315—316, 401; т. 39, с. 128—130, 213, 349—350.
- ⁴³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 276.
- ⁴⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 21.
- ⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 153—154.
- ⁴⁶ См. *Шлютер Г.* Чартистское движение. М., 1925, с. 3.
- ⁴⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 38, с. 33.
- ⁴⁸ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 161, 307.
- ⁴⁹ Там же, с. 254—255.
- ⁵⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 314.
- ⁵¹ Там же, с. 339. Об этом же Энгельс писал А. Бебелью 8 октября 1886 г. (см. там же, с. 457—458).
- ⁵² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 38, с. 189, а также см. с. 215, 372 и т. 39, с. 400.
- ⁵³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 185. Как эта книга, так и многие другие работы по истории социалистического и рабочего движения, в частности У. Морриса и Э. Б. Бакса «Социализм. Его развитие и цели», имелись в библиотеке Энгельса (*Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels*, S. 27, 147).
- ⁵⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 126.
- ⁵⁵ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 399—400.
- ⁵⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 77.
- ⁵⁷ Там же, с. 398.
- ⁵⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 312.
- ⁵⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 392.
- ⁶⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 260.
- ⁶¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 210.

Часть II

Глава I

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 44.
- ² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 2.
- ³ См. *Багатурия Г. А.* Роль Энгельса в разработке материалистического понимания истории. — В кн.: Энгельс-теоретик. М., 1970, с. 137—237; Ф. Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М., 1971; Марксистская философия в XIX веке. В 2-х книгах. М., 1979; Развитие Ф. Энгельсом проблем философии и современность. М., 1975; *Сорни А.* Comment Engels a coopéré à la formation du matérialisme historique. — *Le Penseé*, 1972, N 161.
- ⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 8; см. также: *Вазюлин В. А.* Роль Ф. Энгельса в подготовке открытия материалистического понимания истории. — Вестник Московского университета, Философия, 1970, № 6.
- ⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 6.
- ⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 374; см. также статьи П. А. Жилина, С. А. Тюшкевича, А. С. Миловидова, А. И. Дырина,

М. П. Скирдо и других авторов в сб.: Фридрих Энгельс и военная история. М., 1972.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 491.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 53.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 494.

¹⁰ См. там же, с. 497.

¹¹ Там же, с. 499; см. также: Гриценко И. И. Историческое и логическое в марксистской философии. Ростов-на-Дону, 1969.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения, т. 1, с. 8.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 221; см. также: Гирусов Э. В. Ф. Энгельс и проблема взаимодействия природы и общества. М., 1971.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 486.

¹⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 545—546.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 394.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 124; см. также: Гузеватый Я. Н. Проблемы народонаселения и социально-экономического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1970, введение.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 516; см. также: Кедров Б. М. Энгельс и диалектика естествознания. М., 1970.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 546.

²⁰ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 26; см. также: Цагергородцев Г. И. Ф. Энгельс и социально-биологическая проблема. — Вопросы философии, 1970, № 11; Оконская Н. Б. Диалектика социального и биологического в историческом процессе. Пермь, 1975.

²¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 302—305; т. 19, с. 1—8; см. также: Горшкова Л. Г. Развитие Ф. Энгельсом учения о государстве на опыте Парижской коммуны. — Научные доклады высшей школы. Научный коммунизм, 1974, № 5.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 396.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 188.

²⁴ Там же, с. 26.

²⁵ Там же, с. 290—291; см. также: Чернов Е. А. Историческая закономерность и сознательная деятельность людей. Куйбышев, 1972.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306; см. также: Буслов К. П. Ф. Энгельс и общественное развитие. — В кн.: Фридрих Энгельс и современная идеологическая борьба. Минск, 1972; Stiehler G. Die Rolle des Zufalls in der Geschichte. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1973, N 9.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 307—308.

²⁸ Там же, с. 409.

²⁹ Там же, с. 421.

³⁰ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 571—572; т. 21, с. 418.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 421—422; см. также: Козинг А. Нация в истории и современности. М., 1978.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 197.

³³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 327; т. 20, с. 343, 565.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 137.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 305.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 370; см. также т. 19, с. 121.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 351.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 352.

³⁹ Там же, с. 84; см. также: *Гарин П. С.* Философские проблемы в переписке Маркса и Энгельса. Автореферат канд. дис. М., 1977; *Екиснин П. П., Курьлев Ю. И.* Развитие Ф. Энгельсом учения об относительной самостоятельности общественной надстройки в борьбе с вульгаризаторами марксизма. — Ученые записки ВПШ при ЦК КПСС. Марксистско-ленинская философия, вып. 9. М., 1973; *Kerner Fr.* Friedrich Engels' Beitrag zur Basis-Überbau-Dialektik. — In: Engels — Revolutionär und Wissenschaftler, T. 2. Berlin, 1973.

⁴⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 420.

⁴¹ Там же, с. 417.

⁴² Там же, с. 419.

⁴³ Там же, с. 395.

⁴⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 176.

⁴⁵ Там же; см. также: *Плеханов Г. В.* К вопросу о роли личности в истории. — Избранные философские произведения, т. II. М., 1956; *Федосеев П. Н.* Роль народных масс и личности в истории. М., 1956.

Глава 2

¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 306, 174—175, 259; см. также: *Федосеев П. Н., Францев Ю. П.* О разработке методологических вопросов истории. — Вопросы истории, 1964, № 3; *Vobinska C.* Historiker und historische Wahrheit. Berlin, 1967; *Петряев К. Д.* Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1976; *Ирибаджиков Н.* Ключ перед судом буржуазной философии. К критике современной идеалистической философии. М., 1972; *Дьяков В. А.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974; *Ерофеев Н. А.* Что такое история. М., 1976; *Косолапов В. В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; *Жилин П. А., Тюшкевич С. А.* Философские проблемы исторического познания. М., 1978; *Могильницкий Б. Г.* О природе исторического познания. Томск, 1978; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история. М., 1981. Имеются и специальные работы о вкладе Энгельса в данную область: *Фридлянд Ц.* Энгельс об истории как науке. — Историк-марксист, 1935, № 8-9; *Девяшин Н. А.* Проблема исторического закона в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса. — Ученые записки Томского государственного университета, т. 79, 1969; *Алексеева Л. К.* Ф. Энгельс о специфике социального детерминизма. — В сб.: Актуальные вопросы идейного наследия Фридриха Энгельса. М., 1970; *Гольман Л. И.* Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического познания. — Вопросы истории, 1976, № 3.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 342; см. также: т. 33, с. 517; т. 35, с. 144.

³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 320.

⁴ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 38, с. 268—269.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 371.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 497.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 134; см. также: *Жуков Е. М.* О соотношении общесоциологических и исторических закономерностей. — Вопросы философии, 1977, № 4.

⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 175; см. также: *Джи-*

оив О. И. Историческая необходимость: ее природа, познание и реализация. Автореферат док. дис. Тбилиси, 1972.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 90.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 529—530.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 90.

¹² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 506.

¹³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 118, 359. Как оценивал Энгельс возможность познания всего многообразия исторических явлений? Если понимать под этим воспроизведение всей исторической конкретности, то такую задачу он, безусловно, считал в принципе недостижимой. Именно в этой связи он причислял историю к тем наукам (в том числе к космогонии), в области которых наши знания «навсегда останутся неполными и незавершенными уже вследствие недостаточности исторического материала» (там же, с. 92). Но если понимать познание многообразия истории в смысле постижения всех конкретных типов общественной эволюции и всех характерных особенностей исторического процесса, то в этом плане Энгельс, по нашему мнению, отнюдь не рассматривал познавательные потенции исторической науки как нечто извечно ограниченное. Прогресс человечества во всех сферах жизни, в беспредельность которого верил Энгельс, неизбежно должен постоянно расширять эти познавательные возможности и повышать способность исторической науки все больше приближаться к уяснению многообразия исторического процесса.

¹⁴ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 85.

¹⁵ Подробнее см.: Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 11; см. также: Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М., 1960; Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М., 1973.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 527; см. также т. 34, с. 322.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 641.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 497.

²⁰ Во многих советских работах подчеркивается — в противоположность современным буржуазным «структуралистам», «функционалистам» и т. п., выдвигающим структурный и функциональный метод в качестве антитезы диалектико-материалистическому методу, — что правильно понятый и примененный системный, структурный и функциональный анализ отнюдь не противоречит диалектическому и историческому материализму и служит важным средством научного познания. См. Угринович Д. М. Марксизм, структурализм, функционализм (о некоторых методологических проблемах современного обществознания). — Вестник Московского университета. Философия, 1970, № 3; Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании. — Вопросы философии, 1973, № 6; Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980.

²¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 521—522; т. 7, с. 346—348; т. 8, с. 60—62, 67, 72—75; т. 11, с. 435—441.

²² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 442—444.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 341; см. также: Штаерман Е. М. О повторяемости в истории. — Вопросы истории, 1965, № 7.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 435.

²⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361—363, 436; т. 22, с. 468, 470—471.

²⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 351—353.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 85; см. также: Мисабишвили Ш. В. Диалектика общего и особенного в социальном развитии. Сухуми, 1971.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 435; см. также: Могильницкий Б. Г. Альтернативность исторического развития и ленинская теория народной революции. — В сб.: Методологические и историографические вопросы исторической науки, вып. 9. Томск, 1974.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 170; см. также: Григорян Р. Г. Ф. Энгельс о партийности социального познания. — Ученые записки ВПШ при ЦК КПСС. Марксистско-ленинская философия, вып. 9. М., 1973; Могильницкий Б. Г. Принцип партийности в историческом познании. — В сб.: Методологические и историографические вопросы исторической науки, вып. 10. Томск, 1974.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 305; см. также: Иванов В. В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 473; см. также: Манфред А. З. Фридрих Энгельс и научное предвидение. — Мировая экономика и международные отношения, 1970, № 11; Ожегов Ю. П. Социальные прогнозы Ф. Энгельса и их буржуазные фальсификаторы. — Известия Сибирского отделения АН СССР, № 11. Серия общественных наук, вып. 3. Новосибирск, 1971; Grundmann S. Friedrich Engels und die Gesellschaftsprognostik. — In: Philosoph der Arbeiterklasse. Friedrich Engels 1820—1870. Berlin, 1971.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 56.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 345.

³⁴ См., например, Энгельс — П. Лафаргу 25 марта 1889 г. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 140); см. также: Гулыга А. В. Эстетика истории. М., 1974 г.; Kuczynski J. Die Muse und der Historiker. — Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. Sonderband. Berlin, 1974, S. 15—17.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 43.

Глава 3

¹ Упомянутый обзор см. в: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 504—510. По данной проблеме см.: Черепнин Л. В. К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического источниковедения. — В сб.: Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы; Гольман Л. И. Фридрих Энгельс — исследователь (Опыт характеристики работы Ф. Энгельса над источниками и литературой по истории Ирландии). — В сб.: Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы; Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание (Методологические аспекты). Томск, 1973.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 278.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 329.

⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 104; см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 504.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 314.

⁶ Там же, с. 390.

- ⁷ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 45, с. 97—107, а также Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 157—248.
- ⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 506.
- ⁹ Там же, с. 522.
- ¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 412.
- ¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 507.
- ¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 530.
- ¹³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 316; Архив Маркса и Энгельса, т. XVI. М., 1982; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 672, 706—708, 722.
- ¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 373.
- ¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 316.
- ¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 32; см. также, т. 3, с. 145—146, 460—461, 506.
- ¹⁷ См. *Гуревич С. М.* К. Маркс и Ф. Энгельс — основоположники теории коммунистической журналистики. М., 1973.
- ¹⁸ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 210.
- ¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 231.
- ²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 520.
- ²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 257; см. также: *Гуревич С. М.* Разоблачение лживой легенды. К. Маркс и Ф. Энгельс о буржуазной печати. М., 1975.
- ²² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 386.
- ²³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 368.
- ²⁴ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30, с. 268; т. 34, с. 122, 254; т. 35, с. 252, 260; т. 36, с. 105; т. 37, с. 316.
- ²⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 308.
- ²⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 188.
- ²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 217.
- ²⁸ См. Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1963, с. 158.
- ²⁹ См. там же, с. 157.
- ³⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 314.
- ³¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 458.
- ³² См. Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 183, 185, 219, 221.
- ³³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 29.
- ³⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 67.
- ³⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 238—239.
- ³⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 499—512; т. 45, с. 3—7; т. 21, с. 484—486; т. 50, с. 388—390; см. также: *Селезнев К. Л.* «Шведско-датские путевые заметки» Ф. Энгельса. — Новая и новейшая история, 1963, № 5.
- ³⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 300.
- ³⁸ Цит. по: Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы, с. 238—239. Этот отзыв содержится в выписках Энгельса из книги Коля «Путешествие по Ирландии» (издана в 1843 г.).
- ³⁹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 505.
- ⁴⁰ Эти приемы и методы работы позднее были резюмированы французскими историками Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобосом в их «Введении в изучение истории» (русский перевод: СПб., 1899); см. также: *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка. М., 1973. Из марксистских работ см.: *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976.
- ⁴¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 509.
- ⁴² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 398, 399.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 478; см. также т. 21, с. 8.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 508.

⁴⁵ См. там же, с. 513—514.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 468—469.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 520.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 11.

⁴⁹ См. Тер-Акопян Н. Б. Подход К. Маркса и Ф. Энгельса к исследованию проблем первобытной истории и место в нем этнографических методов. — В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.

⁵⁰ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 169.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 509; см. также: Завьялова М. П. Метод ретроспекции и моделирования в историческом исследовании. — В сб.: Вопросы методологии истории и историографии. Научные доклады, вып. 3. Томск, 1974.

Глава 4

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 45, с. 82—96, а также Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 181, 187, 193, 209, 211; см. также: Гольман Л. И. Разоблачение Ф. Энгельсом буржуазных фальсификаторов истории Ирландии. — Новая и новейшая история, 1960, № 3.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 445.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 497.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 80.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 437.

⁶ Там же, с. 316—317.

⁷ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 425.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 45, с. 90.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения, т. 1, с. 34.

¹⁰ Там же, с. 35.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 308.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 163.

¹³ Там же, с. 25.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 359, 360.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 412—413.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 6.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 294.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 366; см. также т. 22, с. 468—469, 473.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 524.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 5.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 437.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 485; см. также: Селезнев К. Л. Энгельс как критик буржуазной военной историографии. — В сб.: Из истории марксизма.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 536.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 214.

²⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 21.

²⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 321, 338; см. также: Rokitjansky J. Engels' Notizen in Georg Adlers Buch «Die Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland». — In: Marx-Engels-Jahrbuch, Bd. 2. Berlin, 1979.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 390.

- ²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 437.
- ²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 609, 624.
- ³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 367; см. также с. 371—372.
- ³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 214.
- ³² Это замечание сделано Энгельсом в выписках из книги: Petrie G. The Ecclesiastical Architecture of Ireland, anterior to the Anglo-Norman Invasion. Dublin, 1845. Цит. по: Marx-Engels-Jahrbuch, Bd. 4. Berlin, 1981, S. 197.
- ³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 330.
- ³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 505.
- ³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 274.
- ³⁶ Это замечание сделано в выписках Энгельса из упомянутой публикации. Цит. по: Средние века, вып. 19. М., 1961, с. 11.
- ³⁷ См. Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 102.
- ³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 102.
- ³⁹ Там же, с. 41.
- ⁴⁰ Там же, с. 102.
- ⁴¹ Там же, с. 105—106, 127.
- ⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418; см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 375.
- ⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 45, с. 82.
- ⁴⁴ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 352.
- ⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 497.
- ⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 496.
- ⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 277.
- ⁴⁸ Там же, с. 279.
- ⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 57.
- ⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 176.
- ⁵¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 321; т. 35, с. 112—113.
- ⁵² Плеханов Г. В. Сочинения, т. XXIII. М.—Л., 1926, с. 91; см. также: Далин В. М. Французские историки эпохи Реставрации. — В кн.: Маркс-историк. М., 1968.
- ⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 125.
- ⁵⁴ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 20.
- ⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 485; см. также с. 188—189.
- ⁵⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 505—506; т. 32, с. 351; т. 35, с. 135.
- ⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 176.
- ⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 498.
- ⁵⁹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 379; см. также с. 308.
- ⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 329.
- ⁶¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 424; см. также т. 35, с. 105.
- ⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 37; см. также т. 22, с. 215—218; т. 38, с. 97—98.
- ⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 26, а также т. 22, с. 223—224.
- ⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 109.
- ⁶⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 384; см. также т. 21, с. 61—63, 139—140.
- ⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 125; см. также с. 129,

Часть III

Глава I

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139; см. также: Григорьян Т. Г. Общественно-экономические формации как ступени общественного прогресса. М., 1971; Общественно-экономические формации. Проблемы теории (статьи Г. Е. Глезермана, Е. М. Жукова, Ю. И. Семенова, Х. Н. Момджяна и др.). М., 1978.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 371.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 445.

⁴ См. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, с. 24—28, 69—78, 85—86; Митев П. Взгляните на Маркс и Энгелс за периодизациата на историята.— В сб.: Энгелс и съвременното научно знание. София, 1971; Engelberg E. Zu methodologischen Problemen der Periodisierung.— In: Probleme der Geschichtsmethodologie. Berlin, 1972.

⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 105—108, 165—169, 183—187, 291—295; т. 21, с. 175.

⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 13, с. 7; т. 46, ч. 1, с. 462—464; т. 20, с. 184—185. Проблема азиатского способа производства до настоящего времени является дискуссионной в марксистской исторической науке. По-разному интерпретируются и взгляды Маркса и Энгельса на этот счет. Существует, в частности, мнение, что Маркс выдвинул положение об азиатском способе производства как гипотезу, от которой позднее сам отказался (см., например, Никифоров В. Н. Восток и всемирная история, изд. 2. М., 1977), или что он под этим способом производства понимал своеобразную для восточных стран разновидность рабовладельческих и феодальных отношений, их низшую, слабо развитую форму (см. Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971). Высказывалось предположение и об упрощении Марксом этого понятия в разном смысле — и как синонима первобытнообщинного строя («первобытного коммунизма») и для обозначения особого — восточного, патриархального — уклада в рамках раннеклассового общества (см., например, Марксистская философия в XIX веке, кн. I. М., 1979, гл. 9, с. 414). Значительная часть ученых, однако, рассматривает азиатский способ производства как особую общественную формацию, стадияльно занимающую промежуточное место между первобытным и рабовладельческим обществами (см. Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину.— Народы Азии и Африки, 1965, № 2 и 3; Столяров П. П. Вопросы теории и исторического развития форм собственности в работах К. Маркса. Киев, 1970; Sur le «mode de production asiatique», 2-ème edition. Paris, 1974; Тёкеи Ф. К теории общественных формаций. М., 1975; Платонов Д. Н. Некоторые проблемы концепции азиатского способа производства в работах К. Маркса и Ф. Энгельса.— В сб.: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М., 1978.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 155.

⁸ См. Полуэктов Л. Ф. Вклад Ф. Энгельса в создание теории некапиталистического пути развития.— В сб.: Ф. Энгельс и общественные науки. Томск, 1971.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 573.

¹⁰ См. *Селезнев М. А.* Социальная революция. М., 1971; *Крапивинский С. Э.* К анализу категории «социальная революция». Волгоград, 1971.

¹¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 108, 127, 143, 162—163.

¹² См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 345—346.

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. III, с. 490. О толковании В. И. Лениным понятия «эпоха» см.: *Жуков Е. М.* Критерии периодизации истории. — *Общественные науки*, 1979, № 4.

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 728.

¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 285.

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 212.

¹⁷ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 380.

¹⁸ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 310; см. также т. 2, с. 243—259; т. 4, с. 326—327.

¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 34.

²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 7.

²¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 119; см. также т. 4, с. 297; т. 6, с. 148; т. 12, с. 630.

²² См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 35.

²³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 527.

Глава 2

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 512. Помимо указанной в примечаниях 9 и 11 к главе 5 первой части книги литературы см. также: *Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса.* М., 1972; *Итс Р. Ф.* Ф. Энгельс о первобытнообщинном строе. — В сб. *Фридрих Энгельс — великий мыслитель и революционер.* Л., 1972; *Кнышенко Ю. В.* История первобытного общества. Курс лекций. Ростов-на-Дону, 1973; *Горемыкина В. И.* История первобытного общества. Минск, 1973; *Перицц А. И., Монгайт А. Л. и Алексеев В. П.* История первобытного общества. М., 1974; *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974; *Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 496; см. также: *Клейн Л. С.* Фридрих Энгельс как исследователь раннегерманского общества. — *Советская этнография*, 1970, № 5.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 486. Нет необходимости останавливаться на тех необоснованных упреках в отходе якобы от исторического материализма, которые в свое время бросались в адрес Энгельса по поводу его взглядов на роль биологического фактора, в частности на детопродводство, в первобытном обществе и народническим социологом Н. К. Михайловским, и «ортодоксальным марксистом» К. Каутским (см. *Каутский К.* Размножение и развитие в природе и обществе. Харьков, 1923). Ложность подобных обвинений еще в 1894 г. была убедительно показана В. И. Лениным (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 146—150).

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 39; см. также: *У истоков человечества (Основные проблемы антропогенеза).* М., 1964; *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М., 1966; *Ефимов Ю. И.* Специфичность закономерностей антропосоциогенеза. — *Вопросы философии*, 1969, № 7; *Алексеев В. П.* Теоретическое наследие Энгельса и антропологическая наука. — *Советская этнография*, 1971, № 2.

⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 43, 52, 98 и др.

⁷ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 328—329.

⁸ Помимо указанных выше работ о современных дискуссиях по проблемам истории первобытного общества см.: *Косвен М. О.* Матриархат. История проблемы. М.—Л., 1948; Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. I (статьи Л. В. Даниловой, Н. Б. Тер-Акопяна, Ю. И. Семенова, Н. А. Бутинова, В. Р. Кабо, В. М. Бахта). М., 1968; *Файнберг Л. А.* Возникновение и развитие родового строя.— В кн.: *Первобытное общество. Основные проблемы развития.* М., 1975.

⁹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 50, 53.

¹⁰ Там же, с. 140.

¹¹ См. там же, с. 156—173.

¹² См. там же, с. 164, а также с. 107, 127; см. также: *Авдиев В. И.* Военная демократия и классовый характер древнейшего государства.— *Вопросы истории*, 1970, № 1; *Хмелинский В. М.* О понятии «военная демократия».— *Советская этнография*, 1973, № 4.

¹³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 175.

¹⁴ См. *Коростовцев М. А.* Некоторые теоретические аспекты становления классового общества.— *Народы Азии и Африки*, 1971, № 4; *Мавродин В. В., Фроянов И. Я.* Проблемы разложения первобытнообщинного строя на Руси в свете работ Ф. Энгельса.— В сб.: *Фридрих Энгельс—великий мыслитель и революционер; Становление классов и государства.* М., 1976.

¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 506; см. также: *Ковалев С. И.* Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства. Л., 1932; *Ранович А. Б.* Энгельс и историческая наука.— *Вестник древней истории*, 1940, № 3-4; *Шофман А. С.* Маркс, Энгельс, Ленин об античном обществе. Казань, 1971; *Историография античной истории.* М., 1980, гл. 4.

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 167.

¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 191; см. также с. 164—165.

¹⁸ Там же, с. 185.

¹⁹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 149.

²⁰ Там же, с. 349.

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 643.

²² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 368.

²³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 147; см. также с. 166.

²⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 181; см. также с. 647.

²⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 311.

²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 105.

²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30, с. 126; см. также т. 3, с. 208; т. 19, с. 311.

²⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 129.

²⁹ Там же, с. 147.

³⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 466; см. также т. 14, с. 25, 360—361.

³¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 472.

³² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 636.

³³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 9, с. 175, т. 21, с. 155, 349.

³⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 478.

³⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 148.

³⁶ Там же, с. 154; см. также: *Корсунский А. Р.* Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. М., 1968; *Удальцова З. В., Гутнова Е. В.* Генезис феодализма в странах Европы. М.,

1970; Гутнова Е. В. Труды Энгельса по истории раннего средневековья. — В сб.: Энгельс и проблемы истории.

³⁷ См. *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956; *Сказкин С. Д.* и *Мейман М. М.* К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства. — Вопросы истории, 1966, № 6.

³⁸ См. *Вайнштейн О. Л.* Энгельс как историк средних веков. — Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 86. Серия исторических наук, вып. 12. Л., 1941; *Гутнова Е. В.* Основные проблемы истории средних веков в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Изд. 2. М., 1970.

³⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 498.

⁴⁰ Там же, с. 341. Взгляды Энгельса на судьбы крестьянской общины в средние века подтверждены исследованиями многих историков, в том числе исследованиями представителей русской школы медиевистики — П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевского и др. Большой вклад в разработку этой проблемы внесли советские медиевисты. См., в частности: *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М. — Л., 1947; *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, и многие другие работы.

⁴¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 501, а также с. 506—508.

⁴² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 348.

⁴³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 406, 409.

⁴⁴ Там же, с. 407—408.

⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 325.

⁴⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 222; см. также: *Полянский Ф. Я.* Товарное производство в условиях феодализма. М., 1969. В книге показаны ограниченные возможности тогдашнего товарного производства, но недостаточно учтена его роль как фактора, подтачивавшего натуральное феодальное хозяйство.

⁴⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения, т. 1, с. 12; см. также: *Резун Д. Я.* К. Маркс и Ф. Энгельс о феодальном городе. — В сб.: Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск, 1976. Советской наукой обстоятельно исследованы проблемы истории средневекового города как на Руси (работы М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова и др.), так и на Западе (работы В. В. Стоклицкой-Терешкович, Я. А. Левницкого, В. И. Рутенбурга, М. Я. Сюзюмова, С. М. Стама и др.).

⁴⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 425; т. 20, с. 108; см. также т. 4, с. 47—48; т. 19, с. 192; т. 20, с. 106; т. 21, с. 312; см. также: Социальная природа средневекового бюргерства. М., 1979.

⁴⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 282.

⁵⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 355, 413; т. 21, с. 314; т. 37, с. 267; т. 39, с. 399.

⁵¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 468.

⁵² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 411.

⁵³ Там же, с. 417.

⁵⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 125—126.

⁵⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 417; см. также: *Сказкин С. Д.* Проблема абсолютизма в Западной Европе. — В кн.: *Сказкин С. Д.* Избранные труды по истории. М., 1973; *Люблинская А. Д.* К вопросу о классовой природе французского абсолютизма. — Новая и новейшая история, 1979, № 4.

⁵⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 409—410.

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 572.

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 418.

⁵⁹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 154, а также т. 14, с. 130; т. 19, с. 339; т. 20, с. 501. См. также: Заборов М. А. Крестьянские походы. М., 1956.

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 558; см. также: Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968; Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма (доклады А. Н. Чистозвонова и М. А. Барга). М., 1969; Проблемы генезиса капитализма. М., 1970; Проблемы генезиса капитализма (статьи А. Н. Чистозвонова, Н. М. Мещеряковой и др.). М., 1978; *Dobb M. Papers on Capitalism, Development and Planning*. New York, 1970.

⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 479.

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 408.

⁶³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 170—171; т. 20, с. 172; см. также: Драбкин Я. С. Нерешенные проблемы изучения социальных революций. — В сб.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969; Чистозвонов А. Н. О стадийно-региональном изучении буржуазных революций XVI—XVIII веков в Европе. — Новая и новейшая история, 1973, № 2; Барг М. А. Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI—XVIII вв. — Вопросы истории, 1975, № 9; *Studien zur vergleichenden Revolutionsgeschichte 1500—1917*. Berlin, 1974

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 47.

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 602; «juste-milieu» — «золотая середина».

⁶⁶ Цит. по сб.: Из истории марксизма, с. 187.

⁶⁷ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 459—462; т. 22, с. 436—437.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 330; см. также т. 19, с. 228.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 303; см. также т. 22, с. 298—299; см. также: Башкатова З. В. К. Маркс и Ф. Энгельс о мануфактуре. — В сб.: Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск, 1976.

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 106—107, а также т. 21, с. 309.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 271.

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 474.

⁷³ Там же, с. 326. См. также: Мещерякова Н. М. Пролетариат Англии в процессе формирования (первая половина XVIII в.). М., 1979.

⁷⁴ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 213—216; т. 21, с. 342—347. См. также: Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции, т. I. М., 1971; Носов В. П. К. Маркс и Ф. Энгельс о первой промышленной революции. — В сб.: Вопросы философии и социологии. Вып. IV. Л., 1972.

⁷⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 672—673; т. 25, ч. I, с. 133—134, 480—481; ч. II, с. 32, 484—486; см. также: Леонтьев Л. А. Энгельс и экономическое учение марксизма. М., 1965; Мальши А. И. Ф. Энгельс и пролетарская политэкономия. М., 1970.

⁷⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 288—290.

⁷⁷ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 337, 342—343.

⁷⁸ См. там же, с. 272—285, 326—341; см. также: Давидюк Г. П.

Социологические методы исследований рабочего класса Ф. Энгельсом. — В сб.: Фридрих Энгельс и современная идеологическая борьба. Минск, 1972.

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 504; см. также: Могильницкая К. И. Ф. Энгельс об исторических судьбах крестьянства. — В сб.: Ф. Энгельс и общественные науки. Томск, 1971.

Глава 3

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 548.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 288.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 138—139.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 534.

⁵ Там же, с. 544.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361; см. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964; Чистозвонов А. Н. Европейский крестьянин в борьбе за землю и волю. — Средние века, вып. 39. М., 1975; Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. Berlin, 1975.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 517.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 33.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 325.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 362—363.

¹¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 417. См. литературу, указанную в примечании 4 к главе 3 первой части, а также: Смирин М. М. и Чистозвонов А. Н. Научная конференция «Крестьянская война в Германии 1524—1525», Эрфурт 6—8 ноября 1974 г. — Средние века, вып. 39. М., 1975; Brendler G. Zur Auffassung von Reformation und Bauernkrieg bei Friedrich Engels. — In: Evolution und Revolution in der Weltgeschichte, Bd. 1. Berlin, 1976.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 180.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 357.

¹⁴ Там же, с. 402.

¹⁵ Там же, с. 357.

¹⁶ См. там же, с. 432, а также: Бартель Х. Исторические традиции и уроки Великой крестьянской войны. — В кн. Ежегодник германской истории 1976. М., 1977; Krause F. Bauernkrieg — «radikalste Tatsache der deutschen Geschichte». — Marxistische Blätter, 1975, N 2; Steinmetz M. Der geschichtliche Platz des deutschen Bauernkrieges. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1975, N 3.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 355.

¹⁸ Там же, с. 424.

¹⁹ Там же, с. 435.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 308.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 644.

²² Ленин В. И. Конспект «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883». Изд. 2. М., 1968, с. 7.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 126, 267.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 45.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 548.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 382; см. также: Колесов В. П. Ф. Энгельс и проблемы национально-освободительного движения. — Вестник Московского университета. Экономика, 1970, № 5.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 363—364.

- ²⁸ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 131, а также с. 146.
- ²⁹ Там же, с. 208.
- ³⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 30.
- ³¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 172.
- ³² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30, с. 196.
- ³³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 320.
- ³⁴ Там же, с. 312.
- ³⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 14, с. 176.
- ³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 422; см. также г. 22, с. 382.
- ³⁷ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 593.
- ³⁸ См. там же, с. 222.
- ³⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 188—189.
- ⁴⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 468.
- ⁴¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 523.
- ⁴² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 261—262.
- ⁴³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 352.
- ⁴⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 559.
- ⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 43, с. 351, см. также с. 385.
- ⁴⁶ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 303 и 305, а также с. 507.
- ⁴⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 333.
- ⁴⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 508, см. также т. 4, с. 491—494; т. 35, с. 222.
- ⁴⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 487—488.
- ⁵⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 35, с. 280.
- ⁵¹ Там же, с. 281.
- ⁵² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 393.
- ⁵³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 416.
- ⁵⁴ Там же, с. 412.
- ⁵⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 43, с. 387.
- ⁵⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 35, с. 297.
- ⁵⁷ См. *Заборов М. А., Хасина Г. В.* К предьстории Марксовой концепции пролетариата («Рабочий вопрос» в науке и публицистике 30—40-х годов XIX в.). — В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977.
- ⁵⁸ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 201—204.
- ⁵⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 9.
- ⁶⁰ См. *Лавровский В. М., Семенов В. Ф.* Историкография чартистского движения. — В сб.: Чартизм. М., 1961.
- ⁶¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 463, см. также с. 461.
- ⁶² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 433.
- ⁶³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 305.
- ⁶⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 293.
- ⁶⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 170; см. также: *Кунина В. Э.* Карл Маркс и английское рабочее движение. М., 1968; *Воробьев В. И. К.* Маркс и Ф. Энгельс и некоторые особенности рабочего движения в Англии в 50—60-х гг. XIX в. — Герценовские чтения, вып. XXV. Исторические науки. Л., 1972.
- ⁶⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 240.
- ⁶⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 500.
- ⁶⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 366.
- ⁶⁹ См. *Кандель Е. П.* Разработка Ф. Энгельсом проблем истории рабочего движения Германии и значение этого вклада для борьбы против буржуазных и реформистских концепций. — В сб.: Энгельс и проблемы истории.

⁷⁰ См. *Кунина В. Э.* Фридрих Энгельс — историк рабочего и социалистического движения Англии; *Аскольдова С. М.* Американское рабочее движение в работах Энгельса. — В сб.: Энгельс и проблемы истории, а также: *Мочалов Л. В.* Марксистско-ленинская оценка фабианского социализма. М., 1976.

⁷¹ См. *Кандель Е. П.* Ф. Энгельс и социалистическое движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 80—90-х годах XIX века. — Советское славяноведение, 1970, № 6.

⁷² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 100.

⁷³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 363.

⁷⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 305, а также т. 40, с. 290.

⁷⁵ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 538.

⁷⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 35, с. 312.

⁷⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 189.

З а к л ю ч е н и е

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 93.

² См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения, т. 1, с. 34.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 371.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Часть I	
ЭТАПЫ ТВОРЧЕСТВА ЭНГЕЛЬСА КАК ИСТОРИКА . .	11
Глава 1	
Путь к материалистическому пониманию истории —	
Глава 2	
С новых методологических позиций	39
Глава 3	
Развитие Энгельсом марксистской исторической науки в 1850—1873 годах	67
Глава 4	
Новый этап в исследовании всемирной истории (70-е — начало 80-х годов)	110
Глава 5	
Вершины творчества (разработка Энгельсом проблем истории в 1883—1895 гг.)	131
Часть II	
РОЛЬ ЭНГЕЛЬСА В РАЗРАБОТКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ . .	167
Глава 1	
Вклад в развитие исторического материализма —	
Глава 2	
Энгельс об особенностях исторической науки и исторического познания	197
Глава 3	
Энгельс и проблемы источниковедения	220
Глава 4	
Энгельс — критик буржуазной историографии	243
Часть III	
ИССЛЕДОВАНИЕ ЭНГЕЛЬСОМ УЗЛОВЫХ ПРОБЛЕМ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ	273
Глава 1	
Разработка научной периодизации истории	—

Глава 2

Освещение истории докапиталистических формаций и капитализма	285
Развитие материалистических взглядов на первобытное общество	—
Основные черты истории античного общества в освещении Энгельса	295
Энгельс об общих проблемах феодализма	306
Вклад в разработку проблем генезиса и развития капитализма	318

Глава 3

Энгельс — историк освободительного движения народных масс	335
Разработка истории революционной борьбы крестьянства и городских низов	338
Изучение истории национально-освободительных движений	348
Энгельс — историк рабочего движения	361
Заключение	383
Примечания	385

Лев Исаакович Гольман

ЭНГЕЛЬС-ИСТОРИК

Заведующий редакцией **А. Л. Ларионов**
Редакторы **Г. П. Новикова, З. В. Макарова**
Младший редактор **Т. М. Найденова**
Оформление художника **Б. Л. Резникова**
Художественный редактор **И. А. Дутов**
Технический редактор **Н. Ф. Кубракова**
Корректор **Ч. А. Скруль**

ИБ № 1176

Сдано в набор 5.05.83. Подписано в печать 04.01.84. А-09602. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Литер. гарн. Высокая печать. Усл. печ л. 21,84. У.ч.-изд. л. 24,56. Усл. кр.-отт. 21,84. Тираж 30000 экз. Заказ 58. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Мысль», 117071, Москва В-71, Ленинский пр., 15.

Набрано в типографии им. Котлякова издательства «Финансы и статистика» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191023, Ленинград, Д-23, Садовая, 21.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

1990

Л. И. ГОЛЬМАН ЭНЦИКЛЮПС • ИСТОРИК